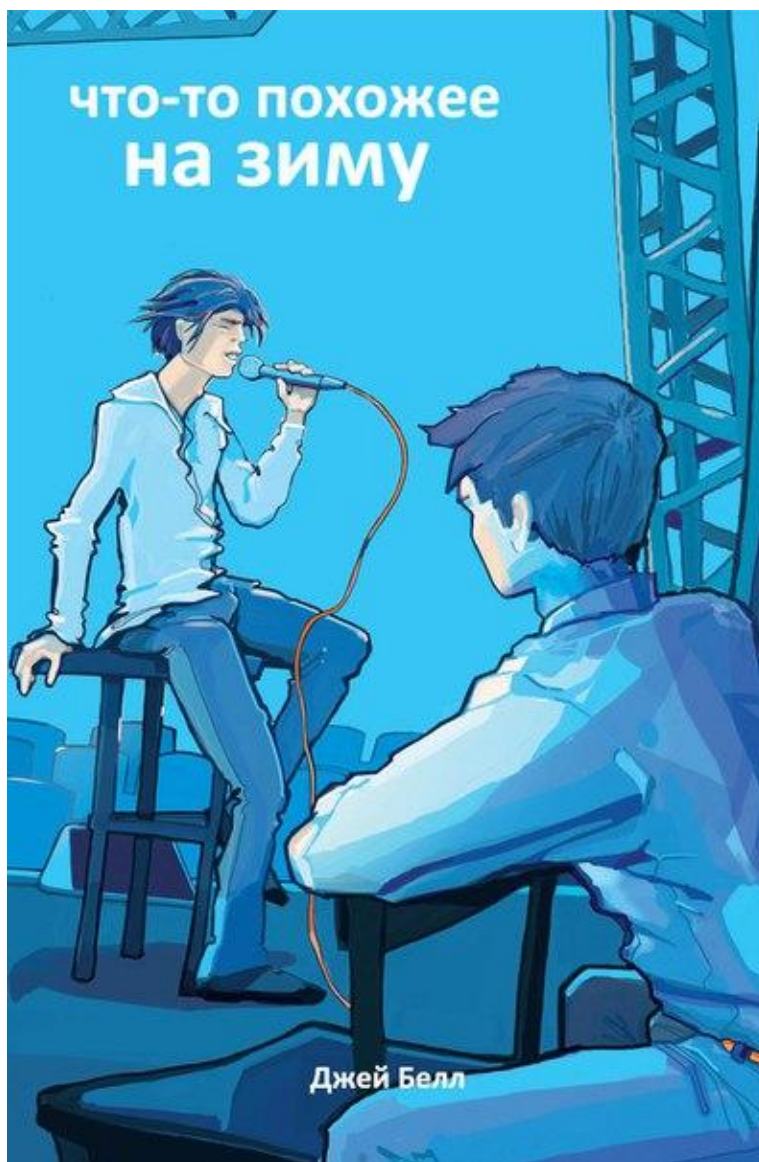

Джей Белл

"Что-то похожее на зиму"

Серия: *Что-то похожее* (книга 2)

Автор: Джей Белл

Название на русском: Что-то похожее на зиму

Серия: Что-то похожее

Перевод: rograd

Сверка: helenaposad

Бета-коррект: AmayDgunco

Редактор: Amelie_Holman

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

В каждой истории есть две стороны. Когда ты Тим Уаймэн, иногда стороны три. Тим надеялся, что переезд в Техас будет означать новое начало, шанс раскрыть крылья, но вскоре он обнаружит, что следует по той же скучной схеме. До тех пор, пока не встречает безрассудно храброго Бенджамина Бентли. Внезапно Тиму открывается совершенно новый мир - любовь, секс, тепло... дом. Уверенный, что общество не поймёт их с Беном, Тим пытается защитить их отношения, даже если это означает искажение правды. Пока его ложь медленно отталкивает Бена, Тим узнаёт, что величайший враг может появиться изнутри. Тиму придется выбраться на поверхность из-под десятилетия лжи в надежде научиться летать.

"Что-то похожее на зиму", дополнительный роман к книге "Что-то похожее на лето", рассказывает историю с позиции Тима Уаймэна, теперь раскрывая частные моменты и личные путешествия.

Часть первая:

Канзас, 1996 год

Глава 1

Это история моего каминг-аута. Нет, это слишком просто. Это история мужчины, в которого я влюбился, героя, который потянулся ко мне много назад и перевернул мою жизнь. Впервые я встретил Скотта, своего мужа, на рождественском корпоративе. Достаточно странно, эта вечеринка была в мой первый день на работе. Рекламное агентство потеряло своего начальника отдела кадров и в середине декабря поторопило меня занять его место. По графику я должен был начать со следующей недели, но мой новый босс настоял, чтобы я посетил праздничные мероприятия. Там я и встретил Скотта.

Забудьте о любви с первого взгляда. Моим первым впечатлением была ненависть к этому парню. Скотт продолжал на меня поглядывать. Я думал, что он оценивает меня, сравнивает со специалистом, место которого я занял. После пары бокалов горячительного я почувствовал раздражение и решил уставиться на него в ответ. И тогда я понял. Может быть, я не называл это гейским, гомосексуальным, или каким-либо другим, но я понял, что хочу быть с ним, и по огню в его глазах я мог сказать, что он хочет того же. Я не горжусь этим признанием, но первый раз, когда я когда-либо занимался сексом с другим мужчиной, был той ночью в...

- Готов идти?

Тим Уаймэн засунул журнал обратно на полку, как раз в тот момент, когда его мать вышла из-за угла. Он уже чувствовал, как горит его лицо, пока она смотрела туда, куда он не стал бы - обратно на полку. К счастью, он стоял в отделе мужских интересов, который, помимо нескольких гей-журналов, по большей части был о

тренировках, здоровье и моде. Почти на всех обложках были полуголые мужчины, так что гейские не особо выделялись.

Если только он не поставил журнал не туда или оставил отпечатки пальцев на скользкой обложке. Чёрт!

- Нашла что-нибудь хорошее? - спросил её Тим, с успехом отвлекая внимание.

Элла Уаймэн подняла две книги в бумажном переплете - одну тонкую, другую толстую. Обе с испанскими заголовками на обложках.

- Достаточно, чтобы сделать поездку немного более сносной. А ты?

- Нет. Я, наверное, просто послушаю музыку.

- Хорошо. Что ж, я собираюсь на кассу. Ты идёшь?

- Ага.

Как только она отвернулась, Тим ещё раз взглянул в сторону журналов. Гейский был там, где должен был быть, слава богу. Он бросил обвиняющий взгляд на обложку. Парень на ней стоял в классической позе "мыслителя", его тело было таким же фактурным, как у знаменитой статуи. Дело в том, что модель выглядел нормальным. Именно это привлекло внимание Тима. Несмотря на то, что это был гей-журнал, парень на обложке не был женственным, одетым в кожу, раздетым во что-то женское или что-то ещё возмутительное. Он был просто парнем с завидным телосложением.

Тим последовал за мамой, просматривая витрины со скетч-буками, пока они ждали в очереди. Он выбрал маленький с простой чёрной обложкой и положил его на прилавок без необходимости спрашивать. Его мать знала, что ему нравится живопись, и также принимала эту страсть, растущую до рисования. По правде говоря, Тиму, возможно, понадобилась бы книга, чтобы писать, что он делал практически только на испанском. Он мог и разговаривать на нём, но часто чувствовал себя неловко.

Оказавшись за пределами магазина, Тим осмотрел парковку, по привычке, которую был бы рад оставить позади. Он делал это, когда заходил и покидал каждый участок, выискивая людей своего возраста, которые могли ходить в ту же старшую школу - людей, которые могли слышать. Пока школа закрыта на лето, его шансы столкнуться с кем-то были высоки. Поэтому прошлый месяц был проведён по большей части дома, но теперь прятаться бессмысленно, потому что сегодня был последний день.

- Можно мне сесть за руль, мам?

- Конечно.

Она выудила из сумочки связку ключей, Тим взял её и нажал на кнопку брелока, чтобы разблокировать двери. Через несколько минут они мчались по дороге в сторону трассы I-35, той самой, которая вскоре поможет ему убраться к чёрту из Канзаса.

- Как долго ехать до Техаса? - спросил он.

- Ох, двенадцать, тринадцать часов. Может быть, дольше, в зависимости от того, как часто мы будем останавливаться перекусить. Для твоего отца это будет изнурительно.

- Я могу вести машину часть дороги, - предложил Тима, но он знал, что отец никогда не согласится. Томас Уаймэн не пустил бы за руль и свою собственную жену. Может быть, его отец считал это слишком не мужественным. Не Тим. Он просто наслаждался тем, что сидел за рулём, и в последнее время у него было не много таких возможностей, пока он строил из себя отшельника.

Вскоре его проблемы будут оставлены далеко позади, эта мысль держала его в бодром настроении - пока они не заехали на подъездную дорожку. Дверь гаража медленно открывалась, показывая стены упакованных коробок с одной стороны, тогда-то Тим и заметил её, сидящую на ступеньках.

- О, это твоя подружка! - сказала мать.

Тим надавил на газ слишком сильно, машина дёрнулась. Мать поспешно помолилась святым на своём родном испанском, пока он брал машину под контроль, паркуясь в гараже без дальнейших инцидентов. Его руки уже были влажными от пота, когда он убрал их с руля.

- Я могу занести пакеты, - сказала мама. - Иди поговори с Карли.

- Она Карла, - отвлечённо произнёс он. Разница в одну букву, но теперь Карли звучало для неё слишком мило.

Карла по-прежнему ждала на крыльце, что было так на неё похоже, когда он повернул за угол. Ему следовало просто зайти внутрь, дать ей прождать там вечность вместо того, чтобы подходить как послушный щенок. За исключением того, что она могла позвонить в дверь и поговорить с его родителями, одному Богу было известно, что она могла им сказать.

Карла приподняла брови и с наигранной скромностью улыбнулась, милая как куколка.

Тим уставился на неё в ответ.

- Чего ты хочешь?

- Ничего, - сказала Карла, игнорируя его грубость. - Я просто пришла попрощаться. Она встала и протянула хрупкую руку.

Тим просто смотрел на неё.

- Зачем?

- Зачем? Потому что мы были вместе десять месяцев. Потому что ты был моим первым, и я никогда этого не забуду. И потому что мы любим друг друга.

- Карла, ты сказала всем, что я тебя изнасиловал!

Она пожала плечами, её изящные черты не выдавали и намёка на раскаяние.

- В любви и на войне все средства хороши.

Верно. И Карла давным-давно выиграла эту войну. Почти год назад, если быть точным. Тим встретил её прошлым летом, плывая с друзьями в общественном бассейне. Обычно Тим зависал в бассейне на своём заднем дворе, но одна из девчонок из школы узнала его, когда он проходил мимо, и позвала к себе. Тим, вместе со своим бывшим лучшим другом Броди, был рад возможности пофлиртовать. Дюжина и больше девушек отмечали день рождения. Их жаждущие лица были размытыми, пока Тим не увидел Карлу, стройную и грациозную, в чёрном бикини, что по цвету так соответствовали её волосам.

Она точно знала, что сказать Тиму, как задобрить его это настолько, чтобы заставить его хотеть дать ей больше. И он дал, эмоционально и физически, и это было по обоюдному согласию.

- Ты так и не сказал мне, почему, - сказала Карла. - Ты мне это задолжал.

- Поэтому ты пришла? Ты хочешь знать, почему я тебя отшил? Ладно. Потому что ты такая чертовски подлая.

Карла покачала головой.

- Тогда я такой не была. Я всегда относилась к тебе хорошо.

Едва ли. Правда в том, что она часто унижала его перед своими друзьями, будто он был трофеем, который она держала для престижа. Поначалу это было не такое уж большое дело. Большинство их времени вместе они проводили наедине, и в эти моменты она была очень доброй. В обществе она выгуливала его перед своими друзьями как призового питомца, что вызывало у него странное чувство гордости, пока её комментарии не стали больше критичными, чем хвалебными.

И конечно, были и другие причины, по которым Тим бросил её. Например, её брат, у которого были такие же тёмные глаза, какие сейчас были сосредоточены на нём, ожидая ответа.

- Знаешь, что? - сердито произнёс Тим. - Неважно, почему. Ты показала своё истинное лицо, когда мы расстались. Ты разрушила мою жизнь!

Карла закатила глаза.

- Перестань так драматизировать. Я ведь не пошла в полицию.

- А могла бы с тем же успехом сходить. Я потерял всех своих друзей. Вся грёбаная школа отвернулась от меня! Даже Броди больше со мной не разговаривает.

- Возможно, потому, что он слишком занят, пытаюсь забраться ко мне в трусики.

- Да, продолжай сыпать соль на раны. Только потому, что это правда, не значит, что обязательно это говорить.

- Ладно. - Карла сделала шаг навстречу и накрыла ладонью его руку. - Мне жаль, ладно? Я злилась. Но это наш последний день вместе. Нам обязательно ругаться?

Её взгляд опустился по его лицу, переместившись на шею, плечи и грудь. Это было тем, к чему Тим привык, не только от Карлы, но и от незнакомых. Он многим обязан своим родителям за гены, которые они ему передали. От матери он унаследовал латиноамериканский цвет кожи - достаточно светлый, чтобы по ошибке принимать его за загар - и шелковистые чёрные волосы. Серебристые глаза от его отца притягивали большинство комплиментов. Строение мускулатуры тоже пошло от него. Тим знал, потому что рядом с кроватью его мать держала фотографию Томаса с дней университетской гребли, где он был как никогда бледен, волосы начали сесть даже тогда, но руки были рельефными от усилий. Без сомнений, эти мускулы завоевали его мать, также как телосложение Тима впечатлило Карлу.

Прямо сейчас Тим обменял бы свою внешность на жировые складки и угри. Он не мог сосчитать, сколько раз Карла говорила о детях, которые у них будут, перемешивая их черты, чтобы спроектировать идеального ребёнка. Её тёмные глаза, его оливковая кожа. Его нос, её улыбка. На один пугающий момент, он задумался, не по этой ли причине она была сейчас здесь. Одна последняя попытка для крохотных версий Карлы и Тима. Ладонь на его руке была тёплой, практически горячей, поэтому он отстранился.

- Я не буду оглядываться, - сказал он. - Как только я окажусь в Техасе, я забуду тебя. К этому времени завтра ты перестанешь быть даже воспоминанием.

- Я тебе не верю.

- Нет? С чего вдруг мне тебя помнить? Ты никогда ничего для меня не значила.

На лице Карлы наконец отразилась злость, делая его каким угодно, но не симпатичным. Тим обошёл её, желая уйти, прежде чем полетят любые ядовитые слова, которые она готовила. Он попытался открыть входную дверь. Дурацкий замок был заперт, так что он нажал на дверной звонок.

- Полагаю, я просто пойду к Броди, - сказала Карла.

Она не разозлила его. Сейчас Тиму было по барабану, с кем она трахается. Его мама выглянула через боковое окно, и он одними губами попросил её открыть дверь. Поскорее, чёрт побери!

- Тогда прощай, - сказала Карла. - Я обязательно расскажу своему брату, что он был прав насчёт тебя.

Тим застыл. Его мама открыла дверь и поприветствовала Карлу, которая ответила приятным тоном, контрастирующим с её змеиным языком. Тим был в ужасе, что она скажет больше, сбросит бомбу, которая проследует за ним до Техаса, но он зашёл внутрь и захлопнул дверь, прежде чем успело произойти худшее.

- Ты в порядке, Гордито*? (* Гордито - от испанского "миленький пухленький мальчик").

- В норме, - сказал Тим. Его мать сочувственно улыбнулась, неверно истолковав его тревогу. Ему хотелось избавиться от неё, прежде чем она скажет что-нибудь доброе о ведьме снаружи. - Я проверю, чтобы всё в моей комнате было упаковано.

Как только поднялся наверх, Тим пошёл в кабинет своего отца и выглянул через занавески на подъездную дорожку. Карла ушла. Выдохнув с облегчением, Тим попытался вытеснить её из своих мыслей, но эти тёмные глаза вернулись, чтобы ещё раз помучить его. Затем он понял, что этот пронизывающий взгляд в его разуме принадлежит не Карле, а её брату.

- Можешь поцеловать меня, если хочешь.

Тим расхаживал по своей практически пустой комнате, раздражённый из-за недостатка отвлечения. Надувной матрас, который его мать купила для этого случая, одеяло и подушка - вот всё, что осталось. Единственными знаками, которые остались от его мира, были потёртости на пустых стенах и клочки притоптанного ковра, где однажды стояла мебель. Ему некуда бежать. Никаких книг, музыки или телевизора - даже его мастерской. Его дом был полностью опустошён, теперь будучи пустым от всего, кроме воспоминаний.

Только призрак комнаты, в которой оказался Тим, не принадлежал этому дому. Воспоминание перенесло его в комнату Кори, это место было на грани преобразования, как и его обитатель. Детские игрушки соперничали с постерами девушек в бикини на стене. Диски саундтреков Диснея были перемешаны с группами стиля «грандж». Плюшевые животные и дизайнерская одежда мешались в кучу на полу. Не самое крутое место для тусовок, но Тим был счастлив сбежать с вечеринки. И от Карлы.

- Иди наверх и проверь моего надоедливого брата, - рявкнула она на него, когда он предложил принести ей выпить.

Тим счастливо подчинился, потому что в тот вечер чувствовал, будто едва может дышать. Комната её брата была идеальным убежищем. Кори было четырнадцать лет, и его мир по-прежнему по большей части вращался вокруг видеоигр и мультиков, но он менялся. Совсем недавно его очки сменились контактными линзами, открыв его глаза, которые подходили по цвету к глазам его сестры, такие тёмные, что зрачки практически терялись.

Пока родителей не было в городе, и никому из друзей не было разрешено приходить, Кори был рад компании. Он даже выключил свои игры и сосредоточился на Тиме, наблюдая за ним с явным восхищением, пока Тим грел в руках пиво. Час прошёл с лёгкостью. Они хвастались, смеялись и болтали, Тим задавался вопросом, так ли всё, когда у тебя есть брат. Затем Кори произнёс эти сумасшедшие слова, которые по-прежнему преследовали его.

- Можешь поцеловать меня, если хочешь.

Усмешка Тима покинула корабль. Может быть, басы, гремящие внизу, повлияли на его слух.

- С чего бы мне этого хотеть? - ответил Тим.

Лицо Кори осунулось, чего было достаточно, чтобы Тим пошёл на попятную.

- Мне почти семнадцать, - вяло продолжил он, - и ты... я встречаюсь с твоей сестрой!

- Я ей не расскажу. - Лицо Кори осветила надежда, будто было место переговорам. - Я никому никогда не расскажу.

Со слов Кори это звучало как игра, секрет, который хранят парни. Это как рассказать своему лучшему другу о девушке, с которой ты хочешь замутить, или об этих дерьмовых моментах, когда ты плачешь, или о чём-то таком уязвимом. Но целовать друг друга? Такие секреты парни не хранят. Так ведь?

Эти тёмные глаза, так похожие на глаза его сестры, смотрели и ждали, пока Тим отдаст распоряжение. Что, если бы он сказал "да"? Наклонился бы Тим вперёд, или Кори подошёл бы к нему? Он никогда не узнает, потому что Тим встал и пошёл к двери. Когда он повернулся, на лицо Кори вернулась боль, и Тим не мог вот так его оставить.

- Любой был бы счастлив поцеловать тебя, Кори. Просто... Твоя сестра никогда бы меня не простила.

Когда Тим вернулся вниз, то практически пожалел, что не сделал этого, просто назло ей.

- Где ты был, чёрт побери? - с испепеляющим взглядом спросила Карла.

- Я просто был наверху, пытался выяснить, хочу растлить твоего брата или нет.

Конечно, Тим на самом деле не сказал этого. С воспоминанием можно было поиграть, перекрутить, чтобы оно подошло его нуждам. Когда Тим плюхнулся на надувной матрас, то подправил ещё одно воспоминание. Что, если бы сегодня на крыльце сидел Кори? Никаких родителей дома, никаких гадких отношений с сестрой Кори, только они одни, с одним последним повторением сумасшедшего предложения.

- Можешь поцеловать меня, если хочешь.

Глава 2

Страницы маленького скетчбука, казалось, невозможно было заполнить, пока мимо пролетал пейзаж Оклахомы. Не то чтобы пейзаж был живописным, смотреть было не на что. Тим вырос в Канзасе, привыкший к горизонтам, заполненным фермами, а также жилыми комплексами и торговыми центрами. По сравнению с этим Оклахома казалась пустынной, так что Тим пытался создать на бумаге более интересные миры, но скетчи не были его сильной стороной.

Создавая искусство, он находил ручку раздражающей, она уродливо царапала по сравнению с шелковистым движением кисти для рисования. Чернила были неподвижными, постоянными и обрекали на неудачу, как только оказывались на бумаге. Густую каплю краски можно было лепить, скоблить и двигать. Больше всего он скучал по цветам, сырым оттенкам. Маркеры, мелки и различные чернила - Тим пробовал их все, но ничто не было достаточно насыщенным и не говорило с его душой так, как делала это краска.

Внедорожник свернул направо, замедляясь, пока его отец вёл машину вниз по съезду с основной дороги. Тим отбросил скетчбук в сторону. Ему удалось набросать пару эскизов, но они останутся каракулями, пока не покажутся грузчики с его художественными принадлежностями.

- Где мы?

Ни один из родителей не ответил с передних сидений, так что Тим смотрел в окно, пока не заметил магазины и автомобильные салоны, которые подсказали место расположения: Город Оклахома. Они вернулись в цивилизацию.

- Это похоже на милый ресторан, - произнесла на светофоре мать.

Глаза отца встретились с глазами Тима в зеркале заднего вида. О чём он думал? Что родители обычно ужинают одни? Что будет неловко иметь рядом Тима за ужином, который обычно бывает романтическим?

- Томас, - поторопила мать Тима.

- Мы успеваем, Элла. После того, как заполним бак, купим какого-нибудь фаст-фуда на пути из города.

- Что ж, всё равно останови там, чтобы я могла сходить в уборную. По крайней мере, там будет чисто.

Тим вернул внимание обратно к внешнему миру. Когда машина припарковалась, и его мать вышла, ему стало комфортнее наблюдать за людьми, чем встречаться лицом к лицу с тишиной в машине. В любом случае, о чём бы они говорили? Кроме спорта, конечно, но Тим не был в настроении для этого.

Включилось радио, голоса бормотали что-то снова и снова, а не пели. Томасу нравились радиобеседы, мать Тима от них уставала, так что сейчас у отца была единственная возможность. Голоса щебетали о каком-то законе о защите брака, название звучало нелепо, будто бандиты расстреляли слишком много свадеб, и теперь свадьбам нужно было военное подкрепление. Тим обратил на это больше внимания, когда дебаты стали накаляться.

- Это не двухпартийная проблема, - спорил один голос на радио. - Президент Клинтон сам сказал, когда у него брали интервью для гей-журнала "Адвокат": "Я продолжаю выступать против однополых браков. Я уверен, что брак - это институт союза мужчины и женщины. Это моя устоявшаяся позиция, и она не будет пересмотрена или передумана". Так что, видите ли...

Томас выключил радио.

- Может быть, у демократов ещё есть надежда, - сказал он, пока его жена подходила к машине.

Тим не ответил.

Томас продолжил движение по улице, до ближайшей заправки. Только когда его отец закончил наполнять бак бензином и пошёл расплатиться, мать Тима развернулась на сидении лицом к нему. Она всегда была такой. Её муж был сосредоточением её мира. Тим восхищался её преданностью, в каком-то смысле, но это всегда выходило ему боком. Раздражение, должно быть, отразилось на его лице, потому что она ответила на это.

- Будут другие девушки, - сказала Элла. - Я знаю, оставлять свою девушку позади может быть тяжело, но ты молод и красив.

Она могла быть ещё более бестолковой? Тим был уверен, что сказал ей, что они с Карлой расстались. Как только Карла начала распускать слухи, Тим только и делал, что слонялся без дела по дому. Как его родители могли это пропустить? Они не почувствовали его облегчения, когда объявили о переезде в Техас?

Нельзя было подобрать время лучше, не то чтобы два события были связаны. Его отец хотел разобраться с южным отделом своей компании, региональный менеджер был уволен по заявлению о хищении денежных средств. Элла работала переводчиком на компанию, филиалы которой располагались по всей стране, так что для неё переезд не был затруднительным. Если его родителям и было интересно, что Тим думает о том, чтобы перевестись в старшей школе, они не удосужились спросить.

- Ты же знаешь, я ненавижу, когда ты выглядишь грустным, Гордито.

Тим вздохнул, его злость испарилась. Его мама ненавидела видеть его несчастным. Когда она не была занята мужем, например, когда Томас уезжал из города по делам, она одаривала вниманием Тима. Её изящные ресницы трепетали в его сторону, как было сейчас, и она улыбалась до тех пор, пока он не сдавался и не присоединялся к ней. Затем она нянчилась с ним, будто он по-прежнему был ребёнком, и относилась к нему как к самому важному человеку в мире. Тим прощал её за все одинокие дни, когда он чувствовал себя ненужным.

Он заставил себя улыбнуться.

- Я в порядке.

- Переезжать всегда тяжело, - сказала Элла. - Когда я решила вернуться обратно сюда с твоим отцом - ох, у меня чуть не разбилось сердце! Ты всегда видишь по телевизору мексиканцев, жаждущих попасть в США. Это не я. Это было самым трудным решением, которое я когда-либо принимала.

Тим мог бы посочувствовать. Его родители каждые пару лет ездили в Мехико, и только на эти поездки они брали с собой Тима. Это все было связано с его бабушкой, морщинистой старой женщиной, которая провела всю жизнь на солнце. Она настаивала на встрече с внуком. В тот раз, когда его не взяли, его бабушка выплюнула: "Американец", как называла его отца на саркастичном английском с заметным акцентом. Она была такой же темпераментной и энергичной как город, в котором жила, и Тим обожал их обоих.

- Слишком плохо, что мы не можем переехать туда, - сказал он. - Папа не мог бы ездить на работу из Мехико?

Глаза Эллы загорелись от этой идеи, и она рассмеялась. Затем водительская дверь открылась, и её голова повернулась обратно к мужу. Его родители спорили о выборе ресторанов фаст-фуда, забыв о Тиме до тех пор, пока не пришло время делать заказ. Он хотел себе бургер без огурцов и лука, и когда они подъехали к окошку, им сказали проехать вперёд и подождать, пока готовится их заказ. Глаза его отца снова встретились с его глазами в зеркале заднего вида, казалось, обвиняя его за неудобства, пока Элла не заполнила тишину.

- Мы должны помолиться, прежде чем продолжим путь.

- Мы делали это перед тем, как поехали, - пожаловался Тим.

- И до сих пор все прошло безопасно.

Элла закрыла глаза и сложила руки, её муж сделал то же самое, когда она начала свою любимую испанскую молитву. Тим наблюдал за ней. Она не давила насчёт религии. Её преданность была такой сильной, что она полагала, всё разделяют её веру. Никого не нужно было обращать в католицизм, потому что в её разуме все уже принадлежали Богу, так или иначе.

Даже когда Тим отказался дальше ходить в церковь, она просто сказала, что будет молиться за них обоих - что Бог всегда с ним, независимо, ходит туда Тим или нет. Для его мамы даже салон внедорожника мог стать церковью, бежевые кожаные сидения превращались в скамьи, приборная панель - в алтарь.

Какого чёрта. Только ради неё Тим закрыл глаза и опустил голову.

Ритм колёс изменился, отчего Тим резко проснулся. Он почмокал губами и оттянул голову от лужицы слюны. Не лучшее отношение к кожаным сидениям, ну да ладно. Машина остановилась, мигал поворотник. Если повезёт, они наконец-то приехали. Его мать продолжала бормотать о том, как всё красиво. Тим продолжал полулежать, пока его голова прояснялась, а стояк спадал. Затем он сел и осмотрел свой новый родной город.

Вудлендс. Название звучало как загородный клуб, а не город. Что это за место? Вдохновение для названия было очевидным: деревья, деревья и больше деревьев. Если бы не редкие знаки торговых центров, они могли бы находиться посреди леса.

- Не похоже, что здесь многолюдно, - произнёс Тим достаточно громко, чтобы быть услышанным на переднем сидении.

- Людей здесь множество, - ответил его отец. - Всё за деревьями. В первый раз, когда я сюда приезжал, то не мог ни черта найти. Офисы прямо там.

Дорога устремилась направо, и на мгновение они смогли уловить взглядом парковку и заурядное офисное здание, прежде чем вернулся камуфляж деревьев. Въезжая дальше в город, они видели некоторые области, которые были более

открыты. Искусственные озёра, например, располагались рядом с парками и жилыми комплексами.

Одно было понятно наверняка - и Тим надеялся, что это последний раз, когда проклятая поговорка придёт ему на ум - он больше не был в Канзасе. Всё здесь было плоским, горизонт спрятан. Ощущение было практически клаустрофобным, но вскоре он пристрастился к этой идее. Он хотел сбежать от своей прежней жизни. Где было лучше спрятаться, как не в городе, которого не было видно?

Окрестности, куда они приехали, вписывались в анонимную тематику, дома были бездушно новыми. В некоторых, видимо, ещё не жили, часть по-прежнему строилась.

- Muu hermosa!* (* Испанский - "Очень красиво!") - с одобрением произнесла его мать, пока они заезжали на подъездную дорожку. Трёхместный гараж располагал местом для обеих машин - как только доставят машину Эллы - и для лодки его отца. Слева окна у лестницы тянулись на второй этаж, над передним крыльцом висела огромная железная лампа. На один момент "Сумеречной зоны" показалось, что дом так похож на их предыдущий в Канзасе, что Тим подумал, будто они вернулись туда. Он знал, что в этом нет бассейна, что было отстойно, но надеялся, что его комната и мастерская в подвале будут приличными.

Он помог отцу достать из багажника вещи и прошёл за ним ко входу в гараж. Тим ожидал, что внутри дома всё будет пусто, как в том, который они оставили позади. Вместо этого он обнаружил наполовину обустроенный дом. Обеденный стол без стульев уже был украшен тканевыми салфетками и цветочной вазой в центре, хоть и никто не мог там сидеть.

Другие комнаты были в похожем состоянии. В гостиной были занавески и диван, но больше ничего. Ближе к задней стороне дома, вниз по коридору и мимо гостевой ванной, была другая комната, с кожаным диваном, который пах новизной. На одной стене висел телевизор с большим экраном. С другой стороны располагался встроенный мини-бар, который просто молил, чтобы кто-нибудь смешал коктейль.

- Пожалуйста, скажи, что это моя комната, - произнёс Тим, когда вошла его мать.

- А-а. Это логово твоего отца, как он это называет, - фыркнула она. - Будто он медведь.

- Так где моё логово?

- Наверху, первая комната слева. - Элла посмотрела на стены и нетерпеливо цыкнула. - Декораторы не повесили ни единого украшения!

Он оставил мать суетиться над какими-то рамками, стоящими в углу. Вернувшись к передней части дома, Тим схватил свой чемодан и поднялся по лестнице. Во всём было это ощущение новизны, присущее только типовым домам. Ничем ещё не пользовались, будто всё это было частью какого-то странного музейного экспоната, навсегда сохраняя то, какой была жизнь в 1996-ом.

Тим сначала проверил другие комнаты. Самой большой была, очевидно, главная спальня, в другой был стильный письменный стол, а одна была совершенно пустой. Наконец, Тим прошёл в свою комнату, ощущая большее волнение из-за переезда, пока открывал дверь. Внутри стояла кровать, уже полностью застеленная, и комбинация развлекательного центра и комода, куда должен был вписаться его телевизор. Одно длинное окно обеспечивало вид на задний двор, но что оказалось лучше всего - у него был прямой доступ в свою собственную ванную. Больше не придётся каждое утро шнырять по коридору в полотенце.

Тим сел на кровать. Впервые в жизни у него была чистая доска. Он мог открыть себя заново, стать чем-то большим. Его жизнь сейчас была холстом, пустым и молящим о линиях и цветах, направлениях и глубинах. Эта комната, простое пространство и четыре стены, будет центром его нового мира, а за гранью этого -

город и незнакомые ему люди. Больше никаких знакомых улиц, обременённых именами старых друзей и уставших воспоминаний. Только свежий потенциал, который он может вдохнуть и освежить себя. Тим был на краю чего-то волнующего и нового. Жизнь станет лучше, больше, чем до этого. Он станет лучше.

Тим соскочил с кровати и бросил на матрас свой чемодан. Он набрал код, замки щёлкнули, и чемодан открылся с потоком воздуха из другого штата. Привет, Канзас. Прощай, Канзас. Открыв ящик комода, он начал распахивать свою одежду, особо осторожничая, когда добрался до футболки с завёрнутыми внутри порно-журналами. Не желая, чтобы кто-то из грузчиков их обнаружил, Тим упаковал их сам, но теперь чувствовал себя жалко, доставая из чемодана непристойности, как отчаянный разъездной торговец. Что-то за время долгих поездок всегда его возбуждало, наверное, постоянная вибрация дороги. На самом деле, он был бы не против быстро...

Дверь в его комнату открылась. Одним плавным движением Тим засунул майку с контрабандой в ящик и закрыл. Его ничего не подозревающая мама зашла и бегло всё осмотрела.

- Я говорила им, клюквенный плед, не коричневый. С чего вдруг декораторам выбирать коричневый? Клюквенный выглядел бы так хорошо в сравнении с твоими тёмными волосами.

Взгляд Эллы метался между Тимом и пледом, пока она пыталась решить, сочетаются они или нет. В зависимости от того, насколько дорогим был плед, Тим не был уверен, кто из них двоих покинет комнату.

- Эй, где дверь в подвал? - спросил он. - Я хочу проверить своё место для мастерской.

Мать отвлечённо покачала головой.

- Здесь нет никаких подвалов.

- Что? Почему у них нет подвалов?

Элла выглядела озадаченной.

- Полагаю, потому, что здесь не так много торнадо. Нет торнадо, нет необходимости прятаться в подвале, как крысы.

- Ну и где я буду рисовать? - разбушевался Тим.

- Мы найдём тебе место, Гордито, не переживай.

- Как насчёт пустой комнаты здесь наверху?

- Не глупи. Это гостевая комната. Твоя старая кровать отправляется туда.

Тим уставился на неё. Когда у них вообще были гости? У его родителей не было друзей, помимо деловых партнёров его отца и их супруг. Ни один из них не остался бы на какую-нибудь взрослую пижамную вечеринку. Он попытался представить, как его отец дерётся подушками с каким-то другим стариком в деловом костюме, и не смог.

- Если они думают, что это клюквенный, то они дальтоники, - сказала мать, вернув своё внимание к кровати.

Тим заметил в чемодане свою одежду для пробежек и схватил её. Если он не найдёт сексуального облегчения, это было следующим лучшим способом. Он спустился вниз в гостевую ванную, которая была полностью голой и должна была быть безопасной от осмотров его матери, и снял с себя одежду. Поиграв мускулами перед зеркалом, чтобы удовлетворить свой внутренний нарциссизм, он натянул тёмно-синие шорты и серую майку Университета Канзаса. Он сделал заметку позже бросить майку в мусорку, а не в корзину для грязного белья. Затем Тим сел на унитаз и надел свои синие кроссовки для бега. Через полминуты Тим был на улице, стуча подошвами по тротуару.

Наконец-то. О Боже, наконец-то! Ничто не заставляло его чувствовать себя таким сконцентрированным, таким спокойным, как заставлял бег. Не сразу, конечно, но,

когда он разогрелся, и его дыхание нашло правильный ритм, все переживания растаяли. Он слышал, что люди говорят об эндорфинах, и, может быть, именно они были частью этого, но должно было быть больше. Бег был как медитация на ходу. Тим понятия не имел, как монахи могли медитировать сидя на задницах. Ему нужно было двигаться, его тело было полностью занято делом, кожа покрывалась потом, волосы липли ко лбу. Только тогда тишина могла заполнить его душу.

Он замедлился до быстрого шага, почти против воли, и остановился. Между двумя домами была вымощенная тропа, немного шире, чем обычная дорожка. В летнем сумраке он почти ничего не видел, кроме тропы, ведущей в тень деревьев впереди. С обеих сторон тянулись заборы, означая, что дорога не могла принадлежать соседним домам. Всё ещё тяжело дыша, Тим побежал в темноту, чтобы посмотреть, что найдёт.

За следующий месяц Тим обнаружил, что за деревьями Вудлендса прятались не просто здания. По городу, как миниатюрная сеть дорог, петляли велосипедные дорожки - как их называли местные - которые обвивали окрестности, соединяя всё, от торговых центров до общественных парков.

Тим исследовал их с опаской. Единственным минусом того, что велосипедные дорожки находились повсюду, было то, что если он не будет осторожен, то может оказаться где угодно. Ближайшие к его дому вели к маленькому парку - не больше, чем игровая площадка и маленькое озеро. Тим всегда начинал пробежку вокруг этого водоёма, возвращаясь тем же путём. Каждый раз он забегал чуть дальше, исследовал дорожки чуть больше, прежде чем вернуться назад по своим следам. Если он устанет от маршрута, то выберет другую развилку и начнёт снова.

Когда его вещи были распакованы, комната обустроена, и лето приближалось к концу, Тим обнаружил в себе радость от того, что скоро начнётся школа, даже если только из-за шанса на общение. Исследовать новое окружение становилось скучно, и пока оба его родителя работали, Тим тосковал по чему-то большему.

Конечно, он по-прежнему не мог рисовать. За неделю до его дня рождения Тим решил, что с него хватит. Он поставил в гостевой комнате мольберт и захватил холст, на котором сделал грубый набросок. Никто не был в этой комнате с тех пор, как его мать закончила её обустроить. У него руки тряслись от волнения, пока он выдавливал краску на палитру, но затем снова успокоились, когда погрузил кисточку. Иногда он работал осторожно, каждый мазок приносил в реальность его видение. Сегодня это было его намерением, но как только кисть коснулась холста, его радость стала слишком велика.

Как в лихорадочном сексе после долгого периода воздержания, Тим отдался инстинктам, позволяя страсти диктовать каждое его движение. Он начал с зелёного, коричневого и белого, думая о деревьях, мимо которых бегал, и о том, как свет сочился сквозь их листья. Затем он взялся за фиолетовый, просто наобум, снова и снова протаскивая его через этот мир веток и создавая части, каждая из которых разделялась тёмными границами, как витражное стекло. Лес витражного стекла... витражный лес. Ему это нравилось.

- Тим.

Он развернулся. Обычно его мама приходила домой первой, но не сегодня. Его отец окинул взглядом окружение, беспорядок, который устроил Тим, всё, кроме самой картины.

- Твоя мать будет в ярости.

И на этом всё. Томас вышел из комнаты, без необходимости говорить большее. Тим огляделся вокруг, замечая брызги краски на ковре. Ему следовало подложить газету.

- Сюда всё равно никто никогда не заходит! - крикнул ему вслед Тим, но ответа не последовало.

Он посмотрел на картину ещё раз. Для первой попытки это было неплохо. Ему придётся пройти по фиолетовому тёмно-синим, чтобы дотянуть тематику неба, но в этом был потенциал... если он когда-нибудь найдёт место, чтобы это закончить.

На следующей неделе, будто чтобы доказать его неправоту насчёт гостевой комнаты, в гости приехали тётя Тима и её муж. Как все тётки, Эмили была нормальной. Она любила смеяться, в отличие от своего негибкого брата, но к приближению двадцать четвёртого августа Тим начал переживать. Как редкое затмение, одержимая сосредоточенность его матери на своём муже кратко приостанавливалась по одному особому случаю, однако визит его тётки угрожал разрушить это.

Как выяснилось, ему нечего было бояться.

На день рождения Тима дом заполнили воздушные шары и растяжки, превращая идеальный декор в аляповатый. Был торт и мороженое и только один подарок - но чёрт возьми - он был большим! Упакованный подарок был не больше коробочки для кольца, а внутри лежал ключ. Тим знал, что это значит. Он за секунды вылетел за входную дверь, его семья шла следом.

- Ох, вау!

Машина была гладкой и чёрной, её изгибы были созданы для минимального сопротивления воздуха. Три ромбика на капоте кричали "Митсубиси", а эта компания делала только одну спортивную машину такого тюнинга: 3000GT!

Тим подпрыгнул и ударил кулаком по воздуху.

- Чёрт побери, не могу в это поверить! - Глаза его мамы из ярких превратились в безжизненные за долю секунды. - Ох, прости, мам. Просто это так че... невероятно потрясающе! Спасибо!

- С днём рождения! - прощепетала тётя Эмили. - Мы внесли свою лепту в резиновые коврики на пол. Это просто находка для слякотного дня, поверь мне. О, и освежитель воздуха. Ха-ха!

- Только будь осторожен, - предупредил отец, но на его щеках появился румянец, возможно, из-за воспоминаний о его собственной первой машине.

- Спасибо огромное! - Тим открыл дверь с водительской стороны и запрыгнул внутрь. Он не мог достаточно быстро повернуть ключ. Двигатель взревел к жизни с дикостью, которая заставила бы льва обмочить свои мохнатые штаны. Тим проверил приборную панель и собирался подстроить сидение, когда вспомнил, что снаружи стоит его семья. Найдя правильную кнопку, он опустил окно с пассажирской стороны.

- Хотите прокатиться? - крикнул он.

Он наблюдал, как они спорят о том, кто поедет, удивившись, когда в машину к нему сел отец. Он не разрешал Тиму отвозить его куда-то с тех нескольких основных уроков в прошлом году.

- Мне нужно выполнить одно поручение, - сказал Томас.

Тим усмехнулся.

- Держись крепче!

Он включил передачу и надавил на газ, двигатель машины оказался мощнее, чем он ожидал. Он чуть не сбил какого-то парня, который таранился на него вместо того, чтобы выгуливать свою собаку. Тим не мог его винить. Машина источала чистый секс. Он повернул руль, прежде чем совершил непреднамеренное убийство, затем

промчался вниз по улице и свернул за угол, несдержанно смеясь. Когда он посмотрел на своего отца, тот изо всех сил держался за дверную ручку, будучи даже бледнее, чем обычно.

- Давай полегче, сынок!

- Прости.

Тим снизил скорость, прежде чем повернуть на главную дорогу. Это было слишком круто! Может быть, его родители были немного заняты большую часть времени, но точно знали правильный способ это компенсировать.

- Спасибо, - снова произнёс он. - Я честно не ожидал этого.

- Надеюсь, нет, - произнёс отец, но добавил: - У мужчины должна быть своя независимость. Поверни здесь. Мне нужно съездить в офис.

Тим умирал от желания притопить педаль, но не хотел, чтобы папа пожалел о том, что подарил ему такую тюнингованную машину. Он вёл себя наилучшим образом всю дорогу до непримечательного офисного здания, где располагалась компания его отца. Парковка была пустой на выходных, так что он подъехал прямо к двери. Тим хотел подождать в машине, пока отец зайдёт внутрь, не желая расставаться со своим подарком. Чёрт, сегодня он даже мог лечь спать на заднем сидении! Но его отец хотел, чтобы он тоже пошёл, так что Тим, скрепя сердце, заглушил двигатель.

Зайдя в здание, они прошли мимо зоны приёмной и ряда кабинок в коридор, где были настоящие кабинеты. Когда они дошли до двери, такой же непримечательной, как и остальные, Томас вытащил из кармана ключ и протянул его Тиму.

- Как я сказал. Независимость.

Внутренности Тима скрутило. Его отец давал ему работу. Он видел через окно в двери, что комната за ней пустая, но взял ключ и всё равно воспользовался им.

- Это скорее необходимость, чем подарок, - сказал Томас.

Тим открыл дверь и шагнул внутрь, неуверенный, что сказать. Его отец заполнил тишину за него.

- Это была идея твоей матери. Я попросил вынести ковёр, чтобы ты не заляпал его краской. Мы всегда можем положить его снова, когда ты уедешь, но постарайся не запачкать стены.

Мастерская? Тим почувствовал такое облегчение, что рассмеялся. Он не был против устроиться на работу, но не хотел работать на своего отца.

- Круто! Так я могу перевезти все свои вещи?

- В любое время, когда захочешь.

Тим развернулся кругом, оглядывая пространство в новом свете.

- Я могу закрыть окно в двери? Не хочу, чтобы люди смотрели на то, что я делаю.

- Вполне.

Тим остановил себя от вопросов о том, единственный ли у него ключ. Он в любое время мог перебрать связку ключей отца и стащить какие-либо дубликаты. Тим никогда не любил показывать свои картины другим людям и планировал написать одну, которая спровоцирует неловкие вопросы, если кто-либо её увидит.

- Готов? - спросил Томас.

- Да. Спасибо. Здесь очень классно.

Они болтали о машинах по дороге домой, разговор шёл легко. Как только они вернулись домой, взрослые за бокалами алкоголя обсуждали темы, которые до слёз наскучили Тиму, но от этого стало легче ускользнуть.

Загрузив машину приспособлениями для рисования и чувствуя себя свободнее, чем когда-либо, Тим направился в свою новую мастерскую. Он едва мог ждать. Ему так много нужно было выкинуть из головы: мысли, которые донимали его до тех пор,

пока их не выпустишь на холст. Или, в некоторых случаях, изображения, от которых ему нужно было очиститься для своего же благополучия.

На заднем сидении лежал холст с эскизом. Тёмные глаза проглядывали четко, но форма лица вокруг них была нарисована светлыми линиями, увидеть которые было тяжело. Если бы кто-нибудь присмотрелся достаточно близко, то обнаружил бы, что очертания мужские, хоть и перекликались с чертами его бывшей девушки. Только на рисунке Кори был старше, достаточно, чтобы, когда он прошёл мимо Тима, не создавалось ощущения, будто к нему подкатывает его младший брат. Достаточно старше, чтобы Тим мог дать Кори другой ответ.

Глава 3

Поёрзав на твёрдом пластмассовом стуле, Тим сдержал стон от ужасной скуки. Ему действительно хотелось, чтобы начался учебный год? В передней части класса худая женщина с тонкими седыми волосами читала отрывок из книги. Идеей было увлечь учеников, так как им нужно будет прочитать эту книгу самим, но до сих пор, казалось, в жизни Холден Колфилда (**Холден Колфилд - главное действующее лицо романа Джерома Сэлинджера "Над пропастью во ржи"*) не происходило ничего особо интересного.

Слова слились воедино, разум Тима переключился на секс, как и всегда, когда ему было скучно. Когда его мозг отключался и передавал управление телу, оно всегда хотело только нескольких основных вещей. Этот урок почти закончился, и стояк вызывал бы неудобства, когда прозвенит звонок, поэтому Тим попытался найти что-то другое, чтобы занять своё внимание.

Он украдкой оглядел других учеников. Парни не сильно отличались от тех, что были в Канзасе, за исключением кучки одетых как ковбои. Шляп не было, по крайней мере, не в классе, но клетчатые рубашки и массивные пряжки на ремнях присутствовали. Девушки в Техасе предпочитали больше макияжа и часто укладывали волосы наверх. В буквальном смысле. Здесь, наверное, была постоянная нехватка лака для волос из-за таких причёсок - особенно кудрей - которые нарушали гравитацию.

Тим почувствовал, что кто-то наблюдает за ним, и поймал этого кого-то с поличным. Девушка, и хорошенькая. Её макияж был немного тяжёлым, волосы в лаке, но ей это шло. Тонкая как шомпол, со светлыми волосами, выражение её лица было открытым, что заставляло её казаться пугливой, как дикий зверек. Их взгляды были сосредоточены друг на друге, и Тим неуверенно ей улыбнулся. Она улыбнулась в ответ, очаровательная, как лань.

За ней сидел медведь, неуклюжая гора мышц, вжатых в стул за партой. Парень выглядел так, будто ему место в колледже, может быть, в качестве полузащитника футбольной команды. Он казался раздражённым от обмена, который произошёл между Тимом и Маленькой Мисс Лань. У парня тоже были светлые волосы и зелёные глаза - не того же оттенка, как у девушки, но он мог бы быть её братом. Или бойфрендом, раз они не разделяли семейного родства. Тим вернул своё внимание к учительнице, не встречаясь с девушкой взглядом даже после того, когда прозвенел звонок, и он вышел из класса.

Время ланча. Тим бродил по кафетерии, оценивая торговые автоматы, полные напитков без сахара. Он взял лимонад и, хоть был голоден, не встал в очередь за едой, не желая быть жалким новичком, одиноко сидевшим за столом. Поиск новых друзей наводил больший страх, чем он ожидал. В Канзасе он всю жизнь был рядом с одними

и теми же людьми и знал всех, даже если никогда не пересекался с ними. И он был популярен. Здесь он был никем.

Но этой анонимности он и хотел. Завтра он проглотит свою гордость и сядет один, но сегодня он вышел на улицу и обошёл вокруг школы, наслаждаясь погодой. Когда прозвенел звонок, он вернулся на остальные уроки. На истории США учитель, казалось, не был заинтересован в том, чтобы начинать год, и позволил им "освоиться", как он это назвал. Это означало, что каждый мог разговаривать. Тим поговорил с милой девушкой, щёки которой постоянно заливались румянцем, будто они на первом свидании. У них оказалось мало общего.

Когда учебный день наконец закончился, ему не терпелось сесть в машину и поехать домой. Новый дом был достаточно близко, можно было смело прогуляться пешком или пробежаться, но сегодня Тим приехал за рулём. Ему хотелось произвести хорошее первое впечатление, и это не осталось незамеченным.

- Хорошая тачка.

Тим повернулся, держа руку на ручке двери «Митсубиси». Парень, который смотрел на его машину так, будто это голая женщина, сам был коренастым, на грани пухлости. Но вся его одежда была с дизайнерскими лейблами, а волосы могли быть осветлены, так как у корней были темнее, чем на концах. Одно было ясно наверняка: ни один местных парикмахеров никогда не касался этих локонов.

- Спасибо. Получил её аккурат на свой день рождения.

- Шестнадцать? - спросил парень.

- Семнадцать.

- А. Я получил такую на свои шестнадцать.

Парень указал на вишнёвый «Порше». Вокруг машины собралось несколько людей, большая часть которых наблюдала за тем, как разговаривают Тим и этот парень. Маленькая Мисс Лань тоже была там, как и её крупный компаньон и несколько других красивых молодых людей. Монархия старшей школы. Дальше была их свита, люди, которые не состояли в их узком кругу, но отчаянно этого хотели.

- Ты здесь новенький?

- Да. Переехал этим летом. - Он протянул руку, крепко пожимая руку другому парню. - Тим Уаймэн.

- Дэррил Брискотт. Эй, мы устраиваем вечеринку, чтобы помочь стереть сегодняшний день из памяти. Хочешь прийти?

Тим кивнул.

- Когда и где?

Улыбка Дэррила вышла самодовольной.

- У меня, прямо сейчас.

Прежде чем они куда-то пошли, Дэррил проводил Тима к компании для знакомства. Его диким зверьком была Криста Норман, башня мышц - Брайс Хантер. Значит, не брат и сестра. Другие имена и лица Тиму придётся улавливать на ходу, потому что он уже забыл большинство из них.

Он последовал за «Порше» Дэррила в район, который заставил его собственный выглядеть бедно в сравнении. Многие его друзья в Канзасе были богатыми, так что у него не взрывался мозг от роскоши, но впервые в своей жизни он задумался, впишется ли. Это приглашение, очевидно, было началом собеседования. У Тима была внешность и машина, но есть ещё множество способов выйти из фавора.

В их колонне было ещё три машины, и как только все припарковались, подъездная дорожка Дэррила стала выглядеть как шоу-рум спортивных автомобилей. Внутри дом был просторным. В богатых домах либо бесчисленное количество комнат, либо укрупнённые версии обычного набора помещений. Дом Дэррила относился ко

второму варианту. Каждая комната была как собор, потолки казались такими высокими, что легко могли бы поддержать дополнительный этаж.

- Сюда, мой друг, - сказал Дэррил.

Он провёл Тима через дом в комнату, от которой у него чуть не отвисла челюсть. Он полагал, что комната не сильно отличается от логова его отца, но на совершенно новом уровне. Вместо телевизора с большим экраном в комнате были киноэкран и проектор, встроенные в противоположные стены. Под проектором стоял длинный Г-образный диван, где могли уместиться минимум человек десять.

Вместо обычной барной стойки стена выглядела так, будто её украли из британского паба и телепортировали в Техас. Напротив гигантского зеркала стояли полки бутылок с алкоголем, все дизайнерски подсвеченные снизу.

Перед всем этим располагался бар из чёрного дерева с акцентами латуни и полдюжины пустых стульев. Тим счастливо плюхнулся на один из них. Дэррил играл роль бармена, включил музыку, пока все устраивались. Затем он повернулся к Тиму и задал вопрос, от которого у того рот наполнился слюной.

- Что будешь?

- Пиво.

- Любитель пива, очень хорошо.

Только Дэррил не открыл холодильник и не вытащил бутылку. Вместо этого он схватил кружку, подставил её под наклоном под носик и надавил на ручку. Тим умер и попал в рай. У них было разливное пиво! В доме! Ему нужно серьёзно поговорить с отцом. Конечно, его отец не отнёсся бы к этому нормально, даже в форме шутки.

Дэррил поставил бокал на стойку, но тот был полон только на две трети.

- Пиво не очень крепкое, особенно для первого дня в школе. Когда-нибудь пробовал глубинную бомбу?

Тим покачал головой. Дэррил усмехнулся и взял бутылку виски. Он целиком наполнил шот, прежде чем вылить его прямым в кружку с пивом. Пиво шипело и пенилось, но не разлилось. Толкнув кружку к нему, Дэррил начал принимать другие заказы. Он определённо знал своё дело. Парень на скорую руку смешивал всё, от коктейлей до дайкири, всегда зная способ сделать заказанный напиток крепче. Неудивительно, что он был популярен!

- Что думаешь? - спросил он, кивая на пиво Тима.

Пена опустилась достаточно, чтобы Тим сделал глоток. Вкус был такой, будто кто-то помочился в его кружку, но он признательно кивнул и соврал.

- Чертовски вкусно!

Дэррил пил то же самое и стукнулся кружкой с Тимом, прежде чем кивнуть на комнату.

- Похоже, у тебя появились поклонники.

Тим обернулся. Там была дюжина других людей, но он помнил имена только двоих. На него пялилась Криста Норман с оленьими глазами, но смеялась и смотрела на свою подругу так, будто ничего не было. А эта её подруга была что-то с чем-то! Криста была хорошенькой, но брюнетка рядом с ней была красивой. И опасной, судя по силе, которую Тим чувствовал за её взглядом. В отличие от Кристи, брюнетка не предлагала робкий флирт. Вместо этого она осмотрела его за секунды и снова отвела взгляд. Тим, чувствуя себя немного неловко, сделал то же самое. Он развернулся на стуле, при этом ловя на себе взгляд массивного великана.

- Поклонники, хах? - произнёс Тим. - Ты имеешь в виду Брайса?

Дэррил загоготал.

- Не беспокойся о нём. Он дотягивает по размеру до быка, да и играет так же.

- В футбол?

- В футбол и с женщинами. - Дэррил указал на комнату кружкой. - Он считает, что все эти тёлки принадлежат ему.

Очаровательно.

- Проблема в том, - продолжил Дэррил, - что все здесь встречались со всеми. Некоторым из нас просто тяжелее отпустить, вот и всё.

- Так значит Брайс ревнует тебя ко мне из-за того, что мы разговариваем?

Дэррил снова рассмеялся.

- О нём нечего переживать. Он сейчас со Стейси Шелли, и, поверь мне, она из тех девчонок, которые построят тебя по струнке.

- Брюнетка? - спросил Тим, будто не заинтересовавшись.

- Ага. Это лучшая подруга Кристи. Кстати говоря... - он кивнул за плечо Тима. - Что думаешь?

- О Кристе? Думаю, она горячая.

- И я так думаю, но с ней никто никогда никуда не доходит. Она ханжа.

- Или, может быть, ни один из вас, парни, не умел правильно двигаться.

Подкол. Это было так чертовски легко.

На лице Дэррила расцвела напыщенная улыбка.

- Хорошо. Давай посмотрим, какой ты в деле.

Они пошли присоединиться к другим на диване, Дэррил сказал людям подвинуться, оставляя место, чтобы Тим мог сесть рядом с Кристой. Когда Тим поставил свою кружку на длинный кофейный столик, то заметил, что она больше чем наполовину пустая. Это объясняло тёплое чувство внутри.

- Эй, - произнёс Тим, фокусируясь на Кристе. Она стала ярко-красной, будто он попросил посмотреть на её трусики.

- Привет, - выдавила она.

Стейси наклонилась вперёд на диване, чтобы получше его рассмотреть.

- Итак, мистер Тим Уаймэн, откуда ты родом?

Тиму удалось встретиться с ней взглядом, но только ненадолго.

- Из Канзаса.

Он видел, как девушка подсчитывает очки в своей голове. Будь он откуда-нибудь покруче, скажем, из Калифорнии, то заработал бы больше.

- Пробеешься в какую-нибудь команду? - задала она следующий вопрос.

- Ага. Хотя не уверен, в какую.

- Как насчёт футбола? - произнёс Брайс.

Верно. Тиму явно не терпелось оказаться раздавленным под ним во время тренировки. Тим попробовал футбол в первый год старшей школы и возненавидел его. Люди в Канзасе помешаны на школьном футболе, особенно учителя. Хоть это был лёгкий способ получить хорошие оценки - так как неуспеваемость по предметам означала, что команда теряет игрока - Тим ненавидел напряжённое давление. Баскетбол тоже пролетал, так как при росте в метр восемьдесят три ты не многого стоишь на площадке. Из-за этого оставался только кросс осенью, на который им, вероятно, было бы плевать, но весной...

- Я думаю о бейсболе, - сказал он.

- Подожди, разве бейсбольная команда существует? - саркастично произнёс Дэррил.

Стейси произнесла с неимоверно скучающим видом:

- Не думаю, что когда-нибудь о ней слышала.

- Поверь мне, - сказал Тим, глядя ей в глаза, - когда я попаду в команду, ты только о ней и будешь слышать.

Большая часть людей усмехнулась от его шутки, но глаза Стейси загорелись набранными очками. Дэррил подскочил, чтобы принести больше напитков, и остальная часть вечеринки была намного более расслабленной. Тима приняли. Пока что. Они никогда не перестанут наблюдать и судить его, но такова была старшая школа. Вино текло рекой, как и пиво с глубинной бомбой. Учитывая, что он пропустил ланч, каждое пиво ощущалось как два, может быть, четыре, включая виски. Достаточно скоро рука Тима уже обвивалась вокруг Кристи, и девушка либо краснела, либо хихикала в ответ на всё, что он говорил.

В какой-то момент были упомянуты родители Дэррила, что стало сигналом, который заставил всех разбежаться по своим машинам. Тим знал, что не следует садиться за руль, но не мог остаться в доме Дэррила. Дороги были кривыми и размытыми, и ему удалось пару раз заблудиться, но армия измученных ангелов хранителей довела его до дома в безопасности. Последний из них помог ему подняться по лестнице и попасть в ванную. Тим едва успел поднять сидение унитаза, прежде чем выблевал все свои внутренности.

В общем и целом, вполне нормальный первый учебный день.

- Тимми!

Криста Норман промчалась по коридору и накрыла его руку своей ладонью. Забавно, как первые впечатления могут быть такими неправильными. На прошлой неделе Криста казалась такой застенчивой. Теперь же она говорила без умолку. Не то чтобы Тим сильно возражал, так как это означало меньше усилий с его стороны. Обычно он мечтал о других вещах, пока она болтала.

И Брайс, который казался таким большим и устрашающим раньше... что ж, он по-прежнему был таким, но потеплел к Тиму, вероятно, потому, что тот держался на расстоянии от Стейси. И, может быть, Брайс не переживал, что Тим зайдёт не так далеко с Кристой, раз не только Дэррил сказал ему, что она ханжа. Он относился к этому нормально. Каким бы Тим ни был возбуждённым, он всё ещё был не в себе от сплетен об изнасиловании в Канзасе.

- Эй, педик! – прогрохотал Брайс.

Тим поднял глаза и проследил за его взглядом. Предполагаемая цель была очевидной, так как тот был единственным парнем, который стоял на месте, пока все остальные торопились в класс. Карие глаза смотрели на него из-под идеально уложенных светлых волос, и на одно мгновение Тим подумал о Кори.

- Знаешь, это на самом деле правда, - сценическим шёпотом произнесла Криста.

Лицо парня покраснело, но он казался скорее злым, чем смущённым. Он бросил взгляд на Брайса, несмотря на то, что был достаточно худым, чтобы один из этих больших кулаков раздавил его. Затем он саркастично помахал рукой Кристе, подражая её чванливому языку тела. У парня смелый характер! Наконец он посмотрел на Тима, будто по-прежнему не был уверен насчёт него. Тим помахал рукой в ответ, что, казалось, не удовлетворило его, так как незнакомец развернулся и зашагал вниз по коридору.

- Кто это был?

- Брайан Бентли, - сказала Криста, закатывая глаза.

- Нет, это Бенджамин, - исправил Брайс, - странно, что не нагнут без штангин!

Шутка не имела смысла, но для Брайса это, наверное, было проявлением остроумия.

- Проводишь меня до класса? - спросила Криста.

- Ага, - отвлечённо ответил Тим.

Он попрощался с Брайсом и позволил Кристе увести себя дальше по коридору. Криста начала говорить о шоппинге или о чём-то, связанном с туфлями, Тим в ответ кивал, пока они не дошли до её класса. Затем он прервал её.

- Откуда об этом узнали? - спросил он.

- Что?

- Тот парень, Бенджамин. Откуда узнали, что он гей?

Криста выглядела так, будто её оттолкнули.

- Потому что он всем рассказал.

- Серьёзно? - Тим с удивлением воспринял эту новость. - Для этого нужны яйца.

- Он скорее сумасшедший. В любом случае, кого это волнует? Он просто неудачник.

- Ну, если никому нет дела, то зачем его задирать?

Тим никогда не понимал, почему популярные ребята издеваются над остальными. Он ладил со всеми. Но здесь, как и в Канзасе, пребывание на верхушке, казалось, требовало унижать всех, кто ниже тебя.

Криста закатила глаза.

- Хочешь, чтобы я достала тебе его номер или что?

- С чего вдруг мне этого хотеть? - произнёс Тим с достаточным нажимом, чтобы она побледнела.

- Я просто пошутила. Боже.

Тим бросил на неё злой взгляд.

- Зачем ты вообще шутишь об этом? А?

Криста хваталась за слова и впервые не могли их найти.

- Увидимся за ланчем.

Тим с мрачным видом ушёл по коридору. Он всего лишь задал простой вопрос. Кристе не нужно было вот так делать поспешные выводы. Только то, что он ненавидел кого-то за то, кто он есть, не делало его таким же. Тим чувствовал раздражение на самого себя за то, что вообще поднял эту дурацкую тему. Но как только оказался в классе, он успокоился, часть него не смогла сдержать улыбки от того, что есть кто-то достаточно сумасшедший, чтобы дать отпор Брайсу Хантеру.

Тим стоял в очереди за ланчем, от запаха жирной столовой еды у него урчало в желудке. Желудок Брайса издавал звуки в ответ, отдавая сочувствующим эхо. Они делали это каждый день, брали каждый по два подноса и несли их Кристе и Стейси, как официанты на свидании. Тим начал заниматься этим только потому, что наслаждался тишиной, оставляя Кристу за столом.

- Этот я возьму.

Они одновременно повернулись, озадаченные присутствием Стейси.

- Что? - переспросил Брайс.

- Сегодня я принесу тебе еду. Иди присядь.

Брайс пожал плечами и сделал, как ему сказали, впервые оставляя Тима и Стейси наедине. Тим мог поклясться, что этого никогда не происходило раньше. Какой бы горячей она ни была, Стейси пугала его до чёртиков. Может быть, потому, что она была такой же подлой, какой могла быть Карла, только Стейси не трудилась строить из себя милую.

Не то чтобы она этого не могла, когда хотела. Один учитель однажды подошёл к ней в коридоре и спросил, почему она пропустила урок. Стейси превратилась в хихикающую глупышку, каждое её движение было очаровательным и флиртующим.

Учитель довольно быстро простил её и направился вниз по коридору, вероятно, чтобы никто не заметил растущую выпуклость в его штанах.

- Двойное свидание сегодня вечером, - с расчётливой улыбкой произнесла Стейси. - Или, по крайней мере, должно было быть.

- Мы вчетвером? - спросил Тим.

Стейси кивнула.

- Ты не думаешь, что пора сделать всё официально? Я знаю, Криста идиотка, но поверь мне, есть преимущества в том, чтобы встречаться с кем-то настолько глупым.

Тим не ответил.

- Ты очень осторожный человек, - сказала Стейси. - Почему?

Тим пожал плечами и легко улыбнулся.

- Мне нечего скрывать.

- Я не говорила, что ты скрываешь. Слушай, Криста думает, что ты злишься на неё. Что-то из-за Бена Бентли, того гея.

Тим состроил дурачка.

- О, его так зовут?

Последовала долгая пауза, прежде чем Стейси ответила.

- Да. Да, так.

Забудьте Брайса. Она была намного страшнее. Какая из них получалась чудовищная пара! Красавица и чудовище, только Стейси опасной делал её ум.

- Да, ну, этот парень нагрубил Кристе, - фыркнул Тим, - и я хотел узнать, кто он такой. Меня это разозлило, вот и всё.

Стейси изучала его глаза, но казалась удовлетворённой.

- Тебе она нравится, ты ей нравишься, верно?

- Очевидно.

- Тогда пригласи её. Ужин и кино, сегодня. Если только ты не хочешь, чтобы люди начали спрашивать, почему ты по-прежнему одинок.

Стейси ушла. Через минуту её бойфренд был прислан обратно, чтобы ждать в очереди с Тимом.

- Я не понимаю женщин, - фыркнул Брайс.

Тим понимал. Он прекрасно их понимал.

Глава 4

Криста, как оказалось, была вполне достойная девушка. Конечно, она много разговаривала, но, когда Тиму было что сказать, она внимательно слушала. Она смеялась над всеми его шутками и была такой хилой, что заставляла Тима чувствовать себя таким же большим, как Брайс. Ему это нравилось. Ещё он ценил то, что в ней не было подлости Карлы. Время от времени она могла быть сучкой, но только когда следовала чьему-то другому руководству, обычно Стейси.

По большей части она была такой же счастливой и глупой, как лань, как он впервые её представил. Как и сегодня, когда он не был в настроении для компании. Вместо того, чтобы ехать в школу на машине, он шёл пешком. Он забыл рассказать ей об этом. Когда он упомянул, что собирается пробежаться до дома, она не возражала, что ей придётся искать того, кто её подвезёт. Карла оторвала бы ему голову, но Криста просто плыла по течению.

Тим начинал понимать, что она безопасна. Пока он бежал по велосипедной дорожке, ткань его шорт хорошо ощущалась на его хозяйстве, пока оно болталось, и Тим думал о том, чтобы зайти с Кристой дальше. Он не мог сохранять celibat всю

свою жизнь только из-за того, что случилось в Канзасе. Криста не казалась такой, кто распространяет ложь. Пока его родителей не будет в городе следующие две недели, это была идеальная возможность получить...

Бум!

Что-то тяжелое ударило Тима сзади, сбивая его с дорожки. К несчастью, эта конкретная дорожка тянулась вдоль рва, глубокого оврага, который не оставил ему другого выбора, кроме как полететь вниз. Тим упал, перекатываясь снова и снова, благодарный, что во рву была трава и грязь, а не твёрдый бетон - пока не подскочил в воздух в конце и не приземлился с хрустом на одну ногу.

Боль! Она разлилась от его ноги по всему телу, его мозг горел, пока он матерился вслух. Ему удалось перекатиться с ноги, ослабляя свои страдания, и поднять конечность в воздух. Одну голень покрывала кровь. Как бы больно это ни было, источник худшей боли пульсировал ниже.

Тим осторожно опустил ногу, надавливая на неё. Его захлестнуло новой волной боли, что было совсем нехорошо.

- О Боже! Прости. Прости! - Кто-то соскользнул к нему в ров. Кто бы это ни был, винить стоило его!

- В чём дело, чёрт возьми? - выплюнул Тим.

- Я не... Я просто болван.

Парень вёл себя так, будто собирался поднять Тима и унести его в безопасное место, что было нелепо, потому что он был таким худощавым, что Криста, наверное, могла бы одолеть его в драке. На самом деле, он выглядел знакомо. Они ходили в одну школу, если Тим не ошибался.

- У тебя нога сломана?

- Нога в порядке, - Тим снова посмотрел на неё. - А вот лодыжка, может быть, нет.

Парень упал на колени, чтобы осмотреть её, будто мог исправить всё кусочком скотча и клеем. Тим наблюдал. Теперь он узнал его! Бенджамин Бентли, беззастенчивый гомосексуал, который смело смотрел на Брайса. На его ногах были ролики, которые, предположительно, и поспособствовали тому, что он врезался в Тима.

- Нужно отвести тебя к доктору, - сказал Бен. - Можешь идти?

Тим попытался переместить вес на ногу. Хотя худшая боль отступила, сейчас ходьба на этой ноге вернёт всё обратно.

- Тебе придётся помочь мне.

- Подожди.

Бен плюхнулся на зад и начал расстёгивать свои ролики.

Тим наблюдал за его работой. В нём действительно не было ничего женственного. Не считая невысокого роста, он выглядел как любой другой парень. Только, видимо, не умел кататься, не оставив позади след разрушений. Наконец сняв ролики, Бен порылся в своём рюкзаке и вытащил пару ботинок. Господи, как много времени это займёт?

- Вот так. — Наконец одевшись по случаю, Бен встал. — Как мы поступим?

Тим поднял взгляд на склон, с которого упал.

- Думаю, ты подтянешь меня туда.

- Как подтяну?

Тьфу! Тим умрёт здесь раньше, чем добьётся от этого парня каких-то действий.

- Просто подхвати меня под руки и подтяни. Я постараюсь помочь, как смогу.

Бен обошёл его сзади, и Тим поднял руки. После очередной неуверенной паузы руки Бена подцепили его под мышки и потянули. Тим продвинулся на полшага.

Может быть. Теперь он был уверен, что Криста могла бы выиграть эту схватку. Бен снова потянул, и на этот раз Тим оттолкнулся здоровой ногой. Теперь они к чему-то двигались! После небольшого ворчания и без сомнения тонны травяных пятен на спине, они добрались к вершине.

Они оба тяжело дышали от усилий, прежде чем Тим попросил о помощи, чтобы встать. Бен справился с этим намного лучше. Вскоре рука Тима была перекинута через плечи Бена для поддержки. Его лодыжка по-прежнему была слишком чувствительной для какого-либо давления. Тим мог прыгать, но получалось медленно.

- Ладно, - вздохнул Тим. - Думаю, мы дойдём до ближайшего дома и попросим подвезти меня домой.

- Твой дом очень близко, если мы срежем здесь через деревья.

Тим напрягся. Какого чёрта это должно значить? Если бы Бен знал только его имя, Тим не удивился бы. Это была одна из привилегий популярности. Но откуда Бен мог знать, где он живёт?

- Тогда пойдём, - сказал Тим. Чем скорее он вернется домой, тем скорее сможет забыть о произошедшем.

Бен крепко держал его, пока они шли через деревья, и на мгновение Тим представил, что его ведут к какой-то яме, вырытой в лесу, где никто больше не увидит его снова. Вместо этого они дошли до частного забора. Слева и справа был только он - один длинный ряд досок.

- Чёрт, - выругался Тим. - Как далеко ещё было бы идти, если бы здесь не было забора?

Бен отвёл взгляд, стыдясь того, что к нему обратились.

- Полквартала.

Тим подскочил к забору и ухватился за его верхушку. Если они не могли его обойти, то могли пройти через него.

- Подстрахуй меня, - сказал он. Тим дёрнул доску, мышцы напряглись от усилий. Бен схватил его как раз в тот момент, когда доска расшаталась. Дешёвый забор на месте держали только два гвоздя. Доска упала на одну сторону, так что он высвободил ещё одну, а затем третью. Теперь у них было много места, чтобы протиснуться. Если хозяева увидят их и прибегут, по крайней мере, они смогут подвезти Тима остаток пути до дома.

Как оказалось, место пустовало, в нём ещё не жили. Они оказались рядом с его кварталом, хорошо. На самом деле, когда они добрались до улицы, Тим увидел, что они всего в нескольких домах.

- Который твой? - спросил Бен.

- Это у тебя надо спросить, - огрызнулся Тим. Поздновато прикидываться застенчивым, мальчик-сталкер. Он бросил взгляд на Бена, который смотрел на землю, его щёки покраснели. Остальная его кожа светилась хорошим загаром, кончики светлых волос выгорели до платины от солнца. Волосы Тима никогда так не меняли цвет. Блеск пота покрывал верхнюю губу Бена, то ли от жары, то ли от напряжения, пока он поддерживал Тима. Это боль отображала всё в таких острых деталях? Может быть, им следовало вместо этого пойти в мастерскую. Тим как зачарованный наблюдал за тем, как губы Бена формируют предложение.

- Есть кто-нибудь дома?

- Нет.

- Тогда нам разве не нужно сразу ехать в больницу?

Что включило бы в себя звонок его родителям и их злость на него, как в прошлый раз. Тим вернул своё внимание обратно к цели.

- Мне просто нужно скинуть груз.

Входная дверь была не заперта, холодный воздух внутри уже хорошо ощущался на его лодыжке. Спасибо Богу за кондиционеры! Тим оставил занавески закрытыми прошлой ночью, чтобы в доме оставалось прохладно. К этому времени года в Канзасе обычно появлялись намёки на осень, но в Техасе, казалось, вечно правило лето.

Он щёлкнул выключателем и направился к дивану в гостиной своей матери. Так он о ней думал, так как комната была такой же цветастой и изысканной, как логово его отца было мужественным. Опустившись на диван, вздрагивая с каждым пройденным сантиметром, он сказал Бену принести тряпку и аптечку из ванной. Как только он очистит ногу, будет намного легче оценить травму.

- Ты уверен, что не нужно ехать в больницу? - Бен протянул тряпку и маленькую аптечку. - Или как минимум вызвать врача?

- Нет необходимости. В первый год со мной случилось то же самое. - И это была ещё одна причина, по которой Тима не интересовал футбол. - У меня наверху до сих пор есть бандаж и всё остальное. Ничего особенного. Пару дней с этой штукой, и я снова буду в порядке.

Бен смотрел на него глазами размером с блюдца, переполненными чувством вины.

- Просто...

Тим перебил его.

- Спасибо, что помог мне добраться до дома.

Бен понял намёк. Ну, сначала он извинился ещё около десяти раз, но затем наконец направился к двери. Тим уже собирался вздохнуть с облегчением, когда Бен повернулся.

- Ты уверен, что всё будет в порядке? Когда возвращаются твои родители?

- Недели через две. Они в Швейцарии.

Тим наматывал на голень тканевой бандаж. Он не поднимал взгляда, пока не услышал, как закрылась входная дверь. Затем откинулся на спинку дивана и вздохнул.

Что за чудак.

Тим сидел на месте, глубоко дыша и заставляя себя оставаться спокойным. Боль утихла совсем немного, но, казалось, достигла минимального уровня, который, к сожалению, всё равно был чертовски болезненным. В прошлый раз доктор дал ему таблетки, которые не только заглушили боль, но и придали ему чувство опьянения. Сейчас было бы неплохо их выпить.

Тим сел прямо. Грузчики упаковали абсолютно всё. Может быть, это включало его старые рецепты на лекарства. Если ничего не изменилось, его мать держала их в шкафчике на кухне. Тим подумал над способами, как мог туда попасть. В итоге он сел на пол и использовал три здоровые конечности, чтобы двигаться спиной вперёд. Таким образом его нога могла тащиться по полу без боли. В теории. Лодыжка всё равно ударялась о предметы и заставляла его страдать за это, но Тим добрался до кухни, подтянулся за одну из тумбочек и открывал шкафчик за шкафчиком.

Наградой ему была винтажная бутылочка таблеток из 1993 года. Вытащив колу из холодильника, он удвоил рекомендованную дозу, проглотил их с половиной банки содовой и проковылял обратно к дивану. Либо так, либо лежать на кухонном полу. Когда он дошёл до гостиной, то заметил часы. Он полчаса делал то, что обычно заняло бы минуту. Этим таблеткам лучше бы свершить чудеса, иначе он серьёзно облажался.

В каком-то смысле, они вроде как подействовали. Вскоре Тим чувствовал себя чертовски хорошо. Его тело гудело от удовольствия, хотя боль по-прежнему была там, под поверхностью кожи. Попытки встать в отместку возвращали боль обратно и заставляли его кричать, пока он снова не садился. Затем появился наркотический туман, успокаивая его, но ему явно нужна была помощь. Тим лежал на диване,

задаваясь вопросом, что делать, и время от времени вырубаясь, пока не раздался звонок в дверь.

Помощь пришла! Он услышал, как открылась входная дверь, прежде чем кто-то произнёс:

- Привет?

Дерьмо. Это было похоже на голос Бена. Но опять же, помощь была помощью.

- Привет, - крикнул он. - Проходи!

И действительно, в комнату вошёл Бен, по-прежнему с виноватым видом.

- Хорошо, что ты здесь, - сказал Тим, надеясь укрепить его дух. Ему нужны были действия, а не ещё больше извинений. - Думаю, всё может быть хуже, чем я думал.

- Да, - Бен поднял вверх толстый том со схемой анатомии человека на обложке. - Я думаю, у тебя вывих третьей степени. Или вывих, или перелом. Тебе действительно нужно в больницу.

Тим не нуждался в том, чтобы ему это говорила книга. Он сохранял невозмутимое выражение лица и говорил как можно официальнее.

- Вероятно, нужно.

- Э, я знаю, это очень глупый вопрос, но с тобой все в порядке?

- Да. После того, как ты ушёл, я дотасил свою задницу до кухни и вспомнил о таблетках, которые пил в прошлый раз. От них я чувствую себя... - Лёгким? Космически? Цветочно-радужным? - О Боже, - вместо этого произнёс он.

- Я вызову скорую.

- Нет, к чёрту. Я не умираю и ничего такого. Поедем на моей машине. Ты же умеешь водить, да?

- Эм... Да?

- Ну, подними меня, и поедем.

Отложив книгу и подойдя к дивану, Бен обвил рукой его спину. Он по-прежнему был тёплым после улицы, и его прикосновение хорошо ощущалось на холодной коже Тима. Вероятно, так долго лежать на диване в одежде для пробежек было не лучшей идеей, но вскоре парни стояли на улице, на жаре.

- На самом деле, - произнёс Тим, когда увидел свою любимую машину, - просто усади меня, и я поведу.

- Одной ногой?

- Да, - медленно сказал Тим. - Обычно так и делается.

Бен покачал головой.

- Ты под кайфом.

- А ты не можешь прокатиться на роликах, никого не убив, - парировал он.

- Ты ещё не мёртв, - в защиту сказал Бен.

Тим рассмеялся. Этот парень действительно был сумасшедшим.

- Хорошо, ладно. Можешь сесть за руль. Но будь осторожен.

Смеялся он недолго. Как только Тим оказался на пассажирском сидении, то приготовился к катастрофе. Он даже вздрогнул, когда Бен повернул ключ в зажигании, будто парень мог взорвать машину этим. Вместо этого двигатель зарычал, как и всегда.

Тим расслабился на сидении, но его передышка была не долгой. Бен вёл будто во сне, Тим переживал этот опыт как кошмар. Бен завёл непринуждённый разговор, выкручивая руль в последнюю секунду, чтобы избежать велосипедистов, пешеходов или встречное движение. Может быть, в конце концов скорая и отвезёт его в больницу, но только после того, как Бен разобьёт его машину. Теперь стало очевидно, как ему удалось врезаться в Тима, пока тот катался на роликах.

Каким-то чудом они добрались до больницы, не привезя с собой новых жертв. Бен подъехал к экстренному входу, где выскочил из машины и стащил инвалидное кресло. Это было очень радужное удобство. Оказавшись внутри, Тим ожидал команду обеспокоенных докторов и медсестёр, которые повезут его вниз по коридорам на каталке, как делают в фильмах. Вместо этого они сидели в зале ожидания с другими унылыми душами и боролись с документами.

Когда медсестра наконец назвала его имя, Бен покатил Тима в другую комнату... где они подождали ещё немного. Но сначала медсестра и Бен помогли Тиму залезть на диагностический стол. Его тошнило от такой беспомощности. Медсестра измерила его жизненные показатели и пообещала, что доктор не заставит себя долго ждать.

Тим вздохнул и бросил злой взгляд на свою лодыжку.

- А ты не можешь сделать так: ты крутишь лодыжку, я кричу, и затем мне чудесным образом становится лучше?

- Это работает только с вывихами, - сказал Бен, - но я всё равно могу попробовать.

- Не. Лучше не надо. Так что там написано в твоей большой медицинской книжке? Думаешь, мне нужен будет гипс?

- Честно говоря, наверное, ногу просто ампутируют.

- Что?

Бен выдохнул.

- Боюсь, другого варианта нет, но только подумай, какой крутой будет твоя новая деревянная нога. Я слышал, сейчас в Европе пиратская внешность - последний писк моды. Рубашка с рюшами и повязка на глаз - и ты будешь самым популярным парнем в школе.

Тим задумался над идеей.

- Мне дадут попугая?

- Конечно.

- Тогда договорились.

Выражение лица Бена стало серьёзным.

- Но серьёзно. С тобой всё будет нормально.

- Спасибо, Дуги Хаузер (* Дуги Хаузер - персонаж Нила Патрика Харриса, главный герой сериала "Доктор Дуги Хаузер"), - парировал Тим. - На самом деле я не боюсь за свою жизнь, знаешь ли.

- Прости. Я просто чувствую себя виноватым.

- Не начинай это снова! - Тим переместился, бумага под его задницей смялась. Бен действительно раскрепостился за время дороги и продолжал посылать улыбки, которые привлекали взгляд Тима. Эти зубы были идеальными, ровными, как маленькие солдатики, которые салютовали ему каждый раз, когда он пытался быть смешным. Что-то в этой улыбке вызывало у Тима желание быть остроумнее, чем он был когда-либо раньше, и, как ни странно, это давление делало поиск правильных слов намного тяжелее.

Мгновение они молчали. Затем Бен кивнул на диагностический стол.

- Почему они всегда кладут бумагу? Это так странно.

- И не говори. Думаю, это ради санитарии, сколько голых людей появляется в скорой помощи?

Бен рассмеялся.

- А?

- Ты знаешь. Большинство людей сидит здесь в одежде, так что я не понимаю, как они могут испачкать стол.

- Если только многие не мочатся в штаны, - задумчиво предположил Бен. - Или хуже.

- Фу!

- Кто знает, как много лет фекалии пропитывали бумагу и пачкали диагностический стол? - Усмешка Бена была кривой. - Риски убрать бумагу и лизнуть место, на котором сидишь.

- Чувак! Заткнись! - рассмеялся Тим, хоть и почувствовал отторжени. - Ты сумасшедший, Бенджамин!

- Просто Бен.

- Ага, - произнёс Тим, вытирая слёзы с глаз, - но Бенджамин лучше.

- Лучше?

Тим пожал плечами.

- Красивое имя.

Бен не ответил, неловкая тишина пыталась разрушить их веселье. Тим не хотел, чтобы их подшучивания заканчивались. Разговаривать с Беном было хорошо, может быть, потому, что если Тим облажается, то ему не будет стоить это того, что стоило бы с его друзьями. Он не был уверен, как снова начать их разговор, но, к счастью, в дверь зашёл отвлекающий маневр и представился доктором Бэйкером. Доктору едва ли понадобилось смотреть на лодыжку, чтобы увидеть, в чём проблема. Диагноз Бена казался правильным. Скорее всего они смотрели на вывих третьей степени. Тиму понадобится рентген и, возможно, гипс, чтобы всё зажило правильно. Он мог жить с этим. Слова, которых Тим по-настоящему боялся, оказались следующими.

- И, конечно же, мне нужно сообщить об этом вашим родителям

- Они в Швейцарии.

Прямо сейчас там, вероятно, было поздно. Тим мог представить, как их разбудят посреди ночи и скажут, что им нужно вернуться домой.

- Есть кто-нибудь ещё из членов семьи в этом районе? - спросил доктор.

- Нет.

Заговорил Бен, - Моя семья может о нём позаботиться, пока они не вернутся.

Тим поднял голову. Он серьёзно? Если Тим сможет избежать вмешательства в поездку своих родителей, то будет горевать намного меньше.

Доктор Бэйкер испытывал меньший энтузиазм по поводу этой идеи. Пока за ним не могла приглядеть семья, Тиму придётся остаться в больнице на ночь. В любом случае, становилось довольно поздно, так что это было не большим делом.

- Я должен ехать домой, - сказал Бен. - Но могу я забрать его завтра?

- Думаю, да, - ответил доктор Бэйкер. - Пожалуйста, можете привезти с собой номер отеля, в котором остановились его родители? А ещё лучше, позвоните им сегодня?

- Конечно.

В какие игры играл Бен? У него не было доступа к их номеру - если только он не использует ключи, которые по-прежнему были в его кармане.

- Подожди, ты берёшь мою машину?

- Не похоже, что ты сейчас можешь ею пользоваться, - весело произнёс Бен. - Увидимся завтра, тигр.

- Знаете, - сказал Тим доктору после того, как Бен ушёл, - я начинаю думать, что он сделал это со мной специально.

- Должно быть, машина достаточно хороша, чтобы пройти через все эти проблемы, - сказал доктор Бэйкер, помогая Тиму вернуться в коляску.

- Так и есть, - пробормотал Тим, - но она может оказаться не в лучшей форме, когда я получу её обратно.

Глава 5

Ночь в больнице для Тима прошла в радужном тумане обезболивающих. Ему сделали рентген, затем наложили гипс, и Тим флиртовал с каждой медсестрой, которая заходила в палату - утопая в хихиканье молодых девушек и едва сдерживаемых улыбках дам постарше. Как бы ему ни было весело, он страшился следующего утра. Бен принесёт номер телефона отеля его родителей, и после этого история повторится.

Тиму было тринадцать, когда его родители отменили поездку в Японию из-за того, что он слёг с гриппом. Поначалу он был рад, что они решили остаться дома, всё ещё будучи достаточно маленьким, чтобы его беспокоило, когда они ездили куда-то одни. Вместо того, чтобы суетиться над ним у его кровати и потакать каждой его просьбе, родители относились к нему как к неудобству, оставаясь злыми до тех пор, пока не смогли перенести поездку.

Теперь он понимал, что отдых, на который родители ездили вместе, был способом вернуться к бездетной жизни, которую они однажды планировали. Что касалось Тима, он был ошибкой. Родители никогда не говорили о том, чтобы завести ещё одного ребёнка. Они всё равно любили его, когда находили время, но он давно понял, что не стоит просить слишком многого.

Пока приближалось утро, он пытался представить, какова была бы их реакция на случившееся. Ещё хуже, что, если Бен позвонил им, чтобы всё объяснить? Это был первый вопрос, который слетел у него с языка, когда Бен появился в больнице.

- Ты звонил моим родителям?

- Нет, - начал говорить Бен, но когда в комнату вошёл доктор Бэйкер, он изменил ответ. - Да. Они не думают, что им удастся поменять билеты на другой рейс, но нашли медсестру, чтобы позаботиться о тебе.

Это звучало не так плохо, если это была правда. Доктор спросил у Бена их номер, который тот довольно удачно забыл. Доктор Бэйкер, казалось, разделил это подозрение, но проверил свои часы и быстро рассказал Бену обо всём, что понадобится Тиму. Получив костыли и быстро сходяв в больничную аптеку за таблетками, Тим позволил Бену вывезти себя на улицу, к машине. Он настоял на том, чтобы они обошли вокруг «Митсубиси», прежде чем сесть в салон, чтобы он мог проверить урон. На удивление, он не нашёл ни царапины.

Оказавшись за рулём, Бен впал в задумчивость. Тим был под действием последней дозы болеутоляющих, так что по дороге домой они мало разговаривали. Когда они приехали, Тим воспользовался своими костылями, поднимаясь по подъездной дорожке так быстро, что Бену пришлось поторопиться, чтобы его нагнать.

- Я чувствую себя Тарзаном, - сказал Тим.

- Или его шимпанзе, - парировал Бен. - Подожди. Я открою тебе дверь.

- Спасибо.

Тим наблюдал, как он возится с ключами. Бен послал ему нервный взгляд, будто беспокоясь из-за того, что напортачил с таким простым заданием. Не то чтобы Бен не бросал на него маленькие взгляды в другое время. Тим привык, что девушки находят его привлекательным, но сейчас задавался вопросом, что думали другие парни. Геи, если точнее. Кори выражал интерес, но вся эта ситуация была странной. Конечно, как и знание Бена о том, где живёт Тим.

Как только Тим оказался внутри и уселся на диван персикового цвета, Бен нервно встал перед ним.

- Мне нужно кое-что тебе сказать.

На мгновение Тим подумал, что Бен собирается признаться в своих чувствах. Эта мысль одновременно вызывала у него неловкость и волнение.

- Казалось немного бессмысленным беспокоить твоих родителей из-за пустяка, - вместо этого сказал Бен. - Или моих. Это просто вывих лодыжки, верно? Медсестра тоже казалась лишней. Я хочу сказать, мы можем её вызвать прямо сейчас, если ты действительно хочешь. Или просто я могу позаботиться о тебе.

Тим уставился на него.

- Значит, никакой медсестры?

- Никакой медсестры.

- И ты не звонил моим родителям? Они понятия не имеют, что я сегодня провёл ночь в больнице?

Теперь Бен выглядел виноватым.

- Понятия не имеют.

Тим расслабился. Он бы поблагодарил его, если бы вся эта ерунда не была изначально виной Бена. Бен был более чем готов исправиться за это. Он пообещал заскакивать каждый день, чтобы готовить и убираться. Так что у Тима будет медсестра. Такая, что разрушит его репутацию в школе, если кто-нибудь узнает, но сейчас он был так рад, что его родители не будут во всё это вовлечены, что ему было плевать.

Но если они собирались это делать, то сделают всё правильно. Тим встал, немного пошатываясь, и с помощью костылей прошёл в логово своего отца в задней части дома. Может быть, комната и не могла сравниться с установками отца Дэррила, но всё равно было хорошо. Всё было из тёмного дерева, в коричневой коже, и по большей части удобным.

- Я подумал, что это хорошее место для лагеря, - сказал Тим, устраиваясь на диване. Он кивнул на бар с раковиной. - Здесь даже холодильник для напитков есть.

- Так что нам тогда нужно? - Бен огляделся вокруг. - Очевидно, одеяла и подушки... Эм...

- В одном из шкафов в коридоре, - сказал Тим. - Я хочу свою подушку, она наверху. И какую-нибудь одежду. И закинь что-нибудь в духовку, сделаешь?

- Хорошо.

Тим включил телевизор, позволив себе усмехнуться, как только Бен вышел из комнаты. После сегодняшнего дня он освободит Бена. Тим понял, что тот пытается загладить свою вину или ищет предлог быть рядом. В любом случае, Тим мог сам о себе позаботиться. Но сейчас ему хотелось отдохнуть и расслабиться. Он пролистал каналы, остановившись на музыкальных клипах.

Вскоре дом наполнил запах пиццы. Когда Бен вошёл в комнату с двумя тарелками, нагруженными пиццей, Тим чуть ли не захлебнулся слюной. Они вместе смотрели клипы, подшучивая над всеми плохими и переключаясь между VH1 и MTV, чтобы избежать рекламы. Когда они закончили есть, Бен отнёс тарелки на кухню, затем поспешил вернуться и плюхнулся на диван. Тим собирался переключить обратно на MTV, когда Бен остановил его.

- Подожди! Я люблю эту песню!

Тим слышал её уже множество раз. Радиостанции сходили с ума, проигрывая песню Фуджис "Убивая меня нежно", но песня никогда его не цепляла. До тех пор, пока на середине трека не появился приятный мужской голос.

Тим посмотрел налево, разинув рот. Бен пел, но не так, как другие люди напевают под настоящую музыку. Голос Бена был по-студийному сладким, звучал так идеально, что Тиму хотелось цыкнуть на Лорин Хилл, чтобы та замолчала, и он мог лучше слышать.

Вместо этого Тим украдкой уменьшил громкость телевизора, что было не тяжело, так как глаза Бена не отрывались от его глаз. Исчезли все знаки пассивного

интереса или украдкой бросаемых взглядов. Сейчас всё внимание Бена было сосредоточено на Тиме, пока он пел. И это было прекрасно. Зачеркните это, Бен был прекрасен. Забудьте деньги Дэррила, коварство Стейси или мускулы Брайса. У Бена был голос, и это должно было сделать его самым популярным парнем в школе, потому что это было так чертовски горячо! У девчонок должны разбиваться сердца из-за него, а парни должны делать всё, чтобы быть на него похожими.

Затем песня закончилась, и Бен отвёл взгляд, его щёки слегка покраснели. Тим в изумлении смотрел ещё пару секунд, прежде чем захлопал и заликовал, строя из себя счастливого придурка.

- А ты умеешь петь!

- Да, - с нервным смешком произнёс Бен. - Стараюсь.

- Почему ты не делаешь это постоянно? В смысле, если бы у меня был такой голос, как у тебя, я бы пел вместо того, чтобы говорить, как нормальные люди.

Бен рассмеялся.

- Это может надоееест через некоторое вреееемя! - пропел он в оперном стиле.

Ладно, может, это звучало глупо, но Тим хотел услышать, как Бен снова споет настоящую песню.

- Спой эту! - сказал он, немного увеличивая громкость.

- Это "Бисти Бойз", - сказал Бен. - Они не поют, они читают рэп. Или воют. Подожди, пока появится такая песня, как последняя. Эй, ты когда-нибудь слышал оригинал "Убивая меня нежно"?

Тим покачал головой.

- Роберта Флэк! Она богиня. Я как-нибудь включу тебе эту версию. Тогда ты не будешь думать, что у меня хороший голос. У меня мурашки по коже каждый раз, когда я её слышу.

У Тима до сих пор были мурашки, поэтому он попытался успокоиться и перестать вести себя как группы* (* *Группы - девушки, сопровождающие музыкальные группы и выполняющие прихоти музыкантов*). Они посмотрели вместе ещё пару клипов, пока не подвернулся тот, который понравился Бену. Тогда он снова начал петь, на этот раз с закрытыми глазами, и Тим снова почувствовал, как спешат вернуться те же самые чувства. Дело было не просто в песне или в моменте. Этот голос был чертовски волшебным! Тим действительно не мог понять, почему Бен не был более популярным. Может быть, дело в том, что он гей, но люди наверняка простили бы Бена за что угодно, если бы слышали, как он поет.

Как только песня закончилась, Тим изо всех сил старался не захлебнуться эмоциями.

- Ты состоишь в хоре?

Бен кивнул.

- Значит, люди в школе слышали, как ты поёшь.

- Да, но обычно только те, кто ходит на концерты. Ещё я пел на шоу талантов в первый год.

И школа не поклонялась ему? Бен спел ещё одну песню для него - по крайней мере, было такое чувство - и как только закончил, Тим выключил телевизор. Затем он задал вопрос, который продолжал всплывать в его голове.

- Так каково быть геєм?

- Думаю, так же, как и кем-то другим. Каково быть тем, кем являешься ты?

- Натуралом, - твёрдо произнёс Тим, прежде чем вернуться к теме. - Ты за это не много получаешь? В смысле, все в школе знают, верно?

- Ага.

- Я удивлён, что тебя не избивают каждый день.

- Я получаю много дерьма. - Бен пожал плечами, словно это ничего не значило. - Но получал ещё до того, как признался, по совершенно другим причинам. Сейчас всё не сильно изменилось. Не совсем.

- Правда, правда. - Тим понимающе кивнул. - Если не одно, так другое.

Бен закатил глаза.

- Как будто ты знаешь. Должно быть, тяжело быть качком с богатыми родителями и новеньким спорт-каром. Люди, наверное, беспощадно над тобой издеваются.

Тим усмехнулся в ответ.

- Когда ты так говоришь, кажется, что у меня всё хорошо, но я всё равно получаю дерьмо от других людей. Пропусти мяч или не успеешь добежать до базы, и твоя команда набросится на тебя, особенно, если вы проиграете.

Бен не выглядел убеждённым. Тиму придётся дать ему больше. Популярность не была такой, как все расхваливают, и если бы Бен только знал, что произошло в Канзасе...

Тим мог ему рассказать. Это означало бы вспомнить прошлое. Произнести эти слова здесь, даже всего один раз, могло означать, что они будут повторяться снова и снова, пока не разрушат Тима. Но конечно, Бен понимал, каково быть изгоем.

- Как насчёт этого? - улыбка с лица Тима исчезла. - В прошлой школе моя бывшая девушка рассказала всем, что я её изнасиловал, только потому, что я её бросил. Ко мне подходила каждая девчонка в школе и говорила, что я сумасшедший придурок. Некоторые даже пытались ударить меня коленом между ног. Это было безумие.

Бен казался скорее заинтересованным, чем осуждающим.

- Что случилось?

- Что ты имеешь в виду? Ничего не случилось. Её слово против моего, но она не пошла в полицию и не сделала ничего такого, потому что знала правду. Всё утихло спустя какое-то время, но после этого люди не относились ко мне по-прежнему. Ты себе даже не представляешь, как я рад начать всё заново.

Бен вздохнул.

- Звучит привлекательно.

- Ты бы всё равно признался? Если бы переехал на другой конец страны, где тебя никто не знает, признался бы снова?

- Да, - незамедлительно ответил Бен. - Ты шутишь? Что бы я делал в противном случае? Притворялся бы, что мне нравятся девушки, и начал бы с ними спать?

Тим чувствовал себя неуютно, будто его обвинили в том, что он делает именно это. Может быть, потому что отношения с Кристой включали в себя так много притворства.

- Я определённо сделал бы снова каминг-аут, - продолжил Бен. - Это мой единственный шанс встретить другого гея. За объявление платят. По крайней мере, в теории.

- Никакого везения на личном фронте?

- Не совсем. Не в любви, по крайней мере.

Часы с кукушкой, которые его родители привезли из Германии, ожили, маленькая птичка прочирикала время.

- Боже, мне надо домой, - Бен начал надевать ботинки. - С тобой всё будет в порядке? В холодильнике напитки и закуска, а также остатки пиццы, они на тумбочке. Тебе принести?

Тим поборол усмешку.

- Не, я справлюсь.

- Я подумал, что зайду утром приготовить завтрак и проверю тебя, а затем ещё раз днём?

- Да? - Тим намеревался сказать Бену, что может справиться сам, но вместо этого произнёс: - Ты сделаешь это для меня?

- Это и чертовски много чего ещё. - Бен рассмеялся, будто шутил, но они оба знали, что это не так. - Эм, ну что, тогда увидимся завтра.

Он практически выбежал за дверь, вероятно, смущённый своим признанием, но Тим не возражал. Это было вполне похоже на комплимент. Если бы Тим был девушкой... Что ж, это была просто странная мысль. Но если бы события сложились иначе, он был бы в восторге от того, что им заинтересовался кто-то похожий на Бена. По крайней мере, в большем восторге, чем уже был.

Бен был первым, что Тим видел каждое утро, так как обезболивающие заставляли его спать глубоким сном. Обычно после пробуждения у Тима болела спина из-за сна на кожаном диване в логове, и Бен так забавно на него смотрел - будто всё это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Затем Бен торопился пойти и приготовить завтрак. В первый день Тиму подали блины, на следующий - яичницу. Сегодня были только замороженные вафли, так что Бен, должно быть, действительно спешил.

- Сейчас девять тридцать, - сказал Тим, когда Бен поставил тарелку на кофейный столик. - Ты не пропускаешь школу?

- Ну, да. - Бен проверил свои часы. - Но всё нормально. У Эллисон, моей лучшей подруги, есть инсайдерская информация. Посещение проверяют только на втором уроке; в противном случае они получают прогулы от людей, которые опаздывают утром. До или после этого я в безопасности. Вроде как. В конце концов, учителя начнут задавать вопросы, поэтому я хожу на большинство своих уроков.

Тим улыбнулся ему улыбкой, которую обычно приберегал для девушек, которые делали что-то, что ему нравилось. Это всегда заставляло их плавиться, и, к его веселью, она также сработала и с Беном. Такая реакция у парня почему-то была более удовлетворяющей. Тим уже завоевал любовь многих девушек, хоть было не так много времени, но казалось новым достижением - заполучить такой взволнованный взгляд от другого парня.

- По крайней мере, завтра суббота. Есть планы?

- Ну, может быть, - ответил Бен.

- Понятно. - Тим надулся. - Ты оставляешь меня добывать пропитание самому.

- Я собирался приготовить тебе настоящую еду. Никакой замороженной пищи или быстрых завтраков. Но если подумать, я могу быть слишком занят. Я не могу терять всё своё время на натуралов, - подмигнул Бен. - Уверен, ты понимаешь.

- Я сделаю так, чтобы это стоило твоего времени, - сказал Тим. Конечно, он не намеревался что-то делать, но любил флиртовать.

- Например, что? - надавил Бен.

- Я дам тебе понюхать мои носки. - В лицо Тиму врезалась подушка, и когда он убрал её, Бен был на пути к двери. Тим крикнул ему вслед. - И я разрешу тебе продолжать пользоваться моей машиной, воришка!

Так и пошло. Дни были одинокими, пока Бен был в школе. Потом Бен проводил с ним всё своё свободное время, и Тим был благодарен за каждую секунду, потому что дни могли стать длинными и скучными. Кроме того, Бен хорошо о нём заботился. Готовки и уборки было достаточно, но ещё он стирал, хотя Тим не просил его об этом. Ещё Бен набирал ему ванны, Тиму приходилось купаться с гипсом, кладя его на край ванны. Однажды, во время их первых выходных вместе, он даже позволил Бену поддержать его компанию в ванной, пока мылся. Конечно, душевая занавеска была

натянута, но не до конца, поэтому то, как Бен украдкой бросал взгляды на его тело, определённо не вредило самолюбию Тима.

В каком-то смысле они были как старая женатая пара, больше не заинтересованная в сексе. По крайней мере, Тим не был заинтересован. Даже мысли о близости с Кристой не могли разбудить его аппетит. Может быть, за это стоило винить таблетки. Постоянная сонливость начинала его раздражать, поэтому пропив их практически две недели, Тим решил это дело забросить. У него всё равно закончились таблетки, и если их не докупить, то Бен будет меньше жаловаться, так как последние пару вечеров Тим засыпал рано.

Когда в четверг днём зазвонил телефон, Тим усмехнулся и потянулся за ним. Скорее всего, это был Бен, переживающий о том, что они будут есть на обед.

- Как делишки, сладкие щёчки?

- Эй, приятель, ты где пропадаешь?

Голос был легко узнаваем, обладая ровной уверенностью богатства и популярности.

- Эй! Дэррил! Криста тебе не рассказала?

- Криста? Разве ты имел в виду не сладкие щёчки?

Тим подавился, но ему удалось выдать это за смех.

- Ага. Я думал, она позвонит. В любом случае, она тебя не просветила?

- Просветила. Повредил лодыжку, да?

- Ага.

Криста звонила на прошлой неделе, но Тим рассказал только половину правды, сказав, что родители его не выпускают. Он не был уверен, почему соврал. Может быть, потому что наслаждался лёгкими вечерами с Беном. Сейчас идея затусить с парнями, выпить парочку кружек пива после школы у Дэррила, звучала мило. Как и внимание, которым Криста обычно его осыпала.

- Мы думали, ты к этому времени уже вернёшься, - надавил Дэррил. - Брайс в прошлом году сломал руку и получил только пару дней отдыха.

Тим, вероятно, не получил бы и этого, если бы его родители были в городе.

- Я выжимаю по максимуму, приятель. Должен вернуться в понедельник.

- Криста говорит, что не видела тебя. Хочешь, чтобы я прислал её для оздоровительной дочки?

Тим фыркнул.

- Я ведь говорил, что мои родители католики, да?

- А, - ответил Дэррил, будто это всё объясняло.

- Кроме того, она ханжа.

Дэррил рассмеялся.

- Конечно не такая уж ханжа! Может быть, ты слишком мягко играешь.

- Ага, может быть.

Член Тима дёрнулся от этой идеи. Да, эти таблетки определённо сдерживали его либидо.

- Ладно, выздоравливай поскорее. Чао!

- Счастливо.

Тим повесил трубку и сидел в тишине. Что-то в этом звонке заставило его нервничать. Весть от Дэррила будто стала пробуждающим сигналом. Его родители должны были вернуться в воскресенье. После этого всё вернётся к реальности. Играть в семью с Беном было весело, но Тим не видел, как могут встретиться этот мир и тот, который он знал.

Только если он не мог каким-то образом взять Бена с собой, добиться того, чтобы его друзья ценили его. Но как? Он не мог представить, что Брайса тронет пение Бена, а

если он раскроет Бена Стейси Шелли и Дэррилу Брискотту, это не принесёт ему никакого одобрения. Тим не был против них, но в сравнении с ними, Бен был слишком милым и невинным.

Кроме гомосексуализма, что и так было довольно дико, была другая проблема: Бен не скрывал свою ориентацию, и если родители Тима узнают, то взбесятся. Нет, остались только выходные, и, считайте, всё закончится. Он мог только попытаться насладиться оставшимся временем.

Несмотря на все его усилия, Тим вёл себя угрюмо, когда пришёл Бен. Холодильник пустел, так что Бен принёс с собой фаст-фуд, в котором Тим только поковырялся. После этого они расселись на диване, Тиму всё больше надоедало быть там. Без таблеток ему не хватало не только секса. Рисование, пробежки, вождение - что угодно звучало лучше, чем ещё больше телевидения. Он выключил телевизор и со вздохом отбросил в сторону пульт.

- Ты в порядке? - спросил Бен.

- Не совсем. - Тим оттолкнулся, чтобы подняться. - Давай сходим прогуляться.

- Ты так бегаешь на этих костылях, что мне никогда за тобой не угнаться. - Бен пожевал свою губу, ища вдохновения. - Как насчёт задней террасы? У вас, ребята, милый двор. Мы можем потусоваться там.

- Ага, ладно.

Тим не был восхищён этой идеей, пока они не оказались на улице. Их ждали приятные полосы газона, ограниченные специально посаженными деревьями вместо забора. Жуки негромко гудели, практически заглушая соседские кондиционеры, которые включались и выключались вдали. Бен помог Тиму устроиться на одном из деревянных шезлонгов, поправляя для него подушки. Затем Бен зажёл бамбуковые факелы, и в уменьшающемся дневном свете Тим начал расслабляться.

- Притащи мне из дома пиво, и это будет рай.

Бен колебался.

- Твои родители не заметят?

- Мне плевать. И себе одно возьми.

Бен вернулся только с одной банкой пива, которую протянул Тиму.

- Спасибо.

Он открыл банку и сделал глоток. Да, вовсе не плохо.

Они сидели вместе в тишине - именно то, в чём нуждался Тим. Это ещё одно, в чём Бен был хорош. Он мог читать настроение Тима как никто другой. Криста была безостановочной болтушкой, но Бена устраивало просто тусоваться с ним. Не то чтобы было справедливо продолжать их сравнивать, но было тяжело этого не делать. Если бы всё было просто немного по-другому, если бы Тим был геем, или если бы Бен был девушкой, он бы ходил по коридорам в обнимку с Беном. Эта мысль вызвала у него смех.

- Что? - спросил Бен.

- Ничего. Просто думаю о школе.

- Ты по ней скучаешь?

- Шутишь? - Тим сделал очередной глоток и поставил пиво на террасу. - Я бы не пошёл туда снова, если бы у меня был выбор.

Бен поморщился.

- Странно.

- Почему это?

- Ну, я просто думал, что тебе там будет нравиться больше. В смысле, ты популярный.

Тим растянул свой ответ, чтобы сделать его более саркастичным.

- Что та-а-а-к весело.

- Разве нет? - сомневался Бен. - У меня один настоящий друг, и проведение времени с Эллисон - единственное, что делает школу терпимой. Без неё я сошёл бы с ума.

- Так что ты хочешь сказать?

- Ну, у тебя намного больше друзей, так что это было бы как иметь больше Эллисон. Для меня это звучит как хорошее времяпрепровождение.

Тим рассмеялся, но внутри задавался вопросом, упускает ли он что-то. Умножьте Дэррилов и Брайсов, или даже Карла и Броди из дома, и это звучало как одна гигантская головная боль. Друзья развлекали его и заставляли чувствовать себя важным, но ещё они утомляли. В своих нуждах они были такими же требовательными, как и он, и, вероятно, относились к нему так же.

- Позволь мне рассказать тебе секрет, - сказал Тим. - Популярные люди чертовски неуверенные. Они переживают только о том, чтобы оставаться на вершухе и быть объектом всеобщей любви. Из-за этого они одержимы тем, что о них все думают. Большинство пойдут на что угодно за любой голос одобрения, который могут заполучить.

- О присутствующих не говорят.

Тим был уверен, что Бен подразумевал это как комплимент, а не как выпад, но покачал головой.

- Я такой же плохой и даже не могу рассказать тебе, почему. Популярные дети - это просто могущественное объединение нуждающихся, неуверенных лузеров. Помни это в следующий раз, когда с тобой будет грызться кто-то, похожий на Брайса. Ты лучше их, Бенджамин. Ты не должен быть никем, кроме себя.

Бен выглядел смущённым, но бросил Тиму глупую улыбку. И от этого Тиму становилось грустно, потому что он говорил правду. Наступит понедельник, его жизнь сосредоточится на поддержании имиджа, потому что он нуждался в том, чтобы люди его любили. Может быть, он получал недостаточно любви от своих родителей, или, может быть, он был просто жалким, но Тим жил ради восхищения. Он выжимал его из Бена последние две недели, что, вероятно, было нечестно.

Тим потёр шею и вздохнул. Ему нужно пробежаться.

- Как только гипс снимут, я больше никогда не сяду.

- Хочешь массаж?

Тим собирался ответить язвительно, думая, что это был их обычный безрезультатный флирт, но Бен выглядел серьёзным.

- Опусть спинку шезлонга и перевернись, - сказал Бен. - Поверь, я делаю отличный массаж.

Почему бы и нет? Тим опустил шезлонг и перекатился, его гипс стукнулся о террасу, но ему стало настолько лучше, что нога почти не давала о себе знать болью. Бен сел сбоку от него и начал разминать мышцы у основания шеи Тима.

- Значит, ты часто это делал? - спросил Тим, желая продолжить их разговор.

- Нет. Первый раз.

Тим поднял голову.

- Но ты сказал...

- Да, ну, я много чего говорю. - Бен рассмеялся и начал массировать грубее, заставляя Тима опустить голову.

Может быть, Бену не хватало опыта, но массаж определённо ощущался хорошо!

Следующим этапом он проработал область между лопатками Тима, затем несколько раз сжал дельтовидные мышцы, медленно опускаясь к пояснице. Тим поёрзал на месте, его шорты натянулись.

Чёрт.

Он был твёрд или очень близок к этому. Другой парень прикасался к нему, а его дурацкий член реагировал. Часть его склонялась к идее перевернуться. Он знал, что Бена это осчастливит, но - чёрт побери! - что это говорило о нём самом?

- Хорошо, - сказал Тим. - Достаточно.

Бен продолжал массажировать.

- Прекрати, чёрт возьми!

Руки Бена поднялись.

- Прости. Я сделал тебе больно?

- Нет. - Тим отвернул голову от Бена, его глаза были почти на уровне с банкой пива, он мог видеть, как конденсат капает на камни террасы. Вдали танцевало пламя бамбукового факела, посылая тени по траве. Тим нахмурился. Может быть, всё зашло слишком далеко. Он приподнялся на локтях. - Я устал, - сказал он, не глядя на Бена. - Тебе пора идти.

- Оу. Ладно.

Бен встал, но никуда не ушёл. Чего он ждал? Что его проводят до двери? Когда Тим не сдвинулся, по-прежнему не смотрел на него, Бен понял намёк. Звук его шагов стал затихать. Тим слышал, как раздвинулась стеклянная дверь, но не слышал, чтобы она закрылась. Он мог представить, что Бен стоит там, глядя на него и задаваясь вопросом, что сделал не так. Он, должно быть, был прав, потому что Бен заговорил.

- Так ты по-прежнему хочешь, чтобы я зашёл завтра?

«Нет! Конечно, нет. Поэтому я тебя прогоняю!» Но Тим не мог заставить свои губы сформировать эти слова.

- Ага. Увидимся завтра.

Когда Тим услышал, как через пару минут уехала машина, он встал и взялся за костыли. Оказавшись внутри, он подрочил. Он не делал этого с тех пор, как получил травму, что было сумасшествием. Накопленные гормоны могли сделать так, чтобы практически что угодно звучало как хорошая идея.

Завтра всё будет иначе. Тим начнёт сам хозяйничать в доме, снова станет самостоятельным. Бен был хорошим парнем, но он не был его чёртовой девушкой. Тим не будет наказывать Бена за то, что было его собственной виной, но после этих выходных спектакль закончится.

Глава 6

На следующий день Бен ступил на порог с полными руками продуктов. Тим вышел за ним к подъездной дорожке, намеренный помочь занести остальное, хотя Бен ему не позволил. По возвращению на кухню он помог всё разложить. После этого Бен надолго не задержался, пообещав своей семье поужинать с ними. Через пару часов Бен позвонил со злостью в голосе.

- Моя тупая сестра узнала, что я пропускал уроки, и настучала на меня.

- Оу.

Ответ Тима был не лучшим, но у него были смешанные эмоции. Этот вечер мог быть не таким весёлым без Бена, но, может быть, не был бы и таким смущающим.

- Это не только на сегодня, - объяснил Бен. - На выходных я тоже вряд ли появлюсь.

- Что поделать, приятель? Это жизнь.

После этого они мало говорили по телефону. Тим разогрел в микроволновке замороженные буррито, затем сел за обеденный стол и поел, особо не чувствуя вкуса. Его голова гудела от слишком большого количества мыслей, которые, несмотря на его старания, продолжали возвращаться назад к Бену.

После ужина Тим захватил свой скетчбук и вышел на заднюю террасу, зажигая факелы и пытаясь воссоздать вчерашнее настроение. Почему-то всё было не так, но он посидел там и порисовал. Затем он начал писать, пытаясь выразить свои мысли и всё больше и больше раздражаясь. Затем он увидел бабочку, порхающую по воздуху с ленивой лёгкостью, будто жизнь всегда была простой и без последствий. Снова подумав о Бене, Тим переключился на поэзию, и слова, наконец, полились, его чувства легче было выразить абстрактно, особенно облачив в испанский. Тим считал этот язык красивым, слова были достаточно экзотическими, чтобы казаться практически таинственными, их мощь не уменьшалась под постоянным воздействием.

Удовлетворив свой разум и душу, Тим медленно поднялся на костылях наверх и пролистал свои старые порно-журналы. Таким образом, он освободился от большого напряжения, хоть его раздражала схожесть изображений, все эти женщины с искусственной грудью и мужчины с накачанными спортивными телами выглядели одинаково. По крайней мере, пребывание наверху означало, что он снова может спать в своей собственной кровати, которая была в десять раз удобнее дивана.

Той ночью сны Тима были не спокойными. Он снова обнаружил себя в комнате Кори, только было дико, что там сидел и разговаривал с ним Бен. Но он не совсем говорил. Он пел, каждое слово было мелодией. Когда сон достиг своего апогея, Бен пел одни и те же слова снова и снова, пока они не стали песней с одной строчкой: "Можешь поцеловать меня, если хочешь. Можешь поцеловать меня, поцелуй меня, поцелуй меня, если хооочешь". В конце концов, Тим поддался искушению и наклонился вперёд, резко просыпаясь в тот момент, когда их губы соприкоснулись.

С него хватит. Позже, в тот же день, Тим позвонил Кристе.

Однажды Бен сказал, что гипс хорошо подойдёт для того, чтобы заработать сочувствие. Как выяснилось, он был прав. Тим снова сидел на кожаном диване, но теперь худощавая девушка рядом с ним не переставала хихикать и говорить "Тимми!" отчитывающим тоном. Он любил целовать шею Кристы, чтобы заставить её визжать. Более того, он любил то, как возбуждался в ответ на это, сомнения насчёт его ориентации теперь поблекли.

- Дай мне его подписать! - сказала Криста.

- А потом? - спросил Тим.

- Эм...

Ох, ему нужно было написать ей сценарий?

- Ты меня вознаградишь? - подтолкнул Тим.

- Оу! - Криста вытаращила глаза. - Что ты имеешь в виду?

Серьёзно?

- Уверен, ты придумаешь, что можешь для меня сделать.

- Оу. Оооу!

Вот так. Теперь до нее, наконец, доходило. Криста взяла с кофейного столика один из маркеров, чтобы написать что-то на гипсе. Раздражение Тима на Кристу заставило его стояк сойти на нет, но он снова вернется. Он продолжал дёргать ногой, вызывая у Кристы громкий смех, когда слышал шум в коридоре. Тим оглянулся и увидел Бена, с широко раскрытыми глазами, прежде чем тот попятился от двери. И хорошо, потому что Криста тоже его слышала.

Тим с трудом поднялся на ноги.

- Сейчас вернусь.
- Здесь кто-то есть? - с беспокойным видом спросила Криста.
- Просто мой сосед. Он обещал мне кое-что принести. Подожди здесь.

Тим схватил костыли и поспешил в коридор. Там был не только Бен, но и его собака. Тим прошёл мимо них, кивком головы призывая Бена идти следом. Он не остановился, пока не дошёл до входной двери, что должно было стать достаточным намёком.

- Что ты здесь делаешь? - прошипел он. - Я думал, что ты под домашним арестом.
- Я ускользнул, - сказал Бен.
- Боже, приятель! Ты меня чуть до инфаркта не довёл.
- Прости. Хотел сделать тебе сюрприз.

- У тебя получилось. - Пёс заворчал, чтобы привлечь его внимание. Тим годами хотел собаку, но для его родителей это было то же самое, что просить их сделать ещё одного ребёнка. - А это кто? - спросил он, потянувшись вниз, чтобы погладить пса.

- Уилфорд, мой преданный компаньон. Я подумал, что прогулка с ним будет хорошим оправданием проскочить сюда.

Но Тим едва ли слышал его. Вместо этого он думал о своём дне рождения, когда чуть не сбил какого-то парня и его собаку. Это не мог быть... или мог?

- Знаешь, он выглядит удивительно знакомым.
- Он похож на Уилфорда Бримли, - объяснил Бен. - Знаешь, на этого старика из рекламы овсянки.

- О да, - рассмеялся Тим. - Определённо похож.
- Поэтому мы его так называли. Ему нужна только пара очков, и будет совершенная копия.

Они смеялись вместе, и это получилось легко. Слишком легко. Криста могла выйти в коридор в любой момент.

- Послушай, ты не можешь остаться, - прошептал Тим. - Я пытаюсь добиться секса. Обыгрываю травму, как сумасшедший, и она клюёт.

- Да, прости. - Бен выглядел смущённым, будто сделал что-то глупое. - Я, э-э, да. Удачи, приятель.

Боже, это было отстойно, но всё равно это случилось бы в понедельник. Тим по-дружески ударил его по руке, так, когда на самом деле ты просто прижимаешь свой кулак к чьему-то плечу.

- Тебе тоже. Надеюсь, ты проберёшься обратно, и тебя не поймают.
- Не думаю, что это будет так уж сложно. Мои родители уехали по делам.
- Оу.

Бен неловко шаркал ногой.

- Ага. Ну, увидимся.

- Ага. Подожди!

Бен развернулся, Тим пожалел о своей небрежности, потому что Бен выглядел таким чертовски оснащённым.

- Мне нужны обратно ключи от моей машины.
- Ох, да. Конечно.

Бен вытащил связку ключей из кармана, не встречаясь взглядом с Тимом. Затем он покинул дом, пересекая двор по диагонали и в спешке практически таща за собой Уилфорда.

«Прости, Бенджамин».

Когда Тим вернулся обратно в гостиную, Криста по-прежнему сидела на диване, тревожно выпрямив спину.

- Просто мой сосед, - напомнил он ей. - Я недавно пропустил доставку.

- Оу.

Тим сел обратно на диван, забрал маркер из руки Кристи и с мстостью поцеловал её. После мгновения удивления она ответила. К его облегчению, ответила и остальная его часть, но это было не просто, потому что болезненное выражение лица Бена продолжало вспыхивать в его голове. Если бы мир был другим, Тим сделал бы Бена счастливым, дал бы ему то, чего он хотел. И Тим должен был признать, что и сам тоже этого хотел. Может быть, он этого не понимал, и ему это не нравилось, но Тим хотел его. Он схватил руку Кристи и передвинул её на свой член.

Она мгновенно отстранилась, её лицо стало свекольно-красным.

- Прости, - сказала она.

- Что? - спросил он, озадаченный.

- Я просто не... - она выглядела напуганной! - Я не хочу этого делать.

- Ладно, - быстро ответил Тим. - Всё хорошо.

Выражение страха не исчезло.

- Серьёзно, - сказал он. - Я не против.

И он не был против. Как бы сильно ему ни хотелось потрахаться, этого он хотел не с ней.

Криста нервно улыбнулась.

- Правда?

- Правда. У нас всё хорошо. Иди сюда.

Тим притянул её ближе, и она прильнула к нему, положив голову ему на грудь.

Он искал тему, что угодно, что не имело отношения к Бену, гомосексуализму или сексу.

- Так ты скучала по мне, пока меня не было в школе? - попытался он.

- Да! Стейси сказала Брайсу, что он должен приносить мне мой ланч, пока тебя нет, но он не смог за раз унести три подноса, так что ему пришлось вернуться обратно и ждать в очереди за своей едой. Я подумала, что это подло, и сказала ей прекратить, но Стейси считала, что это смешно. Наконец...

Это "наконец" было только началом того, что Криста умела лучше всего. Она болтала, и Тим расслабился. Он позволил ей говорить весь следующий час, поцеловав её ещё несколько раз, но только чтобы показать ей, что всё нормально. Затем он соврал и сказал, что от таблеток чувствует себя уставшим. Он проводил её до двери и поцеловал на прощание, но она не ушла так просто.

- Тимми?

- Да?

- Ты думаешь, я ханжа?

И снова появился этот намёк на страх. Конечно, она слышала, что все говорят. Сплетни всегда доходят до человека, о котором говорят. Она ужасалась того, что о ней подумают другие люди. Как и он.

- Ты не ханжа, - сказал Тим. - Ты идеальна.

Она долго смотрела на него. Затем Криста поцеловала его ещё один раз и практически побежала к своей машине. Он, наверное, пожалеет об этом. Бог Свидетель, от этого он будет только больше ей нравиться. Но, может быть, сегодня этого окажется достаточно, чтобы она чувствовала себя лучше.

У Тима перехватило дыхание, пока он слушал гудки в телефонной трубке. Он действительно собирался это сделать? Его тело ответило. Да, собирался. Предполагая, что Бен не скажет "нет". История, которую выдумал Тим, была такой оше...

- Что? - огрызнулся ему в ухо голос.

- Бенджамин?

- Тим?

Хорошо. Контакт установлен.

- Боже, я рад, что не попал на кого-нибудь из твоих родителей. Они ещё не пришли?

- Не переживай об этом, - тон Бена звучал теплее. - В чём дело? Ты звонишь похвастаться или что? Скажи мне, что ты не трахаешь её прямо сейчас!

- Не совсем. - Тим изо всех сил старался звучать раздражённым, что не было ложью. - Подошли близко, но она испугалась европейского стандарта.

- Ладно.

Тим внутренне вздрогнул. Он действительно сказал это? Броди задал ему жару после того, как заметил в душе, что Тим не обрезан. Некоторое время он называл Тима "французом", потому что утверждал, что только французы не подвергаются обрезанию. Тим провёл маленькое исследование и выяснил, что большая часть Европы не обрезается. Конечно, за это Броди задал ему ещё больше трёпки, в конце концов назвав это «европейским стандартом».

- В любом случае, - произнёс Тим, меняя тактику, - мы поругались, и она ушла.

- Мне жаль? - ответил Бен, как угодно, но не с сожалением.

- Так ты хочешь прийти? - На телефонной линии царил тишина. Это было не к добру. - Может быть, мы с тобой сможем продолжить то, на чём остановилась она.

- Я сейчас буду!

В трубке раздался щелчок, и всё затихло.

Тим усмехнулся. Вот это другое дело! Бен был в пути и... Боже! Он действительно собирался пройти через это? Если так, он собирался сделать всё правильно. Тим поспешил в ванную так быстро, как позволяли его костыли, почистил зубы, побрызгался одеколоном и попытался привести в порядок свои волосы, прежде чем сдался. Он думал о том, чтобы подождать у двери, пока не понял, как жалко это будет выглядеть, поэтому вернулся на диван в логове.

"Можешь поцеловать меня, если хочешь", - произнёс призрак в голове Тима, но на этот раз у него был ответ. «Да, чёрт возьми, я тебя поцелую!»

Тим услышал, как открылась входная дверь. Его свободные шорты для бега - которые было легко надеть через гипс - никак не скрывали его предвкушения. Но, может быть, это было нормально. Они оба этого и хотели, верно?

Он поднял взгляд и обнаружил Бена в дверном проёме. Он тоже казался неуверенным, но когда их глаза встретились, Тим опустил свой взгляд вниз. Когда он снова поднял глаза, выражение лица Бена было таким же похотливым, как и у него.

- Иди сюда, - пригласил Тим.

Бен подошёл к нему, сел рядом на диван. одному из них придётся сделать первый шаг. Бен взял инициативу на себя, потянувшись рукой к паху Тима, но Тим поймал его за запястье и остановил.

- К чему спешка?

Он использовал хватку на запястье Бена, чтобы притянуть его ближе. Изголодавшись, Тим положил другую ладонь сзади на шею Бена и притянул его к себе. Он увидел выражение удивления на лице Бена как раз перед тем, как их губы встретились в неуклюжем поцелуе. Затем они попробовали снова. Тим вложил в этот поцелуй всего себя, захватывая губы Бена своими снова и снова, держа голову Бена уже двумя руками, пока проскальзывал в его рот языком.

Это было хорошо. Не так сильно отличалось от поцелуя с девушкой, но почему-то лучше, как-то правильнее. Тим не хотел останавливаться, но затем рука Бена нашла его грудь, щупая мускулы и напоминая Тиму о том, в чём нуждалось его тело. Он прервал их поцелуй на достаточно долгое время, чтобы снять с себя майку, задиристо

усмехаясь, пока Бен оглядывал его с восхищением. Затем он положил руки Бена на эти мышцы, его кожу покалывало там, где двигались ладони Бена. Тим украл ещё несколько поцелуев, но рука Бена двигалась всё ниже и ниже.

Тим извивался, и Бен начал действовать, схватив его член через шорты.

- Вау! - произнёс он.

Это звучало хорошо! Тим понятия не имел, как сложен по сравнению с другими парнями. Все тайком подглядывали в душе, тайно сравнивая, но никто не ходил со стояком. Никто из них не мог на самом деле сказать, насколько велик другой, но Бен казался впечатлённым и намеренным его распаковать. Эластичная резинка шортов Тима была спущена, заставляя его напрячься и сесть прямо.

Бен смотрел на член Тима. Затем он потянул вниз крайнюю плоть, пробуя, прежде чем снова поднять её вверх.

- Европейский стандарт? - поинтересовался Бен.

О, Боже. Что, если это было проблемой?

- Там это нормально, - объяснил Тим.

- Это прекрасно.

Чтобы доказать это, Бен взял член в рот, и Тим рухнул в пучину удовольствия. Это был не первый его минет, далеко нет, но мальчик Бенни знал своё дело! Тим обычно гордился тем, что может продержаться долгое время, способен пробежать марафон, пока его партнёр не будет удовлетворён, но в руках и губах Бена он был беспомощным. Его губы начали сжиматься по своей собственной воле, и он не мог перестать стонать. Затем он кончил, измождённый как взмыленная лошадь на финишной черте. Бен удерживал его во рту. Ни одна девушка никогда не глотала, и, о Боже, как это было хорошо. Слишком хорошо!

- Больше не надо, не надо, стой! - умолял Тим. Ему пришлось оттянуть Бена, прежде чем тот остановился. Затем Тим попытался восстановить дыхание. - Чёрт, это было хорошо, - задыхаясь, произнёс он. Бен выглядел гордым, но что-то немного неуверенное промелькнуло на его лице.

«Ох. Верно. Что насчёт него?»

Тим всё время фантазировал о том, чтобы поцеловать Бена, может быть, получить от него минет. Но он не заходил в этом дальше. Ему нужно было время, чтобы это обдумать.

- Боже. Мне нужно отлить.

- Всё нормально.

Они не пересекались взглядами, пока Тим натягивал шорты, возился с костылями и выходил из комнаты. Тим смотрел на себя в зеркале в ванной, его волосы теперь были в двойном беспорядке, серебристые глаза были стеклянными, будто он под наркотиками. Секс был чертовски невероятным, но ещё это было эгоистично. Бедный Бен сидел там, наверное, с такой твёрдой эрекцией, что она угрожала прорваться через его шорты.

И эта мысль была своего рода волнующей.

Тим усмехнулся своему отражению. Почему нет, чёрт побери? Он уже глубоко в этом увяз. Тим смыл унитаз, просто для вида, и направился обратно в логово. Бен нервно облизывал губы и встал, когда он вошёл.

- Думаю, мне пора идти, - сказал он.

- Что? - рассмеялся Тим. Бедный парень думал, что послужил своей цели и больше не нужен. - Ты сумасшедший.

Тим дошёл до него и толкнул Бена обратно на диван. Он отбросил свои костыли в сторону, неуклюже падая следом. Бен вскрикнул от удивлённого шока. Это была знакомая территория. Тим был парнем, Бен был девушкой, и это Тим должен был

играть роль доминанта, взять то, чего хотел. Он перевернул Бена на спину, целуя его, пробуя его губы и косвенно пробуя себя. Господи, это было сумасшествие, но Тим уже снова твердел. Он потянулся вниз, к хозяйству Бена, и нашёл его в таком же состоянии.

- Твоя очередь, - выдохнул он Бену на ухо.

Тим соскользнул в сторону, опустившись коленями на ковёр. Он потянул майку Бена вверх, восхищаясь узкой талией и линиями торчащих рёбер. Такой похожий на девушку, но всё же парень. Кстати говоря. Тим расстегнул джинсовые шорты, пуговицы освобождались одна за одной, прежде чем сорвал их, вместе с нижним бельём Бена.

Впервые он видел другого парня твёрдым. Странно, как по-разному может выглядеть одна и та же часть тела, когда принадлежит кому-то другому. Бен был обрезан, конечно, головка всегда была обнажена и более фиолетовая, чем его собственная. Но для щуплого паренька он определённо был велик. Тим был больше, что заставляло его чувствовать себя больше мужчиной, но Бену нечего было стыдиться.

- Отлично, - произнёс Тим, берясь за него и начиная двигать рукой. Кожа Бена ощущалась более натянутой, возможно, из-за обрезания. Это делало невозможной технику, которую Тим применял на себе, но Бен реагировал так, будто Тим справлялся отлично, стоная и извиваясь под его прикосновением. Этот опыт был жарче, чем Тим представлял. Свободной рукой он подтянул майку Бена выше, дразня его соски языком. Затем Тим сделал то, что любил больше всего, и начал целовать Бена снова. Он по-прежнему целовал его, когда Бен излился ему в руку.

Тим усмехнулся, пока Бен стонал и дёргался, наслаждаясь своей мстостью, пока Бен тоже не начал умолять его остановиться.

- Я захвачу полотенце, - сказал он. Желудок Тима заурчал. - А затем ты для меня что-нибудь приготовишь.

Вернуться обратно в их старую рутину было легко. Чем больше времени Тим проводил с Беном, тем больше он это ценил. С ним не было ничего сложного. Не было никакого драматичного обсуждения того, что всё это значило. Они занимались сексом, вот так просто. Затем тусовались вместе, как всегда, смотрели телевизор или включали музыку и просто говорили обо всем.

В ту ночь Бен остался ночевать у него, расстелив себе постель на полу и отдавая Тиму диван. Каким-то образом мысль о том, чтобы подняться наверх в его комнату, казалась слишком интимной. Они спали бы в обнимку? Несмотря на всё, чем они занимались, идея звучала странно. До следующего утра, когда Тиму очень захотелось, чтобы Бен лежал на диване с ним.

Они начали день с воссоздания событий предыдущего вечера, прежде чем пришло время встретиться лицом к лицу с фактами. Родители Тима ехали домой, что означало необходимость разрушить этот сказочный мир, собрать кусочки и убрать их. Они оба были подавленными, пока убирали дом, не желая, чтобы их веселье подходило к концу. Но так и было. Тим был вынужден попрощаться.

- Тебе, наверное, лучше идти, - выпалил он. Бен протирает кухонные шкафы, хотя они явно в этом не нуждались. - На случай, если мои родители прилетят ранним рейсом.

Бен по-прежнему работал, нахмурившись, будто это задание требовало его полной сосредоточенности.

- Слушай, - начал Тим, но если найти слова было легко, то произнести их не очень. - То, что произошло между нами, ну...

Рука Бена перестала двигаться. Он посмотрел Тиму прямо в глаза, обращая на него всё своё внимание. Может быть, они по-прежнему могли бы делать это, если бы нашли место, где можно остаться наедине. Но было кое-что более жестокое, чем это.

- Возможно, лучше держать это в секрете, - сказал Тим. - Я просто не хочу, чтобы люди всё не так поняли.

- Не так поняли? - повторил Бен.

- В этом нет ничего плохого, - пошёл на попятную Тим. - Я просто не хочу, чтобы люди считали меня геем, когда это не так.

Бен смотрел на Тима с интересом, будто тот говорил на иностранном языке. Но затем он очень осторожно произнёс:

- Ладно. Не беда.

Хорошо! Это было не так сложно. Он думал, что Бен расстроится. Станным образом, Тим был отчасти разочарован, что это не так.

- Так ты мне позвонишь? - добавил Бен.

- Да, конечно! - У Тима было такое чувство, что он произнёс это с немного лишним энтузиазмом, поэтому он добавил: - Мы друзья.

- Круто, - ответил Бен. - Тогда я пойду. Удачи с родителями, когда они приедут.

- Удачи тебе с твоими! Надеюсь, у тебя не будет слишком больших неприятностей.

Тим протянул руку и взъерошил волосы Бена, думая о том, чтобы притянуть его для поцелуя, но это было бы нечестно. Нет, если это конец, а он не был уверен, что было иначе.

Тим ответил Бену похожей улыбкой, пока он уходил, но как только за ним закрылась дверь, он не почувствовал себя таким уж счастливым. Он медленно обошёл дом, в последний раз оглядывая всё на предмет изобличающих улики. Жилище уже казалось намного холоднее, будто Бен забрал с собой сердце дома.

Глава 7

- О, ты дома! Ты не слышал, как мы сигналили? Иди помоги отцу с багажом.

- Я могу попробовать, - сказал Тим, хватая костыли и поднимаясь из-за кухонного стола.

- Гордито! - его мать поставила сумку, с волнением глядя на его гипс. Даже его отец, который тянул из гаража первый чемодан, выглядел взволнованным. - Что случилось?

Тим думал о том, чтобы драматизировать события, рассказав историю о хулиганах, которые напали на него, или, может быть, как он выбил дверь в горящее здание, чтобы спасти сирот, или какое-нибудь подобное дерьмо. Очевидно, он не хотел рассказывать им, что его сбил гей на роликах и позже соблазнил его.

- Какой-то чокнутый велосипедист сбил меня с дорожки, когда я бегал, - сказал Тим. - Упал прямо в водосточную канаву. Не переживайте, это просто вывих.

- Мой бедный малыш! - мать взяла в руки его лицо и расцеловала сына в щёки. - Сиди! Мы принесём остальные вещи.

Тим улыбнулся и сел, наслаждаясь вниманием, но его родители начали хлопотать в поисках сумки с ноутбуком, вспоминать, собирали ли зарядку в отдельный чемодан, и думали, следует ли его матери загрузить стирку. Он был чертовски уверен, что сидел полчаса и ждал от них большего. Может быть, чего-то вроде: "Почему ты нам не позвонил? Болит? Тебе что-нибудь нужно?"

Наконец, отец достал до нелепости огромную плитку швейцарского шоколада и положил перед Тимом.

- В больнице достали информацию о твоей страховке? - спросил он.

Тим кивнул.

- В конце концов мы всё выяснили.

- Хорошо. Я сломал руку, когда был ребёнком. - Отец усмехнулся от воспоминания. — Ходить в гипсе ужасно, да?

- Ага, - сказал Тим, застигнутый врасплох этой откровенностью. - Как ты её сломал?

- Ох, мы с моим младшим братом... — но тут вошла мама Тима с корзиной для белья и отвлекла его. - Элла, если ты стираешь рубашки на завтра, мне нужна голубая. У меня встреча с новым клиентом. Нет, не эта. Светло-голубая рубашка. Я тебе покажу.

Отец ушёл, но не вернулся. Тим прождал ещё десять минут в одиночестве, прежде чем сдался и поднялся наверх в свою комнату. Через час в его дверь постучала мать, спросив, ел ли он. В этом она никогда не уступала. Тим никогда не ходил голодным, но они, казалось, уже забыли о его травме. Он предполагал, что у них синдром смены часовых поясов, или они устали от поездки, поэтому старался их не винить. Когда дом затих, его родители ушли спать, не сказав ему больше ни слова, Тиму захотелось, чтобы Бен по-прежнему был здесь, заставляя его чувствовать себя особенным.

Понедельник наступил как торнадо в Канзасе, подхватывая и унося прочь две самые странные недели в жизни Тима и возвращая мир в нормальное состояние. Возвращение в школу помогло. Тим был в центре внимания друзей, и даже хоть его не было практически так же долго, сколько они его знали, они всё равно вели себя так, будто его отсутствие было важным. После школы Дэррил устроил очередную свою импровизированную вечеринку, на этот раз в честь Тима. И без глубинных бомб, слава богу.

Криста сходила по нему с ума как никогда, цеплялась за него так, будто от этого зависела её жизнь. Но в каком-то смысле это было приятно. Единственное, когда это стало странно - когда она поцеловала его, потому что на секунду он почувствовал, будто изменяет Бену... но затем он напомнил себе, что Криста его девушка. Это ему следовало чувствовать себя виноватым за то, что он сделал за её спиной. Но вины он не чувствовал.

Вторник был не так хорош. Взволнованность из-за его возвращения утихла, и у него была тренировка по кроссу после школы, так что никаких вечеринок. Тим мог только сидеть на краю дороги и наблюдать, но быть частью команды — это больше, чем просто соревнования. Он наблюдал за другими парнями, спрашивая себя, находят ли их привлекательными, пытаясь увидеть их в новом свете. Но это было не то же самое. Он знал, кто из них симпатичный, и у кого лучше тело, но не чувствовал той связи, которая была у него с Беном - или этой отчаянной потребности поцеловать кого-либо из них. Если он был геем, разве он не хотел бы и их тоже? Тим начал задумываться, не стал ли он жертвой гормонов и двух недель заточения.

В среду, шагая на урок рядом с Брайсом, Тим заметил Бена, он шел по другой стороне коридора, держал голову прямо, но смотрел только на него. И это было забавно, потому что вся команда спортивных бегунов мало что с ним делала, но стоило ему увидеть Бена на одну краткую секунду, как вспыхнули все эти чувства дома, заботы. Тим быстро поднёс к лицу кулак с выставленным мизинцем и большим

пальцем, давая Бену знак, чтобы тот ему позвонил. Бен ответил намёком на улыбку и кивнул, прежде чем они разорвали зрительный контакт.

Тим чувствовал странное ликование от этого маленького взаимодействия, его хорошее настроение длилось до тех пор, пока он не пришёл в тот день домой. Там была его мать, что не удивительно, так как большую часть своей работы по переводам она выполняла дома. Но отец тоже пришёл домой раньше, а это редко было хорошей приметой.

- Звонили из твоей школы, - сказала мама после того, как попросила его сесть за кухонный стол.

- Чего хотели?

Выражение лица Эллы было натянутым, выделяя все линии и заставляя её казаться старше.

- Сказали, что им не сообщили причину твоего отсутствия.

- Оу. Мой друг забирал для меня домашнюю работу, но не со всех уроков. Один из учителей раздул из этого проблему в понедельник, но я всё объяснил.

- Включая то, что нас не было в городе, и нам нельзя было позвонить? - вмешался его отец. - Ты выставил нас некомпетентными.

- Прости! - сказал Тим, ошетинившись. - Я завтра пойду в школу и скажу, что держал вас в неведении. Упаси Бог, чтобы они подумали о вас плохо.

- Не умничай! - прорычал Томас. - С нами хочет встретиться социальный педагог, а у меня безусловно нет на это времени!

- Мы знаем, что из школы звонили, когда нас не было, - более мягким тоном произнесла мать. - Ты должен был просто поднять трубку и объяснить ситуацию. И действительно, вывих недостаточно хорошая причина, чтобы пропускать две недели.

Теперь снова вмешался отец.

- Социальный педагог спрашивала, думаем ли мы, что ты должен быть наказан за прогулы, раз был способен посещать школу.

Тим сжал зубы.

- Мне через многое пришлось пройти, ладно? Я не хотел портить вашу дурацкую поездку, и это, кстати говоря, вывих третьей степени, что чертовски близко к перелому.

Лицо отца покраснело.

- Не разговаривай так при своей матери!

Тим посмотрел на маму, чьи брови были приподняты. Тим не мог в это поверить! Из всего, что он сказал, они слышали только ругательство?

- Я разберусь с этим. Завтра я поговорю со школьным социальным педагогом и всё проясню. Обещаю.

Но этого было недостаточно. Отец по-прежнему был зол, и хуже того, мать казалась оскорблённой.

Плечи Тима опустились.

- Простите.

Это удовлетворило их достаточно, чтобы они позволили ему сбежать в свою комнату. Как только он оказался там, зазвонил его телефон. Родители раскошелились на отдельную линию - скорее для их удобства, чем для его - и если бы он был умнее, то вместо домашнего дал бы школе свой номер.

Тим поднял трубку.

- Да?

- Привет.

Бенджамин был как средство спасения из другого мира, того, в который Тиму очень хотелось сбежать.

- Привет. Ты должен приехать и забрать меня. Меня совершенно достало это место.

- У меня нет машины, - напомнил ему Бен.

- Думаю, мою ты водил больше меня. Приходи сюда.

И Бен пришёл, со скоростью молнии. Тим встретил его на подъездной дорожке и вскоре снова расслабился. Он не был уверен, сможет ли Бен воссоздать волшебство, заставить Тима чувствовать себя хорошо за пределами пузыря, в котором они существовали две недели, но опять же, Бен знал, что именно делать. Захватив его автомобиль и взяв его в заложники, Бен привёз Тима в город Галвестон, где с пляжей открывался вид на Мексиканский залив. Тим никогда раньше не видел океан, и хоть технически не видел и сейчас, волны и песок определённо выглядели настоящими.

Они вместе сидели на пляже, разговаривая, пока не село солнце. С Беном легко было находиться рядом, как и всегда. Не было ничего странного. Тиму не нужно было держать его за руку или постоянно отмахиваться от его советов. Когда группка девушек из колледжа заметила их и предложила поделиться пивом, Бен немного затих, но это могло быть потому, что девушки были такими громкими. Конечно, они флиртовали с Тимом, чем он не мог не наслаждаться. Одна из них даже пошла за ним, когда он пошёл облегчиться. Она поцеловала его, резкий запах её дыхания был сильнее, чем у него, и он целовал её в ответ, думая, отреагирует ли его тело. Поцелуй был поцелуем, и Тим начал заводить. Но всё это казалось пустым. Как мастурбация, ощущалось хорошо, но ни черта не значило. Затем девушка попыталась пощупать его достоинство, что только напомнило Тиму, как сильно ему нужно отлить. Он выпутался из её рук, чтобы отойти.

Он немного покачивался, пока облегчался, пытаясь вытеснить из головы Кристу и Бена. Иногда у него было такое чувство, будто у него больше нет места для себя самого. Он бросил взгляд через плечо и увидел очередного призрака. Девушка, ожидающая его, пока вечерние тени затемняли её черты, могла бы быть Карлой, которая вернулась из прошлого, чтобы разрушить единственное хорошее, что только началось. И Тим понял, что это хорошее - не Криста.

- Я должен отвезти своего друга домой, - сказал Тим.

- Почему? Ему нужно быть в кровати к определённому времени?

- Что-то вроде того, - ответил Тим.

Девушки хотели, чтобы они пошли к ним в отель, но Тиму удалось от них отвяжаться. Облегчение от освобождения от них, о времени наедине с Беном в машине легло на него тяжким грузом. Если бы Брайс или Дэррил оказались в такой же ситуации, то прямо сейчас были бы в том отеле, проживая историю, достойную "Писем в пентхаус". Вместо этого Тим был счастлив покататься со своим новым приятелем-геем. Что это значило?

Тим вставил диск с музыкой, чтобы избежать разговора и разобраться в своих мыслях. Бен подпевал нескольким песням, придумывая слова, как только улавливал ритм припева. Каждый раз, когда Тим смотрел на него, он казался счастливым. Непопулярный, тощий и практически такой некрутой, каким только можно быть, но счастливый. Тиму тоже хотелось быть таким, наплевать на то, что думают все остальные, не нуждаться в столь многом от каждого чужака, которого встречал. Со стороны могло казаться, что у Бена нет ничего, по крайней мере, по вычурным правилам, которые устанавливала старшая школа. Но на самом деле Бен был одним из тех немногих, кто не притворялся, одним из немногих, кто был свободен.

Школьным социальным педагогом была пожилая женщина с короткими седыми волосами. Тим полагал, что она выглядит мудрой, как почтенная старая сова. Он

только надеялся, что она не такая проницательная, чтобы увидеть его насквозь. Он улыбнулся, что как всегда помогло. Люди вкладывали в красоту удивительное количество преимуществ. Симпатичное лицо могло открывать двери, привносить уверенность и, больше всего, вводить в заблуждение. Мать Тима однажды сказала - накрыв ладонью его щеку - что он красив потому, что был тронут Богом. Иногда Тим задумывался, не коснулся ли его вместо этого другой парень, снизу.

- Мистер Уаймэн, - произнесла социальный педагог, - я надеялась встретиться с вашими родителями.

Тим бросил взгляд на табличку с именем на её столе.

- Поэтому я здесь, миссис Хьюитт.

Тим оперся на костыли как попрошайка из романа Чарльза Диккенса. Боже, это было унизительно, хоть он и играл роль.

- Присядьте, - сказала миссис Хьюитт.

Тим поблагодарил её и сел.

- Я хотел рассказать вам правду. Моих родителей не было в городе, когда я получил травму, и хоть я мог бы позвонить в их отель, я этого не сделал.

Миссис Хьюитт кивнула.

- Именно это сказали мне ваши родители, но ещё я считаю, что оставлять кого-то вашего возраста одного на две недели не уместно.

- Оу. Ну, я сам уговорил их на это. Поспорил, если точнее. Я всё говорил, что пора им относиться ко мне как к взрослому, но, полагаю, я их подвёл.

Миссис Хьюитт думала над этим. Ему везло.

- Мы только переехали сюда из Канзаса. Обычно я остаюсь со своей тётёй, когда родителей нет дома. Для нас всё в новинку, и я полагаю, что воспользовался этим преимуществом.

Теперь Миссис Хьюитт смотрела на него более сурово, без сомнения видя богатого избалованного паршивца, который обманул своих родителей. Может быть, таким он и был.

- Что ж, мистер Уаймэн, как вы считаете, каков будет подходящий исход всего этого?

Ух. Она хотела знать, кто примет на себя вину, чтобы могла вычеркнуть его имя из своего списка.

- Я не приходил две недели, так что, полагаю, две недели оставаться после уроков?

- По крайней мере, ваши родители научили вас признавать свои ошибки. - Миссис Хьюитт сделала несколько заметок. Тим наблюдал за ней и задавался вопросом, действительно ли у неё был список имён. - Я полагаю, что вы передадите подробности этого разговора своим родителям?

- Ага, - произнёс Тим.

Миссис Хьюитт приподняла бровь.

- Прошу прощения?

- Да, мэм.

- Хорошо. Отправляйтесь сегодня для наказания в кабинет 2326 после шестого урока.

- Да, мэм.

Тим выбрался из кабинета. Может он и заморочил головы взрослым, но не испытывал ничего, кроме чувства победы.

Тим открыл входную дверь раньше, чем Бен успел позвонить в звонок, ковыляя на переднее крыльцо. День остывал, свежий воздух после нахождения взаперти был

приветственным знаменем. В такие дни, как сегодня, Тим чувствовал, будто может броситься и пробежаться мимо окрестностей, на волю, и прочь от мира, который знал. Может быть, он перебросил бы Бена через плечо и взял его с собой. Конечно, со своей лодыжкой, он пока никуда не побежит.

- Отведи меня на прогулку, - сказал он вместо этого.

- Я оставил дома поводок Уилфорда, - ответил Бен, - но я могу сбегать обратно и взять его.

- Ха-ха. Серьёзно. Мне нужно поупражняться.

Бен оглядел его.

- Ты уверен?

- Да, рекомендации врача.

Гипс сняли прошлым вечером, заменив его съёмным пластиковым ортезом. Его лодыжка была немного онемевшей, и боль приходила и уходила, но по большей части ему было удобно ходить.

- Хорошо, - произнёс Бен. - Куда ты хочешь пойти?

Тим уставился на него. У них не было секса с тех первых кувырканий на диване. С тех пор Бен не делал ни одной попытки на сближение. Тим был этому рад, но сейчас не возражал бы против повторения. Если тебе предстояло идти на исповедание, можно было хотя бы насладиться грехом.

- В какое-нибудь уединённое место, - предложил Тим.

- А! - Бен поборол улыбку. - Ну, мы могли бы пойти ко мне.

- Твои родители дома?

- Да.

Тим покачал головой.

- Ни за что.

- Хорошо... - Бен повернулся из стороны в сторону, будто чтобы сориентироваться. - Иди за мной.

Тим пошёл за ним вниз по улице к одной из велосипедных дорожек, наслаждаясь физической нагрузкой. Он надеялся, что вскоре снова начнёт пробежки. Ему нужно было освобождение, хотя у Бена могло быть припасено для него что-то другое, в зависимости от того, куда они направлялись.

- Думаешь, сможешь справиться с ходьбой не по дороге? - спросил Бен.

Велосипедная дорожка тянулась вперёд, слева были видны задние фасады домов, справа - деревья. Это будет не легко, но Тим думал, что справится. Он кивнул, и Бен повёл его в лес. Они прошли приличное расстояние, следуя по маленькой извилистой утоптанной тропинке, прежде чем сошли с неё. Недалеко впереди стояло дерево с низкими ветками, каждая из которых была толстой и длинной, некоторые обременённые какой-то деревянной конструкцией.

- Мой дом на дереве, - объявил Бен.

- Сколько в нём комнат? - спросил Тим.

- Одна, - с гордостью произнёс Бен.

- Тогда это скорее лачуга на дереве.

Бен рассмеялся, затем быстро поднялся по паре деревянных досок, вбитых в ствол, чтобы получилась лестница.

- Если только ты не отнесёшь меня туда наверх, - сказал Тим, - не думаю, что я смогу к тебе присоединиться.

Но он всё равно попробовал, используя здоровую ногу, чтобы встать на вторую ступеньку, подтянуться и хотя бы заглянуть за край. Забудьте о лачуге на дереве! Бродяга воротил бы нос от этого места. Здесь даже не было приличного пола, только

куча перекрещенных досок. То, что походило за крышу, натянулось там, где собралась дождевая вода. Среди многочисленных талантов Бена плотничества явно не было.

- Очень мило, - солгал он. Затем опустил обратно, его лодыжка заболела, так что он снял с неё давление, усевшись и растянувшись на покрывале опавших листьев.

- Я здесь много думал, - сказал Бен, свесив ноги с края.

- Да?

- Да. Здесь я понял, что я гей.

Бен наблюдал за ним сверху, ожидая, что он спросит больше.

Тим клюнул.

- Как ты узнал?

- Я влюбился. Ну, вроде того. В то время я думал, что это была любовь. На самом деле это, наверное, было просто увлечение, но, тем не менее, чувства были.

- Кто был счастливчиком?

- Кевин, мой друг. Когда он переехал, у меня разбилось сердце. Мне тогда было двенадцать. Полагаю, всегда были парни, которые мне нравились, но с ним я перенёс это на совершенно новый уровень. Я пытался сесть на автобус в Юту, только чтобы увидеть его, и когда эта идея провалилась, я написал ему любовное письмо.

- Так вы двое когда-нибудь мутили?

- Мне было двенадцать! - Бен скинул часть листьев Тиму на голову.

- И что? Я потерял девственность в тринадцать.

- Почему я не удивлён? - Мгновение Бен молчал. - Ты мешаешь мне говорить.

- Извини.

- Так или иначе, вскоре после этого мне сделала предложение девочка из школы. Не позвала на свидание, а предложила стать её бойфрендом или типа того. Это был недостающий кусочек пазла. Мысль о том, чтобы быть с девочкой в этом плане, в романтическом, никогда не приходила мне в голову. В смысле, для других людей это было нормально, просто не для меня. Но когда я думал о Кевине, это казалось правильным.

Тим покачал головой.

- Я не такой, Бенджамин. Мне нравятся девушки. Они меня заводят.

- Но парни тебе тоже нравятся, - отметил Бен.

- Может быть.

Бен перевесился за край и прыгнул вниз. Он опустился на землю рядом с Тимом, наползая на него как животное, сближая их лица. Он был таким чертовски бесшабашным! С прошлой недели они не занимались ничем, и Бен действовал с уверенностью, что Тим по-прежнему будет не против. Конечно, он был прав. Бен поцеловал его, и Тим ответил на поцелуй, протянув руку, чтобы погладить его по волосам, когда Бен отстранился.

- Может быть? - с усмешкой произнёс Бен. Затем он сел, притягивая к себе колени.

Тим тоже сел.

- Ты точно знаешь, как настоять на своём!

Бен усмехнулся.

- Я пытаюсь сказать, что это не только физически. Я раньше дурачился со многими натуралами.

- Что? Как это работает?

- Ну, по большей части в средней школе парни любят экспериментировать. Или творить отчаянные вещи. Так что была кучка, для которых я делал всякое.

Тим не был уверен, должен ли он завестись или заревновать.

- Какое всякое?

- Ты знаешь не понаслышке, - многозначительно сказал Бен. - В любом случае, я думал, что таких парней, как я, много. Я уже сидел на этом самом дереве и придумывал этому название. Я даже произнёс это вслух. "Я гей". Сначала нужно открыться самому себе, так что я это сделал. Я думал, что эти другие парни ещё этого не сделали, так что начал разговаривать с ними об этом.

- И?

- И это разошлось по школе. Я потерял всех своих друзей, кроме Эллисон, и у большинства тех парней, которых я считал похожими на меня, сейчас есть девушки.

Тим наблюдал за лицом Бена вблизи, пытаясь представить, каково, должно быть, чувствовать подобное. В Канзасе школа отвернулась от Тима из-за лжи. Но что касается Бена, они повернулись к нему спинами из-за того, кем он был на самом деле.

- Мне жаль, приятель.

Слова были далеки от идеала, но это всё, что удалось сказать Тиму.

- Всё нормально. На самом деле, я продолжаю отвлекаться. Я хотел сказать, что только то, что эти парни дурачились со мной, не делает их геями. Мы все делаем сумасшедшие вещи, когда возбуждены. Так что то, что ты спишь с девушками, не значит, что ты натурал.

Тим уставился на него. Затем рассмеялся.

- Ты считаешь, что я просто очень экспериментальный гей? У меня было достаточно секса с женщинами, чтобы это вышло из экспериментальной стадии. Есть фаза эксперта? Потому что я именно на ней.

Бен попробовал новую тактику.

- Ты любил кого-нибудь из них?

Это Тима заткнуло. Самые длинные отношения у него были с Карлой, и половину времени, что они были вместе, она ему даже не нравилась. Но часть его заботилась достаточно, чтобы зависать с ней. Вроде того, как было с Кристой. Он никогда не будет её другом, но пока она была его девушкой, это как-то работало.

- Я и в парня никогда не был влюблён, - сказал Тим.

Бен пожал плечами.

- Значит, решение ещё не принято. По крайней мере, пока ты не влюбишься.

Тим сочувственно покачал головой.

- Как пожелаешь. - Он поднял взгляд на дерево. - Кстати о любви, что за Э.К.?

Бен выглядел смущённым и проследил за его взглядом. На дереве было вырезано две пары инициалов. Б.Б. могло принадлежать только Бену Бентли.

- Эллисон Кросс.

- Значит, у Бенджамина раньше была подруга? - с гогом произнёс Тим. - А ты не против экспериментов!

- Заткнись! - рассмеялся Бен. - Мы были молодыми и глупыми. Мы с Эллисон думали, что из этого получится хорошая клятва лучших друзей. Знаешь, например, как люди режут себе большие пальцы и сжимают их вместе и всё такое. Мы вырезали свои инициалы на этом дереве.

- А затем вырезали вокруг них сердце, - отметил Тим.

- Молодые и глупые, - повторил Бен. - Не говори мне, что ты ревнуешь.

- К ней или к бесчисленному количеству натуралов, с которыми ты развлекался?

Лицо Бена стало серьёзным.

- Всё не так.

- Я просто пошутил.

- Я знаю, но ты другой.

Тим не был уверен, что это значит. Он был другим потому, что Бен считал его геєм, или потому, что у Бена были к нему чувства? В любом случае, напряжение этого взгляда заинтересовывало Тима в чём угодно, но не в дальнейшем разговоре.

- Поцелуй меня.

Бен приблизился к нему и сделал, как ему велели. Тим начал нежно, но затем принялся кусать и терзать его губы. У него было такое чувство, что он мог бы съесть Бена, как какой-то вампир-каннибал. Поцелуи с Беном сводили Тима с ума, может быть, потому что он не должен был быть осторожен, как с девушками. Он с радостью провёл бы остаток дня лёжа вместе с ним в листьях, но хрустнула ветка, и они оба подпрыгнули. Ребята замерли, двигая только глазами, пока пытались уловить дальнейший шум. Когда ничего не раздалось, они оба усмехнулись. Затем Бен попытался расстегнуть шорты Тима.

- Не здесь! - сказал Тим, садясь и хлопая его по руке. - Господи, мы же на виду!

Бена нахмурился.

- Мы не совсем на публике. Никто никогда сюда не приходит.

- Но может, - сказал Тим. - Прямо там стоят дома.

- Ладно. - Бен закатил глаза, прежде чем ему в голову пришла другая идея. По его выражению лица Тим понял, что попал в беду. - Пойдём со мной домой. Я тайком проведу тебя наверх в свою комнату, и ты можешь остаться на ночь.

- И твои родители не заметят?

- Моим родителям будет плевать, - сказал Бен. - Выбор за тобой. Расстёгивай ширинку здесь и сейчас, или пойдём со мной домой.

- Или я могу пойти домой и подрочить, - сказал Тим.

Улыбка Бена была уж слишком уверенной.

- Ты не можешь мне отказать.

Вместо того, чтобы спорить, Тим доказал ему его правоту.

Оставаясь верным своим словам, Бен провёл его в дом и наверх незамеченным. Бен жил всего в паре кварталов, в достаточно старых окрестностях, чтобы у них был свой характер. Дома были немного меньше, чем в новом районе, где жил Тим, но всё равно представляли собой решительный средний класс. Как только они добрались до безопасности его комнаты, Бен снова выскользнул, чтобы заказать на ужин пиццу.

Комната Бена была не совсем такой, как ожидал Тим. Вот так, в ней не было ничего примечательно гейского. Никаких постеров парней на стене или радужного постельного белья. Тим даже не мог сказать, что всё обустроено со вкусом, так как комната была немного разнохарактерной. Помятую кровать, наверное, застилали в спешке. На вешалке в углу висела куртка или две и пара шляп, и под завязку были заполнены две одинаковые полки для дисков. На маленьком письменном столе у стены лежал ноутбук, и, конечно же, декор завершали необходимое стерео и телевизор. В общем и целом, это была типичная мужская комната, за исключением, может быть, ароматических свечей на подоконнике.

Тим чувствовал себя беспокойно, присев на край кровати, прежде чем снова встать и посмотреть на коллаж фотографий на стене. На большинстве из них был Бен и симпатичная темнокожая девушка - пресловутая Эллисон, скорее всего. На одной волосы Бена были выкрашены в чёрный, а Эллисон притворялась, что курит ручку, будто это была сигарета. На другой они были младше и наряжены для Хэллоуина. На Эллисон был мужской костюм, фальшивые усы, и её волосы были зализаны назад. Бен был одет как женщина, с макияжем, ужасным париком и в майке с двумя апельсинами вместо груди. Тим наклонился, пытаясь решить, влияет ли на него Бен в образе девушки, когда дверь в спальню открылась.

С безнадёжным выражением лица вошёл Бен, его мать шла следом. Она не могла быть никем другим, семейное сходство было слишком явным. Возьмите Бена, сделайте его пониже и уложите светлые волосы в каре, и вуаля!

- Прости! - сказала она. - Я не хотела вмешиваться. Я Джун, мама Бена.

- Тим, - произнёс он, пожимая её протянутую руку.

- Ну какой же ты симпатяга! Мы как раз собираемся заказывать пиццу, и я хотела узнать, какая тебе нравится.

- И я сказал ей, что сбегая наверх и спрошу, - пробормотал Бен.

- Оу. А. - Тим пытался вспомнить, что обычно берёт, задача оказалась сложнее из-за того, как блестели глаза Джун - будто её сын впервые привёл домой девушку. - Канадский бекон и ананас, - наконец смог сказать он.

- Фу, - сказал Бен. - Мне только сыр и крупные куски помидора.

- Хорошо. Что ж, вы двое веселитесь. Я больше не буду врываться, обещаю.

- Было приятно с вами познакомиться, - сказал Тим.

Мама Бена ещё раз окинула его взглядом, выглядя немного менее уверенной. Без сомнений, она пыталась выяснить, вместе они или нет.

- Прости за это, - сказал Бен, как только дверь была захлопнута и закрыта на ключ.

- Всё круто. - Тим снова сел на кровать. - Она кажется милой.

- Ага. Ну, хорошие новости в том, что ты можешь остаться на ночь.

- Разве это не немного странно? - спросил Тим. - В смысле, это как спросить у моих родителей, может ли девушка остаться на ночь. Они бы психанули, даже если бы она была просто подругой.

- Полагаю, да. У меня ночевали друзья, когда я был ребёнком, так что есть прецедент. - Бен обошёл комнату, неловко поправляя разные вещи. - В любом случае, тебе нужно позвонить своим родителям или что-то ещё?

Тим покачал головой.

- Они не заметят.

- Оу.

На мгновение им стало неловко. Матери могут быть настоящими убийцами настроения, да и к делу они не приступят, пока ждут доставки пиццы.

- О, знаю! - сказал Бен. - Я умирал от желания включить тебе это.

Он подошёл к стойке для дисков, ведя пальцем по одной из полок, пока не нашёл то, что искал.

- Роберта Флэк, - сказал он, но это не вызвало никаких воспоминаний, пока стерео не начало играть "Убивая меня нежно". Но эта версия была намного лучше, без всех этих скучающих рэперов на заднем плане. Бен посмотрел на него с вопросом: "это круто или как?" во взгляде, на что Тим кивнул в ответ, но не был полностью удовлетворён.

- Спой, - сказал он.

Бен вытаращился на него, будто мысль была невообразимой.

- Это же Роберта Флэк!

Тим скрестил руки на груди и хмурился, пока Бен не сдался. Роберта звучала хорошо, когда ей подпевал парень. Голос Бена прогнал неловкость, захватив его комнату и возвращая их сказочный мир назад. Тим был счастлив.

Остаток вечера прошёл легко. Они немного поговорили, Тим спрашивал о разных вещах, которые видел в комнате, например, об историях фотографий Бена и Эллисон. Когда раздался звонок в дверь, Бен побежал забрать пиццу, затем ещё раз сходил за двухлитровой бутылкой колы и стаканами. Они смотрели "Историю игрушек", пока ели, мультфильм, который Тим пропустил в кинотеатрах. Отец Бена

управлял местной кабельной компанией, так что у них были все возможные каналы, и они даже получали бесплатно фильмы с оплатой за просмотр.

Одна сторона кровати Бена была придвинута к стене прямо напротив телевизора, двойная, как длинный диван. Тим вытянул ноги, и пока шёл фильм, он подвинул одну так, чтобы она касалась ноги Бена. Затем подвинулся Бен, их руки соприкасались, отчего у Тима покалывало кожу. Устав скромничать, он взял Бена за руку, и это не чувствовалось странно, как он предполагал.

Бен, должно быть, видел мультфильм раньше, потому что подпевал песне "Ты нашёл во мне друга", когда бы она ни играла в истории, бросив несколько застенчивых улыбок в сторону Тима. Когда фильм закончился, Бен выключил телевизор пультом, никто из них не двигался с кровати. В комнате было темно, горели только уличные фонари снаружи.

- Такого никогда не было, - сказал Бен. - Те, другие парни, никогда не держали меня за руку.

Тиму хотелось, чтобы он этого не говорил. Если кучка других возбуждённых натуралов не обнималась с Беном, то это выставляло его, ну...

- Они даже не целовали меня, - сказал Бен. - Всё было односторонним.

Они не целовали его? Теперь Тим чувствовал себя более противоречиво, чем когда-либо. Если бы ему поставили ультиматум между поцелуем Бена и минетом от него, Тим думал, что мог бы обойтись без орального секса. Те другие парни понятия не имели, что упускали.

Бен сжал его руку.

- Я просто хочу, чтобы ты знал, что это не игра, в которую я играл дюжины раз раньше.

- Хорошо.

Это всё, что Тим мог придумать в ответ. Он не хотел углубляться в тему вопроса, что всё это значит. Из-за этого ему было слишком тяжело испытывать наслаждение.

- Спать? - спросил Бен.

Тим усмехнулся.

- Что-то вроде того.

Они по очереди воспользовались уборной, Бен шёл первым. Тим пошёл вторым. За пределами комнаты Бена дом был тёмным и тихим, только в ванной был единственный клочок света, который оставил для него Бен. Тим думал, что слышит храп внизу, то ли отца Бена, то ли собаки. Найти дорогу обратно без света в ванной было ещё тяжелее. Спальня Бена была рядом с комнатой его сестры. Она бы удивилась, если бы Тим случайно проскользнул в кровать к ней!

К счастью, он вернулся в правильную комнату. В спальне Бена по-прежнему не было света, но горели свечи на окне. Бен уже был под одеялом, как минимум обнажённый по пояс, лежал на боку, но лицом к двери. Тим снял с себя майку, карие глаза Бена наблюдали за каждым его движением, впитывая детали его тела. Тим встал сбоку от кровати, достаточно близко, чтобы его освещали свечи, но достаточно далеко, чтобы к нему нельзя было прикоснуться. Затем он расстегнул пуговицу и молнию на своих шортах, боксеры под которыми уже натянулись. Спустив шорты и боксеры, он ждал, наслаждаясь вниманием Тима.

Затем он забрался в кровать и откинул одеяло. Бен был уже обнажён, подняв руки, чтобы прикоснуться, но Тим отодвинул руки Бена прочь. Вместо этого прикасался он, целуя каждую часть тела Бена, которую мог достать. Пока Бен лежал на спине, выгибался и стонал, Тим показывал ему, насколько может отличаться от тех других парней.

Глава 8

Всё кончено.

Прошедший месяц был лучшим в жизни Тима. Он побывал на сумасшедших вечеринках - не просто по-быстрому опрокидывал немного напитков у Дэррила, пока его родители не вернутся домой, а шёл на всю ночь, что, вероятно, стоило большего урона, чем алкоголь. Тим достиг счастливого тупика с Кристой. Их отношения не двигались никуда дальше, и обоим это устраивало. А ещё были ночи, проведённые с Беном. Это были основные моменты, время, которого Тим с нетерпением ждал больше всего, но теперь всё закончилось.

Тим атаковал холст. Обычно он не любил абстрактный экспрессионизм, но сегодня ему нужно было увидеть, как краснота ярости смешивается с оранжевым цветом тревоги. Ему нужно было очистить свой организм от злости и отчаяния, которые он чувствовал, пока не рухнул под их тяжестью.

Он никогда не хотел, чтобы всё усложнялось. Не с Беном. Это означало жонглировать более раздельными жизнями, чем он делал обычно, но Тим был в этом опытен. Как сейчас, так как рисование было чем-то личным, чем он не делился ни с кем, даже с Беном. Такие вещи были необходимы. Продолжать удовлетворять родителей, не привлекая нежелательного внимания. Поддерживать свой имидж в школе. И то, и другое было особо важно, чтобы у него была возможность видаться с Беном. Никто не задавал вопросов, делая ненужные выводы, или мешаясь у них на пути. Бен мог создать мир, который они делили между собой, но Тим защищал его. И теперь он был наказан за это.

Поездка на шоппинг в торговый центр с Кристой. Вот, когда всё начало рушиться. Как обычно, Криста держалась за его руку, пока они переходили от магазина к магазину. Тим первым заметил Бена и его мать. Слава Богам, Криста отвлеклась на витрину ювелирных украшений, когда они проходили мимо. Тим кивнул Бену, ведь мог сделать только это, но затем всё взорвалось. Не там, в торговом центре, а в следующий раз, когда они были наедине.

Тим мог понять, как Бен себя чувствует. Если бы он увидел, как на руке Бена повис какой-то парень, это было бы больно, но Бен знал о Кристе с самого начала. Он понимал, что она была необходима, чтобы поддерживать правильный образ - или так думал Тим. Последний раз, когда они видели друг друга...

- Кто тебе нравится больше, Криста или я?

- Ты, - сказал ему Тим. И это была правда. Бен знал это. - Ты мне нравишься больше. По крайней мере, когда ты на меня не злишься.

- С кем ты спишь? Это ведь не Криста, верно?

- Нет. Я сплю с тобой.

- Тогда зачем тебе нужна она, когда у тебя есть я?

И Тим знал, что обычных причин для Бена уже недостаточно, что их отношения, как и всё хорошее, усложнилось. Тим снова атаковал холст, но красный, который он смешал, был немного слишком розовым. Он попытался добавить рядом немного жёлтого, чтобы оттенок казался глубже, но это, казалось, только осветлило его.

Тим отступил назад и вздохнул. Картина казалась скорее эротичной, чем злой. В центре, образованная случайно, была фигура, похожая на одно одинокое сердце, окружённое беспорядком эмоций. Чувствуя сожаление из-за этого, он подарил сердцу второго партнёра, рисуя край другого прямо за ним, так близко, что они практически казались едины.

Он облажался. Бен делал всё правильно, а Тим это разрушил. Конечно, его отношения с Кристой задевали чувства Бена. С самого начала, Бен убедился, чтобы

Тим знал, что он особенный, больше, чем просто увлечение. И Тим отвечал тем, что держал Кристу рядом. И целовал ту девушку на пляже. Чем он думал, чёрт побери?

Иногда он задавался вопросом, что с ним не так. Тим чувствовал себя цветком, изголодавшимся по солнечному свету, и каждый раз, когда этот огненный шар поднимался в небо, он прыгал от возможности впитать его тепло. Он наслаждался вниманием, будто оно дарило ему жизнь. И теперь он стал причиной того, что на самые яркие дни, которые он когда-либо знал, опустилась ночь.

Его время с Беном было драгоценным. Нет, его отношения с Беном. Вот, что это было - по-прежнему могло быть - если бы он каким-то образом спас ситуацию. Если Тим собирался удержать Бена, то ему пора начать рисковать. Начиная с Кристи Норман.

Флагшток звенел, оттяжка и крюки периодически бились о металлический барабан. Шум, казалось, преследовал каждую школу, в которую ходил Тим. Звук был глухим, таким, который он обычно замечал только тогда, когда парковка пустела, и все расходились по домам. Как сейчас. Учёба закончилась, как и тренировки перед кроссом. Криста иногда приходила на него посмотреть, и Тим решил больше не откладывать. Это определённо было лучше, чем звонить ей, как он планировал изначально.

Но глядя на лицо Кристи он перестал быть так уверен.

- Почему? - спросила она.

- Просто прямо сейчас я не могу ни с кем быть, - сказал Тим.

- Это из-за того, что я...

- Нет. Это не из-за этого, обещаю.

- Тогда почему?

Тим пытался найти правильное оправдание, что угодно, кроме правды. Самые эффективные причины были ещё и самыми болезненными; ещё одна девушка, или что она ему просто не нравилась. Но он не мог заставить себя сказать что-либо из этого, потому что какой бы Криста ни была ветреной, она была нормальной.

- У меня дома много чего происходит, - сказал Тим. - Это сложно, и мне не нравится об этом говорить. Прости.

Криста закрыла рукой нос и рот, будто таким образом могла сдержать слёзы. Тим чувствовал себя ужасно.

- Ты для меня единственная девушка, - произнёс он, надеясь, что она почувствует себя лучше. - Ты не увидишь меня ни с кем другим. Может быть, как только всё уляжется...

Фальшивое обещание, но он ненавидел кого-то подводить. Впервые у Кристи не было слов, так что он проводил её до машины, которую она припарковала рядом с его. Когда он обнял её, то притворился, что не заметил её слёз. Затем он развернулся, сел в свою машину и уехал.

Тим стоял перед дверью в дом Бена, собираясь с духом. Подъездная дорожка была переполнена машинами. Как и улица. Тиму пришлось припарковаться за полквартала. Пять воздушных шариков были спутаны вместе и привязаны к почтовому ящику. Если это не было достаточным указателем, разноцветные бумажные буквы на двери объясняли остальное, дрожа на октябрьском ветру.

"С днём рождения!"

Празднование дня рождения Бена было в самом разгаре. Они говорили о приглашении Тима до ссоры, и, конечно, он тогда промолчал, не желая быть рядом с

семьёй Бена больше, чем необходимо. Не то чтобы они не казались замечательными, но у Тима было такое чувство, что то, что происходит между ним и Беном, - личное.

Это вот-вот должно было измениться. Он позвонил в звонок и простоял секунд десять, прежде чем ему захотелось оставить подарок на крыльце и побежать к своей машине. Прежде чем ему это удалось, дверь открылась. Лицо Бена светилось, будто он весь день был на марафоне улыбок, но выражение его лица изменилось на удивлённое.

- Привет! - произнёс Бен, звуча скорее жизнерадостно, чем с негативом. - Ох, проходи!

Тим слышал множество голосов повсюду в доме. Он не был готов к этому.

- Всё в порядке. Я просто хотел завезти это.

Бен опустил взгляд на подарок. У Тима было такое чувство, что то, что скрывает бумага, должно быть, очевидно, учитывая длинную тонкую форму.

- О, привет! - позади Бена появилась миссис Бентли, сияющим взглядом глядя на Тима, как делала всегда. - Я всё думала, когда же ты придёшь! Пройди и возьми кусочек торта.

- Нет, правда, я...

Миссис Бентли отмахнулась.

- Заходи, не выпусти за дверь Уилфорда, иначе мы больше никогда его не увидим.

Тим проскользнул внутрь, чуть не подпрыгнув, когда за ним захлопнулась дверь. Ему нужно было остыть, и быстро.

- Пора познакомиться с семьёй, - с нервным смешком произнёс Бен. - И с расширенной версией тоже.

- Отлично, - улыбнулся ему Тим, пытаясь вложить в это извинение. Как и всегда, Бен, казалось, понял. Они стояли на месте, глядя друг на друга так, будто прошли годы, а не неделя. Он почти мог представить, как они поднимутся в комнату Бена, но Тима повели в сердце вечеринки - где их ждали около десяти тысяч родственников.

Ну, не так много, но они определённо заставляли семью Тима казаться маленькой. Он пожал много рук, пропустил мимо ушей практически все имена и вытерпел объятия нескольких пожилых дам. Затем на тропу Тима как ниндзя прыгнул кто-то высокий, тёмный и великолепный.

- Эллисон, - произнесла она в качестве приветствия, широко улыбаясь ему.

Этот взгляд ни с чем нельзя было спутать. Она знала всё, абсолютно всё, чем они с Беном занимались. Тим пожал ей руку и одарил её своей лучшей улыбкой, от чего её усмешка стала только шире.

- Вблизи я вижу, почему Бен с тобой мирится, - игриво произнесла она.

- Не переживай, - сказал Тим, - как только все поутихнет, он снова станет твоим.

- Я бы предпочла, чтобы ты оставался рядом, - ответила Эллисон. - Этот мальчик был в моих руках слишком долго. Перерыв был неплох.

- Я стою прямо здесь, - раздражённо произнёс Бен.

Тим и Эллисон рассмеялись. Может быть, всё будет нормально.

- Подождите! - потребовала миссис Бентли. - У нас есть ещё один подарок, прежде чем мы зажжём свечи.

- Нет, ты можешь открыть его позже, - произнёс Тим, его паника снова нарастала, когда все сосредоточились на нём. - Правда!

Бен выхватил подарок у него из рук, и мир Тима сузился до обрывков обёрточной бумаги, которые подлетали в воздух, раскрывая его творение. Затем он смог сосредоточиться только на лице Бена. Тим гордился картиной. Это не был его обычный стиль, но он чувствовал, что вихрь цветов показывал страсть,

пересекающиеся сердца в центре пробуждали правильную эмоцию, не будучи слишком слащавыми.

Бен, казалось, лишился дара речи, так что за него заговорила его мать.

- Разве это не восхитительно? Ты сам это нарисовал?

Инстинктивно Тиму хотелось соврать, но Бен улыбался. Может быть, он понял, что Тим пытался сказать. Он открыл рот, чтобы признать работу своей, когда Карен, сестра Бена, заговорила первой.

- Похоже, кто-то срыгнул краску прямо на холст.

- Нам следовало отрезать тебе язык ещё при рождении, - проворчал мистер Бентли.

Желудок Тима рухнул. Поэтому он не рассказывал никому о своих картинах. Все они, даже те, что получались нехорошо, были близкими к сердцу. Показывать одну из них в открытую было как прижимать кинжал к его обнажённой груди. Любой мог слегка подтолкнуть его и ввести лезвие, что и сделала сестра Бена.

- Я просто где-то это нашёл, - запинаясь произнёс Тим. - Ты не обязан оставлять её, если не хочешь.

Глаза Бена, более влажные, чем обычно, обратились к нему.

- Она мне нравится!

Миссис Бентли переводила взгляд с одного из них на другого, видя всё это с материнской проницательностью, и героически отвлекла от них внимание.

- Ладно! Время для торта!

Это решило проблему. Родственники поспешно удалились, в нетерпении взять кусочек. Бен пошёл забрать первый кусок, пока отставляя картину в сторону. У Тима был соблазн украсть её и утащить назад домой. Вместо этого он отошёл за толпу.

- Извини за Карен, - сказала Эллисон, присоединяясь к нему. - Она одна из самых ничтожных людей на планете. Я не понимаю, как они с Беном могут быть родственниками, но Бену достался весь шарм.

- И внешность тоже, - сказал Тим, бросая взгляд в сторону Карен, когда она присоединилась к другим в песне "С днём рождения".

- В любом случае, ему нравится картина, - сказала Эллисон. - Очень.

Если кто и знал, так это она, так что Тим почувствовал себя немного лучше.

- Спасибо.

- Без проблем. Секундочку, - Эллисон сделала шаг вперёд и запела, как раз, когда именинная песня заканчивалась. Она сама спела дополнительный куплет, её голос звучал как мёд. Тим видел, почему они лучшие друзья. Он надеялся, что способность петь не обязательное условие пребывания в их шайке. Если так, то Тим в пролете.

Бен продолжал быть узником своей семьи, каждый родственник хотел обмолвиться с ним словом, так что Тим стоял позади и наблюдал. Часть его завидовала, что Бена так осыпают любовью, но никто в мире не заслуживал этого больше. Тим видел, что Бен оказывал похожий эффект на всех вокруг себя. Внутренний свет, бесстрашная гордость внутри него - кто бы не захотел находиться рядом с этим?

Эллисон нырнула в толпу и вернулась с двумя кусочками торта. Тим с благодарностью взял одну из бумажных тарелок.

- Бен говорил, что ты не придёшь, - заметила она.

- Если честно, я не был уверен, что по-прежнему приглашён.

Эллисон хитро улыбнулась.

- В любом случае, думаю, ты теперь выбрался из немилости. Появиться так было ловко. Я буду слушать об этом неделями.

- Оу? Он много обо мне говорит?

Выражение её лица стало застенчивым.

- Время от времени. - Эллисон игралась со своим тортом, смешивая глазурь так, словно этой была краска. - Просто постарайся не разбить ему сердце. Я не собираюсь кормить тебя скучной речью о том, что, если ты сделаешь ему больно, я заставлю тебя об этом пожалеть. Думаю, ты уже выяснил, что потерять Бена намного хуже, чем что-либо, что я могу с тобой сделать.

- Да, - произнёс Тим, его голос звучал хрипло.

- Хорошо. Не выгляди таким грустным, потому что он идёт сюда со счастливым выражением лица.

- Привет, - сказал ему Бен, будто они только встретились. - Я подумал, мы могли бы зайти в один или два дома с приведениями. Может быть, Ронни тоже пойдёт.

- Ронни? - спросил Тим.

- Мой парень, - объяснила Эллисон, прежде чем обратиться к Бену. - Конечно. Я ему позвоню.

Она ушла, нервы Тима снова взыграли.

- Ронни ходит в нашу школу? - спросил он.

- Ага. - Улыбка Бена немного поугасла. - Ничего?

- Нет. Порядок.

Тиму хотелось быть более открытым с Беном, но школа не была частью этого плана. Он доверял Эллисон, так как она была лучшей подругой Бена, но не знал ничего об этом Ронни. Тиму нужно было время наедине с Беном, чтобы объяснить свои мотивы, сказать ему, как важен их секрет, но не так скоро после возвращения милости Бена. Нравится ему или нет, ему придётся рискнуть возвращением к норме.

Тиму не было о чём переживать. Ронни оказался довольно крутым. Он увлекался спортом, что подарило им общие темы. Тим провёл много времени дороги до Хьюстона в разговорах с ним, чувствуя себя неуверенным насчёт того, что говорить Бену при других. Очередь в дом с привидениями была длинной и полной таких же подростков как они, но Ронни по-прежнему болтал с ним. Даже если бы Брайс или Дэррил вдруг увидели его сейчас, не было бы очевидно, что он тусуется с Беном.

Сам дом с привидениями не был таким крутым, как такие же в Канзасе, но здесь были соблюдены все основные требования. В некоторых комнатах были дешёвые монстры-аниматроники; в других - костюмированные актёры, которые изо всех сил старались их напугать. Парня с бензопилой в руках в конце уже было слышно, но сначала им предстояло пройти через лабиринт в крошечной тьме. Тим схватил Бена, потянул его вниз по коридору и прошептал слова, от желания сказать которые просто умирал.

- Я порвал с ней.

- С Кристой? - голос Бена был пропитан такой надеждой, что Тим усмехнулся.

- Да. Ты был прав. Мне нравишься ты, и хочу я тебя.

Он прижался к Бену, в темноте нашёл его губы и поцеловал. Им подпевали звуки скрипящих досок и воющих монстров, в воздухе витал запах дым-машин. Тим не мог придумать более странного места, чтобы так завестись, но он мог бы взять Бена прямо здесь и сейчас. К несчастью, в них врзалась группа девушек и завизжала. Почему вселенная всегда бросала в него женщин?

Тим крикнул, вызывая очередную волну визга, что прогнало их. Затем он взял Бена за руку и вывел его из лабиринта.

Свечи зажигались одна за другой, зажигалка "Зиппо" палила Тиму пальцы, пока последний фитиль распался жизнью. Он развернулся. Его комната выглядела хорошо в свете свечей, особенно когда Бен лежал в его постели. Это был ещё один

подарок на день рождения. Тим подарил Бену ключ от дома и попросил его пробраться внутрь. Приблизившись к тому, чтобы его потерять, теперь Тим нуждался в большем, чем просто ночи выходных, которые они проводили в комнате Бена.

Конечно, это означало ещё один просчитанный риск. Тим ждал дальше по коридору, наблюдая за тем, как Бен пробирается в его комнату, словно вор. Родители Тима уехали из города на выходные, но они ничего бы и не услышали. А если бы и услышали, то вряд ли бы обратили на это внимание.

И теперь Бен был в его кровати.

- Итак, я слышал, что ты официально свободен, - произнёс он. - Это значит, что ты снова возвращаешься на охоту?

- Я никогда не переставал охотиться.

Тим закрыл зажигалку, рыча, как тигр.

- Я вижу, но в почтенном возрасте семнадцати лет, ты не думаешь, что пришло время остановиться на ком-нибудь особенном?

- В смысле? - поинтересовался Тим.

- Я хочу быть твоим парнем.

- Боже, Бенджамин! Ты не сдашься, да? - Тиму потребовались все силы, чтобы не улыбнуться. Почему бы не сделать всё официальным? Но он не планировал делать это легко. - Не достаточно того, что ты заставил меня бросить свою девушку?

- Если она была достаточно хороша, чтобы ты с ней встречался, то я подхожу дважды, - усмехнулся Бен, а затем пропел: - Что угодно, что может сделать девушка, я могу сделать лучше.

- Я могу, не раздумывая, придумать пару вещей, которые ты сделать не можешь!

- Ну и плевать. Что ты думаешь? - выражение лица Бена стало ранимым. - Серьёзно.

- Думаю, я хочу тест-драйв прежде чем покупать автомобиль.

Тим набросился на него, и после недолгой борьбы, воплей и смеха их прикосновения стали интимными. Той ночью они спали мало.

На следующее утро Тим поговорил с Беном, надеясь, что дал достаточно, чтобы получить что-то в ответ. Он как раз вернулся из ванной комнаты, когда заметил, что Бен проснулся. После небольших подшучиваний Тим решил, что сейчас самое хорошее время.

- Мои родители не могут об этом знать. И никто в школе тоже.

Бен не сдержался.

- Значит, всё будет как и раньше?

- Не так, как раньше. Никакой Кристи, никаких других девушек и определённо никаких других парней. Только я и ты. Я хочу, чтобы всё оставалось так.

Бен не выглядел убеждённым, но Тим надеялся, что часть его всё понимала. Тим защищал то, что у них было. Двери в сердце Тима сейчас были открыты. Он будет бойфрендом Бена, будет верным, будет делать всё, что может, чтобы тот был счастлив - но Тим никогда не позволит другим подобраться к тому, что у них есть.

Глава 9

- Проблемы дома, Тим?

Стейси Шелли села за столик напротив него. Когда Тим расстался с Кристой в пятницу, он не представлял, какой будет следующая неделя. Вечеринки проходили легко, так как они могли держаться на противоположных сторонах комнаты, но в школе было непросто. У них с Кристой был совместный урок, и они давным-давно поменялись местами, чтобы сидеть поближе. А затем был ланч. Тим не знал, как должен справиться с этим, так что сел один за другой столик. Пока его не нашла Стейси.

- Что случилось? - продолжала она. - Папочка спит со всеми подряд? Мамочка пьёт слишком много?

Тим бросил на неё злой взгляд.

- Я порвал с твоей лучшей подружкой, и теперь я в твоём чёрном списке? Так и будет?

Стейси сжала губы.

- Ну, мне пришлось все выходные слушать её рыдания. Ты должен мне за это. Нет, на самом деле меня беспокоит слишком фальшивая причина.

Тим молчал.

- "Проблемы дома", - рассмеялась Стейси. - Кто-нибудь расставался из-за плохой домашней обстановки? Криста может быть глупой, но отдай должное мне.

- Ты не знаешь, о чём говоришь, - сказал Тим. - Ты ничего обо мне не знаешь.

- Это вызов?

- Нет.

Стейси Шелли смотрела на него взглядом гадюки.

- Ну, кем бы она ни была, лучше держи её в секрете.

Тим не стал просить её прокомментировать эту угрозу.

- Ты закончила?

- Почти. Она хочет, чтобы ты посидел с нами.

Тим уставился на неё.

- Криста?

- Да, Тим. Она влюблена в тебя. Это значит, что она уже простила тебя или считает, что может вернуть тебя обратно. Или, может быть, она просто тупая. Как бы там ни было, не нужно сидеть здесь, как неудачник.

Но именно это Тим и делал остаток большого перерыва. На следующий день он попробовал робкую улыбку на уроке, которую Криста вернула, в связи с чем ему стало достаточно комфортно, чтобы сидеть с ней за ланчем. Она ничего не пробовала, не накрывала ладонью его руку, как делала всегда, и не давила на него, прося ответов. Стейси по-прежнему всматривалась в каждое его движение, но Тим чувствовал, что с Кристой у них всё будет в порядке.

- Ты уверен, что хочешь довести это дело до конца? - спросил Тим, останавливаясь перед дверью в свою мастерскую и разворачиваясь.

- Какое? - спросил Бен, его глаза расширились от беспокойства.

- То, что я буду рисовать тебя обнажённым.

Бен игриво толкнул его. Тим рассмеялся, открывая дверь. Бен не первый раз был здесь. Было Рождество, праздник, который Тим обычно презирал, но Бен сделал его таким же волшебным, как эти банальные телевизионные особые выпуски. Даже больше. Затем Тим привёл Бена в свою мастерскую, открывая ещё одну дверь в свою

душу. В последующие месяцы они часто прятались здесь на выходных, когда офис был пуст. Или по вечерам в пятницу, как сейчас, после того, как все ушли. Все работники его отца или кормились и поились на свиданиях, или сидели дома, успокаиваясь тапками мороженого, но сегодня был самый страшный праздник из всех.

Тима всегда раздражало давление, стоящее за Днём Святого Валентина. Всем приходится заводить с кем-то интрижку, прежде чем закончится праздник или атмосфера. Или просто лезть из кожи вон ради кого-то, с кем уже встречаешься. Как раз за день до этого Криста нашла себе кого-то нового, и вполне удачно. Новый парень был симпатичным, выбранный из полу популярной толпы, где Дэррил обычно находил себе услужливых девушек. Криста пригласила своего нового ухажера сесть за их столик во время ланча, что было неловко, потому что она продолжала наблюдать за реакцией Тима.

Так что в школе было тоскливо, но у вечера был потенциал. Тим ходил по мастерской, включая лампы, которые Бен помог ему купить, чтобы заменить холодный флуоресцентный свет. Лампы отбрасывали тени и создавали тепло, устанавливая правильное настроение для его рисования. И сегодня они помогут задать тон. Тим не хотел цветов или конфет на День Святого Валентина. Он хотел рисовать.

- Одежда остаётся, - сказал Бен, присаживаясь на стул.

- По крайней мере, на время рисования, - пробормотал Тим, занимая своё место за мольбертом.

По правде говоря, это не имело значения. Всё его внимание было сосредоточено на лице Бена. Тим пару раз уже пытался рисовать по памяти, но его мысленные изображения были слишком подвижными и изменчивыми. Кроме того, у него никогда раньше не было живой модели. Тим не рисовал ни перед кем, даже не брал уроки живописи. Всё, что он знал, он выучил методом проб и ошибок или черпал из книг, которые держал в мастерской.

- Так что мне делать? - спросил Бен, неловко ёрзая на месте.

- Просто расслабься. - Тим выдавил краски на палитру, в нетерпении начать.

- Мне можно по-прежнему разговаривать с тобой?

- Конечно, но это не значит, что я буду слушать.

- Ха-ха, - с невозмутимым видом произнёс Бен, но затем улыбнулся, когда увидел, как Тим сделал первые пару штрихов. - Ты ведь дашь мне посмотреть, да?

- Может быть.

Несколько минут Тим работал в тишине. Затем его объект заговорил снова.

- Ронни ведёт Эллисон в кафе "Энни".

- Никогда о нём не слышал.

- Предполагается, что это один из лучших ресторанов в Хьюстоне. Там очень дорого.

- Хм. Ну, мне повезло, что у меня такой дешёвый спутник. - Бен молчал, так что Тим перестал рисовать и посмотрел на него. - Я думал, ты хочешь это сделать?

- Хочу! - сказал Бен. - Мне действительно нравится эта идея.

Тим вернулся к рисованию, зная, что тема не закончена. За следующие десять минут тишина стала плотнее, но он оставался сосредоточенным на холсте, пока Бен не заговорил снова.

- Было бы мило как-нибудь сходить с тобой на свидание.

- Мы ходим, - парировал Тим, но он знал, что Бен имеет в виду. Обычно они обходились долгими поездками или ночными прогулками. Тим никогда не хотел пойти с ним в торговый центр, поесть где-нибудь или даже сходить в кино, так как всегда была возможность, что их увидят. Больше, что они когда-либо делали, - это

поход в "АстроВорлд", тематический парк Хьюстона, под покровом ночи. Этим он заработал себе несколько важных очков, но в последнее время Бен сильно настаивал на...

- Что насчёт ужина с твоими родителями?

Именно. Тим осторожно подбирал слова.

- Я не понимаю, почему ты хочешь с ними познакомиться. Я знаю, что ты говорил, - быстро добавил он. - Если они когда-нибудь заметят, как ты пробираешься в дом, то хотя бы узнают тебя...

- И они часть твоей жизни, - сказал Бен.

- Верно. - Тим не скрывал своего сарказма. - Помимо этого, почему ты не можешь просто заскочить и сказать им "привет" перед тем, как мы куда-нибудь пойдём? Почему должен быть неловкий ужин?

- Потому что я хочу, чтобы они могли меня узнать, - сказал Бен.

Тим раздумывал над этим.

- Ты им расскажешь?

- Что я гей? Конечно! До того, как я открылся своим родителям, они понятия не имели, на что похожи геи, помимо того, что видели в комедиях и на гей-парадах.

- Дураки, - сказал Тим, пряча улыбку. Не так давно он был таким же.

- Одним из самых больших шоков для них было то, как кто-то такой нормальный, как их сын, может быть геем. Думаю, они всё ждали, когда я нацеплю боа из перьев и начну расхаживать по дому в кожаных чапсах.

- Хочешь сказать, этого нет?

- Серьёзно. Думаю, твоим родителям пошло бы на пользу знакомство с таким, как я.

Тим покачал головой, пока работал. Каждый раз, когда он поднимал взгляд от холста, он видел, что его парень ждет ответ.

- У тебя клёвые родители, Бен. Помимо вопроса о гомосексуализме, они намного более невозмутимые во всём. И более понимающие.

Бен немного поёрзал.

- Я знаю, что мне везёт.

- Хорошо, но не все родители похожи на твоих. Я знаю, ты думаешь, что мне следует открыться, и что всё встанет на свои места, как у тебя, но со мной так не сработает. Не все, кто совершает каминг-аут, получают счастливый конец.

- Не узнаешь, пока не попробуешь.

Тим фыркнул.

- Я могу сделать обоснованное предположение.

Бен не сдался. Он никогда не сдавался.

- Не вижу ничего плохого в том, чтобы я был испытуемым объектом. Позволь им со мной познакомиться - за ужином, а не только на несколько секунд - и посмотрим, что они думают. В любом случае, ты обещал.

- Разве?

- Да!

- Должно быть, это был момент слабости.

Бен насупился в ответ.

- Ладно. Ужин с моими родителями. Не говори, что я тебя не предупреждал.

Следующие пятнадцать минут прошли в блаженной тишине, но разум Бена всегда работал.

- Ты что-то говорил о том, чтобы открыться своим родителям.

Тим рассмеялся, точно зная, к чему ведёт Бен.

- Не вкладывай в это особый смысл.

Это была ещё одна кампания Бена. От всех этих названий Тиму было не по себе, и Бен всегда подталкивал его к тому, чтобы что-то выбрать. Может быть, он был бисексуален, может быть, нет. То, что Бен говорил об ориентации и эмоциональности, застряло у него в голове, и да, то, что было между ними, включало в себя чувства. Но, может быть, он также был способен любить и девушек.

Так или иначе, Тим знал, что если станет вести себя эмоционально, Бен примет это за доказательство. Не то чтобы они куда-то спешили. У них было всё время мира, чтобы быть вместе.

- Эй.

Тим поднял взгляд от холста.

- Да?

Бен облизнул губы, его грудь несколько раз приподнялась и опустилась.

- Я люблю тебя.

У Тима перехватило дыхание. Его рот открылся, готовясь к ответу, а затем снова закрылся.

Вот паршивец! Тим никогда не сомневался, что Бен любит его, но момент было выбран не случайно. Может, Бен не разыгрывал бы сейчас эту карту, но прошло бы не много времени, прежде чем он использовал бы это для определения ориентации Тима. И всё же слышать, как он наконец сказал это, было потрясающе.

- Иди сюда, - тихо произнёс Тим.

- А это не разрушит...

- Просто иди сюда.

Бен встал со стула и подошёл к нему, вставая рядом с холстом. Его глаза изучали глаза Тима, ожидая, когда раскроется его ответ. Тим погрузил кисточку в жёлтую краску, не разрывая зрительного контакта.

- Замри, - сказал он. - Пожалуйста.

Затем он поднёс кисточку к центру лба Бена и провёл ею вниз, одним жирным штрихом жёлтого цвета между его глаз, вдоль носа и вниз, к подбородку.

- Это ещё для чего? - запинаясь проговорил Бен.

- Чтобы сделать тебя симпатичнее, - ответил Тим и рассмеялся.

- Ты такой придурок! - Бен замахнулся на него, Тим с лёгкостью увернулся и посмеялся ещё. Бен несколько раз погонял его вокруг холста, раздражённо ругаясь. Во время одного из своих кругов он заметил, что нарисовал Тим, и остановился.

Несмотря на все отвлечения Тим гордился тем, что ему вышло. На картине были только нос и губы Бена. Пока что он вложил большинство деталей в губы, вырабатывая свою одержимость поцелуями Бена. Картина нуждалась в дальнейшей доработке, но у неё был серьёзный потенциал.

- Это мои губы! - воскликнул Бен. - В смысле, они выглядят прямо как мои!

- Не надо так удивляться.

- Я не это имел в виду. - Бен посмотрел чуть дольше. - Мне нравится, но почему?

Он посмотрел на Тима, который опустил взгляд к оригиналу. Его собственные губы чуть дёрнулись в ответ.

- Оу, ясно, - зная проговорил Бен. - Тебе нравится, что могут делать эти губы.

- Да. - Тим хитро улыбнулся. - Полагаю, что так.

- Ты знаешь, что это так. - Бен схватил тюбик синей краски, выдавил каплю себе на пальцы и размазал её по губам. Затем он угрожающе направился прямо к Тиму.

- Ну? Иди поцелуй меня, малыш!

- Нет уж, спасибо.

Тим пятился, пока не почувствовал за собой стену, в ужасе глядя на синие, выпяченные как у рыбы губы, приближающиеся к нему.

- Если любишь меня, то поцелуешь, - сказал Бен.

Ну, лучше так, чем произносить это. Тим закрыл глаза и приготовился к самому грязному поцелую в своей жизни.

- Ты уверен, что твоих родителей нет дома? - прошептал Бен, пока Тим открывал входную дверь.

- Уверен. Их никогда не бывает дома на День Святого Валентина. Обычно они валяются в кровати или завтракают где-нибудь. - Затем Тим запоздало среагировал. - Подожди, я думал, ты хочешь с ними познакомиться?

- Не так! - Бен указал жестом на своё лицо, где смешались вместе жёлтая и синяя краски, создавая такой вид, будто у него из носа вытекла зелёная слизь, прежде чем засохла.

- Ты никогда не выглядел лучше, - сказал Тим. - Ауч, - добавил он, когда Бен ударил его.

Тим, должно быть, выглядел так же плохо. Он чувствовал, что краска засохла на его губах, там, где его целовал Бен. Он надеялся, что она не была токсичной. Он представлял газетную историю, дополненную цветной фотографией их тел, лежащих рядом друг с другом, их рты были запачканы одинаковым оттенком зелёного. "Фетиш на краску стоил жизни гей-паре!"

Тим захватил пиво для себя и колу для Бена, но война с краской его взволновала.

- Идём, Бенджамин. Тебе пора искупаться.

Как бы романтично ни звучала ванна при свечах, его ванна едва ли была достаточно большой для них обоих, и Тиму было бы тяжело сделать и половину из того, что ему хотелось. Так что он включил душ и позволил воде нагреться, пока раздевал своего бойфренда. На Бене была рубашка цвета мандарина, которую Тим никогда не видел раньше, вероятно, купленная для этого случая. Он медленно расстегнул каждую пуговицу, обожая то, как тяжело Бену было встретиться с его взглядом в такие моменты. Безумно, учитывая всё, чем они занимались вместе. Каким бы дико смелым ни был Бен, в нём всё равно оставалась робкая сторона, которая раскрывалась каждый раз, когда Тим прикасался к нему.

Со своей одеждой Тим так не церемонился. Как только Бен был обнажён, Тим сорвал с себя всё, чтобы они могли встать под душ. Бен оказался под водой первым, поднимая голову к струям, зелёная вода кружилась вокруг его ног. Затем он поменялся местами с Тимом. Когда они оба стали тёплыми и мокрыми, Тим взял шампунь и выдавил немного себе в руки.

- Иди сюда.

- О нет! - ответил Бен. - Я не попадусь на это снова.

- Я просто помою тебя.

По какой-то причине Тим считал эту идею эротичной. После ещё парочки подозрительных взглядов Бен подошёл ближе. Тим встретил его на полпути, сжимая их тела вместе, пока втирал шампунь в волосы Бена. Они оба смеялись в процессе, но Тима это безумно заводило. Затем он перешёл к жидкому мылу, позволяя своим мыльным рукам скользить по всему телу Бена, проводя ими по каждому уголку и закоулку.

- Теперь я тебя помою, - сказал Бен. Он ещё не споласкивался. Вместо этого он схватил Тима и притянул его в объятия, мыло действовало как смазка, тонкое тело Бена извивалось, прижимаясь к его мышцам.

- Намного лучше, чем люфа, - сказал Тим, отклоняясь назад, чтобы добавить больше мыла между ними.

Рука Бена нашла их члены, сжимая их вместе, прежде чем он начал двигать ладонью. Тим прижался к этим губам, по которым так сходил с ума, но после нескольких поцелуев Бен развернулся, задумав что-то другое. Это был ещё один первый раз, который случился во время Рождества, и они не часто этим занимались, но Тим никогда не отказывался от предложения.

Он схватил настоящую смазку, маленькую бутылочку которой держал за кучей шампуня и бальзамов. Бен уже безумствовал, потираясь своей задницей о пах Тима. Только когда Тим отодвинулся, чтобы нанести смазку, они оба стали более осторожными.

Сначала Тим пустил в ход свои пальцы, время от времени шепча Бену на ухо: "Ты в порядке? Так хорошо?" В ответ он получал только кивки и стоны, так что Тим добавил больше смазки на свой член, прежде чем чуть-чуть протолкнуться внутрь.

Это убивало его каждый раз, так же как и песни Бена. В этом действе было что-то такое неоспоримо эмоциональное, такое сближающее, что было чудом, что он ещё не произнёс эти три волшебных слова. Тим мог сказать их и не соврать, если бы действительно захотел. Если бы они проснулись завтра и обнаружили, что весь остальной мир уничтожен, Тим представлял, что сказал бы именно это.

- Сильнее, - прошипел Бен.

Это было в новинку! Тим обвил руками торс Бена, прижимая его крепче, пока толкался быстрее. Он кусал мочку уха Бена, затем прижался головой к его шее, будто они обнимались, но, конечно же, они занимались намного большим. Тим был готов - все последние пять минут - но сдерживался, контролируя, насколько напряжено было тело его бойфренда. Когда дыхание Бена ускорилось, Тим перестал сдерживаться, идеально подобрав время. Они кончили одновременно, но Тим не отпускал Бена, пока подушечки пальцев на руках и ногах не сморщились, как чернослив.

- На следующей неделе, - сказал Тим, пока они вытирались.

Бен вытряхал воду из ушей, будто не мог слышать, но ответил:

- Правда?

- Да. Я попрошу маму приготовить чили релено. Она всегда готовит их слишком много. Ты внезапно появишься, и я спрошу, можно ли тебе остаться. Звучит хорошо?

- Да, - улыбнулся Бен. - Ты не пожалеешь.

Глядя в эти сладкие глаза цвета какао, Тим не мог не поверить ему.

Дом заполнил запах запечённых перцев, жарящихся в каноловом масле, из-за чего у Тима урчало в желудке. Или, может быть, тот бурлил из-за нервов. Парень ходил по гостиной, думая, что занимало у Бена так много времени. Ужин подадут с минуты на минуту, и если он не придёт сюда...

Раздался звонок в дверь, и Тим побежал открыть. Бен выглядел хорошо. Даже слишком хорошо. Они должны были пойти в кино согласно сочинённой легенде, и Бен как бы пришёл немного раньше. Но его рубашка, хоть и делала его сногшибательным, выглядела слишком нарядной для двух парней, идущих в кино. Для двух натуралов, по крайней мере.

- Заходи! - прошипел Тим.

- И тебе тоже привет, - сказал Бен.

- Просто стой здесь. Я сейчас вернусь.

Тим бросился на кухню. Его мама пела на испанском, тыкая в перцы на сковороде, время от времени переворачивая или выкладывая их на блюдо, выложенное бумажными полотенцами.

- Эй, мам, - произнёс Тим, подходя к ней сзади. - Вкусно пахнет!

Элла улыбнулась и продолжила петь. Она всегда становилась такой, когда готовила Мексиканскую еду, вид и запах снова уносили её обратно домой. Может быть, поэтому она всегда готовила слишком много.

- Помнишь друга, с которым я иду в кино? Ну, он пришёл пораньше и не ел. Его мать перестала петь.

- Я всё говорю ему, какая на вкус настоящая мексиканская еда, и как она отличается от здешней техасско-мексиканской кухни, так что я подумал, может быть, он мог бы остаться?

- Почему ты никогда не приводишь на ужин свою девушку?

У Тима всё внутри оборвалось.

- Потому что она ест как птичка. Так что ты думаешь?

Мгновение его мать молчала.

- Пожалуйста?

Элла опустила в масло ещё несколько перцев.

- Поставь на стол ещё одну тарелку.

- Спасибо!

Он поцеловал её в щёку и побежал обратно к входной двери, теперь нервничая в два раза больше. Бену, казалось, тоже не было комфортно. Он смотрел на лестницу, по которой пробирался так много раз по ночам, но когда увидел Тима, на его губах появилась лёгкая улыбка.

- Как всё прошло?

- Всё хорошо. Надеюсь, ты голоден.

- Изголодался!

Тим сделал глубокий вдох.

- Слушай, я тут думал. В этот раз просто дай им узнать тебя. Не разыгрывай карту гея. Не сегодня.

- Тим...

- Как-нибудь в другой раз, ладно?

Выражение лица Бена было мрачным, но он кивнул. Узел в животе Тима слегка расслабился. Затем он вспомнил, что должен поставить на стол лишнюю тарелку. Этим он и занимался, когда в столовую вошёл его отец, а через секунду и мать, которая несла перцы.

- Мам, пап, это мой друг Бен.

Брови его отца нахмурились.

- Он остаётся на ужин, - объяснила Элла. - Гордито, принеси с кухни рис. Твой друг может принести салат.

- Видишь? - произнёс Бен, когда они оказались на кухне. - Я уже часть семьи.

Тим не смеялся. Уже было слишком поздно отступать? Они не могли выскользнуть за заднюю дверь и исчезнуть? Атмосфера за столом казалась напряжённой, когда они вернулись и сели. Тим был уверен, что на этот раз Бен встретил достойного соперника. По крайней мере, Бен был готов. Тим натренировал его как мог, начиная с того, как их семья произносит молитву. Без каких-либо подсказок Бен опустил голову, прежде чем потянуться за едой, беспроblemно произнося слова вместе с его семьёй.

- И спасибо Уаймэнам за то, что они оказались достаточно добры, чтобы поделиться этой едой со мной, - добавил в конце Бен.

Тим взглянул на своих родителей. Его мать казалась довольной или развеселённой, но его отец смотрел со стойким недоумением. Тим помог своей маме разложить еду. Бен разыграл большое представление, как хороша еда на вкус, произнеся длинную речь о том, как он интересуется мексиканской культурой, и как

готовил школьный доклад о Мехико, откуда - сюрприз! - просто случайно была родом мать Тима. Для Тима всё это звучало фальшиво, но его мать смеялась во всех правильных моментах и, казалось, ей искренне льстил его интерес.

Тим был уверен, что они обречены, когда Бен начал разговаривать о спорте с его отцом, но всё пошло даже лучше. Бен разговорил Томаса о "Канзас-Сити Чифс" - умный шаг, так как это значило, что по большей части Бен слушал и кивал. Тим перестал ждать конца света и сосредоточился на том, чтобы наесться. Правда, это было мило. Обычно, когда Тим ел со своими родителями, они по большей части разговаривали друг с другом. Теперь, когда Бен играл посредника, к ним относились как к парам, которые его родители развлекали время от времени.

- Так приятно наконец познакомиться с одним из друзей Тима, - сказала его мама. - Он так оберегал свою социальную жизнь с тех пор, как мы переехали из Канзаса.

- Не оберегал, - ответил Тим. - Мне просто нравится гулять, а не сидеть дома. Я слишком стар для ночёвок, знаешь ли.

Губы Бена дёрнулись от веселья, но он скрыл улыбку, слава богу. Они здесь не в игрушки играли!

Его мать повернулась к Бену.

- Ты знаешь других его друзей? Его девушку? - спросила миссис Уаймэн.

Тим чуть не подавился. Он не подумал дать указания Бену по этому поводу. Романтика была страстью его матери. Своего мужа она любила больше всего, больше него, так что одним аспектом мира Тима, которым она всегда интересовалась, была его личная жизнь. Если у него не было девушки, она была одержима этим, так что было легче соврать и сказать, что у него она есть.

- Конечно, он знает Кристу!

Бен не стал медлить, даже если его голос был натянутым.

- Она и, правда, симпатичная. И популярная.

Мать Тима была довольна.

- А что насчёт тебя? У такого белокурого мальчика, как ты, должно быть, тоже симпатичная девушка.

- Ну, на самом деле...

У Бена на лице было такое выражение, что Тим пнул его ногу под столом. Их глаза встретились на долю секунды. "Криста? - говорил этот взгляд. - За это я им расскажу". И для пущей убедительности Бен пнул его в ответ.

- У меня есть парень.

Слова вылетели. Бесповоротно. Бен произнёс их и не мог забрать назад. Его мать казалась озадаченной, может быть, думала, не подвёл ли её практически идеальный английский. Его отец несколько раз прочистил горло, будто проглотил жука.

- Он действительно замечательный, - продолжал Бен. - И ходит с нами в одну школу.

Тим был уверен, что Бен выдаст его родителям, прямо здесь и сейчас. Но затем Бен начал говорить о мексиканской кухне, будто бомба, которую он обрушил, была не более чем праздной болтовнёй. А Бен продолжал говорить, бросаясь темами, за которые его родители цеплялись, потому что так им было намного удобнее. К концу обеда всего этого будто и не было.

- Если бы я знала, что зайдёт один из друзей Гордито, - сказала его мать, - я бы приготовила tres leches.

- Три молока? - попытался перевести Бен.

Тим усмехнулся.

- Это такой торт.

Его мама улыбнулась.

- И твой любимый, не так ли?

- Да, - сказал Тим. Хорошо, достаточно странного времени с семьей. - Нам пора идти, иначе мы пропустим фильм.

Бен настоял на том, чтобы помочь убрать со стола, после чего Тим практически выпихнул его из дома. Не потому, что расстроился, а потому, что не мог дожидаться, когда они останутся наедине. Он поцеловал Бена в ту же секунду, когда они оказались в его машине.

- Это было потрясающе! - сказал он.

- Да, - Бен скромно кивнул. - Думаю, я справился.

- Ты был невероятен! Ты разговорил моих родителей больше, чем мне удавалось за последние десять лет.

Бен улыбнулся.

- Они не казались такими уж плохими.

Нет, не казались. Может быть, молчание на протяжении многих лет было виной Тима. Он многому мог научиться у Бена. Тим завёл машину, и взревел двигатель.

- Куда мы едем? - спросил Бен.

- В кино.

- В субботу вечером, где все могут нас увидеть?

Тим усмехнулся ему и кивнул. Почему нет, чёрт побери? Всё это время Бен был прав. Бояться нечего. Как только они поехали вниз по улице, Тим потянулся и взял его за руку.

- Я не понимаю только одного, - сказал Бен.

- Чего?

- Почему твоя мама всё продолжает называть тебя Гордито?

Тим простонал.

- Это просто кличка, как твоя мама называет тебя "сладким" на английском.

- Оу. - Бен обдумывал это. - Ну, разве "gordo" не значит "толстяк"?

- М-хм.

- Значит, по сути твоя мама называет тебя "толстячок"?

- Я был большим ребёнком! - в свою защиту произнёс Тим.

- Толстым ребёнком? - спросил Бен и рассмеялся.

Тим улыбнулся.

- Эй, всем этим мускулам нужно ведь было откуда-то взяться!

- Ну, в таком случае я рад. - Затем Бен добавил, так тихо, что Тим практически его не расслышал: - Mi Gordito.

Когда Тим вернулся домой тем вечером, его родители ещё не спали. Это было не так уж странно, учитывая время, но обычно они уже были бы в своей спальне, смотрели телевизор или занимались чем-то ещё. Он был рад, что они с Беном сегодня решили не рисковать, потому что родители его ждали.

- Присядь.

Мать уже сидела на диване в гостиной, отец стоял рядом со скрещенными руками и ждал, пока Тим сделает то, что ему велели.

- Что происходит? - спросил Тим.

Элла похлопала по дивану.

- Мы просто хотим с тобой поговорить.

Тим занял место на противоположном конце и повернулся, чтобы видеть маму.

- Мы обеспокоены тем, с какими ты связываешься людьми.

Внутри Тима всё превратилось в вакуум, в котором он застрял. Он знал, что это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

- Он просто друг, - сказал Тим, желая, чтобы его голос был более сильным, но, казалось, это невозможно. Не тогда, когда его родители были им недовольны.

- Он гомосексуал, - произнёс его отец.

- Да. Он не совсем уж скрывал этот факт.

Томас разбушевался.

- Это приемлемо в вашей школе?

Тим попытался встретиться с ним взглядом и не смог.

- Не совсем. Ему тяжело. Но ты его видел. Он хороший парень.

- Он был очень вежлив, - вставила его мать, - но ты же знаешь, это грех.

- Не говоря о том, как это отражается на нашей семье.

Как это отражается на них. Вот, что его отец действительно хотел сказать. Но Тим должен был попробовать. Ради Бена он должен был что-то сказать.

- Разве он вам не понравился? Вы так хорошо поладили за ужином.

- Мы не варвары, - огрызнулся его отец. - Мы не относимся плохо к своим гостям.

- Он нам понравился, Гордито, но, если ты не думаешь, что он может измениться, он отправится в ад. От этого никуда не деться. У меня разбивается сердце при мысли о том, что такой милый мальчик, как он, попадёт туда, но с Богом нельзя спорить.

Тим посмотрел на мать, на слёзы в её глазах. Её охватило такое же сильное сочувствие, какая злость охватила его отца, но она была так поглощена своей религией, что Тим знал, что никогда не сможет изменить её взгляды. Он хотел бы увидеть её, всего раз, без отца и без её веры, потому что он был уверен, что она замечательная.

Он думал о том, чтобы рассказать им правду, бросить им вызов, чтобы они судили его так же, как Бена. Эти слёзы в глазах его матери - из-за человека, которого она едва знала - умножились бы во сто крат. Правда это или нет, его мать поверила бы с полной убеждённостью, что её сын отправится в ад, и это разбило бы ей сердце.

- Чего вы от меня ждете? - скрипучим голосом спросил Тим. - Он мой друг.

- Нет, это не так, - объявил его отец, будто решать было ему. Как выяснилось, он это мог. - Я заберу тебя из школы, если у тебя там такие друзья. Можешь вместо этого пойти в военную академию. Тогда ты пожалеешь о том, что неправильно обращался со свободой, которую мы тебе даём. Ты этого хочешь?

- Нет, - сказал Тим.

- Может быть, нам не следовало уезжать из Канзаса, - сказала мать.

Да, будто там не было геев. Но от того, что отец сказал дальше, у него заledenела кровь.

- Мы можем переехать обратно, если понадобится.

Они сделают что угодно, чтобы разделить их с Беном, а они знают только половину правды.

- По субботним вечерам ты должен ходить в кино со своей девушкой, - сказала мать.

Тим встретился с ней взглядом, задаваясь вопросом, видела ли она страх, который он чувствовал. Она знала? Должно быть, подозревала. Она определённо не была глупой. Может быть, ей нравился Бен, но пока они смеялись над глупым фильмом с Джимом Керри, держась за руки, хоть фильм ни капли не был романтическим, она сидела дома, складывая вместе кусочки паззла. Слёзы в глазах его матери приобрели новое значение. Они были неуверенными, выражая боль, вызванную её подозрениями.

- Криста нехорошо себя чувствовала, - сказал Тим, его язык будто онемел. - Девчачьи проблемы. Я пошёл с Беном только потому, что мне было его жалко.

- Конечно!

Его мать говорила с такой надеждой, готовая принять любой другой вывод, кроме того, которого боялась.

Но когда Тим взглянул на своего отца, то не увидел ничего такого. Вместо этого серебристые глаза его отца смотрели на него напряжённо, бросая сыну вызов рискнуть снова причинить боль его жене. Тим знал, что не мог ничего сказать или сделать, чтобы убедить его. С этих пор Томас будет внимательно за ним следить. Тим предполагал, что должен быть счастлив. Он всегда хотел, чтобы родители интересовались его жизнью. Теперь они заинтересовались.

Глава 10

На следующее утро Тим стучал во входную дверь Бена, едва ли вообще поспав ночью, метаясь между злостью и отчаянием так часто, что больше не знал, кого винить. Его единственной уверенностью было то, что сбылся его худший страх. То, что было между ним и Беном, разрушилось.

Бен открыл дверь с той же глупой улыбкой, которую они разделили прошлым вечером, будто выиграли выборы или что-то такое. Тим ненавидел это напоминание о том, какими они были наивными, так что он сказал кое-что, что гарантированно могло убрать улыбку с лица Бена.

- Они не хотят, чтобы я с тобой виделся.

- Что?

- Мои родители. Они не хотят, чтобы я был твоим другом.

Болезненное выражение лица Бена практически потушило огонь внутри, но Тим пытался его предупредить. Нет, он не мог перестать чувствовать злость, потому что во всём этом виноват был Бен!

- Что случилось? Я думал, я им понравился.

- Понравился, Бенджамин, но Господи Боже, они католики! Они не будут игнорировать свою религию только потому, что ты наговорил ерунды про спорт и географию!

Бен оглянулся, проверяя, не слушает ли его семья, прежде чем вышел на крыльцо и закрыл дверь.

- Может быть, им просто нужно немного времени, чтобы...

- Чтобы что? Позвонить папе римскому и попросить его изменить ради тебя правила? - Тим пнул бетонную дорожку, стараясь сдержаться, чтобы его злость не превратилась в слёзы. - Я говорил тебе, что так будет. Я говорил тебе, что они вмешаются. Как я мог быть таким глупым?

- Нам ничего не мешает! - Бен говорил скорее отчаянно, чем уверенно. - Значит, они больше не пригласят меня на ужин. Не велика потеря! Мы просто обойдёмся тем, что было раньше.

- Действительно? Мы просто будем продолжать трахаться, пока они не найдут нас вместе? Боже!

- Думаю, его мы определённо может не посвящать в эти дела.

Тим бросил на него злой взгляд.

- Это не смешно! Теперь мои родители будут смотреть на меня по-другому. Задаваться вопросом, почему их сын водится с таким как ты! - Тим как можно лучше

спародировал своего отца. - Боже, милая, как вышло, что наш сын притащил на ужин парня-гея, а не свою девушку! Хм. Мне интересно, чёрт побери!

- Прекрати.

- Именно это нам и стоит сделать!

Он ненавидел эти слова, но не заберёт их обратно. Они были неизбежны. Бен давил, давил и давил, и теперь всё сломалось. Тим не знал, как это исправить. Никому это не под силу. Он развернулся и ушёл, отчаянно желая увеличить расстояние между собой и болезненным шоком на лице Бена.

- Никогда не возвращайся! - крикнул ему вслед Бен.

Тим поклялся себе, что никогда не вернётся.

Дверь в спальню Тима со щелчком открылась. Он бросил взгляд на часы, замерев в кровати. Как раз за полночь. Их обычное время. Иногда, когда Бен приходил, Тим уже спал, не просыпаясь, пока не чувствовал тело Бена рядом. В такие ночи, как сегодня, сна у Тима не было ни в одном глазу. Он был истощён, метался и крутился, и жалел о сцене в доме Бена.

Он перекатился в кровати и наблюдал, как Бен разделся и отодвинул одеяло, когда подошёл ближе. Бен лёг лицом к нему, протянув руку, чтобы коснуться его лица, но Тим схватил его за запястье и прижал ближе, злость и отчаяние усилились и проявились в крепких поцелуях. Бен отбивался, боролся с ним и хватался за него без разрешения, они были похожи на двух врагов, пытающихся сломить друг друга. Затем, в одно и то же время, они замедлились, их тела прижались друг к другу, поцелуи снова стали нежными.

- Почему всё должно быть так глупо? - прошептал ему Тим.

Бен вздохнул.

- Я не знаю.

Потом они занимались любовью, успокаивая друг друга нежными движениями. Утром они не разговаривали об ориентации, родителях или каминг-ауте. Тим вздохнул с облегчением. Наконец Бен увидел правду, понял, как мир встанет между ними, если они не будут осторожны. Они опасно близко подошли к тому, чтобы потерять друг друга, но сейчас, с этим новым пониманием, они будут в безопасности.

Динамики стерео били басами, на стенах дрожали семейные фото. Все на вечеринке кричали, чтобы быть услышанными. То, что недовольные соседи вызовут полицию, было неизбежным. Может быть, поэтому люди так отчаянно глотали свои напитки.

Родители Брайса сошли с ума, раз позволили своему сыну управлять домом, даже если это был его день рождения. Хорошо, что Хантеры остались на ночь в отеле. Они, наверное, сыграли бы в ящик из-за сердечного приступа, если бы сейчас видели свой дом. Дом уже был разгромлен, именинник даже не был в сознании, чтобы наслаждаться хаосом. Массивная фигура Брайса в обмороке лежала в кресле, которое едва держало его, его конечности свисали спереди и по сторонам. Он выглядел как гигант на детском стуле.

Тим медленно заглушил музыку, чтобы люди не заметили. Нет смысла в приезде полиции, пока он не напьётся. Как только все начали разговаривать, а не кричать, он схватил ещё одну бутылку пива из забитого холодильника и плюхнулся на диван. Криста стояла в другом конце комнаты, флиртуя с каким-то парнем, которого Тим никогда не видел. Предыдущий бойфренд едва ли продержался неделю, так что она снова стала лёгкой добычей. Криста ходила за Тимом всю вечеринку, пока не появился этот новый парень, давая ему очень необходимое пространство.

К разочарованию Тима, это пространство сейчас было заполнено Стейси Шелли. Она присела на диван рядом с ним, поднимая в тосте бокал вина. На вечеринке никто больше не пил вино, что означало, что она либо принесла своё, либо разграбила бар Хантеров старших.

Тим стукнулся своей бутылкой пива с её бокалом и спросил:

- За что мы пьём?

- За Бена Бентли, - сказала Стейси.

Тим пожал плечами и сделал глоток, не показывая и намёка на адреналин, который побежал по его организму.

- Кто он?

- "АстроВорлд", - следом произнесла Стейси.

Тим покачал головой.

- Я знаю, это сложно, но попробуй формировать полные предложения.

Этим он заработал себе сердитый взгляд.

- Молли Десаи работает в "АстроВорлде". Хотя я её не выношу, вероятно, она к тебе неровно дышит. Мне не повезло попасть с ней в команду на уроке английского, где она горевала по всем красивым парням-геям, которых не могла заполучить. Серьёзно, думаю, проблема в её акне, а не в ориентации её увлечений. В любом случае, Молли назвала тебя среди элитных неприкосновенных гомосексуалов.

Тим рассмеялся, и ему даже не пришлось притворяться.

- Какая-то девчонка, о которой я никогда не слышал, не может меня заполучить, и это делает меня геем?

Но Тим знал, что за этим стоит большее. Стейси уже рассказала ему всё, что ему нужно было знать, но он по-прежнему строил из себя дурачка.

- Молли утверждает, что видела тебя и Бена Бентли вместе в "АстроВорлде", и как ты знаешь, Бен знаменитейший педик в городе.

Тим сделал ещё один глоток пива. Это было сколько... четыре месяца назад? Последние пару недель они были так осторожны, со времён ужина с его родителями. Теперь какая-то глупая неосторожность прошлого выбралась из могилы, чтобы преследовать его.

- Во-первых, я никогда не был в "АстроВорлде". Во-вторых, думаю, Криста может быть свидетельницей того, какой я гей.

Стейси рассмеялась.

- Ну, пощупала она разок твой стояк. Да, она рассказывала мне об этом, но судя по всему, что я знаю, ты мог в то время думать о Бене.

Тим наклонился вперёд, достаточно близко, чтобы почувствовать запах её дыхания. Стейси не отодвинулась, чтобы отстраниться от него. Вместо этого она придвинулась ближе, всего на долю дюйма. И он знал, что завладел ею.

- Дело не в каком-то гее и не в том, как далеко мы заходили с Кристой, так ведь? Дело в тебе, ты думаешь, так ли хорошо я трахаюсь, как ты представляла. Ты хочешь это выяснить, Стейси? Хочешь, чтобы я прямо сейчас отвёл тебя в ту ванную, усадил на раковину, раздвинул твои ноги и трахнул тебя?

В глазах Стейси снова появился этот порочный огонь, но она не злилась. Она была готова.

- Хорошо, - сказал Тим, отстраняясь. - Давай сделаем это. Но ты беги вперёд. Не важно, что ты слышала, я умею быть осмотрительным.

- Как и я, - сказала Стейси и встала. - Главная спальня, наверху, последняя дверь справа. Ванная для быдла. - Стейси встала и пошла в толпу гостей, здороваясь с несколькими людьми, чтобы быть замеченной. Затем она повернула обратно и поднялась по лестнице. Тим подождал, пока она скроется из виду, затем поднялся на

ноги и подошёл туда, где дремал Брайс. Тим два раза ударил его по руке, как можно сильнее, чтобы разбудить.

- А?

- Эй, именинник. Твоя девушка хочет, чтобы ты её трахнул. Она ждёт в спальне твоих родителей.

- О, ладно.

Брайс встал, выхватил полупустую бутылку пива из руки Тима и пошёл наверх. Тим взял новую бутылку из холодильника по пути к выходу. Стейси будет в ярости, но теперь у Тима была грязь, которую он мог использовать против неё. Если она хотела, чтобы он молчал о её почти что неосмотрительности, то ей лучше не проронить ни слова о нём и Бене.

- Спасибо.

Это были последние слова, которые Тим ожидал услышать по телефону. Голос Стейси звучал будто с чертовского похмелья, но она не казалась злой.

- За что?

- Ты знаешь, за что, - ответила она. - Я была очень, очень пьяна.

Но не такой пьяной, чтобы не знать, что делала. Тим до этого видел, как она перепивала Брайса, её ум оставался острым, как лезвие, но он подыграл.

- Да, я понял. Я и сам немного перебрал.

- Брайс знает?

- Нет, - сказал Тим. - Я просто отправил его наверх. Не думал, что ты будешь против.

- Конечно нет.

Возник неловкий момент тишины. Тим думал, следует ли шантажом заставить её молчать, или глубоко внутри она была достаточно приличной, чтобы ему не пришлось просить. Он решил дать ей кредит доверия.

- Что ж, пойду выпью аспирина и посплю, - сказал он.

- Хорошая идея.

Ещё одна пауза.

- Эй, Тим?

- Да?

- Ты бы сделал это? В смысле, если бы Брайса не было на горизонте.

Нет, из-за Бена, и потому что Тим сомневался, что пережил бы этот опыт. Она по-прежнему чертовски его пугала, но он хотя бы убедил её, что слухи о гомосексуализме не правда.

- Да, - соврал он. - Конечно, сделал бы. - Его это заворчало от голода. - А ты? В смысле, если бы ты была одинокой и трезвой.

- Не льсти себе.

Тим усмехнулся, и Стейси рассмеялась, прежде чем они попрощались и закончили разговор. Запахло жареным! Тим действовал неосмотрительно и свободно, но ему повезло. Стейси думала, что он хочет её, что должно снять подозрения с Бена. Но Тиму придётся быть умным. В его маске появилась первая трещина, и если он не будет осторожен, она разлетится на кусочки.

Тим бежал, и впервые это не приносило хороших чувств. Чёртовы гормоны! Они вызывали временное повреждение мозга, он был в этом уверен. Плюс, вечер был одним гигантским всплеском адреналина. Лето быстро приближалось. Бейсбольная команда вышла в региональный плей-офф, и сегодня игра была одной из его лучших. Когда после этого он встретил в парке Бена... ну, он был чертовски возбуждён. Не то

чтобы он планировал взять его прямо здесь и сейчас, но они оба стали жертвами его дурацких желаний.

Бен отсасывал ему, когда в глаза Тиму засветил полицейский фонарь. Теперь их отымели, но в совершенно другом смысле. В эту краткую секунду Тим видел, как его мир рушится. Полиция в его доме, выражения лиц его родителей, время в колонии для несовершеннолетних, а затем военная академия. Чёрт, он бы самолично подписался на эту ссылку, учитывая, что произойдёт, когда вести разойдутся по школе.

Эти кошмары стали бы явью, если бы их поймали. Тим умел бегать. Он бегал почти каждый день, так что сомневался, что коп, пыхтящий за ним, когда-нибудь догонит, но он всё равно переживал, что его узнают. Что касается Бена, Тим бросил его, сказав, что они должны разделиться. Он чертовски надеялся, что его бойфренд тоже умеет бегать, потому что сейчас Бен был сам по себе.

Тим добрался до своего района без признаков погони. Он всё равно бежал, замедлившись до бега трусцой, чтобы выглядеть как обычно, пока не добрался до своего дома. На подъездной дорожке была куча машин, ни одна из них не была ему знакома. Он выругался. Сегодня у его родителей был этот дурацкий званый ужин, когда они потчевали своих любимых бизнес-партнёров едой и напитками. Тим вытер пот со лба и попытался замедлить дыхание - это задание было не простым, так как всё у него внутри шипело от паники.

Успокоившись как мог, Тим зашёл в дом. К счастью, торжество по-прежнему проходило в столовой. Гостиная была украшена, но пуста, готовая к тусовке, которая последует за ужином, что позволило ему подняться в свою комнату незамеченным. Оказавшись там, он начал беспокойно расхаживать из стороны в сторону. Может быть, он улизнал, а Бен мог прямо сейчас сидеть на заднем сидении полицейской машины, где его допрашивали копы. Бен не сдал бы Тима - никогда - но кто знал, что могли сказать Бентли, когда полиция приедет к ним домой.

- Дзынь!

Тим развернулся лицом к окну.

- Дзынь! Дзынь!

Погасив свет, он вернулся к окну. Там, внизу, во дворе, стоял Бен, подняв лицо к нему. Его не поймали, но его присутствие здесь не облегчило тревогу Тима. Он выскользнул за входную дверь и поспешил обойти дом сзади. Если бы кто-нибудь из гостей выглянул в окно, то увидел бы ждущего там Бена, поэтому Тим схватил его за руку и отвёл в тень сбоку от дома.

- Тебя поймали?

- Нет. Ну, да, - заикаясь произнёс Бен. - Я не знаю. Они в доме у моих родителей.

- Чёрт! - Тим отошёл от стены, проверяя свою подъездную дорожку на наличие красных и синих мигалок.

- Не переживай, они просто...

- Не переживать? Чёртовы копы застали нас, пока мы трахались!

Бен вздохнул, будто Тим вёл себя неразумно.

- Они не знают о тебе! Они знают только обо мне, потому что я врезался в Дэниела Уигмора.

- В кого?

- Это парень из нашей школы.

Желудок Тима ухнул вниз. Он едва увернулся от пули со Стейси и "АстроВорлдом". С тех пор она не упоминала Бена, но сейчас какой-то парень видел, как они занимаются делом.

- Кто-то наблюдал за нами?

- Нет!

- Откуда ты знаешь?

- Он был слишком далеко. - Бен раздражённо покачал головой. - Не знаю я!

- Нет, ты не знаешь. - Тиму хотелось кричать, но он не смел рисковать быть услышанным, так что вместо этого его голос превратился в едва контролируемое рычание. - Ещё ты не знаешь, что твои родители сейчас говорят полиции. С кем ты сегодня гуляешь, по их мнению?

Бен скрестил руки на груди, встречая хмурость Тима своей собственной.

- Слушай, я скажу им, что сосал у Дэниела. Проблема решена.

- Они видели меня, - подчеркнул Тим, его голос надломился. - Мы облажались!

- Нет, не облажались.

Бен протянул руку, будто собираясь проявить сентиментальность, но Тим отошёл назад.

- Да, облажались. Всё улетело к чертям.

И так и будет продолжаться. В конце концов родители Тима заметят, как Бен пробирается в дом, или достаточно людей в школе выйдут на первый план со своими историями и наблюдениями. Пока что он мог только отбиваться от сплетен. И как в Канзасе, всё восхищение им теперь превратится в ненависть. Ему нравился Бен, может быть, даже больше этого, но в итоге об их отношениях станет известно всем. Хуже всего, его мать никогда не перестанет плакать, если узнает. Его родители совсем отвернутся от него. И за что? Не то чтобы они могли пожениться или жить вместе. Со слов Бена всё казалось возможным, когда на самом деле все совсем наоборот.

То, что было между ними, не было любовью. Это была зависимость. Даже сейчас, от взгляда на Бена, тело Тима кричало о необходимости быть рядом с ним, обнимать его, даже если это разрушит их обоих.

- Боже, что я позволил тебе сделать со мной?

- Сделать с тобой? - Бен не верил своим ушам, придвинувшись опасно близко к нему. - Я ничего не "делал". Знаешь, это не выбор. Это тот, кто ты есть!

Но у Тима был выбор. Он был с девушками раньше и мог быть снова. Но не тогда, когда рядом Бен.

- Отвали от меня.

Тим толкнул его и попытался уйти, но Бен поймал его за руку и развернул обратно.

- Ты не можешь это контролировать! - хватка Бена была крепкой, слова отчаянными. - Ты не можешь просто оттолкнуть меня и ждать, что я перестану чувствовать...

Нет! Тим не хотел этого слышать!

- Я так больше не могу! - Он отдернул свою руку, но Бен не оставлял его в покое, подходя ближе. Он знал. Если Бен прикоснётся к нему, он знал, что Тим был слишком слаб, чтобы устоять. Он снова толкнул Бена, наполовину ослепнув от слёз в глазах. - Всё кончено! Иди домой.

Бен покачал головой, отказываясь принимать слова Тима. Когда он снова попытался подойти ближе, Тим толкнул его достаточно сильно, чтобы Бен упал на землю, с широко раскрытыми глазами. Бен ухватился за траву, глядя на него в полном неверии, возможно, потому что никогда за миллион лет не поступил бы так с ним. Тим ненавидел себя больше, чем когда-либо. Боль и шок на лице Бена убивали его, поэтому он отвернулся и пошёл обратно в дом.

Конечно, дурацкая вечеринка перекочевала в гостиную, все головы повернулись в его сторону, когда он вошёл.

- Это наш сын, Тимоти, - объявила его мать.

Он остановился на пути вверх по лестнице и посмотрел на них - все эти счастливые парочки, разодетые в лучшие наряды и с сияющими глазами глядящие на него поверх своих напитков. Мальчик-девочка, мальчик-девочка, мальчик-девочка. Они существовали парами, и никто никогда не поставил бы под вопрос их право на это. Тим презирал их за то, что они нормальные, счастливые.

- Всё в порядке? - спросил его отец с толикой предупреждения в голосе.

- Игра была жёсткой.

- Он играет в бейсбол, - объяснила его мать.

Раздался хор понимающего бормотания. Конечно же! Из-за чего ещё парню расстраиваться?

Тим развернулся и потащился наверх в свою комнату, запирая дверь на ключ. Он оставил свет выключенным, чтобы видеть, что творится за окном. Там, немного сбоку, с опущенной головой стояла тёмная фигура, у которой дрожали плечи. Бен продолжал стоять на месте, ожидая возвращения Тима, ожидая, что он исправит ужасные вещи, которые натворил. Но он не станет этого делать. Тим наблюдал за ним, отступив на шаг от окна, чтобы его нельзя было увидеть, и присоединился к Бену в его слезах. В конце концов, одинокий силуэт покачал уставшей головой и исчез в ночи.

Глава 11

На телевидении не было никаких счастливых гей-пар. Никакого президента-гея в сопровождении его симпатичного и очаровательного "первого джентльмена". Не так давно Эллен ДеДженерес сделала каминг-аут, и СМИ взорвались, заставляя Тима ёжиться так же сильно, как это заставляло усмехаться Бена. Бен видел в этом прогресс, в то время как Тим считал это доказательством того, что мир их не примет, что быть геем - Очень Большое Дело. Он предполагал, что может назвать имена нескольких музыкантов, которые открылись, как только их банковские счета стали достаточно большими, чтобы сделать их неприкасаемыми, но Тим не знал, состоял ли кто-то из них в здоровых длительных отношениях.

Возможно, Бен знал. Если бы Тим позвонил ему прямо сейчас, он, наверное, на одном дыхании выпалил бы список вдохновляющих образцов для подражания. Опять же, он никогда не делал этого раньше, и Бен никогда не сдерживался в попытках убедить Тима, что быть геем нормально. Ирония состояла в том, что в одном Бен наконец убедил Тима, но ценой этой правды стало прощание.

Тим был геем. Должен был быть, потому что всё у него внутри неустанно болело. Он никогда ни к кому такого не чувствовал. Криста была скорее необходимостью, Карла - странным видом увлечения, но ни они, ни девушки до них не вырезали свои имена в его сердце так, как сделал Бен. И не переплетались так сильно с его душой, что он задавался вопросом, кто он без них. Он любил Бена, но это ничего не меняло.

Он не мог снова пережить Канзас, не мог вынести тяжести всей этой ненависти. И его родители - они и так едва ли у него были. У них наконец появится оправдание, чтобы избавиться от него, бросить его в военную академию или в пансион, и оставить его там гнить. Тогда у них будет свобода жить своими жизнями, как они и намеревались, в то время как Тим останется ни с чем.

Он не выносил эту мысль. Может быть, он мог бы справиться с потерей отца, но не матери или бабушки, с её большими раскрытыми объятиями. Она была такой же католичкой и плакала бы ещё сильнее из-за того, что Тим загоняет себя в ад.

Трус.

Это слово выделилось больше всего в следующий раз, когда Тим услышал пение Бена. Он знал, что Бен будет на школьном шоу талантов, выступая с песней вместе с Эллисон. Они месяцами репетировали. Тим не хотел идти, но друзья его подтолкнули, не желая пропустить издевательства над лузерами. Но даже они взяли перерыв от бросков оскорблениями, когда запели Бен и Эллисон.

Бен нашёл Тима, оглядывая зал до тех пор, пока их глаза не встретились. Затем Бен начал петь как никогда раньше. Его голос всегда поднимал Тима на новые эмоциональные высоты, но сейчас он сбил его, резал с такой же силой, с какой однажды вылечил.

Куплеты песни не могли быть более подходящими, созданные именно для него, и слово "трусливый" жалило больше всех. Потому что это была правда. То, что сердце "промёрзло" тоже выделялось, но скорее, как мудрое поучение. За проходящие недели Тим пытался убить свои эмоции, подавить свою любовь к Бену. В конце концов, он наловчился. Он порвал письмо, которое Бен оставил в его шкафчике, в котором говорилось, что от полиции не будет никаких проблем. И когда Тим пошёл в свою мастерскую и ножом для бумаги разрезал на кусочки картину с лицом Бена, он не чувствовал ничего. Почти.

Были вечеринки и были друзья, и когда родители Тима всё же обращали на него своё внимание, не было горя или ненависти. Скорее Тим так мог сказать о себе, когда смотрелся в зеркало. Но он продолжал себя ломать, потому что только это и можно было сделать. Просто двигаться.

Однажды вечером, когда раздался звонок в дверь, Тим остался в кровати. Некоторое время он был на грани, ожидая, что Бен сделает что-нибудь сумасшедшее, но у него больше не было этого страха. Не после того, как Бен спел. Он почувствовал резкую боль сомнения, когда его мать позвала его снизу, но её голос звучал слишком счастливо, чтобы гостем был Бен. Вскоре он увидел, почему.

Внизу лестницы стояла красивая девушка, обмениваясь приятными словами с его матерью, на что Элла отвечала улыбками и счастливыми смешками.

- Стейси! - произнёс Тим, не скрывая удивления. - Поднимайся.

Его мать соорудила гримасу, будто он вёл себя нахально, а она одобряет. Эта мысль никогда не приходила ему в голову.

- Неплохо, - сказала Стейси, когда оказалась в его комнате, расхаживая и рассматривая детали.

За последний месяц они хорошо ладили. С самого её пьяного флирта с ним - или наоборот - она стала относиться к нему с большим уважением. И она никогда не упоминала Бена. Когда ей надоело осматриваться, она присела на край кровати. Тим всерьёз надеялся, что она пришла не для того, чтобы воспользоваться тем предложением.

- В чём дело? - спросил он.

- Дэррил планирует позвать Кристу на выпускной.

Тим пожал плечами.

- Она не моя собственность. Я не буду ревновать.

Стейси смирила его терпеливым взглядом.

- Дэррил, - повторила она. - Подумай об этом.

И правда, это было странно для Дэррила. Обычно он выбирал из круга девушек, которые хотели бы быть популярными, из девушек, неизбежно ошеломлённых его статусом, а затем бросал их, как только они выкладывались.

- Оу.

- Именно, - сказала Стейси. - Думаю, он ищет новое завоевание, что-то больше похожее на вызов, потому что мы все знаем, что случается в ночь выпускного.

- Я должен с ним поговорить?

Но Тим уже знал, о чём она просит.

- Думаешь, разговор с ним что-то изменит? - Стейси устроила шоу, проверяя свои ногти. - Криста по-прежнему бредит тобой. Сильно. Я знаю, мужчины живут ради азарта, так что я, возможно, не должна тебе этого говорить, но она жалеет, что ты не был её первым. В смысле, ты по-прежнему можешь им стать. Она не делала никаких ошибок, но я не понаслышке знаю, каким настойчивым может быть Дэррил.

- О, да?

- Да.

И хоть Криста никогда не значила для него так много, Тим ненавидел мысль о том, что Дэррил напоит её глубинными бомбами или каким-то ещё алкоголем, прежде чем распустит свои жабы руки. Так что да, Тим сводит Кристу на выпускной, возьмёт её в любом смысле, который она посчитает подходящим. Он будет улыбаться ей, шептать милые словечки на ухо и заставит её чувствовать себя принцессой - но он не будет чувствовать ничего. Теперь он знал, что не может.

Несмотря на свои намерения, Тим всё равно почувствовал искру в следующий раз, когда пересёкся с Беном. Они не виделись со дня шоу талантов два месяца назад. Одного взгляда не него было достаточно, чтобы воскресить противоречивые эмоции. На Бене была бледно-зелёная рубашка-поло, с рожком мороженого, вышитым с левой стороны груди. То, что у него теперь была летняя работа, вызывало у Тима чувство пустоты, будто они уже стали незнакомцами.

Бен казалось отвлёкся, глядя на дома за велосипедной дорожкой. Он ещё не заметил Тима или двух людей, с которым тот был. Слева от него стоял Брайс. По его низкому смешку Тим мог сказать, что он заметил Бена. Справа от него был кузен Брайса, Трей, который приехал на лето и был виноват в том, что они шли пешком. Они возвращались после покупки травки, и Трей был нервным, не желая ехать на машине на случай, если их остановят.

- Ну-ка, ну-ка. Не это ли деревенский педик! - прогремел Брайс.

Бен опешил, наконец заметив их. Сначала он посмотрел на Брайса. Затем увидел Тима. Когда их глаза встретились, Тим попытался передать ему телепатическое сообщение. «Просто продолжай идти. Не останавливайся и не отвечай.»

И, может быть, Бен так и поступил бы, если бы Брайс не перегородил ему путь.

- Что ты здесь делаешь? Ищешь, чей бы член пососать?

Тим сжал челюсть, но она открылась, когда он услышал ответ Бена.

- Если ты этого хочешь, тебе придётся оттащить свою гулящую девушку от футбольной команды. Я точно не заинтересован.

Тим чуть не рассмеялся, но затем Брайс схватил Бена за майку и дёрнул вперёд. Это было нехорошо. Совсем нехорошо.

- Что ты сказал? - прокричал Брайс, брызгая слюной на лицо Бена.

- Оставь его в покое, - сказал Тим, двигаясь вперёд, чтобы остановить драку.

- Он назвал мою девушку шлюхой! - рыкнул Брайс.

- Технически, - ответил Бен, - я сказал, что она гулящая. Ещё она безмозглая выскочка, но, думаю, у вас это общее, верно?

Брайс оттолкнул Бена, заставляя того споткнуться, и замахнулся кулаком. Тим едва подоспел вовремя, втискиваясь между ними.

Брайс посмотрел на него как бык, увидев красный цвет.

- Какого чёрта?

- Забудь его, - сказал Тим. - Просто пойдём отсюда.

Брайс раздумывал над его словами ещё секунду, затем с удивительной скоростью толкнул Бена в сторону левой рукой и показал свой хук с правой. Но мишенью был не Тим. Он услышал звук громового удара, прежде чем Бен упал на землю.

Вот дерьма кусок! Тим метнулся как тигр, внутри у него бурлила лава. Он два раза ударил Брайса, всё ещё находясь в полёте, и приземлился на ноги только на секунду, прежде чем мясистый кулак врезался ему в нос. Видя звёздочки, Тим вслепую махнул кулаком, соединив его с чем-то, что было похоже на толстую шею Брайса. Затем его правый глаз инстинктивно закрылся, прежде чем получил два удара. Это было похоже на удар машины! В свой следующий замах Тим вложил всё, зная, что у него осталось не особо много, и - меткий удар! - попал Брайсу в голову, его перстень встретился с виском парня.

Брайс застонал, покачнувшись на ногах, затем рухнул на землю. Тим не оставил ему шанса. Он наскочил на Брайса сверху и продолжал бить.

- Отвали от моего кузена! - услышал он сзади крик Трея, но никто не пытался его оттащить. Он повернулся и увидел, как Бен врезается в Трея. В отличие от Брайса, Трей был просто парнем нормальных размеров, но Бен был мельче большинства. Тим поморщился, когда Трей ударил Бена локтем в лицо, сбивая на землю. Он стоял на ногах, когда Бен нанёс ответный удар Трею по яйцам. Бен всё ещё пинался, бился и кричал, когда Тим схватил его за запястье.

- Беги!

Впервые Бен послушался. Они рванули по дорожке, на этот раз оставаясь вместе. Парочка изгибов и поворотов, и они оказались на знакомой территории. Тим следовал за Беном, и вскоре они стояли на подъездной дорожке Бентли, хватаясь за животы и пытаясь восстановить дыхание. Тим поднял голову одновременно с Беном, их глаза встретились. Затем они рассмеялись.

- Спасибо, - задыхаясь произнёс Бен.

Тим сочувственно покачал головой.

- Ох уж ты и твой длинный язык.

Бен усмехнулся, его щенячьи глазки увлажнились от радости и смягчились.

- Хочешь зайти?

Да. Больше всего на свете. Но окровавленный нос и синяки не шли в сравнение с болью, которую Тим почувствовал той ночью на своём заднем дворе. И Бен, будучи настолько лучше него, такой бесстрашный со своей любовью, должно быть, страдал даже больше. Тим только снова причинит ему боль, причинит боль им обоим. Осуждающий мир вокруг них не изменился. Ничего не изменилось.

- Пока, Бенджамин.

Несмотря на жаркое лето, когда Тим отвернулся, он был уверен, что чувствует в груди морозную зиму.

Телефон продолжал звонить. Тим перевернулся и накрыл голову подушкой, чтобы заглушить шум, морщась из-за давления на синяки. Нос был хуже всего, опух как яблоко в центре лица. Включился автоответчик, и предварительная версия его самого - в дерзкой и самоуверенной манере, потому что мир по-прежнему принадлежал ему - попросила звонящего оставить сообщение.

- Слушай, - сказала после гудка Стейси, - ты можешь либо поднять трубку, либо я приду сама.

Тим вздохнул, отбросил подушку и схватил телефон.

- Что?

Стейси быстро опомнилась.

- Ты знаешь, что совершил социальный суицид, да?

Тим вздохнул.

- Я вешаю трубку.

- Подожди!

Несмотря на здравый смысл, Тим держал телефон прижатым к уху.

- Просто скажи мне, чего ты хочешь.

- Я хочу знать правду. Ты и Бен...

- Мы были друзьями. - Тим уже думал об этом. Он не сможет спасти свою репутацию в школе. Канзас повторялся заново, но он должен был сделать всё, что мог, чтобы отвлечь внимание от Бена. - Его отец знает моего отца, так что, когда я только переехал сюда, мы пару раз тусовались вместе.

- А потом?

- А потом началась учёба, и мне нужно было думать о своём социальном статусе.

- О котором тебе следовало подумать вчера, прежде чем ты накинулся на Брайса.

- Может быть, - сказал Тим. - Слушай, я не хотел смотреть, как избивают Бена.

Он нормальный парень, даже если гей. За этим не стоит ничего большего. Если что, я, наверное, остановил Брайса от убийства и спас от ареста.

В трубке было тихо. Затем Стейси произнесла:

- Что ты будешь делать? В смысле, когда лето закончится.

- Пойду в другую школу. Может быть, в частную. Я не знаю. Я не вернусь.

- Наверное, это к лучшему, - почти грустно проговорила Стейси. - Я бы исправила это, если бы могла, но даже Дэррил требует твоей головы.

- Я понял, - вздохнул Тим. - А Криста?

- Ну, это едва ли сработает, верно? Либо она должна потерять всех своих друзей и поменять школу, чтобы быть с тобой, либо она двинется дальше.

Тим закрыл глаза.

- Как ты думаешь, что она сделает?

- Что угодно, что я ей скажу, - как ни в чём ни бывало сказала Стейси.

- Меня не будет рядом, так что...

Он позволил предложению повиснуть.

- Я посею семена в её пустующей головке, - сказала Стейси, - но не буду бросать её за тебя.

Ох, что ж. Попытка не пытка. Однажды Тим уже делал это. Сможет сделать и снова.

- Что ж, - сказала Стейси, - полагаю, это прощание.

- Подожди! Мне нужна услуга. В смысле, думаю, ты мне должна.

Стейси усмехнулась.

- Я ничего никому не должна.

Но Тим всё равно должен был попробовать.

- Просто убедись, чтобы они не насели на Бена.

- Ты действительно думаешь, что я могу контролировать то, что делает мой бойфренд?

- Да! - Тим раздражённо рассмеялся. - Ты обвела нас всех вокруг своего пальчика. Так ты поможешь?

- А почему должна? - наредила Стейси.

Тим сглотнул. Ему придётся осмелиться, один последний раз.

- Ты знаешь, почему.

На этот раз в трубке было тихо так долго, что Тим задумался, не сбросила ли она вызов.

- Полагаю, Молли Десаи была права насчёт милешек.

- Не говори Кристе.

Он не знал, почему это было важно. Может быть, потому, что он не хотел, чтобы она думала, что всё между ними было спектаклем.

- Последнее, что мне нужно, так это чтобы она плакала ещё и из-за этого. - Стейси сделала паузу. - Полагаю, избивать гея - это как бить девушку. По крайней мере, я постараюсь убедить в этом мальчишек и заставлю их чувствовать себя тряпками, если такая мысль взбредёт им в головы. Они не тронут Бена, пока не захотят лишиться мужества в глазах школы.

- Звучит хорошо. - Это лучшее, что кто-либо мог сделать. Он надеялся, что Бен пройдёт через выпускной год без каких-либо дальнейших проблем. - Спасибо.

- Считаю это прощальным подарком. Скорее Бену, чем тебе, я так полагаю. Спасти твой социальный статус не в силах даже я.

- Я могу о себе позаботиться.

- Нет, если Брайс получит второй шанс, - сказала Стейси. - Так что ты будешь с собой делать, мистер Уаймэн?

- Продолжать бежать. - Тим вздохнул в трубку. - Это я умею лучше всего.

Часть вторая:

Остин, 1999 год

Глава 12

Тим водил пальцем по спине Трэвиса Кингстона, играя в "соедини точки" с веснушками, рассыпанными по его плечам. Простыни были спущены до пояса, утреннее солнце уже пекло. Трэвис зашевелился и зевнул, проводя рукой по копне своих каштановых волос. Тим мог представить, как тот перекачивается, приветствуя день, и крадет поцелуй у него, несмотря на утреннее дыхание. Вместо этого Трэвис подскочил и, как всегда, перевернулся и сел прямо.

Он опустил взгляд на Тима, который одними губами практически произнёс слова вместе с ним: - Мы не должны были этого делать.

- Но ты был пьян, - закончил Тим, со вздохом падая на спину.

- Да!

- Как и я. Как и всё грёбаное братство, но ты ведь не видишь их с нами в кровати?

- Не будь таким отвратительным.

Пока Трэвис выбирался из постели, Тим смерил его оценивающим взглядом и пожелал, всего раз, чтобы у них могло быть нормальное утро. Что какими бы они ни были закрытыми, они понимали, что дверь заперта, их товарищи по братству попытаются проспаться, и этот уединённый момент идеален для маленького веселья.

Вместо этого Трэвис сбил пустые пивные бутылки, слезая с кровати, с выражением паники на лице спеша остановить их, чтобы они не раскатились слишком далеко по полу. Будто шум выдал бы то, что они с Тимом сделали - что делали всегда, будучи пьяными.

Это была не совсем правда. Иногда Тим был трезвым, как в первый раз, когда Трэвис спотыкаясь вошёл в их комнату и забрался в кровать Тима, совершенно случайно.

Верно.

- Я в душ, - сказал Трэвис, одной рукой хватаясь за дверную ручку, а в другой держа чистую одежду. Он смотрел на Тима так, будто тот упускал очевидное.

- И? - подтолкнул Тим.

- И ты в моей кровати!

В такое время в их комнату никто бы не пришёл, а если бы и пришёл, Тим сомневался, что кто-то помнил, какая кровать кому принадлежит. Но он знал, что Трэвис будет стоять на месте как идиот, пока он что-нибудь не сделает, так что Тим вылез из кровати и неторопливо почесался, давая Трэвису хорошо рассмотреть свой утренний стояк. С покрасневшим лицом и сжавшейся челюстью Трэвис отвернулся, отказываясь смотреть.

Тим хотел быть весёлым, но теперь он разозлился.

- Тупая деревенщина, - фыркнул он, шагая к своей кровати и отдёргивая одеяла, чтобы лечь. Он даже положил на голову подушку, пока не услышал, как закрылась дверь в спальню. Затем он отбросил подушку в сторону и простонал.

Дело было в том, что Трэвис ему нравился. Они познакомились как новички Техасского университета, давшие клятву верности братству, элитному Альфа-Тета-Сигма, тому же братству, к которому принадлежал его отец. Только он не мог представить, как его отец проходит через посвящение. Большинство испытаний были безобидными и дурацкими, например, правильно ответить на тривиальные вопросы или поотжиматься. Или на перегонки съезть в одиночку большую пиццу, глотая пиво после каждого куска. Иногда им подолгу приходилось не спать или упражняться до упада. Но хуже всего было, когда их делили на команды, вручали крем для бритья и бритвы и велели полностью брить друг друга, от шеи и ниже.

Тим оказался в паре с Трэвисом, этот опыт был каким угодно, но не эротичным. Для него, по крайней мере. Трэвис порезал его так много раз, что Тим переживал за сохранность своего хозяйства, так что самоконтроль не был проблемой. Трэвису не так повезло. Может быть, Тим был немного слишком осторожен с бритвой, потому что когда он добрался до его лобка, Трэвис начал твердеть. Товарищи по братству ходили вокруг как сержанты-инструкторы, крича, чтобы каждая команда была первой, но также у Тима были подозрения, а не вылавливают ли они тем самым геев.

Поэтому Тим начал говорить о своей бабушке и о грибке на её ступне, который захватил всю её ногу и ужасно пах, пока поедая её плоть. Конечно, всё было выдуманно, но описания Тима были достаточно отталкивающими, чтобы Трэвис взял себя под контроль. Их команда закончила не первой, но они не были и последними. Они попали в братство. После этого Тим не часто пересекался с Трэвисом, до второго курса, когда их сделали соседями по комнате.

Тим никогда не думал, что в итоге они будут спать вместе, или что Трэвис понравится ему больше, чем как товарищ по братству. Не то чтобы интерес Тима ничем не был вызван. Трэвис разговаривал с деревенской протяжностью, с таким акцентом, который у всех ассоциировался с жителями Техаса. В районе Хьюстона все разговаривали нормально, разве что говорили "эй, вы", а не "эй, ребята". Остин не сильно отличался, но в некоторых местах, таких как Даллас, акцент мог быть таким же преувеличенным, как показывали по телевизору. Так разговаривал Трэвис, и это, вкуче с веснушками, придавало ему шарм деревенского мальчишки.

Трэвис часто говорил о своей семье в Кентукки, особенно о своих младших сёстрах. Он казался таким парнем, который станет хорошим отцом, семьянином. Или хорошим бойфрендом, если сможет принять себя. Настоящий Трэвис показывался только когда был пьян. Однажды он даже сказал Тиму, очень несвязно, что любит его.

Но он не любил. Тим знал, каково быть любимым, и это было не так.

Трэвис не вернулся в комнату после душа. Он будет избегать Тима весь день, может быть, дольше. Затем он переступит через это, будет вести себя так, будто ничего не произошло, до следующего раза, когда решит напиться. Быть в шкафу - одно дело; быть в отрицании - совершенно другая игра. Судьба нашла кого-то ещё более неуверенного, чем Тим, чтобы он прочувствовал всё на своей шкуре. Если бы только Бенджамин сейчас его видел.

Тим закатил глаза и вздохнул. Мысли о Бене только сделают его утро ничтожнее, так что он закрыл глаза и попытался поспать. Ему только удалось задремать, когда его разбудил гудок.

Гудок издавал примотанный к рупору пневматический клаксон, такой, какие обычно используют на спортивных мероприятиях. Результат был мучительно громким. И раздражающим. Когда созывались собрания братства, какого-нибудь бедного болвана отправляли ходить по коридорам, трубя гудком, чтобы привлечь всеобщее внимание. У них было пять минут, чтобы добраться до главной общей комнаты, если они не хотели получить выговор, а это значило убирать рвоту после вечеринки или делать другую ужасную работу, которую нельзя было заставить выполнить даже горничных. Быть частью братства было так же весело, как находиться в армии, особенно учитывая то, как Квентин управлял домом.

И конечно, это Квентин созвал собрание. Он стоял за трибуной, которую они обычно вытаскивали для ритуалов, ожидая, когда все братья заполнят комнату. Квентин был непревзойдённым членом братства: белый, как местные - несмотря на искусственный загар - и одетый в рубашку-поло, облегающую его мускулы. Когда он улыбнулся, его зубы были такими же яркими, как золотая цепочка на его шее. Такую всецело-американскую внешность разделяло большинство других товарищей по братству Тима, достаточно, чтобы они могли быть клонами. В последнее время, когда Тим смотрелся в зеркало, он чувствовал скорее беспокойство, чем гордость.

Это еще одна причина, по которой ему нравился Трэвис. Его энергетика Гека Финна* действительно выделялась. Трэвис уже был в общей комнате, единственный человек, кроме Квентина, который принял душ и был готов. Все остальные по-прежнему восстанавливались после злоупотребления алкоголем и наркотиками прошлой ночью. (**Гекльберри Финн, или Гек — один из главных персонажей романов Марка Твена «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна»*).

- Сбор средств, - сказал Квентин, его гремещий голос вызывал много стонов, среди которых был и стон Тима. - Прекратите скулеть! Крыша не соответствует требованиям безопасности, один из кондиционеров перестал работать, и пол у нас, ребята, конченый. Если вы, заморыши, хотите продолжать здесь жить, то пойдёте и принесёте бабло. Нет братского дома - нет братства.

Тим продолжал поглядывать на Трэвиса, надеясь поймать его взгляд. Он был уверен, по тому, как Трэвис слегка двинул головой, что тот видел его. Обычно тогда Трэвис отворачивался, что по предположению Тима было единственным ответом, в котором он нуждался.

- У нас в этом году много планов, - продолжал Квентин. - Некоторые из вас будут ходить по улицам, продавать лотерейные билеты. Люди не выиграют денег, но в некоторых билетах приглашения на наши лучшие вечеринки и мероприятия, так что не забывайте напоминать им, как много у нас здесь выпивки и кисок. Сшибайте девушек с ног своим обаянием, чтобы всё продать, но, ради Бога, не отдавайте билеты просто так. Я знаю, сколько их, и вы заплатите из своих кошельков, если что-то пропадёт.

Тим позволил Квентину бубнить дальше. Он знал подготовку. Квентин всегда придумывал оправдания тому, почему им нужны деньги. Дело всегда было в крыше,

что достаточно любопытно, но никто здесь, казалось, не помнил, что он говорил это год назад, и не спрашивал об этом. Правда состояла в том, что большинство денег уходило на вечеринки, но плевать. Поработать одну неделю за все преимущества, которые они получали, было не так уж плохо.

И Тим знал, что ему не достанется одна из дерьмовых работ, как продажа билетов или мытьё машин. Квентин вышел из длинного ряда братьев Альфа-Тета-Сигмы и относился к этому серьёзно. Большинство парней здесь просто хотели статуса, но Квентин поддерживал традицию, начатую его прадедом. То, что отец Тима тоже был братом, заработало ему главные очки.

- Каждый из вас будет в паре со своим соседом по комнате. Отчитываться за ваше задание будет только один. Разберитесь, кто будет со мной говорить. Не поднимайтесь сюда оба, меня это выбесит.

Тим посмотрел на Трэвиса, который нехотя пошёл на зрительный контакт. Тим указал на себя, и Трэвис кивнул. Теперь Трэвису придётся сегодня с ним пересечься, если они собираются вытрясти деньги из выпускников. До сих пор это была самая простая работа для сбора средств. Они должны были только поговорить с несколькими старикашками и выслушать их самые тёплые воспоминания или что-то ещё, прежде чем получают внушительный чек.

Тим ждал позади нескольких других парней, и действительно, когда он поговорил с Квентином, то получил именно то задание, о котором думал.

- Езжайте туда сегодня, - сказал Квентин. - Многие из этих парней ещё работают, так что выходные - ваш лучший шанс. Вы должны справиться с тем, чтобы объехать их всех до конца завтрашнего дня. - Он протянул Тиму список, на который сначала бросил взгляд и ухмыльнулся. - Там есть Эрик Конрой. Начните с него. Он при деньгах и всегда счастлив поделиться наличкой.

- Без проблем.

Тим просмотрел список имён и адресов, радуясь, что все они были в Остине. В прошлом году ему потребовался час, чтобы съездить за паршивым чеком на сотню долларов. Он поднял взгляд, когда подошёл к Трэвису, и усмехнулся.

- Хорошие новости! Мы проведём выходные вместе!

Салон 3000GT казался будто забитым ватными шариками, тишину разбавляли только приглушённые звуки движения снаружи. Каждое движение казалось неторопливым и неловким. Тим перепробовал всё, чтобы разговорить Трэвиса. Музыка не помогла, так как Трэвис не будет её перекрикивать. Любой разговор, который он пытался начать, встречался ворчанием или тишиной.

Трэвис не был в упадке. В последнем доме, который они посетили, он был как никогда оживлённым и обаятельным. Выпускники там были тоже из Кентукки, что дало им множество тем для разговоров и чек на пятьсот долларов. Но как только они вернулись в машину, Трэвис снова ушёл в себя.

- Как ты думаешь, какая обменная стоимость этой машины? - спросил Тим. - В смысле, мне интересно, принесла бы её продажа больше денег.

Он не совсем планировал избавиться от своей машины. Он заботился о ней как можно лучше. Не то чтобы он не возражал обменять её, но сомневался, что его родители отстегнут денег на что-то новое. Трэвис был автомобильным энтузиастом, без умолку тараторил в первый раз, когда ехал в машине Тима, говоря о манипуляциях, которые мог бы проделать с двигателем, или о машинах, которые водил у себя дома.

- Что ты думаешь?

- Всегда удаётся продать больше, - сказал Трэвис, глядя в пассажирское окно. - Если сделаешь всё правильно.

Ладно. Это уже начало.

- Проще тупо пойти в автосалон. Как думаешь, какую мне взять машину?

Никакого ответа. Тим ждал, надеясь, что Трэвис обдумывает это, но ничего. Они были всего в минутах от дома, который Квентин предложил им навестить первым. По пути они заехали в несколько других, так как Тим не хотел тратить время на то, чтобы ездить туда-сюда по городу. Плюс, Тим не хотел рушить хорошую перспективу угрюмым настроением Трэвиса. Теперь мысль о том, что он вернётся к своему обычному бодрому настроению в следующем доме, была раздражающей.

- Слушай, я не понимаю, почему ты не можешь быть собой рядом со мной, ведь рядом больше никого нет. - Когда ответа не последовало, Тим съехал на обочину дороги. Они были в районе Вест Лейк Хиллс, где на домах висели многомиллионные ценники. Дом впереди представлял собой размашистое одноэтажное ранчо, вокруг которого было столько земли, что соседей не было и в помине. - Трэвис! Ты посмотришь на меня, чёрт возьми?

Трэвис посмотрел, в его глазах были злость и обвинение.

- Почему ты не оставишь меня в покое?

- Потому что, если оставлю, будет продолжаться та же херня. Некоторое время ты будешь меня игнорировать, пока снова не расслабишься. Затем мы будем друзьями до следующего раза, когда ты решишь набухаться, и ты чертовски хорошо знаешь, что случится дальше.

- Этого не будет. Не снова.

- Почему нет? - произнёс Тим. - У нас обоих один и тот же секрет! Я никому тебя не выдам. Никогда. Тебе не обязательно пить, чтобы зависать со мной. Тебе не нужно оправдание.

- Я не хочу быть с тобой! - рыкнул Трэвис, дёргая за дверную ручку. - Я хочу семью!

И затем он вышел из машины, топая по дороге. Тим отпустил его, подумав, что ему нужно выпустить пар. Трэвис практически перешёл следующий холм, когда остановился и прислонился к кирпичному столбу у чугунного забора. Тим по-прежнему ждал, давая ему время. Затем он припарковал машину, вышел и подошёл к Трэвису, слыша всхлипы и видя слёзы, прежде чем схватил и обнял его. К облегчению Тима, Трэвис обнял его в ответ.

- Пока ты не найдёшь правильную девушку, - прошептал Тим. - Таковую, которая может подарить тебе семью. Просто будь со мной до тех пор.

Трэвис пытался что-то сказать, его голос прозвучал как скрип, но он кивнул напротив его плеча. Тим чувствовал внутри такую же боль, какое испытывал счастье. Это был прогресс, верно? Как только Трэвис взял себя в руки, они вернулись в машину и продолжили путь. На этот раз Тим молчал, не желая испытывать удачу.

- "Плимут Род Раннер", - в конце концов произнёс Трэвис. - Вот, что ты должен купить.

Тим поборол улыбку.

- Такие ещё выпускают?

- Неа. Это классика. Особенно, если ты сможешь достать 68-го или 69-го года, до того, как обновили кузов. Если приценимся, найдём умельца, то у тебя могут ещё остаться деньги.

Тим сомневался в этом. Он был любителем новейшего-и-наилучшего, когда дело касалось машин. Но чёрт побери, если это привлекало Трэвиса, может быть, он

продаст свою машину ради старого хлама. Трэвис некоторое время восхвалял "Рoad Раннер", сосредоточенность Тима разделилась между тем, куда они направлялись, и между необходимостью Трэвиса в нормальной жизни. Когда-то Тим желал того же, но теперь знал, что это невозможно. Он мог притворяться, и, наверное, ему придётся делать это всю жизнь, но для него уже ничего никогда не будет нормально.

Тим переключил внимание на то, что их окружает, прежде чем растерялся ещё больше. Большинство домов были упрятаны за деревьями, только подъездные дорожки и хилые почтовые ящики указывали на то, где находятся резиденции. Тим замедлялся рядом с каждой, читая цифры, прежде чем ехал дальше, пока извилистые дороги уходили в холмы.

- Мы заблудились? - спросил Трэвис.

- Квентин ухмыльнулся, когда упомянул этого парня, - сказал Тим. - Возможно, потому что знал, что дом будет чертовски тяжело найти. Налево или направо? - спросил он на развилке дороги.

- Направо.

Догадка Трэвиса была удачной, потому что они нашли правильный адрес как раз через два дома. Тим заехал на подъездную дорожку и припарковался перед отдельным гаражом, который выглядел скорее устаревшим, чем элитным.

Сам дом являл собой образец чистых денег, если не огромным размером, так сложностью дизайна. Владелец, должно быть, накурил архитектора, прежде чем показал ему кучу кубистских картин Пикассо. Дерево, железо, камень, проволока - казалось, все возможные материалы объединили, чтобы создать правильные линии и кунструкции. Если смотреть издали, Тим не сомневался, что дом - произведение искусства. Вблизи он казался в лучшем случае запутанным, белые кубические строения вместе сочетались неловко. Опять же, дизайн был дерзким и уж точно оригинальным.

- Кто бы здесь ни жил, должно быть, он сумасшедший, - сказал Трэвис.

- Эксцентричный, - исправил Тим. - Богатые люди эксцентричные.

- Как зовут этого парня?

Тим снова проверил список.

- Эрик Конрой. Пойдём поздороваемся.

Они не спеша подошли к входной двери, оценивая всё вокруг. Когда Тим позвонил в звонок, он ожидал услышать вычурный шум, может быть, блеяние овцы, но звонок был привычным. И не было ничего необычного в мужчине, который открыл дверь. Он был в возрасте, с тёмно-седыми волосами и мелкий по фигуре. Одежда не казалась дорогой, тёмно-синяя рубашка и серые слаксы выглядели удобными и поношенными. Он выгнул бровь и ждал, пока они обратятся к нему.

- Эрик Конрой?

- Да. Позвольте мне угадать. Альфа-Тета-Сигма.

Тим усмехнулся.

- Как вы узнали?

- О, по вашей внешности, - Эрик подмигнул и жестом пригласил их войти.

В большинстве больших домов были огромные прихожие, чтобы произвести впечатление, или лестницы, закрученные ко второму этажу. В этом доме не было ни того, ни другого. За входной дверью располагался удобный зал, почти как холл отеля. Практично, так как Эрик мог предложить им присесть, не проводя по своему дому. Четыре дивана, с вышивками золотой нитью, стояли лицом друг к другу. Мини-бар в одном углу располагался рядом с незажжённым камином. Тим видел гостевую ванную за одной дверью и проблеск остального дома за другой. Они с Трэвисом сели рядом, Эрик расположился напротив них.

- Что-нибудь выпить? - предложил он.
- Мне ничего. Трэвис?
- Нет. Спасибо, сэр.
- Как вежливо, - произнёс Эрик. - Трэвис, да? А ты?
- Тим.

Он привстал, чтобы протянуть руку, и Эрик поднялся, чтобы принять её, без крепкой хватки или душевной тряски - просто придержал за руку на краткое мгновение. Затем процесс повторился с Трэвисом, который дёргал руку Эрика вверх и вниз, как настоящий деревенский парень.

- Всегда приятно встретить брата, - с обаятельной усмешкой произнёс Трэвис.

Тим мимолётно пожелал, чтобы он тоже мог вызывать у Трэвиса такую же улыбку, прежде чем обратил всё своё внимание на Эрика.

- Красивый дом, - сказал он. - Вы первый владелец?

- Да, - ответил Эрик. - Я построил его несколько лет назад, ещё до вашего рождения, держу пари.

- Вы сами придумали дизайн?

- Я в него вложился. А что?

- Мне просто интересно, не фанат ли вы кубизма. - Если это сработает, Тим просто знал, что их ждёт внушительный чек. - Может быть, Пикассо?

Эрик признательно кивнул.

- Я скорее фанат его друга Жоржа Брака.

Достаточно близко.

- "Человек с гитарой"?

- "Скрипка и подсвечник", - рассмеялся Эрик. - Мне понадобится подтверждение. Ты не можешь быть из братства.

- Если от этого вам будет легче, - вмешался Трэвис, - я понятия не имею, о чём вы двое говорите.

- Твой друг поражает меня своими знаниями в искусстве, - объяснил Эрик.

- Только не задавайте мне вопросов, - сказал Тим, - иначе увидите, насколько ограничены эти знания.

- Ну, у тебя есть несчётное количество лет, чтобы подучить старых мастеров, - Эрик откинулся назад, казалось, более расслабленный. - Чем я заслужил такое удовольствие? Снова сломался кондиционер? Или дело в крыше?

- И то, и другое, - рассмеялся Тим. - Я так понимаю, мы к вам ездим каждый год.

- Всегда парами, - кивнул Эрик. - В прошлом году были Кори и Стивен, в позапрошлом Квентин и Джерри, если я не ошибаюсь.

- Квентин по-прежнему в деле, - сказал Тим. - Другие, должно быть, выпустились.

- Или их вышвырнули, - сказал Эрик, его улыбка исчезла.

Тим не был уверен, как это понимать.

- Будем надеяться, что нет. Когда вы были братом?

- Ох, не заставляй меня раскрывать свой возраст. И если честно, я больше не член Альфа-Тета-Сигмы - даже не выпускник. Боюсь, вас отправили сюда шутки ради.

Тим покачал головой.

- Но когда-то вы были членом братства.

- Когда-то. - Эрик плавно сменил тему. - Этот акцент, Трэвис, ты из Теннесси?

- Кентукки, - сказал Трэвис. - Я из Боулинг Грин.

- А, значит, не так далеко от границы штата. У меня был кузен из Кларксвилля с похожим акцентом, который я мог бы слушать весь день.

Эрик и Трэвис болтали некоторое время, дав Тиму время обдумать ситуацию. Эрик мог отделиться от братства на нерадостных условиях, но Тим всё равно не понимал, почему то, что их отправили сюда, было шуткой. Может быть, потеря времени, но Эрик казался импозантным мужчиной с хорошим вкусом. Только если Тим ничего не упускал. Он оглядел Эрика, чтобы найти подсказки. Никакого обручального кольца, мягкое рукопожатие, опрятная внешность. Сами по себе эти вещи не имели особого значения. Не было стопроцентного способа узнать. Но может быть...

- Если я могу для вас что-нибудь сделать, - произнёс Тим, когда разговор стих, - просто дайте знать. В смысле, если вас выгнали из братства, это не значит, что вас нельзя принять обратно. Время лечит все раны.

Эрик, казалось, развеселился.

- Время также может и создавать раны. Некоторые проблемы сейчас даже жарче, чем, когда я был молодым.

- Например какие? - подтолкнул Тим.

Тон Эрика стал серьёзным.

- Кого кто-то выбирает кого любить.

Бинго. Тим строил из себя саму невинность.

- Вы имеете в виду ухаживания за девушкой другого брата?

- Или за другим братом. - Улыбка Эрика была горькой. - Так что теперь вы знаете, почему ваши братья прислали вас сюда. Меня поймали в компрометирующей ситуации, о которой, я уверен, вы двое услышите по возвращению. История стала легендарной и без сомнения преувеличенной. Каждый год двоих из вас присылают сюда, и каждый год эта пара уходит с пустыми руками.

- Всё меняется, - сказал Тим.

Эрик покачал головой.

- Не настолько сильно. Не в этом братстве.

- Я гей.

- Правда?

Недоверие Эрика было более чем очевидным.

Тим позволил своим губам растянуться в медленной, задиристой усмешке.

- Да. Хотите, чтобы я доказал это?

Он бросил взгляд на Трэвиса, что было одним из самых глупых поступков, которые он когда-либо делал. Трэвис уже был напряжён, но, когда Тим посмотрел на него, он вскочил с дивана и направился к входной двери.

Тим выругался, встав, чтобы пойти следом. Эрик тоже поднялся. Одному Богу было известно, что он подумал. Возможно, что Тим дурачил его и готов был сделать что-нибудь гейское ради денег, а его друг не хотел.

- Прошу прощения, - сказал он, когда хлопнула входная дверь. - У него проблемы.

Тим повернулся, чтобы броситься вдогонку, держа в руке ключи от машины, и был у входной двери, когда его позвал Эрик.

- Подожди!

- Я действительно должен пойти за ним, - сказал Тим.

- Он не уйдёт далеко. Всего минутку.

Тим повернулся, но Эрик уже вышел из комнаты. Он думал о том, чтобы уйти.

Оставаться было бессмысленно, и Трэвис с каждой секундой уходил всё дальше.

- Давай, старик, - еле слышно пробормотал Тим, подскочив, когда Эрик появился секундой позже, протягивая чек.

- Что это? - спросил Тим.

- То, ради чего вы приехали. - Эрик махал чеком, пока Тим не взял его. - Надеюсь, всё изменилось так, как ты и говоришь. А теперь иди за своим другом и будь терпелив. Мы все это проходили, не так ли?

- Да, проходили. Спасибо.

Как бы признателен ни был Тим, прямо сейчас Трэвис был его единственной заботой. Он выскочил за дверь, но переживать было не о чем. Трэвис сидел на пассажирском сидении, глядя в пустоту впереди.

- Ты в порядке? - произнёс Тим, забравшись в салон.

- Давай просто уберёмся отсюда.

- Да, давай. - Тим не заводил машину. - Ничего не изменилось. Он не знает о тебе. Только обо мне.

- Дело не в этом, - сказал Трэвис. - Как ты думаешь, почему братья отправили нас сюда?

- Как сказал Эрик, каждый год...

- Но конкретно тебя и меня. Они знают.

- Так дело в этом? - Тиму захотелось рассмеяться. - Когда Квентин дал мне список, он заметил имя Эрика только в последнюю минуту. Поверь мне, это чистая случайность, что нас отправили сюда.

- Ты уверен?

- Да! Тебе серьёзно нужно остыть! - Тим опустил взгляд на чек. - Кроме того, последними смеяться будем мы.

- Как это?

Тим протянул Трэвису чек и смотрел, как его зелёные глаза расширяются при виде единицы с четырьмя нулями.

Глава 13

Когда они вернулись в дом братства, вечеринка была в самом разгаре. Тим и Трэвис собрали восемь чеков, и хоть ни один из них и близко не был таким щедрым, как чек Эрика, им удалось наскрести приличную сумму денег. Плюс получились бесплатную еду, так как последние выпускники, которых они навещали, настояли на том, чтобы сводить их поужинать.

Дом наполнили девушки, парни вели себя вызывающе громко, чтобы впечатлить их. Тим ходил из комнаты в комнату, надеясь рассказать Квентину хорошие новости. Потеряв Трэвиса где-то по пути, он не особо переживал. День прошёл хорошо, щедрый чек Эрика развеселил Трэвиса и вернул всё на круги своя.

Тиму не удалось найти Квентина, который, возможно, трахал какую-нибудь девушку из сестринства. Не в настроении для шума после такого долгого дня, Тим схватил бутылку пива и направился в свою комнату. К его удивлению, Трэвис уже был в кровати.

- Да, я тоже устал, - сказал Тим, найдя старый конверт для чеков и засунув его в шкаф. Когда он развернулся, Трэвис похлопал по кровати. Приглашение - даже если парень казался до чёртиков напуганным.

- О! - Тим усмехнулся и направился прямо к нему.

- Дверь заперта?

Тим убедился в том, что она была закрыта, и по пути обратно снял с себя одежду. Затем он скользнул под одеяло и обвил руками восемьдесят шесть килограмм чистых мускулов Кентукки.

Когда они проснулись на следующее утро, ни у одного не было алкогольного перегара, и Трэвис не подскочил и не выдал речь сожаления. Вместо этого парень перекатился, чтобы посмотреть, проснулся ли Тим, когда их глаза встретились, его губы расплылись в дурацкой улыбке.

– Доброе утро, – пробормотал Тим.

– Доброе!

– Как ты себя чувствуешь?

На мгновение улыбка померкла. Они ещё не совсем оставили трудности позади.

– Намного лучше, когда я могу вспомнить, чем мы занимались.

– Приму это за комплимент. Готов ко второму раунду?

Но гудок оборвал их планы.

– Очередной день сбора средств, – со вздохом произнёс Тим. – Эй, может быть, Квентин даст нам выходной, как только увидит, с чем мы вернулись.

Они чувствовали себя достаточно уверенно, чтобы принять душ, – отдельно, к разочарованию Тима – прежде чем направиться вниз, в общую комнату. Квентин уже раздавал новые назначения или критиковал скудные результаты. Заметив стоящего неподалёку Тима, он подозвал его к себе.

– Как вы справились?

– Сам посмотри.

Тим протянул ему конверт. Квентин пролистывал чеки один за другим, бормоча после каждой прочитанной цифры. Затем он дошёл до чека Эрика, который Тим намеренно положил последним.

– Мать моя женщина!

Тим усмехнулся.

– Я знаю, офигеть, да? Довольно мило!

– И это от педика! Что ты сделал, отсосал у него?

Лицо Тима осунулось.

– Чувак. Это не смешно.

Квентин пожал плечами, по-прежнему с сияющим видом глядя на чек.

– Я шучу. Я знаю, ты не сосал у этого старого хрыча.

Тим чувствовал, как нарастает жар.

– Эрик – брат. Ты не должен так о нём говорить.

Квентин неохотно оторвал взгляд от всех этих нолей.

– Он не брат. Ты знаешь, что он сделал?

– Мне всё равно, – сказал Тим.

– Что ж, я тебе расскажу, – произнёс Квентин достаточно громко, чтобы услышали все. – Эрик Конрой когда-то был братом, пока его не поймали за тем, как он отсасывает претендентам на вступление в братство. Он воспользовался своим статусом, чтобы отсосать у большинства из них, пока его не поймали.

– Брехня!

Квентин нахмурился.

– Ты называешь меня лжецом, Уаймэн?

– Я говорю, что история не вяжется. Эрик отсасывал куче натуралов против их воли? Как это работает? Если бы какой-то парень сунул твой член себе в рот, у тебя бы встал?

– Рот есть рот, – с гоготом выкрикнул один из братьев.

– Только надень на педика парик, – сказал другой. – Или бумажный пакет с дыркой.

Тим игнорировал их, по-прежнему удерживая взгляд Квентина.

– Ну, у тебя бы встал?

– Нет, чёрт возьми! – рыкнул Квентин.

– Вот видишь. История – брехня, так что прекрати сплетничать о нём.

С красным лицом Квентин долго и непреклонно смотрел на Тима, прежде чем заговорил.

– Тебе везёт, что я твой старший. Теперь возвращайся к делу и закончи список.

– Ладно.

– Эй, – позвал его Квентин.

Тим обернулся.

– Да?

– Хорошо сработано с деньгами гомосека.

Тим покачал головой и ушёл, хор смеха заглушился шумом в его ушах. Что за придурок! Хуже всего было то, что Квентин мог бы быть таким крутым. Он помогал Тиму, вел себя как его старший. Это означало, что он поддерживал Тима, своего младшего, помогал пройти через всё и избежать трудностей, в которые попадали новенькие. Квентин делал это по большей части из-за того, что Тим был перспективным, но вообще он мог быть понимающим парнем. Кроме тех случаев, когда дело доходило до такого. Тим хотел верить, что Квентин озлобился на Эрика только из-за того, что его вышвырнули, но гомофобные оскорбления невозможно было игнорировать.

Квентин виделся с Эриком всего раз и видел, каким мужчиной был милым, и это злило Тима ещё больше. Он не мог терпеть невежество. Не с тех пор, как встретил Бена. Что, если бы прямо сейчас Квентин говорил о Бене? Или о Трэвисе, который всё слышал и, без сомнений, расписывался.

Тим поспешил обратно в их комнату, которая была пустой, затем проверил остальной дом. Только когда Тим вышел во двор, он заметил Трэвиса, который с угрюмым видом сидел на обочине.

– Люди не думают что говорят, – сказал Тим, становясь за ним. – Прими это как должное.

Трэвис не ответил.

Терпение Тима заканчивалось, он ушёл за машиной. Затем отъезд Трэвиса позавтракать, но не пытался завязать разговор. Столики вокруг них были заняты родителями и детьми. Трэвис заиклился на этих семьях, будто его будущее взывало к нему.

С этих пор день пошёл вниз по наклонной. В каждом доме, который они посетили, на стенах висели семейные фотографии. Жёны приносили напитки, пока мужья болтали с ними о старых добрых днях. Звуки играющих на заднем плане детей только добавляли яркости семейному очагу.

Хуже времени и подобрать было нельзя. Как раз когда Трэвис начал меняться, появился весь этот дурацкий сбор средств и всё испортил. Эрик, Квентин – всё это ухудшало настроение Тима с течением дня. Когда они наконец закончили навещать выпускников, эта злость нашла мишень.

Квентин.

Он мог с благодарностью принять пожертвование Эрика. Этот парень, несмотря на то, что его выкинули из братства и относились к нему как к клоуну, всё равно отдал им бессчётное количество денег. А Квентин стоял перед всеми и молот чушь. Тим не собирался спускать им это с рук.

Как только они вернулись в дом братства, Трэвис куда-то ускользнул, в то время как Тим ненадолго появился на вечеринке, чтобы показать другим братьям, что всё круто. Он даже был дружелюбным с Квентином, отдавая ему собранные за день чеки и

спрашивая, как справились остальные. Затем Тим сделал себе сэндвич и съел его в общей комнате, продолжая наблюдать, пока Квентин не понёс конверты наверх.

Это всё, что ему нужно было знать. У Квентина была единственная спальня на первом этаже – огромное пространство в углу здания. Он не хранил чеки там. Они оставались в кабинете на втором этаже. Тим сидел, смотрел фильм и ждал, пока большинство других парней не пошли за выпивкой или на свидания. Затем он пошёл наверх.

Дверь в кабинет была заперта, но дверные ручки были такими дешёвыми, что их можно было открыть, вставив в отверстие скрепку. Братья доверяли друг другу, такая неубедительная предосторожность была только для того, чтобы обезопаситься от недоброжелателей. Тим открыл замок и проскользнул в кабинет, закрывая за собой дверь. Мест для поиска было не много. Помимо компьютера и стола, кабинет был оборудован шкафчиками с документами. Первым делом Тим обыскал их, найдя отдел, подписанный текущим годом. Вскоре у него в руках была кipa чеков, но он только пролистал их, пока не нашёл чек Эрика. Затем он сложил его и засунул в задний карман.

Тим думал о том, чтобы отнести чек в ванную и сжечь, но чувствовал, что Эрику задолжали больше, чем просто возврат денег. Запрыгнув в машину, Уаймэн направился на окраину Остина.

Тим оказался не в роскошном зале с диванами цвета бургунди и золотой вышивкой, а глубже в доме Эрика, в комнате, представленной как гостиная. У одной стены стояли книжные шкафы различной ширины, между ними – равные по высоте, узкие окна, которые так же варьировались по широте. Диван и несколько кресел заполняли остальное пространство, с толстыми коврами, разложенными, казалось, в случайном порядке по полам из твёрдого дерева.

– Узнаёшь? – спросил Эрик, кивая на полки. – Эта комната тоже результат вдохновения одной из моих любимых картин.

Тим был в полном недоумении, и по поводу правильного ответа, и по поводу ситуации. Он представлял, что поговорит с Эриком у входной двери, но мужчина поприветствовал его с энтузиазмом, практически затащив внутрь, когда они пожали друг другу руки.

– Не знаю, – сказал Тим, хватаясь хоть за что-нибудь. Он обратил внимание на окна, как свет во дворе освещал их, будто витражное стекло. – Это немного напоминает мне лес, как деревья образуют тёмные линии, и между ними светятся пустые пробелы.

– Именно! – Эрик мягко повернул его за плечо, чтобы Тим встал лицом к противоположной стене. Там висела картина с изображением женщины, которая ехала через лес, только что-то было не так, потому что не было ясно, где эта женщина: перед деревьями, за ними или её нет там совсем. – «Карт-бланш» Рене Магритта. Книжные полки – это деревья, окна... ну, ты уже понял. Сюда, присядь.

Тима направили к дивану, ткань которого была того же цвета, что и лошадь на картине. Эрик сел в одно из удобных кресел напротив него, его щёки были тёплыми и красными, будто он выпил пару бокалов вина.

– У тебя взгляд художника, – сказал Эрик. – Ты рисуешь? Или пишешь?

– Эм, послушайте, – произнёс Тим. – Мне действительно нужно облегчить душу. Он привстал, чтобы достать сложенный чек из кармана джинсов, и вытянул руку, протягивая его Эрику.

– Что это?

– Ваш чек. Вы были правы насчёт братства. Они – кучка гомофобных придурков, – вздохнул Тим. – Ну, не все, но они не заслуживают ваших денег.

– Я так понимаю, ты услышал жуткую легенду Эрика Конроя?

Тим кивнул.

– Что ж, выкладывай. Не сомневаюсь, она изменилась с тех пор, как я слышал её последний раз.

От мысли повторить историю, Тиму было неуютно, так что он постарался пересказать её наиболее вежливым языком.

– Они сказали, что вы пользовались преимуществом над претендентами, эм, в сексуальном плане. Но в этом не было смысла, потому что не претенденты вас удовлетворяли. Эм.

– Я сосал у них? – откровенно произнёс Эрик.

– Ага.

– Восхитительно, – Эрик закатил глаза. – В следующий раз, когда я услышу эту историю, наверное, я буду заниматься содомией со всем братством против их воли.

Тим покачал головой.

– Это глупо, потому что в братстве есть геи. Однажды ночью мне хватило духу сходить в «Оилкан Гарри», гей-бар в складском районе.

– Я о нём знаю.

– Оу. Ну, я вошёл, и у меня чуть сразу не случился сердечный приступ, потому что один из моих товарищей по братству сидел прямо там, у бара.

Эрик фыркнул.

– Что ты сделал?

– Э, – Тим почесал затылок. – В итоге переспал с ним в его машине. Он даже не узнал меня, пока мы не закончили.

Эрик рассмеялся так сильно, что закашлялся.

– И я так понимаю, он не единственный? Твой друг Трэвис, к примеру.

– Именно. Тот гей из бара с тех пор выпустился, но, помимо нас, есть как минимум один, и эту историю я не расскажу.

– По крайней мере, трезвым, – сказал Эрик. – Если бы ты не был за рулём, я бы предложил тебе выпить.

– Всё равно спасибо, – ответил Тим.

Развернув чек, Эрик рассмотрел его.

– Я так понимаю, ты по-прежнему в шкафу?

– Это другое, – сказал Тим. – Я думал, что Альфа-Тета-Сигма (прим. пер.: студенческие объединения в США) прогрессивные только из-за того, что в их рядах гей - я, но никто из них, на самом деле, не знает обо мне. Это глупо.

Эрик пожал плечами.

– Мне никогда не нужна была помощь, чтобы сделать поспешные выводы. – Он поднял взгляд от чека, чтобы посмотреть на Тима. – Для кого-то такого скрытного, тебе, кажется, очень комфортно со своей ориентацией.

– У меня было много практики, – отсалютовал Тим. – Горжусь собой с семнадцати лет!

Эрик жестом попросил его продолжить.

Тим покачал головой.

– Это долгая история.

– Тогда, у тебя всё же есть время для пива.

И когда Эрик вернулся с ледяной бутылкой и бокалом вина для себя, Тим рассказал ему всё. Когда он снова говорил о Бене, даже произносил его имя вслух, открывалось очень много старых ран. Эти старые эмоции, хорошие и плохие, никогда

не оставляли его насовсем. Хотя он и старался убить их, – превратить своё сердце в лёд – на самом деле, он нашел успокоение лишь в хрупком отрицании. Сейчас он не душил свои чувства. Как с тупой пульсацией ноющего зуба, Тим медленно научился жить с этой болью.

– Знаешь, какая часть хуже всего? Я по-прежнему помню это чувство, когда мы только переехали в Техас. Тот потенциал, который я видел, как моя жизнь станет больше и лучше. Когда я был с Беном, так оно и было. Всё остальное оказалось вторым актом Канзаса. Дэррил был просто ещё одним Броди, Стейси – очередной Карлой. Единственным новым был Бен. Как только он исчез, повторился тот же скучный узор. Даже сейчас. Квентин тоже мог бы быть Дэррилом или кем там ещё.

– Кроме того, что теперь у тебя есть Трэвис.

Тим не ответил на это. С Беном нельзя было сравнивать. Вместо этого он сделал глоток пива и произнёс, – Что можно сказать о человеке, который знает, что у него есть проблема, но ничего не делает, чтобы её исправить?

Эрик улыбнулся.

– Что он человек.

Тим поёрзал на своём месте и потянулся, разминаясь после долгого сидения.

– Боже, я болтал только о себе. Прости.

– Не за что извиняться. Я рад.

– Но ты только слушал. Расскажи мне о своей жизни.

– Ну, обычно к этому времени я уже сплю, – сказал Эрик.

– Оу! Прости.

– Но если ты позволишь мне завтра сводить тебя на ужин, я тебе все уши прожужжу.

Тим сделал паузу.

– Ты приглашаешь меня на свидание?

– Думаешь, ты в достаточной степени мужчина, чтобы справиться со мной? – подмигнул Эрик. – Нет, безо всяких условий. Просто хорошая еда и старик, бубнящий обо всех своих сожалениях.

Почему-то Тим сомневался, что это будет хоть в какой-то степени скучно.

– Тогда это не свидание! – произнёс он, вставая.

Эрик проводил его к входной двери, волнуясь из-за того, сможет ли Тим вести машину, но тот выпил всего одно пиво. Жизнь в братстве означала, что у него высокая сопротивляемость алкоголю. Она всё равно была ниже допустимого уровня.

– Можешь забрать его назад, – сказал Эрик, протягивая чек.

Тим покачал головой.

– Они этого не заслуживают.

– Ты один из них, а я думаю, что ты заслуживаешь. Кроме того, разве никто не заметит, что он пропал?

– Мне плевать.

– А мне нет, – сказал Эрик, пихая чек ему в руки. – Пожалуйста. Я не выношу мысли, что ты будешь жить без кондиционера или без крыши над головой.

Они рассмеялись, и Тим сдался. Он примет пожертвование, но не позволит своим братьям снова сплетничать об Эрике. Может быть, он мог бы найти способ остановить их от пересказывания этой ужасной истории. Конечно, сначала ему нужно будет узнать правду.

– Ловлю тебя на слове, что это не свидание, – сказал Тим.

– Ты называешь время, я выбираю место.

– Хорошо. – Тим шутливо толкнул его локтем. – Не продинамь меня!

– Красавчики всегда самые неуверенные, – поддразнил Эрик.

Они попрощались, и несмотря на то, как дерьмово начался день, Тим улыбался большую часть дороги до дома.

Тим дремал, когда что-то с глухим стуком ударилось о дверь в его комнату. Судя по фырканию и свистящему смеху, которые последовали за этим, компенсировать ущерб должен был Трэвис. Его возлюбленный последние пару дней появлялся редко. Тим совсем не видел его в понедельник и во вторник, хотя в их комнате присутствовали маленькие знаки того, что Трэвис приходил поздно и вставал рано, просто чтобы избежать встречи с Тимом.

Но сейчас Трэвис нарушил эту тактику, завалившись в комнату, с громким звуком захлопнув за собой дверь и протопав к кровати Тима. Лежа спиной к комнате, Тим был намерен игнорировать возню, но сверху на него упало тяжёлое тело.

– Ты спишь? – произнёс Трэвис, обвивая его рукой. Его дыхание отдавало медицинским спиртом.

– Нет, – ответил Тим, напряжённо дыша. Трэвис был тяжёлым!

– Прости. – Трэвис поцеловал парня в шею, его губы были скользкими и мокрыми. – Я просто немного испугался. Я хочу быть с тобой.

То, как он прижимался пахом к спине Тима, не оставляло вопросов о том, чего он хотел. Они заходили на знакомую территорию, но Тим не испытывал желания туда возвращаться.

– Дай встать. Мне нужно отлить.

– А потом ты вернёшься? – несвязно спросил Трэвис.

– Ага.

Вес с него скатился. Тим выбрался из постели, удивлённый тем, каким помятым выглядел Трэвис. Его волосы были в беспорядке, на одной щеке размазалась грязь, и к рубашке прицепилось пару листьев, будто он только что вылез из канавы. Тим начал расстёгивать рубашку Трэвиса, местами ткань была пропитана чем-то крепким, как виски.

– Ты тоже раздевайся, – сказал Трэвис.

Тим был в одних фланелевых боксерах, так что ему не придётся долго трудиться, но вместо этого он сосредоточился на том, чтобы раздеть Трэвиса. Затем, увернувшись от нескольких поцелуев, Тиму удалось перетащить Трэвиса в его собственную кровать. Трэвис не ложился полностью, вместо этого он попытался притянуть Тима вниз, к себе.

– Мне нужно в туалет, – напомнил ему Тим. – Я сейчас вернусь.

– Поторопись. – Трэвис беззаботно упал на спину.

– Потороплюсь.

Тим вышел из комнаты и соскользнул на пол, прислонившись спиной к закрытой двери. Трэвис был достаточно пьян, так что должен был быстро отрубиться. Тиму нужно только подождать.

Они больше не могли это делать. Ничего не изменится, если Тим позволит Трэвису использовать алкоголь в качестве оправдания, чтобы делать то, что ему хочется, быть тем, кем он был на самом деле. Кроме того, его не радовало быть с кем-то, кто будет спать с ним только по-пьяни. Хоть тело Тима хотело сдаться, он отшивал Трэвиса. Они могли быть вместе трезвыми или не быть совсем.

Когда Тим был уверен, что прошло достаточно времени, он тихо вернулся в комнату под шум храпа. Трэвис по-прежнему лежал на одеяле, так что Тим взял покрывало со своей кровати и укрыл его. Затем он лёг рядом со своим соседом и обнял его – совсем ненадолго.

Глава 14

Когда Тим подъехал к дому Эрика во вторник, на подъездной дорожке ждала ещё одна машина. Припарковавшись рядом со старой «Хондой Цивик», он задумался, не присоединится ли к ним кто-нибудь за ужином. Он прошёл половину пути к дому, когда из дома вышла женщина средних лет с кудрявыми каштановыми волосами и округлыми формами. Она казалась отвлечённой, пока копалась в своей сумочке в поисках ключей, держа под мышкой манильскую папку, заполненную бумагами.

– Привет, – произнёс Тим, по большей части для того, чтобы она в него не врезалась.

– Ох! Здравствуй!

Она оглядела его разок, её лицо слегка покраснело, прежде чем она продолжила свой путь.

Тим смотрел назад, ожидая, когда Эрик откроет дверь, кивнув ей, пока она отъезжала с подъездной дорожки.

– Я думал, она никогда не уйдёт! – сказал Эрик. – Заходи, заходи. Я опаздываю, потому что она не переставала болтать.

– Друг или семья? – спросил Тим.

– Ни то, ни другое.

Эрик провёл Тима в большую кухню. Кастрюли и сковородки висели повсюду, как украшения, сияя, будто их полировали каждое утро. Тим заметил пару духовок, электрогриль и холодильник, такой высокий и широкий, что внутри могла бы жить маленькая семья.

Прислонившись к островку в центре комнаты, Тим с одобрением присвистнул.

– Тебе нравится устраивать приёмы?

– Спроси меня об этом ещё раз на следующей неделе. Я сейчас вернусь. Нужно сбегать наверх и переодеться. Угощайся напитками, если хочешь.

Тим проверил холодильник, по большей части только для того, чтобы убить время. Каждая полка была переполнена едой. Как много здесь жило людей? Эрик по размерам был похож на Бена, так что было тяжело представить, как он уминает все эти закуски. Закрыв холодильник, Тим шагнул по комнате, проводя руками по мраморным столешницам. Когда Эрик вернулся вниз, на нём была тёмно-бордовая рубашка и серые брюки, того же цвета, что и его волосы. Следом за ним тянулся свежий аромат одеколона. Тим был одет в ту же футболку и джинсы, которые натянул утром.

– Мы идём в какое-то модное место? – застенчиво спросил он.

– Да, – сказал Эрик, – но не переживай. Ресторан настолько дорогой, что там, на самом деле, уютно. – Он посмеялся над своей собственной шуткой, прежде чем добавить, – Ты не будешь против сесть за руль?

– Без проблем.

Они немного поговорили по пути в ресторан, Эрик интересовался Тимом так же, как и прошлым вечером. Между вопросами о его машине, о том, на какие он ходит уроки, и обо всём остальном, что приходило на ум, Эрик давал указания, ведя их в неизведанный закоулок центра Остина. Они остановились за зданием, где на маленькой парковке стояли дорогие машины. Тим никогда бы не подумал, что здесь есть ресторан. Помимо трафаретов на двери с витражным стеклом, снаружи не было никаких знаков.

– Что это? – спросил Тим.

– Место, где мастер творит своё волшебство.

Дверь распахнулась перед ними, когда они приблизились ко входу. Строго одетый метрдотель пригласил их внутрь, двигая своими аккуратными маленькими усами.

– Мистер Конрой, мистер Уаймэн, пожалуйста, сюда.

Единственное, чего не хватало – это французского акцента.

Внутри ресторана всё было совсем не так, как ожидал Тим. Эрик был прав насчёт уюта. Вместо накрахмаленных белых скатертей и кучи столовых приборов – простые столы были окружены обитыми плюшем стульями. В тусклом освещении были видны только шесть столов, разделённых растениями или ширмами, чтобы обеспечить уединение.

– Как он узнал моё имя? – спросил Тим, как только метрдотель рассадил их и удалился.

– Он спросил, когда я резервировал столик.

– Как ты узнал?

– Твою фамилию? Нашёл на сайте братства.

Тим уставился на него.

– Ты удивлён, что старик умеет пользоваться компьютером, – спросил Эрик, – или тебя беспокоит, что я выслеживал тебя?

– Немного и того, и другого, – сказал Тим, прежде чем рассмеялся.

– Шампанского? – метрдотель вернулся, талантливо откупорив бутылку — пробка улетела прочь. Людям повезёт, если они не потеряют здесь глаз! Тиму придётся запомнить, что нужно уворачиваться, если кому-то ещё предложат шампанского. Их бокалы наполнили золотистые пузырьки, и метрдотель ушёл. Видимо, он также будет и их официантом. Чёрт, он даже мог бы быть шеф-поваром, раз место было таким маленьким.

– За новую дружбу, – сказал Эрик, поднимая бокал.

Тим чокнулся с ним, чувствуя себя немного потрясённым. Он сомневался в провозглашенном намерении. Каким бы милым ни казался Эрик, гей есть гей, а Тим ещё не встречал гея, который не считал его привлекательным.

– Так, э, где меню?

– Здесь его нет. – Эрик сделал ещё один глоток, удовлетворённо причмокнул и поставил бокал. – Мы получим то, что Джеффри приготовит. Ты ведь не вегетарианец, нет?

– Нет.

– Это единственное исключение, которое он бы сделал. Доверься мне, мы в хороших руках. – Эрик, поставив локти на стол, опустил подбородок на руки. – Итак, как у тебя дела с Трэвисом?

– Э, нет! – произнёс Тим. – Этот ужин должен был стать исправлением моей болтовни о проблемах. Моя очередь задавать тебе вопросы.

– О, я скучный.

– Я в этом сомневаюсь!

– Очень хорошо, – улыбнулся Эрик. – Я не могу обещать тебе честные ответы, но приложу максимум усилий.

– Ты живёшь один?

– Да.

– Но у тебя огромный дом!

– Пять лет назад так не казалось.

– Так был кто-то ещё?

Эрик закашлял, сделал ещё один глоток шампанского, чтобы промочить горло.

– Прошу прощения. Да, был кто-то ещё. Габриэль, любовь всей моей жизни. Я построил тот дом для нас двоих. Он дал мне полную свободу, которой я был рад воспользоваться. Я как раз решил уйти на покой, и, думаю, он переживал, что я стану другим человеком, но я накинулся на проект с таким же удовольствием, с которым всегда делал нашу работу.

– Вы работали вместе?

– М-хм. Наши отношения были основаны на карьере. Мы оба были маклерами. У Габриэля были связи и клиенты, а у меня – дар вкладываться в малоизвестные технологические компании, чьи названия сейчас стали нарицательными.

– «Майкрософт»? – предположил Тим.

– Среди прочих. Мы разбогатели и сделали своих клиентов ещё богаче. Я был счастлив разбогатеть, но Габриэль... – Эрик пожал плечами. – Мы шесть лет жили в этом доме вместе, и это было одно из счастливейших времён моей жизни. Это всё, что имеет значение.

Появилось первое блюдо – закуска, которая выглядела скорее, как объект современного искусства, чем еда. Изящно разложенные кубики, украшенные зеленью и пряными соусами. Тим не мог точно сказать, что им подали, но как только в его рот попал первый кусочек, еда оказалась такой вкусной, что он решил, что ему плевать, даже если он ест пуделя.

– Так что случилось? – спросил Тим.

– Тебе придётся уточнить, – поддразнил Эрик. – Моя жизнь в два раза длиннее твоей. – Он посмотрел на Тима. – О Боже, может быть, даже в три раза!

Тим усмехнулся.

– С тобой и Габриэлем. Он сбежал с чистильщиком бассейнов?

– С чистильщиком бассейнов, да.

– Чувак! Прости! Я пытался пошутить.

– Как и я, – подмигнул Эрик. – Это был не чистильщик бассейнов, но намного более молодой мужчина. Габриэль не уходил в отставку. Он продолжал работать маклером, только на дому, что не то же самое, как быть в гуще на Уолл-стрит. Я сам не видел в этом смысла. Как только ты становишься богат, какой смысл становиться богаче? Но чего я не мог понять, так это необходимости Габриэля в вызове. В конце концов, он встретил кого-то, кто стал этим вызовом.

– Это отстой.

Эрик пожал плечами, но затем кивнул.

– По крайней мере, молодой человек был ошеломительно красив. Почему-то это сделало всё почти простительным. На самом деле, он мог бы составить тебе конкуренцию.

– Невозможно! – с издёвкой произнёс Тим. Это вызвало у Эрика смех, что было хорошо, но Тим сочувствовал парню. – Звучит дерьмово. Как долго вы были вместе?

– Семнадцать лет. Хороший был пробег. И да, первые несколько лет порознь было дерьмово, но я смирился. Зная то, что я знаю сейчас, по-другому быть не могло.

Эрик храбро улыбнулся и приступил к еде.

Тим присоединился к нему, думая о схожести их историй. Тим не раз подбодрял себя такими же словами – говорил, что было к лучшему, что они с Беном расстались, потому что Тим не мог дать ему то, в чём он нуждался. Бен наверняка нашёл своего Прекрасного принца, кого-то, кто мог быть таким же смелым и открытым, и таким же замечательным, как Бен. Кого-то *лучше*.

От одной мысли у него скрутило желудок.

– Ты ведь это не серьёзно, да?

– Что?

– Что ты счастлив от того, как всё обернулось.

– Серьёзно, – твёрдо ответил Эрик. Затем его щёки покраснели. – По большей части. Может быть, я себя обманываю. В смысле, я всё ещё ношу с собой его фотографию.

– Правда? Дай посмотреть!

Эрик невесело покачал головой и вытащил бумажник. В прозрачном окошке, в который люди обычно засовывают изображения своих детей, была чёрно-белая сложенная фотография. Эрик протянул её Тиму, и тот обнаружил, что это были снимки из одной из этих новых фото-кабинок. Развернув полоску фотографий, он увидел два повторяющихся лица. Волосы Эрика были темнее, кожа более гладкой. Рядом с ним был симпатичный темнокожий мужчина с очень тонкими усами. Выражения их лиц слегка менялись с каждой фотографией, на всех они были счастливыми, кроме той, на которой Эрик казался слегка удивлённым. Тим задумался, так ли он выглядел, когда узнал о новом любовнике Габриэля.

– Вы, ребята, были милой парой, – сказал он, возвращая фотографии.

– Спасибо. – Эрик осторожно сложил полоску и вернул её в бумажник. – Хотя эти отношения закончились на печальной ноте, я ни о чём не жалею. А ты?

– Ты имеешь в виду Бена? Абсолютно нет. Лучшее, что когда-либо со мной случилось.

Их пустые тарелки для закусок сменились основным блюдом. Тим был счастлив увидеть, что оно было не таким изысканным. На одной стороне тарелки лежала ножка какой-то птицы, но слишком большой, чтобы это была курица. Что-то похожее на картофельное пюре – что вскоре Эрик определил, как пюре из пастернака и трюфелей – сопровождалось салатом со столькими ингредиентами, что Тим не думал, что какой-либо из них повторялся дважды.

– Итак, – произнёс Эрик между пережевыванием еды, – ты носишь в бумажнике фотографию Бена?

Тим фыркнул.

– Шутишь? Я был слишком осторожным, чтобы сделать что-то такое. У меня нигде нет ни одной его фотографии. – Он нахмурился, глядя в тарелку. – Я немного сожалею об этом. Его лицо в моих мыслях становится немного более размытым с каждым проходящим годом. Иногда я переживаю, что полностью его забуду.

– Не забудешь, – сказал Эрик. – Ты можешь не помнить каждую деталь, но большинство остаётся с тобой. Ты когда-нибудь пытался его искать?

– Нет, – покачал головой Тим. – Что, если бы я его нашёл? Ничего не изменилось, по крайней мере, не для меня, так что мне нечего было бы предложить.

– Ничто не мешает тебе сделать каминг-аут, – осторожно произнёс Эрик. – Ты больше не живёшь с родителями.

О да. У Эрика было довольно много общего с Беном. Тим впился зубами в птичью ножку. Он догадался, что это гусь, когда у него во рту оказались райские приправы. Как он мог когда-нибудь снова вернуться к поеданию нормальной пищи?

– Я не из-за родителей переживаю. По крайней мере, не так сильно, как раньше.

– Из-за братства?

– Ага.

Эрик наклонил голову.

– К которому ты присоединился потому...

– Потому что мой отец предложил мне пять сотен баксов, если я вступлю.

Эрик улыбнулся.

– Я дам тебе тысячу, если ты уйдёшь.

Тим рассмеялся.

– Мне не нужны твои деньги. Как мы снова вернулись ко мне? Расскажи о себе. Когда ты открылся?

– Много лет назад. И как раз вчера тебе. Каминг-аут – это то, что ты никогда не перестаёшь делать. Ты начинаешь с того, что рассказываешь своим друзьям и семье. Затем ты рассказываешь новым знакомым и коллегам, которые приглашают тебя выпить. Даже телемаркетологам, которые звонят и спрашивают, дома ли твоя жена. Конечно, ты не обязан рассказывать всем, кого встречаешь, но каминг-аут сопровождает тебя всю жизнь. – Эрик аккуратно срезал мясо с кости, используя вилку и нож. – Я с пятнадцати лет знал, что я гей. В тот же год я рассказал своему лучшему другу и открывался с тех пор. Когда ты понял впервые?

– Что я гей? – смех Тима был пустым. – В тот самый момент, когда порвал с Беном.

Эрик приподнял бровь.

– Ты не понимал все эти разы, когда вы спали вместе?

– Ну, я задумывался, но Бен всегда говорил о том, как натуралы экспериментируют и остаются натуралами, но, на самом деле, геем человека делает то, кого он любит. – Тим сделал глоток шампанского. – Когда мы расстались, было достаточно больно, чтобы я понял, что это должна быть любовь.

После этого заявления повисла тишина, и Тим понял вопрос, который Эрик не задал. Как только он осознал, что это была любовь, почему не вернулся? Тим был рад тишине, потому что не гордился ответом.

– Думаю, Бен был прав наполовину, – в конце концов произнёс Эрик. – Кого мы любим – это определённо сильный показатель наших предпочтений, но никоим образом не окончательный ответ. Ты слышал о шкале Кинси?

Тим покачал головой.

– По сути, ты выбираешь число от нуля до шести. Ноль означает, что ты натурал. Шесть означает, что ты гей. Все числа посередине – различные степени. Под числом один может быть парень-натурал, который экспериментировал, будучи возбуждённым подростком, или немного перепил однажды ночью. Аналогично, под числом пять будет кто-то, кто по большей части определяет себя как гей, но мог пробовать быть с девушками, пока выяснял это. Три – золотая середина, те, кого мы называем бисексуалами.

Тим размышлял над этим, желая выпить больше шампанского, но его голова уже немного кружилась, а ему ещё нужно было везти их домой.

– Наверное, я буду четвёркой. Честно говоря, возможно, я обращаю больше внимания на девушек, чем на парней, но никогда не связываюсь с ними эмоционально.

– Достаточно справедливо. – Эрик отодвинул свою тарелку в сторону, оставив половину еды. – Полагаю, я был бы пятёркой. У меня однажды была девушка, и я наслаждался сексом с ней. Но как только я открыл для себя парней, то никогда не оглядывался.

– Тогда почему мы не называем себя бисексуалами? – спросил Тим, глядя на остатки еды Эрика. Когда Эрик жестом позволил ему угощаться, Тим практически набросился на еду.

– Полагаю, легче просто сказать, что ты гей, особенно, если планируешь быть по большей части с парнями. В противном случае нужно будет много объясняться, или возникнет ошибочное представление о том, что бисексуалам нужно быть с обоими полами, чтобы удовлетвориться. Лично я не верю, что кто-то может быть полностью геєм или натуралом. В каждом правиле есть исключения, будь то правильный человек или правильная ситуация. Я сомневаюсь, что в будущем мы вообще будем использовать какие-то из этих терминов.

– Ни-кд? – спросил Тим с полным ртом гуся.

– Никогда. Ты будешь просто приглашать на свидание человека, которым заинтересован, а он ответит «да» или «нет». То, что кто-то предпочитает парней, будет не более спорным, чем предпочитать светлые волосы или тёмную кожу. Мы уже используем правильный термин, когда называем сексуальные предпочтения, но сейчас люди относятся к этому как к отличительной особенности. – Эрик сделал глоток воды.

– Конечно, только если гомосексуальные люди к тому времени ещё будут существовать.

– А?

Эрик усмехнулся, будто смутившись.

– Это всё генетические исследования. Что, если найдут ген, который контролирует сексуальную ориентацию? Если родителям разрешат генетически планировать своего ребёнка – что кажется неизбежным – тогда, конечно, они захотят ребёнка, который может подарить им внуков.

– Как это неизбежно? Разве люди не скажут, что это – я не знаю – безнравственно?

– Ах, ну что за скользкий путь! Представь предродовое сканирование здоровья, которое проверяет на заболевания и исправляет потенциальные дефекты. Если среди них есть бесплодность, разве не могут предпочтение к тому же полу сгруппировать с этим? Затем – пип! – доктор щёлкает переключатель, и ребёнок получается натуральным, как сама природа.

Тим моргнул.

– Я от тебя офигеваю.

Эрик рассмеялся.

– Если от этого тебе станет лучше, думаю, у нас всё будет в порядке до тех пор, пока технологии не развиваются быстрее, чем человеческие права.

– А ты заработал все свои деньги на технологиях, – с преувеличенным разочарованием произнёс Тим. – Тебя винить за гетеросексуальное будущее.

– Мои деньги ещё и купят десерт, который сведёт тебя с ума. Как это звучит?

«Чертовски восхитительно!»

Тиму удалось сдержать эту реакцию и любезно кивнуть с одобрением. Пропитанный сахаром десерт и кофе отрезвили Тима достаточно, чтобы он мог отвезти Эрика домой. Просто высаживать его казалось слишком холодным, особенно после такого дорогого ужина. Эрик изо всех сил старался спрятать счёт, но Тим видел трёхзначное число. Так что он проводил Эрика до двери, что напоминало свидание.

– Спасибо за замечательный вечер, – сказал Тим.

Эрик повернулся и улыбнулся.

– Поверь, мне это было в радость. Нет ничего более ценного жизни, чем дружеское общение.

Слащаво, но правда, и Тим научился этому тяжёлым путём.

– Я был напуган, – выпалил он. – Поэтому так и не вернулся к Бену. Я слишком боялся того, что все подумают. И что он больше не захочет меня.

Эрик рассматривал его, держа в руке ключи от дома.

– Чем больше мы любим, тем больше боимся. Отвержения, или что могут подумать другие – это только начало. В идеально счастливых отношениях мы боимся потерять другого человека из-за болезни или несчастного случая.

– Или подвести этого человека. Или что он поймёт, что ты недостаточно хорош. – Тим рассмеялся. – Мы со страхом старые друзья. Я мог бы стоять здесь всю ночь, перечисляя разные его обличья. Бен прорвался через мои барьеры только из-за тех первых нескольких недель, что мы провели вместе. Я не был в школе, и мои родители

были далеко, так что я чувствовал себя в безопасности. Если бы только я мог сделать то же самое для Трэвиса.

– Почему бы тебе не взять его в поездку?

Тим сделал паузу, удивлённый простотой идеи.

– Может, мне следует сделать это на следующих каникулах. Но у меня нет денег.

– Я могу...

– Нет! – сказал Тим, не желая, чтобы Эрик думал, что нравится ему только за это. Без сомнения, множество людей занимали у него деньги. Тим был намерен не быть одним из них, хотя именно это он сделал в первую их встречу. – Я ценю предложение, но найду работу или придумаю ещё что-нибудь. Правда.

Ответ Эрика был прерван приступом кашля. Он махнул Тиму, когда тот спросил, всё ли в порядке.

– Просто кашель старого курильщика, – настаивал Эрик. – Мне нужно пойти попить.

– Хорошо. Ещё раз спасибо за ужин!

Тим вернулся к своей машине, думая об идее Эрика. Поездка куда-нибудь с Трэвисом могла хорошо сработать. Место для них двоих, далеко от всего, где Тим мог показать Трэвису потенциал, которым обладали их отношения.

Глава 15

Подул ветер, поднимая и разбрасывая по земле все еще влажные из-за недавней перемены погоды оранжевые и желтые листья. Оставалось всего несколько недель до декабря, зима вступала в свои права, но в Техасе такого, казалось, никогда не случалось. Большинство одноклассников Тима уже кутались и дрожали, но ему погода казалась спокойной по сравнению с зимами Канзаса. Тим, одетый в старую пару джинсов и рубашку с длинными рукавами, сидел на ступеньках крыльца у дома братства, нажимая на кнопки своего мобильного.

Внутри дома он никогда не мог поймать сильный сигнал, но был не против выйти, так как это давало ему больше уединения. Тим проверил время, прежде чем звонить. Утро понедельника всегда было лучшим для звонков домой. Его отец будет в офисе, но матери всегда нужно было время, чтобы влиться обратно в рабочую неделю.

– Люди говорят, что ночь пятницы – часть выходных, – говорила она. – Почему утро понедельника не может тоже ею быть?

Тим поприветствовал члена братства, который отправлялся на раннюю утреннюю пробежку, и решил пропустить урок, чтобы сделать то же самое после звонка. Он нажал кнопку вызова и считал количество гудков, пока не подняли трубку. На этот раз было четыре.

– Алло?

– Привет, мам.

– Гордито! Как у тебя дела?

– Нормально. Скоро иду на урок.

– Я как раз собиралась приступить к работе, – сказала его мать, зевнув, но парень знал, что она будет искать оправдания до конца ланча. – Чем ты в последнее время занимался? Встретил девушку?

Её любимый вопрос.

– Да, слишком многих. Не знаю, как я должен выбрать.

Его мать рассмеялась.

– Своим сердцем, Гордито. Ты остановишься, когда появится правильный человек.

Такой уже появился и исчез, насколько Тиму было известно, но у Трэвиса был потенциал. Он не был Беном, но кто был? Тим сменил тему, как делал всегда. Кроме того, у него была причина для звонка.

– На этих выходных День благодарения.

– Да. Я говорила тебе, что приезжает твоя тётя Эмили? Она ужасно переживала развод, но встретила кого-то нового и привезет его с собой.

– Правда? – семейный День благодарения случался реже редкого, даже когда они всё ещё жили в Канзасе. Обычно его родители ходили в гости к друзьям за коктейлями или чем-то для взрослых, но с тётей Эмили, может, в этом году будет иначе. – Я был бы не против снова увидеть Эмили, – намекнул он.

– Оу, ну, она приезжает только на выходные, и я попросила твоего отца отвезти нас на побережье, к Матаморосу. Эмили ещё не видела Мексику, так что я беру её за границу.

– Звучит забавно, – попробовал Тим, но он уже чувствовал ком в горле.

– Что ты будешь делать? Поешь с друзьями? Мне прислать тебе денег, чтобы вы все могли куда-нибудь сходить?

Эрик устраивал вечеринку, но Тим ещё не согласился, сказав, что ему нужно проверить семейные планы.

– Что вы, ребята, делаете на Рождество? Твой отец хочет увидеть снег. Разве это нормально? Он везёт меня в...

Тим едва ли слышал остаток разговора. Снова он будет один на праздники. Больше всего его злило то, что он продолжал надеяться, по-прежнему волнуясь, увидит ли родителей. Таким образом события разыгрывались каждый год, и он глупо продолжал проталкивать себя через это. Элла продолжала щебетать счастливые мысли в трубку, Тим издавал достаточное количество звуков, чтобы показать, что по-прежнему на связи. Затем мимо него прошёл Трэвис, направляясь на урок. Может быть, в конце концов, надежда ещё есть! Как можно быстрее Тим закончил разговор по телефону и побежал, чтобы нагнать Трэвиса.

– Эй!

Трэвис посмотрел на него как на сумасшедшего.

– Давно не виделись, – с сарказмом произнёс он. – Сколько прошло? Полчаса?

Тим усмехнулся.

– Я знаю. Ты должен как-нибудь зайти ко мне в гости.

– Мы живём вместе.

– Разве? – Тим строил из себя дурачка. – Забавно, я никогда не замечал. – Этим он заработал себе улыбку, так что продолжил давить. – Мои родители кидают меня на День благодарения. Разве это не паршиво?

– Мои экономят, – ответил Трэвис. – Они сказали, что могут либо оплатить мой перелёт домой на этой неделе, либо на Рождество, но не оба, так что мне придётся ехать туда, чтобы увидеть их.

– Сколько это, пятнадцать часов езды?

– Скорее, восемнадцать.

– Всё это ради какой-то индейки. – Они остановились на тротуаре, утреннее движение было слишком насыщенным, чтобы переходить дорогу до того, как включится зелёный свет. Тиму хотелось, чтобы он не включался никогда. – Можешь зависнуть здесь со мной. Мой друг устраивает вечеринку. Это будет веселее, чем долгая скучная поездка.

– Не, я полечу туда, – сказал Трэвис. – День благодарения – это единственное время, когда семья собирается вместе. Моя сестра живёт в Миннесоте и больше не приезжает на Рождество, а брат в декабре уходит в учебный лагерь для новобранцев. Я думаю, что на зимних каникулах получится туда съездить, может быть, по дороге посмотреть достопримечательности.

– Или можешь остаться со мной. – Тим произнёс это с достаточно весомым нажимом, чтобы выражение Трэвиса стало настороженным. Они не спали вместе уже несколько недель – пьяные или трезвые – и Тим чувствовал, будто пытается поймать большого сома из Кентукки на сияющую кручёную приманку из секса. – Я найду нам место, где-нибудь вдали отсюда. Какое-нибудь уединённое. Только ты и я.

Включился зелёный свет. Трэвис начал переходить дорогу. Из-за рычащих двигателей Тим едва ли услышал, как он сказал:

– Я подумую над этим.

Тим отпустил его. Чтобы поймать рыбу, иногда нужно отпустить удочку, прежде чем дёргать.

Кухня Эрика оживилась: кастрюли бурлили и парили, духовки пекли, гриль трещал. Не было свободной плиты или поверхности. Эрик двигался от места к месту со спринцовкой в руке, даже когда не пытался надеть четыремя индейками, но вскоре вернулся к духовкам, чтобы выжать сок на жареную птичью кожу.

– Хорошо, что ты пришёл раньше. Нужна помощь, – сказал сквозь шум Эрик.

Тим взглянул на маленькую армию официантов и поваров, которых Эрик нанял для вечеринки. До сих пор Тим не приносил совсем никакой пользы.

– Ты будешь мне должен, – сказал Тим, надеясь на смех, но Эрик ошпарил палец и с угрюмым видом засунул его в рот.

– У меня большие новости.

Эрик вытащил палец изо рта.

– Выкладывай!

– Он сказал «да».

Судя по тому, как Тим улыбался, любой подумал бы, что он удачно сделал предложение, но Эрик понял.

– Трэвис разрешает тебе отвезти его в поездку? – Мужчина передал спринцовку одному из поваров и присоединился к Тиму на краю кухни, притаив стул, чтобы присесть. – Я знаю, ты отказался, но я звонил своему другу насчёт того коттеджа в Колорадо-Спрингс. Он по-прежнему не занят.

Тим проверил сайт после того, как Эрик впервые упомянул об этом. Коттедж был уединённым и красивым, идеальным во всех аспектах, кроме одного.

– Я надеюсь найти что-нибудь подешевле.

Эрик закатил глаза.

– Я сказал, что заплачу. Это может быть мой рождественский подарок тебе.

– А я сказал нет. Купи мне пару носков или ещё что. Я не позволю тебе тратить на меня такие деньги.

– Предложение остаётся в силе, – сказал Эрик, пожав плечами. Затем он толкнул его локтем. – Ну, похоже, тебе есть за что сегодня быть благодарным.

– Это чудо Дня благодарения! – с преувеличенной радостью произнёс Тим.

– Я ведь говорил, что коттеджу принадлежат два снегохода? Да? Очень хорошо, я прекращу. У кого моя спринцовка для индейки?

Эрик снова поднялся на ноги и захлопотал по кухне. Час спустя, Тим наконец нашёл способ быть полезным, когда раздался звонок в дверь. Гости прибывали толпами, многие из них были мужчинами примерно возраста Эрика, но приехали и

несколько более молодых пар и компания шумных лесбиянок, которые продолжали хватать Тима за зад и называть его К.Д. Ланг*. По большей части гости заботились о себе сами. Официанты ходили по залу с шампанским и закусками, и вскоре Тиму не пришлось бегать к двери каждые пару минут.

**К.Д. Ланг – известная канадская автор-исполнительница поп-музыки и кантри.*

Он слился с толпой, ожидая, пока Эрик присоединится к вечеринке, отмечая реакции гостей. Некоторые мужчины постарше задирали перед ним носы, возможно, предупреждая поведение, которого ожидали. Было и много незаконченных вопросов, вариаций: «Так вы с Эриком...?»

«Друзья» было единственным ответом, который он давал, хотя, очевидно, большинство гостей Эрика уже предположили иное.

А ещё были парни, которые цеплялись за каждое слово Тима, смеясь слишком громко над его шутками, блуждая взглядом по его телу, когда думали, что он не видит. По крайней мере, они были милы с ним, даже если от этого ему было немного не по себе.

Это заставило Тима понять, каким редким был Эрик. Казалось, он не хотел от парня ничего, кроме дружеского общения. До сих пор он не делал движений и не флиртовал всерьёз. Он мог бы быть натуралом, учитывая, как мало он реагировал на внешность Тима.

В отличие от того, кто прямо сейчас смотрел на него через комнату. Тим привык к тому, что парни украдкой бросают на него взгляды, но этот человек был бесстыден, с ухмылкой поглядывая на него, даже когда Тим смотрел в его сторону.

Мужчина был возраста Эрика, совершенно неухоженный. Он был тучным, обнажая бремя пожизненного потворства слабостям. Его толстые пальцы были украшены кольцами, инкрустированными драгоценными камнями, его костюм был сделан на заказ, а тёмные волосы зализаны назад, несмотря на естественные кудряшки, и некоторые из них вырвались на свободу. Если у Эрика была противоположность, то это она. Тим не мог перестать смотреть в его сторону, по большей части потому, что чувствовал его постоянный взгляд. Вскоре это приманило мужчину ближе.

– Марчелло, – сказал он, протягивая тёплую и слегка вспотевшую ладонь.

– Тим.

– Тим! – повторил Марчелло. – Очень приятно с тобой познакомиться. Эрик сказал, что у него появился новый друг, но не упоминал, как ты молод и привлекателен.

– Может быть, он пытался меня защитить, – сказал Тим.

Марчелло рассмеялся, восхищённый этим искусным пренебрежением.

– Он мог, на самом деле. Что ж, сейчас уже слишком поздно. Тайна раскрыта. Ты всё ещё в колледже, Тим?

Практически неохотно Тим отвечал на элементарные вопросы о себе, пока Марчелло бесстыдно осматривал его, как трофей. Тим не был уверен, как его понимать. Имя звучало как иностранное, но в хриплом голосе Марчелло не было ни следа акцента.

– Я работаю в СМИ, – объяснил Марчелло, подхватывая два бокала шампанского с подноса, который проносили мимо. Он протянул один бокал Тиму. – На самом деле с искусством, неподвижными изображениями или кинематографом. Интернет радикально изменил то, как мы воспринимаем искусство, ты так не думаешь?

– Я не совсем уверен.

В комнате раздались аплодисменты, когда, наконец, появился Эрик.

Марчелло не отрывал внимания от Тима.

– Я имею в виду, что мы не обязаны покидать свои дома, чтобы посетить выставку или музей. Мы можем наслаждаться всеми видами изображений из уединения собственных домов, что, конечно, сделало людей более честными насчёт того, что они хотят видеть. Это благословение анонимности.

– Забавно, – произнёс Тим. – Я обнаружил, что чем больше анонимности у человека, тем больше он чувствует свободы для вранья. Читал когда-нибудь объявления о знакомстве?

Марчелло снова хохотнул.

– Тоже верно. Полагаю, анонимность делает людей честными насчёт того, что они хотят, но не насчёт того, кто они такие. Уверен, ты никогда не чувствовал необходимость врать насчёт своей внешности, так ведь?

– О, здравствуй, Марчелло! – Эрик встал между ними. – Рад тебя видеть. Боюсь, мне нужна помощь Тима на кухне.

Марчелло поклонился, будто королевской особе.

– Я всегда говорил, Эрик, что все наслаждаются твоими вечеринками, кроме тебя. Постарайся работать не так усердно.

– Скажи мне это снова, как только попробуешь индейку!

Они вместе вежливо усмехнулись, прежде чем Эрик повёл Тима вниз по коридору.

– Прости, что прервал, – сказал он, – но я не хотел, чтобы тобой пользовались. Он уже сделал тебе предложение?

– Предложение? – Тим покачал головой. – Нет.

– О, сделает.

– Этот парень занимается порно, да?

Эрик остановился на ходу и повернулся к нему лицом.

– Марчелло занимается всем понемногу. Если дело касается эксплуатации красивых мужчин, Марчелло зарабатывает на этом деньги.

– Не переживай, я не участвую в порно.

– Хорошо, но Марчелло работает не только в порнографии. Он владелец модельного агентства, к примеру, и ты можешь заработать хорошие деньги на фотосессии. Об этом я хотел с тобой поговорить. Если он предложит тебе работу – откажись. Сначала. Марчелло идёт на нелепые расстояния, чтобы завладеть тем, что не может заполучить. Он не сдастся, так что назови астрономическую цену. Деньги начинают терять значение, когда у тебя их так много, как у него. Раскладывая карты правильно, и ты легко сможешь позволить себе тот коттедж для Трэвиса.

– Ты так думаешь?

– Да. Или ты можешь принять подарок от меня и не иметь дела с Марчелло совсем.

Тим покачал головой.

– Я могу разобраться с Марчелло. В любом случае, почему ты дружишь с таким парнем?

– О, он не так плох. Он много делает для общества, даже когда отвлечён новейшими прелестями. Благотворительные балы, которые он устраивает каждый год, собирают так много денег, что от этого зависят целые организации. Но Марчелло может быть настойчивым. Не позволяй ему управлять тобой.

– Не позволю.

Они вернулись на вечеринку вместе, игнорируя несколько многозначительных взглядов, направленных на них.

– В этом году собралось много народа, – сказал Эрик.

Тим кивнул.

– Я удивлён, что пришло столько людей. День благодарения обычно проводят с семьёй.

– Да, но люди вроде нас выбирают себе семьи, особенно, когда становятся старше. Уверен, у всех здесь есть родители или братья и сёстры, с которыми они могли бы быть, но настает время, когда все родственники, кажется, говорят о своих детях или внуках, проблемах в школе, или о родительских собраниях. Список можно продолжать, – вздохнул Эрик. – Иногда тебе просто хочется быть среди других, кто на той же странице, что и ты, не важно, как мало у вас может быть общего.

Подумав, Тим обрадовался, что Трэвиса здесь не было, так как именно этого он боялся больше всего. Каким-то образом Тиму придётся подарить ему традиционную семью, какую он хотел.

– Гомосексуалистам можно усыновлять детей.

– Да, можно, – сказал Эрик, – и мы можем делать это по разному.

Эрик обвил рукой плечо Тима. Жест был гордым, любящим, не гадким или развратным. Забудьте о детях! Пока Эрик вёл их обоих в толпу, Тим задавался вопросом, можно ли «усыновить» себе кого-то в качестве отца.

Пять тысяч долларов. Пять тысяч долларов. Пять грёбанных тысяч долларов!

Эта мантра бегала по кругу в голове Тима. Позируя для Марчелло, он ожидал, что придётся отмахиваться от нежеланных советов, или что его будут неоднократно испытывать на прочность. Ничего из этого не было. Однако, чего он не ожидал, так это тяжёлой работы.

В настоящее время он позировал перед озером, одетый в одни плавки, пока два фотографа с ворчанием ходили вокруг него.

– Твоя поза совсем не естественная, – пожаловался один из них.

– Может быть, потому что сейчас середина грёбаной зимы! – На самом деле, прошло две недели декабря. Разве он не должен быть раздет в большие свитера, чтобы позировать перед рождественской ёлкой? Тим взглянул на Марчелло, который уютно кутался в шубу до колена. Где были эти активисты из Общества охраны животных, когда ты в них нуждался? – Можно мне хотя бы посидеть в машине и погреться минутку?

Марчелло закричал.

– Холод – это хорошо, делает твою кожу более упругой.

Тим застенчиво опустил взгляд. А что было не так с его кожей при нормальной температуре?

– Однако, – продолжил Марчелло, – думаю, я посижу в машине, пока мы здесь не закончим.

Когда Тим бросил на него злой взгляд, пока тот, покачиваясь, уходил, один из фотографов счастливо ахнул и начал с турбо-скоростью делать снимки.

– Для чего это вообще? – поинтересовался Тим. – Кто захочет купить плавки посреди зимы?

– С зимой покончено, дорогуша, – сказал один из осветителей. – По крайней мере, пока этого хочет индустрия. Нужно быть на шаг впереди!

– Меньше разговоров, больше мрачности, – велел один из фотографов.

С этой частью Тим мог справиться. Неделя была адская. Он чувствовал гордость на вечеринке Эрика по случаю дня Благодарения, когда торговался с Марчелло. Тим начал с десяти тысяч. Марчелло едва моргнул, но всё же сговорил Тима до пяти, с обещанием, что придётся работать всего два дня. И Тим ухватился за предложение, думая, что выиграл. Теперь он не был так уверен.

Вчера утром его передавали от стилиста к стилисту. Сначала Тиму постригли волосы. Исчезли длинные локоны, которые он предпочитал со старшей школы. Ему нравилась старая длина отчасти потому, что это бесило его отца. Мать вставала на его защиту, говоря: «В Мексике у мужчин тоже могут быть красивые волосы». Прости, мам, потому что теперь его волосы были коротко подстрижены с боков и уложены в беспорядочные колючки сверху. Ему хотели осветлить несколько прядей, но на это Тим не согласился.

Затем пришло время макияжа, не только на лице, но и практически на всём теле. Вчера на первой фотосессии были плавки, но, по крайней мере, съёмки проходили в тёплой студии. Затем Тима переодевали в разные наряды, Марчелло консультировал по списку, пока продвигались съёмки, называя модные бренды, слишком экзотические, чтобы быть дешёвыми.

Днём привели ещё одну модель, парня с длинной светлой чёлкой и такими мускулистыми руками, что у Тима появилось желание упасть на землю и поотжиматься. Они с Тимом оба были одеты в похожие куртки из искусственной кожи, которые старшеклассники носили в пятидесятых. Затем им пришлось переплетаться просто в каждой мыслимой позе, одежды становилось все меньше. Иногда они позировали как приятели, приобнимая друг друга. Для других фотографий они могли изображать половой акт в одежде.

– Засунь язык ему в ухо, – сказал в один момент фотограф.

– Кто из нас? – спросил Тим.

– Не беспокойся, чувак, – ответил его партнёр, приближая свой язык к уху Тима.
– Я натурал.

– Как и все мы, не так ли? – пробормотал Тим, пока его слуховой канал заполняли слюной, и его ослеплял поток вспышек.

Бесконечные наряды, позы, макияж и гомосексуальные партнёры-модели всё продолжалось до вечера. Затем Тим пошёл спать домой. К несчастью для него, следующий день принёс свежую и ясную зимнюю погоду, которая понравилась фотографам. Это значило, что его вывели с одного места съёмок на другое, снаружи, и все они мёрзли.

– Думаю, из-за освещения на этом мы закончим, – сказали фотографы, проверяя приборы. – Придётся довольствоваться тем, что есть.

– Боже, спасибо, – проворчал Тим, хватая халат с ближайшего складного стула и шагая к лимузину. Забравшись на заднее сидение напротив Марчелло, он захлопнул дверь слишком сильно, чтобы выразить своё недовольство. – Ты действительно оправдываешь свои затраты, да?

– Всегда оправдываю, – усмехнулся Марчелло. – Ты знаешь, есть менее трудоёмкие способы заработать деньги. И платят лучше.

Тим был слишком умён, чтобы спрашивать. Порно исключено, и Эрик предупреждал его об эскорт-агентстве Марчелло, которое обслуживало элитных клиентов. Вместо этого он плотнее закутался в халат и смотрел, как команда рабочих снаружи собирает оборудование. Солнце садилось, что, к счастью, значило, что на сегодня они закончили.

– Всего ещё одна съёмка, – сказал Марчелло. – На крыше с мерцающими на заднем плане огнями Остина.

Тим вздохнул.

– И я в плавках?

– На самом деле, в костюме джентльмена. В смокинге.

Это приятная перемена.

– У меня есть время, чтобы поужинать?

Марчелло проверил часы.

– Куча, но не переедай, иначе живот будет видно.

Кто бы говорил!

– Не переживай. После такого дня, как сегодня, я, наверное, просто что-нибудь выпью.

– Или можешь отужинать со мной.

Тим покачал головой, по-прежнему не отводя взгляда от рабочих снаружи.

– Если мы направляемся обратно к твоему дому, я думал навестить Эрика.

Дом Эрика был недалеко от жилища Марчелло, и прямо сейчас присутствие друга будет приятным облегчением. Тим мог положиться на Эрика в том плане, что он не будет относиться к нему как к куску мяса. Эти фотографии были жестокими!

– Я собирался спросить, – произнёс Марчелло. – Как Эрик держится?

Тим оторвал взгляд от окна.

– Держится?

– Ну, ты знаешь. – Марчелло наблюдал за ним, неосознанно играя с кольцами на пальцах. – Или нет?

– Что? – рявкнул Тим.

– Не бери в голову, – сказал Марчелло, будто тема вдруг ему наскучила. – Выйди и скажи этим проклятым фотографиям, что они поедут с рабочими, если не поторопятся. Я голоден!

Тим смотрел на него ещё мгновение, но Марчелло вёл себя так, будто разговора никогда не было. Если это была какая-то новая игра, Тим в неё не играл. Вместо этого он пошёл и сказал фотографиям, что Марчелло хочет, чтобы обратно они ехали с рабочими. Они были в ярости, но не собирались жаловаться своему нанимателю. Тим улыбался всю дорогу обратно к лимузину.

Вернувшись в дом Марчелло – такой же большой и пафосный, как его хозяин – Тим запрыгнул в свою машину, наслаждаясь уединением, пока ехал к Эрику. Как бы ни старался, он не мог выкинуть из головы слова Марчелло. Как Эрик держится? Может быть, с тех пор, как Эрик и Габриэль расстались? Разве это была не древняя история? Должно было быть что-то ещё, если только Марчелло не издевался над ним. Даже для Марчелло это казалось слишком по-детски, будто ребёнок с радостью объявлял, что у него есть секрет.

Когда Тим добрался до дома Эрика, с подъездной дорожки выезжала старая «Хонда Цивик». Тим замедлился на дороге, поворотник показывал, что он намеревается свернуть на подъездную дорожку следом. Машина сдала назад и поехала в его сторону, женщина с пухлыми щеками смотрела на него с интересом.

Она замедлилась, когда их окна поравнялись, опуская стекло. Тим сделал то же самое, узнав её с прошлого месяца. Это была женщина, которую Эрик описывал, как слишком болтливую. Может быть, она намеревалась завязать длинный разговор с Тимом прямо здесь, посреди дороги.

– Ты член семьи? – спросила она.

Это не было сленговым выражением для обозначения, что он гей? Или она хотела знать, родственник ли он Эрику? Тим вспомнил, что Эрик называл эту женщину не подругой и не членом семьи, так что придумал ответ на ходу.

– Да, я член семьи.

– Что ж, благослови тебя Бог! Я знаю, это нелегко.

Какого чёрта происходило? Будто секретную фразу, передаваемую от шпиона к шпиону, он попробовал загадочные слова Марчелло.

– Как он держится?

Женщина была рассерженной.

– Не мне тебе рассказывать, что Эрик упрямый старый козёл! Некоторое время это поможет ему держаться, но он все равно не будет меня слушать. Ты пробовал уговорить его на химиотерапию?

– Химиотерапию? – сухими губами повторил Тим.

– Он может хотя бы попробовать вместо того, чтобы поднимать белый флаг. Я видела, как это помогает людям в его ситуации.

Тим тупо кивнул.

– Рак, – удалось ему произнести.

– Я знаю, дорогой. Это ужасно, да? Что ж, оставайся сильным и посмотри, сможешь ли его уговорить, хорошо? У тебя есть мой телефон? Можешь всегда звонить, если будут вопросы, или если тебе понадобится с кем-нибудь поговорить.

Она потянулась через пространство между их автомобилями, чтобы протянуть ему визитку. Тим взял её и поблагодарил женщину. Затем заехал на подъездную дорожку и посмотрел на эту визитку. Лиза Оунбай: Хоспис Остин Хайтс. Это не могло быть правдой. Эрик не болен. Он был в отличной форме и полон жизни. Кроме того, он бы рассказал Тиму о чём-то таком. Может быть, они знали друг друга только месяц или два, но они были близки. Разве не так?

Но у Эрика был кашель, от которого он всегда отмахивался. Тим знал всё о секретах, и чем больше думал об этом, тем больше всё становилось на свои места. Марчелло не дразнил Тима. Он действительно проговорился! И от этого было больнее, потому что Марчелло знал, а Тим нет. Почему Эрик доверился такому скользкому типу вместо него? Эта мысль разозлила его достаточно, чтобы он завёл машину, съехал с дорожки и умчался прочь.

Но он не мог. Он злится и скажет об этом Эрику.

Тим заглушил двигатель и метнулся к входной двери, беспощадно нажимая на звонок. Затем дверь открылась, и он увидел Эрика, который на свету казался более хрупким, чем обычно. Тим захватил его в объятия.

– Что случилось? – натянутым голосом произнёс Эрик. – Ты в порядке? С Марчелло всё прошло плохо?

– Нет, – сказал Тим, отпуская его. – Я просто голоден, вот и всё.

Взгляд Эрика с беспокойством пробежался по Тиму, прежде чем он улыбнулся.

– Ты знаешь, у меня всегда хорошо получаются сэндвичи. Заходи!

Оказавшись на кухне, Тим наблюдал за Эриком с опаской, будто симптомы его болезни теперь, когда он знал, будут очевидными. Но Эрик, казалось, был в порядке. Может быть поэтому он решил скрывать всё – потому что мог. Тим знал эту игру слишком уж хорошо. Но ему по-прежнему было больно от того, что Эрик был уверен в Марчелло, а в нём нет.

– Ты мне доверяешь? – спросил Тим.

Эрик остановился посреди процесса намазывания масла на хлеб.

– Конечно!

– Я хочу сказать, что чувствую с тобой близость. Будто я могу быть с тобой открытым. Я хочу, чтобы ты чувствовал ко мне то же самое.

Эрик кивнул, продолжая работать в тишине. Масло, салат, ветчина, сыр, майонез. Желудок Тима урчал в предвкушении. Он практически выхватил у Эрика тарелку, когда всё было готово.

– Он сильно нагружает своих моделей, да? – Эрик оглядел его. – Надеюсь, тебя не загоняли ни в какие ситуации, в которых тебе было некомфортно.

Тим покачал головой, продолжая жевать.

– Это хорошо, – сказал Эрик. – Марчелло, хоть и может производить плохое впечатление, но он профессионал. Он был одним из друзей Габриэля, когда мы только

встретились, и, если честно, я его не выносил. Я называл его Толстяк. Ты знаешь, как в старом фильме «Мальтийский сокол»?

Тим пожал плечами.

– В любом случае, первое впечатление – это не всё. Марчелло может не разделять традиционные идеи романтики и отношений, но по-своему заботится о людях. – Эрик оперся на тумбочку и скрестил руки на груди. – Я знаю его дольше, чем ты живёшь. Иногда из-за одной этой истории тебе может быть комфортно рядом с человеком.

Достаточно комфортно, чтобы довериться ему и рассказать, что у тебя смертельная болезнь. Тим разорвал зрительный контакт и продолжил жевать. По правде говоря, по-прежнему было множество вещей, которые Эрик о нём не знал, вещей, которые он предпочитал держать в себе, например, его любовь к живописи. Для всех остальных такой интерес не стоил бы того, чтобы держать его в секрете, но Тим нуждался в этом, потому что его искусство вызывало у него чувство уязвимости. Он мог только представить, как рак может вызвать у кого-то такое же чувство, но по другим причинам.

Так что Тим будет притворяться, если Эрик этого хочет. Но ему нужно было знать и другие вещи, темы которых он избегал из вежливости. То, что Марчелло так хорошо знал Эрика, вызывало у Тима чувство, будто ему как-то нужно наверстать это.

– Все эти дела с братством... – начал Тим, но ему не нужно было заканчивать, потому что Эрик кивнул.

– Ты хочешь знать, что произошло на самом деле. Скажи мне, та старая беседка ещё стоит за домом братства?

Тим покачал головой.

– Я не удивлён. Она практически разваливалась, когда я был в твоём возрасте. В любом случае, в моей жизни кое-кто был, другой брат. Мы не были соседями по комнате, как вы с Трэвисом. Это спасло бы нас от кучи проблем. Мы с Майклом всё равно нашли друг друга, и время от времени нам удавалось находить моменты уединения. Тогда я всё ещё хотел искать компромисс. Ближайшие ко мне люди знали, что я гей, как и моя семья, но казалось рассудительным держаться в тени. Так мы с Майклом были вместе больше года, и я должен признать, что секретность наших отношений делала всё более захватывающим. Возможно, поэтому мы стали более смелыми. Однажды вечером, во время вечеринки в доме братства, мы выбрались в беседку. Погода была ужасной, так что все оставались в доме. К несчастью, мы увлеклись, ослабив бдительность. Одна юная леди вышла на улицу и застала нас в компрометирующей ситуации. Тебе нужно, чтобы я...

– Нет, – сказал Тим, его горло сжалось. – Я могу представить.

– Ладно. Что ж, мы услышали, как девушка ахнула, и бросились натягивать штаны, а она направилась обратно в дом. Мы не знали, как много она видела и узнала ли она нас. Я хотел уйти, но Майкл подумал, что наше отсутствие будет вдвойне изобличительным. Вместо этого мы вернулись через входную дверь и постарались смешаться с толпой. Когда девушка увидела Майкла, она посмотрела мимо, не узнав его. Но когда она увидела меня...

– Что случилось?

Эрик выдохнул.

– Всё вышло из-под контроля. Не было никакой секретности. Братья не ждали, чтобы обсудить это со мной. Вечеринка остановилась со скрипом, и я внезапно оказался на испытании. Я не смел смотреть на Майкла. Это изобличило бы его. Но я продолжал ждать, что он встанет на мою защиту. Все слова ненависти, сказанные в тот вечер, толкания, оскорбления, даже когда меня вышвырнули на дорогу – ничто из

этого не причинило такой боли, как то, что Майкл повернулся ко мне спиной. После этого он не говорил со мной, наедине или публично. Ни единого слова.

– Мне жаль. – Тим вскочил на ноги и подошёл к Эрику, в его груди всё болело. История была слишком уж знакомой. Разве он причинил Бену не точно такую же боль? – Мне жаль, – повторил он, теперь обращаясь к прошлому. Эрик был в его объятиях, хлопал его по спине и утверждал, что всё нормально, но это было не так. Сдаваться страху и отворачиваться от любви никогда не было нормально.

Глава 16

Снег приносит тишину. Тим так и не привык к тёплым зимам Техаса. Кроме мороза время от времени или причудливой россыпи снега, они были только тенью зим Канзаса, где он вырос. Каждый год он скучал по спокойствию, которое приносил снег. Большинство людей оставались дома, чтобы сохранить тепло и уют, и не высывались, но морозный сезон хранил в себе умиротворённость, которой Тим никогда не чувствовал, когда жил в Техасе.

Приближались праздники в кампусе. Даже до официального первого дня зимних каникул многие студенты уже совершали паломничество домой. Некоторые задерживались, пытаясь продолжать вечеринки, но большинство думало о семье, переживая воспоминания более невинного времени, когда Рождество было волшебным.

Для Тима это волшебство вернулось в полной силе. К утру кануна Рождества дом братства был практически пустым. Даже Квентин оставил своё университетское королевство ради удобства дома. Тим проснулся пораньше и принял быстрый душ, стараясь создать достаточно шума, пока одевался, чтобы разбудить Трэвиса. Затем Тим толкнул его в сторону ванной и спустился вниз, чтобы проверить машину и их припасы. Конечно, он уже проверил это прошлым вечером, трижды проверил после того, как упаковал в первый раз, но он хотел, чтобы всё было идеально.

Когда он вернулся обратно наверх, Трэвис был чист, одет и тихонько сидел на краю своей кровати. Тим потащил его вниз и в машину. Затем они оказались на дороге, как только они добрались до шоссе, Трэвис снова уснул. Это нормально. У них впереди пятнадцатичасовая поездка, если они собирались добраться до Колорадо-Спрингс сегодня, и ему понадобится, чтобы позже Трэвис сел за руль.

И они ехали. Пока Трэвис бездействовал, Тим проехал практически до полудня без перерыва, глотая энергетики, чтобы продержаться. Конечно, его мочевой пузырь чуть ли не взрывался, но он сдерживался, пока они не заехали в «Бургер Кинг». Наконец приготовившись встретиться лицом к лицу с остатком дня, Трэвис заказал себе три воппера, уничтожив каждый за несколько укусов.

– Голодный? – попрекнул Тим.

– Всегда. – Трэвис допил остатки своей колы. Затем, с более преувеличенным акцентом, чем обычно, произнёс, – На ферме мы привыкли к большим завтракам!

Тим рассмеялся.

– Ты действительно вырос на ферме?

– Нет, но ты будешь удивлён, как много людей считают так из-за того, как я говорю.

Виновен по всем пунктам. Тиму нравилась фантазия о деревенском мальчишке.

– Моя мама действительно готовит лучшие завтраки, – продолжил Трэвис. – Она знает, как накормить парня.

– Я постараюсь сделать так, чтобы ты не голодал в этой поездке, – сказал Тим. Им придётся много есть вне дома, потому что Тим не умел готовить. Хотя Эрик помог. Переносной холодильник, полный еды, лежал в багажнике, включая завернутую в фольгу лазанью, которую Тим должен был поставить в духовку. Он был почти уверен, что справится с этим.

– Конечно, из-за моих размеров, – произнёс Трэвис, – люди ещё думают, что я тупой качок.

– Хочешь сказать, это не так?

Трэвис шутливо ударил его по руке.

– Нет, не так. Поэтому я хотел приехать сюда. В Остине одна из лучших школ фармацевтики, а я хочу быть самым лучшим.

– В подсчете таблеток?

– Смейся, если хочешь, – сказал Трэвис. – Но в этом есть гарантия занятости и нормальных денег. Чем собираешься заниматься ты?

– Не знаю, – сказал Тим. – Полагаю, одалживать деньги у тебя.

– Серьёзно.

– Архитектурой. По крайней мере, я так думал. Гарантию занятости я не учитывал. Архитектурных фирм на каждом углу нет, в отличие от аптек.

Он думал только о том, как объединить свою любовь к искусству с практичной профессией, но до сих пор к своим занятиям относился с холодом.

– Всё равно, хорошие деньги, – с одобрением кивнул Трэвис.

– Я не знал, что ты такой материалист.

– Скорее, дело в том, чтобы быть способным обеспечить мою семью, дать им хорошую жизнь.

Трэвис говорил так, будто у него уже была жена и дети, которые ждали за белым заборчиком. В каком-то смысле это было мило, что он так настроен на семью. Но это вгоняло в депрессию, так как Тим не мог исполнить для него эту мечту. Не часть с женой точно. По крайней мере, он надеялся, что сможет показать Трэвису новую версию этой мечты. У него было четыре дня в Колорадо-Спрингс, чтобы сделать это.

Как бы Тим ни хотел, чтобы семья омрачала эту поездку, это была единственная тема разговора, гарантирующая, что Трэвис будет продолжать говорить. Иначе он скатится на долгое молчание, без сомнений размышляя о том, что они будут делать в коттедже. Но это было хорошо. Вдали от семьи, давления школы и всех этих предполагаемых рисков, Трэвис будет сосредоточен на позитиве. Это произойдет при содействии пары напитков, смеха и, конечно же, тонн секса.

Тим уже заметил, что Трэвис смотрит на него, время от времени ёрзая на сидении и оттягивая свои джинсы. После воздержания от секса большую часть месяца, они оба были готовы к действиям, но Тим собирался потянуть чуть дольше, убеждаясь, что Трэвис в правильном настроении, чтобы увидеть в этом больше, чем просто облегчение.

Днём Тим поменялся местами с Трэвисом и позволил себе задремать до вечера. Остаток поездки они менялись обязанностями водителя каждый раз, когда останавливались. Когда дороги забрались в горы, земли покрылись настоящим снегом, их путь замедлился ещё больше. Поездка, казалось, не закончится никогда. Было практически четыре утра, когда они свернули на дорожку к коттеджу. Их долгие часы в машине оправдались. Двухэтажный коттедж был окружён каменной стеной, снег лежал на крыше и на ветках сосен, возвышающихся над ней. Свет на переднем крыльце был одиноким маяком цивилизации на милях вокруг.

– Ты не шутил, когда сказал, что место уединённое, – произнёс Трэвис, зевая после сна.

– Самый край Колорадо-Спрингс ещё в восьми километрах отсюда, и Эрик говорит, что там только автозаправка и круглосуточный магазин. – Он потянулся, чтобы коснуться шеи Трэвиса сзади, заставив его вздрогнуть, поэтому Тим заявил очевидное. – Здесь только ты и я.

Трэвис сделал глубокий вдох и кивнул.

– Хорошо.

– Давай всё заценим.

Тим нашёл ключ в выдолбленной нише с одной стороны коттеджа, как и обещал хозяин. Тим возился с ключом, в то время как Трэвис начал разгружать машину, и был рад, что пошёл за ключом один, потому что ещё там были две накрытые брезентом формы. Трэвис всё ещё не знал о снегоходах. Это будет завтрашним сюрпризом. На сегодня главной прелестью был коттедж.

Они обошли его вместе. Коттедж выглядел простым и домашним снаружи, но внутри был произведением искусства. Три спальни, в каждой из которых по камину. Кухня была полностью оборудована, внизу располагалась сауна, в ванной ждала джакузи, и – будто этого было недостаточно – ещё одна джакузи стояла на заднем дворе. Каждое из этих удобств грозило утопить их в романтике.

Но сейчас они потащили свои уставшие тела в спальню, раздевшись друг перед другом, нервно смеясь, как неопытные молодожёны на медовом месяце, и легли под одеяло. Их кожа соприкасалась, тепло придавало уверенности. Тим целовал Трэвиса, впервые не чувствуя вкуса алкоголя, и несмотря на чертовское возбуждение, он ещё был и уставшим. Он перекатился на свою сторону, обвивая вокруг себя руку Трэвиса. Их тела прижались друг к другу, он чувствовал, что у Трэвиса стояк. Может быть, со сном можно было подождать ещё чуть дольше. Но хоть он и думал об этом, сил двигаться Тим найти не мог. Трэвис тоже не шевелился, и вскоре их дыхания замедлились, каждый вдох становился длиннее, пока они уплывали в сон.

Как рой злых пчёл, высыпавших из улья, мимо левого уха Тима пронеслось жужжание, Трэвис вырвался вперед, поднимая волну снега, через которую Тиму пришлось прорваться. Он остановился и вытер снег со своих защитных очков, прежде чем ринуться в погоню. Налетев на сугроб, подлетая на полтора метра в воздух, и снова ударяясь о землю с глухим стуком, он рванул дальше, ещё раз повернув руль.

Снегоходы были сумасшествием. Два, которыми они наслаждались весь день, были со стеклопластиковыми щитами на лыжах, двигатель был установлен на средней колее в задней части. Это значило, что они были относительно лёгкими и практически могли взлететь. Или вскарабкаться по крутым горным склонам, как пауки по стене. Казалось, не было никаких ограничений местам, куда могут добраться снегоходы. Или количеству проблем, в которые они могут втянуть. Тим и Трэвис большую часть дня заливались смехом, обычно после того, как сваливались со своих снегоходов, или, если точнее, теряли хватку на руле и наблюдали, как снегоход вырывается вперёд.

Тело Тима всё болело, и лицо казалось замёрзшим, так что он просигнализировал, что им следует направиться обратно в коттедж. Как хороший бойскаут, Тим был готов к их возвращению. Прежде чем уйти в то утро, он поставил на подогрев джакузи. И конечно, когда они добрались до коттеджа и сняли с себя заснеженную одежду, то обнаружили, что их ждёт дымящийся котёл удовольствия на заднем дворе.

– Это будет хорошо! – нараспев произнёс Трэвис. – Эй, ты что делаешь?

– А на что похоже? – Тим одновременно снял свои джинсы и бельё. Майки на нём уже не было, оставались только носки. – Я не взял с собой плавки, – сказал он,

забираясь в джакузи со стоном удовольствия. – Кроме того, у тебя нет ничего, чего я уже не видел.

Трэвис отвернулся, чтобы спустить свои боксеры, но ему пришлось встать лицом к Тиму, чтобы залезть в джакузи. Когда он залез, Тим с некоторым удовлетворением заметил, что Трэвис уже был наполовину твёрд. Но Тим будет вести себя наилучшим образом. Он предусмотрел очень конкретный способ, которым хотел, чтобы обернулась ночь. У них всё ещё не было секса с приезда сюда, и было важно, чтобы сначала случилось несколько вещей.

Трэвис ахнул и зашипел, погружаясь в горячую воду. В конце концов, он привык, вздыхая и расслабляясь. Некоторое время они наслаждались, просто откинувшись назад, слушая бурление воды и глядя на зимнюю сказку вокруг.

– Это потрясающе, – сказал Трэвис. – Спасибо, что делаешь это.

– Спасибо, что приехал сюда со мной. – Тим подвинулся ближе к нему. – Весёлого Рождества.

– Боже, я чуть не забыл! Праздники не чувствуешь, когда рядом нет семьи.

Тим фыркнул.

– Спасибо большое!

– Это не плохо. Просто иначе.

Это было мнение, которое Тим пытался выразить тем, что они приехали сюда. Он приблизился для поцелуя, Трэвис немного отстранился, прежде чем невинно его чмокнуть. Затем он действительно отодвинулся.

– День был идеальным. Не хватает только пива.

«Или его мужества», подумал Тим, но он был намерен показать Трэвису, что ему не нужен алкоголь в качестве оправдания.

– Помнишь, как приятно это было в прошлый раз?

Мгновение Трэвис молчал.

– Да.

На этот раз, когда Тим приблизился для поцелуя, Трэвис не отстранился. На самом деле, он поцеловал Тима в ответ и толкнулся к нему навстречу, его руки погрузились под воду, чтобы схватить его член. Тим застонал. Или это было стенание, потому что он не мог позволить этому случиться вот так.

– Не так быстро, приятель. – Тим скользнул вдоль бортика джакузи, чтобы отодвинуться.

– Прости, – произнёс Трэвис. – Просто я сейчас так возбуждён.

Сверкая мускулами на руках, Трэвис вылез из воды, чтобы сесть на бортик джакузи. Его ноги были раздвинуты, от тела исходил пар. Забудьте про план! Тим не мог больше сдерживаться. Он двинулся через воду, чтобы добраться до него, член Трэвиса оказался у него на уровне глаз, прежде чем Тим взял его в рот. Когда Трэвис отклонился от своей сдержанности, он сбросил её окончательно. Он схватил Тима за голову, толкаясь в его рот и рыча односложные слова удовольствия. Да. Чёрт. Боже. Уф.

Трэвис, казалось, был намерен разобраться с этим как можно быстрее, так что Тим отстранился и встал, расставив ноги на скамейке джакузи. Пока Трэвис всё ещё сидел на краю, их роли изменились. Тим был несколько не мягче, чем Трэвис. Им нужно было разобраться с большим неудовлетворением. Приблизившись к оргазму, он опустил взгляд и увидел, что Трэвис двигает кулаком по члену, его мускулы напряжены. Они оба балансировали на грани, так что Тим сосредоточился на том, чтобы удержать равновесие, выпуская гортанный рык удовольствия. Трэвис продержался на несколько секунд дольше, Тим наблюдал за ним с удовлетворением, но внезапно поскользнулся. Падение Тима остановила вода, его голова едва не

ударилась о дальний край джакузи. Трэвис толкнул его? Тим выпрямился и посмотрел на Трэвиса в замешательстве как раз вовремя, чтобы заметить, как он плюёт в снег.

– Ты в порядке? – спросил Тим.

Трэвис бросил на него злобный взгляд.

– Прости, – усмехнулся Тим. – Мне следовало предупредить тебя перед тем, как кончать.

Трэвис кивнул, затем опустил взгляд.

– Холодно, – сказал он, забираясь обратно в джакузи.

Тим подобрался к нему, желая быть ближе. Он сел на скамейку и скользнул к Трэвису, прижимаясь ногой к его ноге и приобнимая, но Трэвис скинул руку и отодвинулся дальше. Он по-прежнему не мог смотреть на Тима.

Действительно холодно.

Тим знал, что следовало подождать. Он хотел, чтобы всё было романтично, чтобы было какое-то ощущение эмоций, когда они будут спать вместе. Вместо этого всё было диким, только физическим. Но он не собирался сдаваться. У них ещё было три ночи, чтобы всё исправить. Тим погрузился в джакузи, чтобы вода была ему до самой шеи, снова согреваясь, прежде чем вылезти.

– Ты голоден? – спросил он.

Ему не пришлось ждать ответа. Они не ели с того утра, когда Тим заехал в город за пончиками. Пора разогреть лазанью Эрика. Хорошая еда, вино, свечи и музыка. Этот ритуал необходим, чтобы Купидон собрался с силами. Вечер ещё можно спасти.

Тим зажёл свечи и отошёл назад, осматривая стол и жалея, что не знает какого-нибудь причудливого способа складывать салфетки. И всё же, для первой попытки накрывать на стол, всё было неплохо. Он пошёл к двери, выключая свет и снова разглядывая свою работу издалека. Ему окружение казалось чертовски романтичным. Он чувствовал запах лазаньи из другой комнаты, соки шипели на противне, выливаясь за края. Где-то ещё вопил телевизор, краткие моменты тишины возникали через каждую секунду, когда Трэвис щёлкал каналы.

В груди у Тима всё сжалось. Всё это казалось знакомым. Ему не нужно было копаться далеко в прошлом, чтобы узнать, почему. Вечер, когда его родителей не было в городе, и гроза вырубил электричество. Бен зажёл свечи, чтобы они могли продолжить ужин. Он пошутил, что это было романтично, и хоть Тим не был готов признать это тогда, так и было. Простой ужин вместе в их личном маленьком мире. Что это было, замороженная пицца? Или что-то, что приготовил Бен? Он ненавидел, что больше не мог вспомнить. Некоторые воспоминания должны жить вечно, должны всегда сохраняться в памяти, но он предполагал, что всё это в конце концов исчезло. Всё, кроме сути.

– Сколько ещё ждать? – крикнул из другой комнаты Трэвис. – Пахнет так, будто всё готово.

Так и было, поэтому Тим поспешил на кухню. Старый добрый Эрик! Лазанья, когда Тим вытащил её из духовки, выглядела божественно. Борясь с ножом и лопаткой, Тим положил на тарелки два толстых куса, почти не наделав беспорядка. Он поспешил с тарелками к столу, замечая, что ещё не налил вина. Ох, ладно. Он сможет сделать это как официанты в ресторанах, куда водил его Эрик, откупорив бутылку перед Трэвисом и налив ему маленький глоток на пробу. Конечно, если Трэвис откажется, они облажаются, так как Тим взял только одну бутылку. Он не хотел, чтобы они сильно напивались. Только чуть-чуть, чтобы помочь расслабиться.

Ужин был готов. Маленький бумбокс в углу играл классическую музыку. Тим не сходил по этому с ума, но все другие станции транслировали рождественскую музыку,

так что классическая должна подойти. Еда была подана, свечи зажжены, вино готово литься рекой. Тиму нужен был только его спутник.

– Готово! – прокричал Тим. – Тащи сюда свой зад!

Он нервно усмехнулся сам себе, чувствуя напряжение, которое приходит, когда даришь кому-то подарок и отчаянно хочешь, чтобы он понравился. Тим задержал дыхание, когда Трэвис вошёл в комнату, пристально наблюдая за его лицом. Он выглядел отчасти развеселённым. Это было хорошо, верно?

Трэвис рассмеялся.

– Что это, чёрт побери?

– Ужин на двоих, месье! – Веселье с лица Трэвиса исчезло. Французский акцент Тима был плохим? – Садись.

– Нет.

Трэвис выглядел злым.

– В чём дело? – произнёс Тим. – Это просто ужин.

– Ужин при свечах, будто мы пара или ещё что?

Тим сжал челюсть.

– Ладно, мы можем задуть свечи, если от этого тебе станет легче.

– И тупая музыка, – фыркнул Трэвис. – Включи грёбанный свет! Мы не на свидании.

Тим оставил свет выключенным. Еда остывала, а Трэвис даже не садился.

– Что с тобой не так?

– Ты! Ты пытаешься сделать это всё таким... Мы не пара!

– Нет, мы просто одни в коттедже на Рождество после того, как трахались в джакузи. Совершенно платонически. Ничего гейского в этом нет, верно, приятель?

Даже при свете свечей он видел, что лицо Трэвиса стало красным, как свекла.

– Ты знаешь, о чём я! Мы не парень и девушка. Ты не можешь притвориться, что это то же самое. Это глупо!

Трэвис попытался выйти из комнаты, но Тим встал у него на пути.

– Почему мы этого не можем, а? Что останавливает нас от того, чтобы делать всё, что мы хотим? Здесь только ты и я, Трэвис. Мы можем быть кем угодно, кем хотим, друг для друга.

– Нет, не можем! – Трэвис ткнул пальцем в лицо Тима. – Ты не можешь подарить мне детей! С тобой у меня не может быть семьи! Ты хорош только для отсоса, который я могу получить от любой дешёвой шлюхи.

Тим толкнул его. Либо так, либо врезать ему. Трэвис выглядел так, будто сейчас сорвётся, но вместо этого он развернулся и махнул рукой по столу, скидывая на пол бокал вина, столовые приборы и тарелку лазаньи.

– Я не хочу ничего из этого! – крикнул он. – Моя жизнь не будет такой!

– Верно, – крикнул в ответ Тим. – Ты найдёшь женщину и обрюхатишь её, и всё будет чертовски идеально – кроме того, что ты будешь напиваться, чтобы ускользнуть в порт и пососать член. Надеюсь, твоей будущей семье понравится жить с тобой!

– По крайней мере, я не буду один! – Трэвис выглядел готовым на убийство. – Я хочу убраться отсюда! Сейчас же! Вези меня обратно в Остин.

– Сейчас середина ночи!

– Тогда я вызываю такси.

– Чтобы тебя отвезли в Техас?

Трэвис пересёк комнату, его лицо было в сантиметрах от лица Тима, жар исходил от него злыми волнами.

– Я лучше пойду обратно пешком, чем ещё на минуту останусь здесь с тобой.

– Ладно. – Тим прошагал в другую комнату за своим пальто, роясь в одном кармане, пока не нашёл ключи. Когда он развернулся, Трэвис стоял прямо за ним. Тим бросил в него связку ключей. – Бери мою машину. Вези себя обратно в Остин.

– Отвезу! – Трэвис сунул ноги в ботинки и схватил пальто.

Затем ситуация стала неловкой, потому что Трэвис ходил по коттеджу, собирая свои вещи. Почему он не мог просто уйти? Но Тим на самом деле не хотел, чтобы он уходил, не так. Он достаточно остыл к тому времени, как Трэвис направился к двери, и был уверен, что они смогут забыть об этом. Тим попросит его остаться, и они всё обговорят.

– Эй, – тихо произнёс Тим, касаясь его плеча. – Подожди минутку.

Трэвис развернулся, отбивая его руку.

– Не прикасайся ко мне больше. Никогда! Даже не смотри на меня, чёрт возьми!

Затем Трэвис вышел, захлопнув за собой дверь.

– Не раздолбай мою машину! – крикнул ему вслед Тим. Двигатель машины с рёвом ожил, свет фар прорезался сквозь передние окна, прежде чем звук исчез вдаль. Затем Тим закричал, первобытно и резко, потому что чувствовал, что взорвётся, если не сделает этого.

Некоторое время он просто стоял в гостиной, ожидая возвращения звука двигателя. Когда этого не произошло, Тим прошёл обратно в столовую, выключил музыку и сел в конце разгромленного стола. Затем он открыл бутылку вина, выпил прямо из горла, по-прежнему прислушиваясь к любому признаку возвращения Трэвиса. Наверняка он вернётся. Плотина прорвалась, и Трэвис сломается и расплачется, наконец, признавая, кто он такой. Но когда бутылка опустела, и свечи догорели, Тим понял, что надежды нет.

Он оттолкнулся от стола и пошёл в прихожую, где достал из куртки свой мобильник и набрал Эрика. Он поймёт. Телефон звонил и звонил, прежде чем запись голоса Эрика объяснила очевидное: его не было на месте, чтобы поднять трубку. Тим оставил ему сообщение, пытаясь рассказать, что произошло, как всё развалилось на части, и что Трэвис ушёл. Затем его время закончилось, и голосовая почта оборвала речь гудком.

Тим отбросил телефон в сторону и оглядел коттедж. Он не хотел больше здесь находиться. В другой комнате по-прежнему бормотал телевизор, оставленный на последнем канале, на котором остановился Трэвис. Тиму нужно убраться, может быть, поехать в город, чтобы ещё чего-нибудь выпить. Тим поворачивался, чтобы поднять телефон, когда заметил блеск лунного света на гладкой поверхности снаружи. Снегоходы были припаркованы спереди. Колорадо-Спрингс находился где, километрах в шестнадцати? Тридцати двух? Снегоходы были такими же быстрыми, как машины. Тим доберётся до города за считанное время и, что более важно, уберётся отсюда.

Он надел пальто и ботинки, убедился, что взял бумажник, и, спотыкаясь вышел на улицу, один раз поскользнувшись. Земля сегодня была скользкой, но для этого и были созданы снегоходы. Тим завёл двигатель, ненавидя машину за то, что она часть его разрушенной фантазии. Казалось, с Трэвисом они катались вверх и вниз по горам уже миллион лет назад, далёкий сон был слишком ярким и оптимистичным, чтобы быть правдой.

Снегоход рванул вперёд. Тим направился по шоссе. Конечно, он не будет ехать по дорогам, иначе, возможно, его собьет какой-нибудь деревенщина, напившийся эггнога. Вместо этого Тим срежет по ближайшей поляне и будет ехать параллельно шоссе, пока не доберётся до города. Достигнув открытого пространства, Тим выкрутил ускоритель, двигатель снегохода рычал в ночной тишине. Скорость казалась

побегом, будто он отдалялся от своих дурацких ошибок, боли, всех жестоких слов Трэвиса, которые продолжали звучать в голове Тима.

Доехав до ряда деревьев, он замедлился, но только чтобы приспособиться к новой обстановке. Снег на земле сиял белым в ночи, деревья казались тёмными столбами, как на той картине, которая так нравилась Эрику. Тим рулил в сторону белого, объезжая тёмные препятствия. Может быть, он заслужил это. В конце концов, разве не это он сделал с Беном? Оставил его стоять посреди ночи только потому, что не мог принять то, кем является?

Карма была той еще сукой.

Тим повернул ускоритель, на мгновение запутавшись из-за того, что земля, кажется, стала превращаться в стену. Занос! Он ударил по тормозам слишком поздно. Снегоход проскользил по сугробу как по рампе, и подлетел в воздух. С этой новой высоты Тим видел, что поднялся на холм. Даже если бы он не наткнулся на занос, то подлетел бы. Но у него могло бы быть больше шансов вернуть контроль. Снегоход крутился в пустом пространстве, и Тим больше не видел, что перед ним.

Он раздумывал, отпустить ли руль и рискнуть возможностью упасть на землю, когда столкнулся с миром. Снегоход взял на себя большую часть удара – послышался громкий хруст, а следом жужжание двигателя – но машина катилась по тому, на что упала. Тим инстинктивно прижался к снегоходу, пока тот катился, но удар всё равно был болезненным. Что-то разрезало его правую руку, оставляя его со жгучей болью, вырывая из него крик. Затем беспорядок из машины и водителя снова на мгновение поднялся в воздух, прежде чем с хрустом упасть на землю.

Из лёгких Тима выбило воздух, когда он проскользил по земле, перекручиваясь, как тряпичная кукла, пока не приземлился на спину. Широко раскрыв глаза от паники, он ждал, ждал и ждал, пока воздух, наконец, не вернулся в его лёгкие. Он полностью сосредоточился на том, чтобы убедиться, что может дышать, но его нос не прочистился. Он протянул трясущиеся руки, чтобы дотронуться до носа, его перчатка покрылась кровью и грязью. Это подходило и к привкусу у него во рту. Сглотнув и поперхнувшись, он попытался рассмотреть себя.

Всё его тело болело, особенно правая рука, прямо до плеча, но по крайней мере он был цел. Что касается снегохода... Тим поднял голову, чтобы проверить, и обнаружил, что снегоход укатился дальше. Никакого дыма. Никакого огня. По крайней мере, он не взорвётся. Парень надеялся на это.

Тим осторожно сел, проверяя каждую конечность, чтобы посмотреть, не сломано ли что-нибудь. Казалось, всё работало. С застывшей шеей он повернул голову, чтобы осмотреть руку. Он увидел кровь на куртке, и из кржи торчало что-то красное и мокрое. У него в голове всё плыло, он был уверен, что это сломанная кость, но когда его зрение прояснилось, он увидел небольшой отросток.

Похожий на ветку? Он дотронулся до него, и боль усилилась, но отвалился кусок какой-то окровавленной коры. Конечно же, в нём торчала ветка. Он посмотрел на след от полозьев, который оставил снегоход, когда упал на землю. Неподалёку стояло дерево, снег под которым был усыпан деревянными щепками и стружкой. Руку Тима, должно быть, проткнуло веткой, когда он ударился о дерево. Жутко, но лучше, чем если бы наружу торчала кость.

Тим несколько раз для пробы коснулся ветки. Он не думал, что она застряла слишком глубоко, так что после нескольких ровных вдохов вырвал её. Затем он закричал, потому что, чёрт побери, было, мать вашу, больно! Он позволил боли стать мотивацией, заставить его подняться на ноги и пройти кругом. Он в порядке. Ему больно, но он в порядке.

Тим поковылял к снегоходу, у которого дела были похуже. Отломался большой кусок щита из стеклопластика, как и одна ручка руля. Хуже того, звено, которое приводило машину в движение, оторвалось. Как бы он ни любил автомобили, Тим не был механиком. Снегоход для него был бесполезен.

Он похлопал по карманам своей куртки в поисках телефона, прежде чем простонал, вспоминая, что так и не поднял его с пола. Вот вам и помощь. Тиму придётся идти пешком, и ему нужно было выдвигаться скорее, если он собирался сохранить тепло. Он помедлил, пытаясь решить, как далеко заехал. Его путешествие сюда было спонтанным. Тим мог быть всего в нескольких километрах от Колорадо-Спрингс, насколько знал, но в итоге он решил, что следует вернуться по тропе, которую оставил снегоход. Если он попробует пойти вперёд, дезориентированный, то в итоге может заблудиться или умереть. Хромая, перейдя холм, он нашёл занос, который подбросил его в воздух, и начал путь обратно к коттеджу.

Глава 17

Холодно. Не важно, как быстро он шёл – даже когда бежал вверх по холму так быстро, что кружилась голова – Тиму было холодно. Не ощущая времени, он не знал, как долго шёл, но сейчас был уверен, что находился близко к городу, когда разбил снегоход. Судя по тому, как извивался след от снегохода, он был пьянее, чем думал, возможно, из-за того, что последний раз ел только за завтраком.

Что-то ещё было не так. Правая рука Тима была мокрой, рукав пропитался изнутри, но не потом. Он был уверен, что кровоточит рана, но не осмелился снять куртку и проверить, чтобы его кожа не пострадала от смертельного зимнего прикосновения. Снег приносит тишину, и пока Тим поскользнулся и падал всё чаще и чаще, он был уверен, что эта тишина исходит от него.

Дойдя до ближайшей к коттеджу поляны, Тим набрал скорость, его дыхание стало поверхностным, воздух едва выходил с паром. Преодолев очередной холм и увидев коттедж, он издал радостный хрипящий звук, будто его мать, наконец, заметила, что он плачет из-за разбитого колена, и взяла его на руки. Тим переборол волну истощения, его мысли едва ли имели смысл. Он знал только то, что ему нужно попасть в светлое и тёплое место.

Тим в панике ударил дверь, чтобы открыть её, вдруг испугавшись, что она будет заперта. Дверь открылась, и он завалился внутрь, борясь с выбором. Камин. Джакузи. Сауна. Душ. Последнее звучало лучше всего. Тим разделся, пока шёл к ванной, каждая часть его тела онемела, кроме руки, которая ныла от боли. Он бросил на неё взгляд, когда снял куртку, и увидел смесь засохшей и свежей крови, но он отказывался смотреть дальше. Не раньше, чем согреется и смоет кровь.

Вода в душе казалась горячей для его замёрзшей кожи, даже когда Тим только включил её, но он ступил под поток, как только увидел пар. Ему стало больно, когда ощущения вернулись, кровь снова зациркулировала, и его руку защипало из-за открытой раны. Он пытался удерживать руку от прямого попадания воды, пока обрабатывал рану, которая оказалась хуже, чем он думал. Ветка не просто проткнула его, она оставила тринадцатисантиметровый порез на его коже. Даже пока вода смывала кровь, та всё продолжала течь.

Тим чувствовал головокружение, находясь на пороге обморока. Он прижался к стене душа, пока снова не встал ровно. Затем выключил воду, схватил полотенце и прошёлся им по телу, чтобы вытереться, прежде чем крепко обкрутил его вокруг плеча, чтобы замедлить кровотечение.

Пожалуйста, пусть там будет аптечка! Тим видел на кухне дурацкий нож для удаления сердцевины яблок. Если у них было это, то наверняка были и бинты или что-то такое. Он проверил шкафчик для лекарств, который был пустым, затем посмотрел под раковиной, где белая пластмассовая коробка с красным крестом стала наиболее ценным сокровищем в мире. Он схватил её и порывлся в содержимом, нашел антисептик. Какова была вероятность, что в рану попала инфекция? Вместо этого он воспользовался марлей, закрыв рану, прежде чем обкрутить её тканевым бинтом. Он удостоверился, чтобы повязка была тугой и остановила кровотечение, прежде чем заклеил её.

Тим смотрел на повязку, ожидая, что сквозь неё начнёт просачиваться красный цвет. Когда этого не произошло, он посмотрел в зеркало и чуть не вздрогнул от своего отражения. Его нос был опухшим, по краям засохли кровь и грязь. Чёрт, у него было такое чувство, что каждая ноздря была забита этой смесью, но он был слишком уставшим, чтобы мыться дальше. Направившись в ближайшую спальню, Тим скользнул под плед. Уютный. Тёплый. Безопасный.

Когда он проснулся, день был ярким и щебетали симпатичные маленький птички. Тим дрожал, но его по-прежнему обвивал плед. Несмотря на прохладу, он вспотел, его голова горела. В горле стояло такое чувство, будто он проглотил толчёное стекло, так что Тим заставил себя подняться с кровати и попить. Плечо и рука пульсировали, он сонно взглянул на бинты, которые сейчас были темнее. Наверное, Тим спал на ране, и та вновь стала кровоточить, но он был уверен, что повязка достаточно тугая, чтобы остановить кровь.

Тим сложил руки под краном в ванной и выпил четыре горсти воды, прежде чем решил, что не выспался. Всего лишь ещё чуть-чуть отдыха, и он встанет и соберется с духом. Наверное, ему нужно поесть, но от мыслей о еде его выворачивало. Забравшись обратно в кровать, он накрыл голову лишней подушкой, чтобы закрыть свет. Когда он снова открыл глаза, подушки не было и в комнате было темно. Птицы замолчали.

Уже ночь? Но у Тима были опасения похуже. Всё его тело было в огне. Он сбросил одеяло и задрожал, его рука пульсировала так, будто у неё было своё собственное сердце.

– Я так облажался, – сказал он комнате, но не услышал ничего, кроме телевизора внизу, по-прежнему включённого после, скольких часов? Дня? Его мысли крутились в замешательстве. Трэвис сидел внизу и смотрел телевизор? Тим чуть не закричал, когда до него дошли все события. Он лежал в кровати, его дыхание потяжелело, пока он пытался обдумать свою ситуацию. Когда они приехали, коттедж казался святилищем, тёплым и полным комфорта. Теперь комната вокруг него стала тёмной и чужой.

Он умрёт здесь, если не получит помощи. Тим был уверен в этом. Если он сможет спуститься вниз к телефону, он мог бы кому-нибудь позвонить, но сначала ему нужно собраться с силами. Тим приготовился выбраться из кровати, но вместо этого снова отрубился. Когда он очнулся, снаружи было всё так же темно, но он услышал звук шин на гравийной дороге.

Трэвис вернулся! Сожалея об их ссоре, сожалея о вещах, которые сказал, Трэвис вернулся. Тим простит его, даст ему ещё один шанс, сделает всё, что может, чтобы всё исправить, и эта болезнь освободит его тело, чтобы на её место пришла любовь.

– Тим?

Голос был неправильным. Когда он раздался снова, Тим понял, что не отозвался, и крикнул в ответ, у него болело горло. Шаги на лестнице, свет в коридоре. В двери появился силуэт, прежде чем над Тимом включилась лампа. Тогда он увидел лицо, которое хотел увидеть больше всего, которое могло снова всё исправить.

Эрик.

– С тобой всё в порядке? – Эрик прижал ладонь к его лбу. – Ты горишь!

– Бывало и лучше.

– Ты можешь сесть?

Тим кивнул и застонал от усилий, одеяло соскользнуло с его груди и раскрыло руку. На лице Эрика отразился шок, и когда Тим проследил за его взглядом, он увидел черешневый цвет под бинтами и корочку крови вокруг них.

– Что с тобой случилось?

Тим причмокнул губами с таким чувством, будто во рту у него была наждачная бумага.

– Я попал в аварию на снегоходе. Думаю, я заболел.

Смех Эрика был маниакальным.

– Нам нужно доставить тебя в больницу! Ты можешь дойти до машины?

Тим так думал. Теперь, когда Эрик был здесь, его голова казалась яснее, и он понял, как облажался. Прогулялся на холоде, даже порезался, но от этого люди не заболевают. Не так.

– Тим?

– А? Да. Я могу дойти. Но оставайся рядом.

Тиму удалось встать. Эрик вышел из комнаты, когда увидел, что Тим обнажён, вернулся с халатом и тапочками. Как только Тим был одет, Эрик обвил его рукой и проводил вниз по лестнице. Тим справлялся. Он мог самостоятельно стоять. Он просто чувствовал себя полным дерьмом.

– Я подгоню машину к двери, – сказал Эрик, усаживая Тима на скамейку для обуви в коридоре.

Тим откинулся назад и закрыл глаза, вздрогнув от удивления, когда Эрик дотронулся до него, чтобы помочь подняться и выйти на улицу. Холод был кошмаром, хоть у Тима и был жар, но вскоре он оказался в тепле машины, которая пахла как арендованная. Тихо играла музыка, из радио доносились рождественские мелодии.

Эрик открыл дверь с водительской стороны и заскочил в салон, заводя машину и увозя их прочь.

– С тобой всё будет хорошо, – сказал он.

Тим снова закрыл глаза, успокоенный ощущением дома, который он считал давным-давно потерянным.

Тепло. Не подавляющий жар лихорадки или охлаждающий укус холода. Просто тепло в идеальном балансе, внутри и снаружи. Голова Тима гудела от знакомых ощущений блаженного поцелуя опиатов. Он не чувствовал себя под таким кайфом с тех пор, как из-за Бена вывихнул лодыжку.

Тим открыл глаза, ожидая увидеть свою ногу в гипсе и Бена, сидящего рядом с больничной койкой, жонглируя ключами от его 3000GT. Он был практически прав. Человек, сидящий рядом, был примерно такого же размера, но старым добрым стариком, спокойно читающим сложенную пополам газету.

Воспоминания Тима были спутанными. Он вспомнил, как Эрик отвёз его в больницу, и впервые ждать в зале экстренной помощи не пришлось. Медсестра или, может быть, доктор, дала Тиму что-то, что прогнало боль. И сознание. Затем были краткие вспышки пробуждения, когда он видел обеспокоенное лицо Эрика, такое же, как сейчас, когда у него на лбу виднелись морщины, даже пока он читал.

– Привет, – сказал Тим.

Эрик с облегчённым видом опустил газету на колени.

– Привет! Как ты?

– Хорошо. – Тим поднял голову, чтобы осмотреть себя. На нём был надет ужасный больничный халат. Он начал задирать рукав, чтобы проверить предплечье, когда заметил, что из его руки торчит трубка. – О Боже! Эти штуки меня пугают!

– Так тебя накормили завтраком, – поддразнил Эрик. – И ланчем тоже.

У Тима в голове всё плыло.

– Я так долго был без сознания? Какой сегодня день?

– Двадцать восьмое число. – Эрик проверил часы. – Почти четыре часа дня.

– Что ж, значит, прошли три дня моей жизни.

– Я рад, что не больше. – Эрик подвинул стул ближе к кровати, поворачивая его так, чтобы сидеть лицом к Тиму. – Что с тобой случилось? Я получил твой звонок насчёт Трэвиса и продолжал тебе перезванивать. Когда ты не ответил мне и на следующий день, я вылетел следующим рейсом.

– Прости, – произнёс Тим. – Как только Трэвис ушёл, я принял несколько глупых решений. Хреново, что из-за меня тебе пришлось проделать весь этот путь.

Эрик покачал головой, будто это не имело значения.

– По телефону ты сказал, что поругался с Трэвисом, и он ушёл. Звучит серьёзно.

– Неизменно, – поправил Тим. – Трэвис выбрал страх. Не думаю, что на этом этапе ещё есть какая-то надежда. Правда, не думаю.

– Мне жаль. – Эрик откинулся назад, выглядывая в окно, где две птицы пересекали воздух, преследуя друг друга. – Ты его любишь?

Тим сглотнул.

– Нет. Я так не думаю. Но я мог бы, знаешь? Он первый человек после Бена, который мог что-то значить. Я думал, что понимаю его мотивы, но, полагаю, это не так.

Эрик, к его чести, не стал читать Тиму лекции о других рыбах в море. Вместо этого он кивнул на плечо Тима.

– Что там случилось? Доктор вытащил много щепок.

Тим вспомнил о ране и проверил её. Теперь она была чистой, фиолетовой из-за кровоподтёка и сшитой чёрной нитью. У него останется тот ещё шрам. Он натянул рукав халата на рану и обнаружил, что Эрик по-прежнему ждёт ответа.

– Я вроде как выпил бутылку вина и подумал, что проеду на одном из снегоходов через лес к городу. Он всё ещё где-то там. Разгромленный.

Эрик закрыл глаза и покачал головой.

– Я заплачу за ущерб, – быстро произнёс Тим.

– Мне плевать на снегоход, – со злым взглядом сказал Эрик. – Ты мог погибнуть!

– Я не пытался, – сказал Тим. – В смысле, я не самоубийца или что-то в этом роде.

– Нет, ты просто молод. И глуп. – Эрик приглушил свои переживания и взял Тима за руку. – Не волнуйся. Любовь, или даже безрассудная страсть, оказывает уменьшительный эффект на интеллект. Везёт, что ты ещё помнишь, как разговаривать.

Тим издал несколько обезьяньих звуков, чтобы показать, насколько сильно влюблён. Эрик рассмеялся.

– В следующий раз, когда я запланирую романтический побег, – сказал Тим, – я возьму с собой тебя. Забудь дурацких мальчишек из братства.

Ему было всё равно, как Эрик это воспримет. Он даже не был уверен, что имел в виду. Тим только знал, что в его жизни был человек, с которым больше всего стоило проводить время, что он и намеревался делать.

– Я польщён, – сказал Эрик, комично обмахиваясь своей газетой, будто перегрелся. – Если ты настаиваешь на том, чтобы поухаживать за мной, можешь

начать с приглашения на ужин. Я так понимаю, это заведение выиграло звёзды Мишлен за своё «Джелло» а ля карт!

Тим усмехнулся ему.

– Идёт.

Доктор настоял на том, чтобы оставить Тима ещё на день, болтая об аспирационной пневмонии и приёме антибиотиков внутривенно, чтобы заглушить любые протесты. Оказывается, Тим надышался каких-то отвратительных веществ во время аварии – возможно, грязи и крови, которые забили и его нос – и ему повезло, что он не заразил лёгкие и не утопил их в гное. Чтобы не страдать от больших тошнотворных подробностей, Тим согласился на лечение.

Вскоре Тиму стало до безумия скучно, особенно после того, как Эрик остался на ночь в коттедже. Телевидение – единственное отвлечение Тима, превращало его разум в суп, когда Эрик вернулся с майларовым шариком, привязанным к игрушечному медведю.

– Это неловко, – сказал Тим, хмурясь на медведя, но втайне полюбив его. Он просто не мог представить, как принесёт его обратно в дом братства.

– Ну, может быть, это тебе понравится больше. – Эрик протянул ему книгу о японских спортивных машинах. – Я и себе купил кое-что почитать.

– Ты не должен торчать здесь весь день, – сказал Тим, втайне надеясь, что он останется.

– Что ещё мне делать? – Эрик устроился на стуле рядом с его кроватью. – Я уже прибрался в коттедже. Жаль лазанью.

– Трэвис, – произнёс Тим, счастливый перекинуть вину. – Прости, что её пришлось выбросить.

– Не проблема. Я говорил с Робертом, хозяином коттеджа, и рассказал ему о снегоходе. Как думаешь, ты можешь приблизительно сказать, где его оставил?

– Вроде того. – Лицо Тима покраснело. – Я за всё заплачу. У меня ещё осталось немного денег Марчелло.

– Всё будет в порядке, – сказал Эрик.

– Сколько стоит снегоход?

– О, думаю, около восьми тысяч.

Тим позволил своей голове упасть обратно на подушку.

– Думаешь, я всё ещё смогу позировать с большим уродливым шрамом на руке?

Эрик усмехнулся.

– Надеюсь, нет. Одного раза было достаточно.

– И то правда.

Они немного поболтали, Тим был счастлив найти понимающего слушателя. Затем они расположились рядом, как старая женатая пара, и вместе читали. Тим листал свою книгу, но его глаза продолжали возвращаться к обложке книги Эрика. На картине спереди была изображена женщина, сидящая на кровати и глядящая в окно. Предмет изучения был не самым интересным, но то, как дневной свет проникал в комнату, делало всё исключительным.

– Что это? – спросил Тим, опуская книгу.

– Эдвард Хоппер, – ответил Эрик. – Ты, наверное, знаешь...

– Картина «Кафе», да. Эта мне никогда особо не нравилась, но картина на обложке... Можно посмотреть?

Эрик протянул ему книгу, терпеливо ожидая, пока Тим смотрел. Внутри было больше таких картин, как на обложке – простых, ясных и практически всегда с участием света, заливающего стену или давящего на ночную тьму. Тим потерялся в

этой книге, смутившись, когда, наконец, вернулся и обнаружил, что Эрик по-прежнему наблюдает за ним.

– Он хорош, да?

Тим рассмеялся.

– Он великолепен!

– Мне бы хотелось заполучить одну из его картин, – мечтательно произнёс Эрик.

– Почему у тебя её нет?

– Потому что они стоят чуточку больше, чем твой обычный снегоход, – подмигнул Эрик. – Тебе действительно нравится искусство, да? Ты когда-нибудь пробовал?

– Рисовать? – Тим облизал губы. Почему бы и нет? Без Эрика он мог бы хрипеть в том коттедже в муках и одиночестве. – Да. Я рисую.

– Серьёзно? – Эрик сел прямо. – Хорошо получается?

Тим просто рассмеялся.

– Как бы там ни было, я бы хотел посмотреть, – сказал Эрик. – Если ты не против.

Тим был против. Для него делиться своими картинами было большим делом, но он подумал, что мог довериться Эрику.

– Они все в доме моих родителей. Я годами не рисовал. Дом братства не самое вдохновляющее окружение. И это всё вроде как личное.

– Оу.

Эрик излучал разочарование, так что Тим поспешил добавить:

– В следующий раз, когда буду навещать предков, я захвачу парочку наименее позорных, чтобы показать тебе.

– Это было бы мило.

Медсестра ворвалась в палату с ланчем для Тима, и Эрик направился в кафетерий, чтобы поесть самому. Днём пришёл доктор и наконец дал Тиму разрешение на полёт. Эрик набрал номер на своём мобильнике и как по волшебству достал им билеты на самолёт домой в тот же вечер. Тим почувствовал себя в ещё большем долгу перед ним, не то чтобы казалось, что Эрик ожидает хоть намёка на благодарность за то, что делает. Но Тим найдёт способ ему отплатить. Если не финансово, то хоть как-то.

Глава 18

Новый год всегда приносит перемены, и Тим подозревал, что большинство из них произойдут в доме братства. Может быть поэтому он избегал возвращения в кампус. Он показался только однажды ночью, вскоре после того, как они с Эриком вернулись, чтобы забрать свою машину. Она стояла там, непотрёпанная. На самом деле, не было никакого признака, что Трэвис вообще на ней ездил, что Тима разочаровало. Получить какое-нибудь письмо было бы приятно, или, может быть, если бы одинокая роза лежала на пассажирском сидении, или на руле виднелись бы высохшие слёзы. Но не было ничего. Тим повёл машину обратно к дому Эрика, где остановился в одной из гостевых комнат.

Для первой недели жизнь была идеальна. Эрик готовил ему или водил его куда-нибудь поужинать. Между приёмами пищи они тусовались в доме и разговаривали или ходили на небольшие прогулки по окрестностям. Затем наступил канун Нового года, а вместе с ним одна из знаменитых вечеринок Эрика, и спокойную беззаботность прогнал хмельной кутёж.

Эта сказочная жизнь в роскоши и богатстве не могла продолжаться вечно. В первый день года Тим появился в доме братства, никто не спрашивал, где он был, так как большинство братьев ещё не вернулись после праздников. Когда Тим вошёл в свою комнату, он не был удивлён увидеть перемены. Его сторона по большей части осталась такой же, но с прикроватной тумбочки Трэвиса исчезла семейная фотография, а на замену ей пришёл баскетбольный трофей. Множество картонных коробок были в различных стадиях распаковки.

Вскоре в комнату вошёл высокий рыжий парень по имени Рик. Тим раньше видел его в доме, но мало что о нём знал. Они немного поболтали, прежде чем Тим пошёл вниз, чтобы позависать в общей комнате. Многие парни курили травку, чтобы вылечить похмелье. Тим игнорировал их, сидя на диване и пустым взглядом уставившись в телевизор, пока Квентин не плюхнулся рядом с ним.

– Эй, младший. Хорошо провёл праздники?

Тим кивнул.

– Неплохо. А ты?

– Моя сестра – сучка, а мама не умеет готовить. Одно и то же каждый год.

Тим рассмеялся, но по большей части из-за того, что от него ожидали этого.

– Ты видел, что Рик – твой новый сосед по комнате?

– Ага.

Тим вернул внимание обратно к телевизору.

Квентин порылся в кармане в поисках жевательного табака.

– Трэвис попросил переселить его в ту же секунду, как увидел меня. Выглядел вроде как злым.

Тим пожал плечами.

– Наверное, я храплю.

– Дело в этом? Он не рассказал.

– Я не знаю. Он такой чертовски тихий. Будет мило жить с кем-то, с кем на самом деле можно поговорить.

– Да, – произнёс Квентин, понаблюдав за ним ещё мгновение. – Трэвис немного скрытный. Я удивлён, что он прошёл испытания. Эй, тебе перепало от кого-нибудь прошлой ночью?

– Только от твоей мамки, – сказал Тим, рассмеявшись, когда Квентин ударил его. И вот так тема исчерпала себя. Потребовалась только маленькая обычная перепалка.

После этого жизнь вернулась в норму. Временами Тим видел Трэвиса в доме, но им никогда не удавалось побыть в одной комнате. Пора было возвращаться на занятия, нарезать на вечеринках и проводить время с Эриком тихими ночами, когда по нему не будут скучать. Остаток зимы Тим провёл вот так, в комфортной рутине.

До того дня, как увидел её.

Тим выходил со своего скучного урока сопротивления материалов, желая выбраться на весеннюю природу, когда заметил, что у него развязан ботинок. Кто-то прошёл мимо него, напевая песню, в то время как он присел и завязывал шнурок, тон девушки был смутно знакомым. Когда он встал, Тим увидел высокую темнокожую молодую женщину дальше по коридору, но ничего особого об этом не подумал, пока она не оглянулась. Тогда он застыл.

Эллисон Кросс.

Она была старше, естественно, и даже более красивой. Она практически могла бы быть другой женщиной, но то, как её глаза слегка расширились, прежде чем она отвернулась от него, выдало её с головой.

– Эй! – Тим отправился за ней, практически бегом, чтобы догнать. – Эллисон, подожди!

Эллисон остановилась, подняла взгляд к небесам и вздохнула. Затем она развернулась лицом к нему, прижимая к груди пару книг.

– Привет! – сказал он, улыбаясь ей. Жест остался без ответа. – Давно не виделись.

Эллисон медленно кивнула.

– Для этого есть причина, не так ли?

– Да, – произнёс Тим более серьёзно. – Как он?

– Бен? – Эллисон выглядела надменно. – У него всё отлично!

– Это хорошо, – сказал Тим. – В смысле, я на это надеялся. Боже, не могу поверить, что ты здесь учишься. А Бен...

– В Чикаго, – сказала Эллисон, предвидя вопрос. – На другом конце страны. Очень, очень далеко отсюда.

– Да ладно, – произнёс Тим, пытаясь отшутиться. – Не переживай. Я не собираюсь выслеживать его и снова разрушать его жизнь. Ему лучше без меня.

Это заработало ему немного сочувствия.

– Там есть музыкальный колледж, – сказала Эллисон более мирным тоном. – Он по-прежнему распевает свой прекрасный голос.

От одной мысли о голосе Бена у Тима заболело сердце.

– Что насчёт тебя? Я помню, ты всю шпарила ноты.

Вот что она напевала себе под нос. Песню, с которой она и Бен выступали вместе на шоу талантов, слова которой были созданы для того, чтобы причинить ему страдания изнутри.

– Я по-прежнему пою, – сказала Эллисон, – но не планирую делать из этого карьеру. Что ж, приятно было с тобой увидеться.

– Подожди! – Тим ненавидел отчаяние в своём голосе. – Бен когда-нибудь... я имею в виду, он нашёл кого-то, верно?

Эллисон пожевала нижнюю губу. Обычно её ответы были быстрыми и энергичными.

– Он двинулся дальше, – сказала она. – В конечном счете.

Но нашёл ли Бен кого-нибудь нового? Если да, тогда наверняка Эллисон сказала бы что-нибудь.

– Лишь бы с ним всё было в порядке. Плохо, что вы, ребята, не живёте ближе друг к другу. Тяжело представить вас порознь.

Эллисон улыбнулась, и на этот раз улыбка не была надменной или саркастичной.

– Мне по-прежнему удаётся время от времени видеться с ним. По праздникам и всё такое.

– Это хорошо. Что ж, передавай ему привет, когда будете говорить в следующий раз. – Тим колебался. – Думаешь, это хорошая идея?

– Вероятно, нет.

Они вместе рассмеялись, обменялись ещё несколькими шутками и разошлись. Когда Тим покинул здание и вышел на улицу, пели птицы и бриз шевелил его волосы. Он чувствовал такую лёгкость, которой не было долгое время. Бенджамин Бентли, в Чикаго, берёт город штурмом! Прошло так много времени с тех пор, как Тим слышал что-либо новое о Бене. Последние несколько раз, когда он видел его – ну, ни один из них не был позитивным. Но сейчас на горизонте появилось что-то новое, более счастливый конец для величайшей любви его жизни. Тим запрыгнул в машину и направился домой к Эрику, в нетерпении всё ему рассказать.

– Эллисон Кросс! – раз в девятнадцатый произнёс Тим.

– Очень волнующее развитие, – сказал Эрик. Он уже слышал всю историю, Тим пересказывал некоторые её части дважды. Эрик терпеливо слушал с закрытыми глазами, впитывая солнечное тепло рядом с личным бассейном позади дома. Погода была недостаточно тёплой для плавания, но находиться на улице было приятно.

Тим удержался, чтобы не произнести снова вслух имя Эллисон. Он уже сделал так, что она казалась знаменитостью.

– Просто она связана с Беном, – объяснил он. – Иногда целый год, что я провёл с ним, кажется ненастоящим, будто история, в которой я себя убедил, не была правдой.

Эрик улыбнулся.

– Но это было по-настоящему, и нет причины, по которой у тебя не может быть этого снова.

Тим поёрзал на своём кресле.

– С Беном?

– Почему нет? Ты думал о том, чтобы связаться с ним? Теперь ты знаешь, где он.

– Эллисон сказала, что он двинулся дальше.

– Как и ты. Я уверен, ты не плачешь из-за Бена каждую ночь перед сном, и я сомневаюсь, что у него есть мишень для дротиков с твоей фотографией.

Тим нахмурился.

– Да, но я оставил его. Может быть, он больше не злится, но я сомневаюсь, что он меня простил. Я хочу сказать, если бы здесь вдруг появился Трэвис, я бы не дал ему второго шанса.

Эрик открыл глаза и посмотрел на него.

– Не сравнивай себя с Трэвисом. Может, ты не был идеальным, но ты подарил Бену год своей жизни, и это было больше, чем просто физически. Это совершенно отличается от пьяного секса и холодного душа на следующее утро.

– Полагаю, да. – Тим подумал об этом. – Что, если бы Габриэль вернулся в твою жизнь и сказал бы, что сожалеет о том, что оставил тебя?

Щёки Эрика покраснели, но он улыбнулся.

– Не думай, что я не фантазировал об этом. Уверен, у Бена тоже так.

– Да?

– Я могу практически гарантировать это.

Это вызывало у Тима несколько своих собственных фантазий. Он никогда и не мечтал о ещё одном шансе с Беном. Молния дважды в одно место не попадает, верно?

– Много изменилось, – подтолкнул Эрик.

Тим фыркнул.

– Едва ли. Я по-прежнему в шкафу. Просто мне стало действительно комфортнее с мыслью о том, что я там. Кроме того, Чикаго не так уж близко.

– Тысяча миль – это ничто во имя... – голос Эрика прервался кашлем, приступ которого продлился почти пять минут. В последнее время такое случалось всё чаще и чаще. Тим начинал переживать, но Эрик всё ещё не доверял ему. – Чёртов кашель курильщика, – сказал он, как только снова смог дышать.

– Какая марка? – спросил Тим.

– Прости?

– Марка, которую ты курил. Какая была твоей любимой?

– Оу. – Эрик выглядел удивлённым. – Э, «Кэмел».

– Да, но какие?

Эрик хватался за ответ, пока не посмотрел на Тима по-новому.

– Почему это имеет значение?

В ответ Тим просто смотрел.

Эрик вздохнул.

– Ты знаешь, да?

Тим сглотнул и кивнул.

– Как давно?

– Узнал ещё до Рождества. Я всё ждал, пока ты мне расскажешь.

– Марчелло?

– Не совсем. Я столкнулся на улице с твоей медсестрой из хосписа.

– И ты её не переехал? – Эрик сделал глоток своего ледяного чая, откидываясь на спинку шезлонга. – Надеюсь, я не задел твои чувства, не рассказав тебе. Если уж на то пошло, я не хочу, чтобы кто-либо знал.

– Почему?

– Потому что люди смотрят на тебя по-другому. Ты становишься хрупким в их глазах, и что бы ты ни делал неидеально, они расценивают это как признак того, что смерть подбирается ближе. Вместо того, чтобы говорить о себе, люди всегда спрашивают, как ты справляешься, но делают это с такой окончательностью, просто ожидая, когда ты подтвердишь, что находишься одной ногой в могиле.

Тим покачал головой.

– Я не относился к тебе по-другому.

Мгновение Эрик молчал.

– Нет. Ты нет.

– Тогда не скрывай это от меня, ладно?

Эрик кивнул, прежде чем рассмеялся.

– Похоже, я и сам просто старик в шкафу.

– Два сапога пара, – сказал Тим, толкая его локтем. Затем он стал серьезнее. – Так с чем именно мы имеем дело? Рак лёгких?

Эрик кивнул.

– У бывшего мужа моей тёти было такое, и он справился после химиотерапии. Последний раз, когда я о нём слышал, у него всё было в порядке.

Эрик сохранял молчание.

– Попытка не пытка, верно?

– Химиотерапия – это вариант, – нехотя произнёс Эрик.

– Лишь бы ты остался здесь, – сказал Тим. – Не смей отказываться от меня, потому что без тебя мне будет до слёз скучно. Я рассказывал тебе, что мой новый сосед по комнате собирает баскетбольные карточки. Не бейсбольные, баскетбольные. Кто-нибудь когда-нибудь слышал о таком? Каждый раз, когда я в комнате, он читает мне то, что написано на обратной стороне.

Эрику удалось улыбнуться.

– Ты мой любимый человек, – сказал Тим. – Оставайся рядом, ладно?

Эрик кивнул, но Тим знал, что сделать не так просто, как дать обещание. Находясь в шкафу, он узнал, что каминг-аут происходит медленно. Теперь, когда Эрик был уверен в нём, может быть, он сможет убедить его сделать больше для своего здоровья, но будет действовать осторожно.

Тим ждал в коридоре, плечами и одной ногой прижавшись к стене. Соблазн снова поговорить с Эллисон не проходил с тех пор, как они случайно пересеклись, но Тим не поддавался. По крайней мере, целую неделю. Сегодня он отпросился с сопротивления материалов пораньше, только чтобы убедиться, что не пропустит её. Когда Эллисон показалась в коридоре, то резко остановилась, с каменным выражением лица.

– Купить тебе кофе? – спросил Тим, отталкиваясь от стены и подходя к ней.

– Я люблю капучино.

Эллисон продолжила идти.

Тим начал идти рядом с ней.

– Ладно. Я куплю тебе его.

– Нет, спасибо.

– Можно проводить тебя до следующего занятия?

Эллисон держала голову высоко.

– Я собираюсь домой.

– Тогда я провожу тебя домой.

Эллисон выдавила улыбку.

– Можешь проводить меня до моей машины. Окончательное предложение.

– Звучит хорошо. – Тим обдумывал вопросы в своей голове всю неделю, пытаясь решить, который самый важный. Маленькие подробности интересовали его больше всего. Как Бен сейчас выглядел? Он по-прежнему оставался ужасным водителем? Он по-прежнему чесал нос, когда очень сильно сосредотачивался? – Он когда-нибудь упоминал обо мне?

Эллисон вздохнула.

– Некоторое время он только о тебе и говорил. Конечно, это было давным-давно. Сколько уже прошло?

– Был девяносто седьмой, когда всё развалилось. Боже, этим летом будет три года.

Даже Эллисон выглядела удивлённой.

– Время летит, да?

– Да уж. По-моему, иногда слишком быстро. – Как, например, сейчас. Они дошли до двери и вышли на парковку. Он молился, чтобы машина Эллисон была припаркована подальше. – Так ты говорила, Бен иногда приезжает в гости?

– Нет.

– Нет?

– Я имею в виду, нет, я не скажу тебе когда, чтобы ты мог его увидеть. – Эллисон бросила на него взгляд. – Он любил тебя, Тим. Я хочу сказать, очень-очень любил. Ему потребовалось много времени, чтобы полностью тебя забыть, но он забыл. Если он увидит тебя снова, это только откроет старые раны, и я не стану помогать тебе причинять ему такую боль.

– Я не хочу причинить ему боль!

Эллисон пожала плечами.

– Как бы то ни было, будет именно так.

Она остановилась возле машины, которая выглядела намного лучше, чем ржавое корыто, которое она водила в старшей школе.

– Я тебе не нравлюсь, да?

Эллисон посмотрела на него.

– Знаешь, в чём отстой? Нравился. Поначалу мне потребовалось некоторое время. Я была уверена, что ты точно такой же, как другие парни, с которыми связывался Бен. Они веселились и бросали его, как только он подбирался слишком близко, или когда они заводили девушек. Но после всего, через что вы прошли вместе, я, наконец, приняла, что это будет иначе.

– Так и было, – сказал Тим.

Она кивнула.

– Это верно, потому что ты не был похотливым натуралом, которому хотелось поэкспериментировать. Ты гей, что значит, что ты мог бы дать Бену то, в чём он нуждался. Потом ты испугался, и Бог знает что ещё, и выбросил всё на помойку. Но до этого ты вполне мне нравился.

– Я облажался, – признался Тим.

– Да, и я честно больше на тебя не в обиде. Бен замечательный парень, и я уверена, что если потерять кого-то похожего на него, то будет довольно-таки больно. Вы оба заплатили за то, что произошло, и мне жаль, потому что у любви не должно быть цены. – Эллисон открыла дверь машины. – Чем старше я становлюсь, тем больше осознаю, что цена есть всегда.

Тим отступил назад, наблюдая за ней через окно. Эллисон бросила ему сочувствующую улыбку, прежде чем завела двигатель и уехала прочь.

Глава 19

Некоторые призраки преследуют тебя всю жизнь. Лучшее, что ты можешь сделать – это освободить место на диване и привыкнуть жить с ними.

Вот, что сказал Эрик, прежде чем Тим отправился обратно в Вудлендс. Вот они, весенние каникулы, когда большинство членов братства стекались на пляжи за выпивкой и тёлочками. А Тим? Он был на знакомой улице в сонном пригороде, стоял напротив здания, которое когда-то казалось домом. Не всё здание. Только одна комната на втором этаже. Тиму не хотелось ничего больше, кроме как постучать в дверь, погладить по голове Уилфорда, когда Бен откроет дверь, и подняться по лестнице в их особое место.

В его голове Бену по-прежнему было семнадцать, его тощие ноги были обнажены до колена, потому что, конечно же, стояло лето. Когда бы Тим ни представлял Бена, это всегда было лето. Он задумался, узнали бы его вообще, если бы по какой-то превратности судьбы он постучал в дверь, и открыл бы Бен. Может быть, Бен изменился со времён старшей школы, наконец поймав скачок роста и приобретая черты мужчины. Будет ли он по-прежнему впечатлён чем-то таким простым, как мышцы Тима, и будет ли восхищаться тем, что тот умеет рисовать?

Вспомнив, почему он вернулся в Вудлендс, Тим вздохнул и пошёл вниз по улице к своей машине. Затем он проехал несколько кварталов к дому родителей. Здесь у него тоже были воспоминания, так много тайных ночей в его спальне, но Тим уже омрачил их в выпускной год, разорвав на части и борясь с ними до истощения. Воспоминания в доме Бена – они были неприкосновенными, по-прежнему чистыми в его разуме.

– Гордито!

Рука Тима соскользнула с ручки, когда дверь открыла его мать. Улыбаясь, она притянула его в объятия.

– Мам! Я не знал, что ты будешь здесь.

– Конечно, – сказала она, зазывая его войти. – Ты звонил, чтобы сказать, что приедешь.

Только для того, чтобы дать им знать. Он не ожидал, что они будут его ждать.

– Папа здесь?

– Нет, ему пришлось уйти на работу, но я взяла выходной. Дай мне на тебя посмотреть!

Тим грелся в её внимании. Она отвела его на кухню, где начала разогревать остатки плова на закуску, обещая сводить его куда-нибудь поесть настоящей еды.

– Потом, я подумала, мы могли бы сходить по магазинам, – сказала она. – Тебе бы пригодилась новая одежда. Посмотри, какой ты большой!

Она так заявила это, будто он по-прежнему с каждым днём становился на несколько сантиметров выше. Тим всё равно улыбнулся. Он не ожидал такого приветствия. Явно нет.

– Ты ешь, а я закончу собираться.

Его мать уже выглядела потрясающе, но Тиму нравилось, что она наряжалась ради него. Если бы только каждый день мог быть таким. Он доел остатки еды, затем поставил тарелку в раковину и пошёл наверх в свою старую комнату. Мало что изменилось, кроме беспорядка. Он не брал много вещей, когда уезжал в Остин. Прежде чем отправиться в колледж, Тим перевёз сюда всё из своей мастерской, зная, что отец захочет забрать помещение обратно. Его картины – а он нарисовал их много в тот последний год – были повсюду, все расставленные так, чтобы переда не было видно.

Он пролистал их, хмурясь на те, которые считал позорными, и отложил в сторону несколько, которые нравились ему достаточно, чтобы показать Эрику. К нему вернулся знакомый зуд, когда он коснулся холста, вдохнул запах давно засохшей краски. Как он пережил прошедшие полтора года без этого? Но опять же, рисование в доме братства казалось невозможным, даже если бы у него хватило смелости попросить место для мастерской, так что Тим отмахнулся от этой мысли и отнёс в машину картины, которые ему ещё нравились.

Когда он вернулся в дом, мать была готова. Забавно, как просто родители возвращались к старым ролям. Тиму с таким же успехом могло быть снова двенадцать. Его мать села за руль, затем решила, где они поедят, а куда пойдут на шоппинг. Она даже пыталась выбрать ему одежду. К счастью, её вкус не слишком сильно отличался от его собственного, поэтому Тиму не пришлось через себя переступать. Вторую половину дня они ходили по торговому центру, оба не желая заканчивать шоппинг, хотя уже купили всё, что хотели.

– Тебе нужен одеколон? – спросила его мама.

– У меня в Остине четыре флакона.

– Может быть, ты используешь недостаточно, – сказала его мать. – Женщинам нравятся мужчины, от которых хорошо пахнет.

Он думал о том, чтобы рассказать ей, прямо здесь и сейчас. Что ему терять? Она поплачет, но, в конце концов, преодолет это, он надеялся. Если нет – что ж, он будет скучать по таким дням, но они были немногочисленными и несчастными.

– Когда я стану бабушкой? – спросила Элла.

Тим рассмеялся, по большей части потому, что его родители никогда не были готовы к детям. Но затем он предположил, что внуки могли подойти им больше. Забирать детей, когда нужно, и отправлять их домой, когда устанешь от них. У него рухнул желудок. Конечно, ей будет грустно из-за того, что эта возможность улетела в трубу. По-прежнему оставался вариант усыновления, но он не станет делать этого без партнёра. Если уж на то пошло, зачем ему признаваться, когда у него никого не было? Что это даст?

– Наверное, пора ехать домой, – сказал Тим. – Я хочу вернуться в Остин, пока не стемнело.

– Ты не остаёшься?

Он покачал головой. Не будет смысла, как только отец вернётся домой, внимание его матери вернётся к мужу. Везучий ублюдок! Тиму хотелось бы иметь в жизни такого человека, кого-то, на кого он мог положиться. Кого-то, кто заставлял бы его чувствовать себя любимым.

Затем Тим понял, что такой человек уже существует.

– Дело не в том, что это тебе даст, – сказал Эрик. Он сидел за обеденным столом, на деревянной поверхности которого были разложены груды писем и счетов. В доме был кабинет, но всегда казалось, что Эрику удобнее в окружении, подходящем для

еды. – И каминг-аут не касается удобства. Ты делаешь это для того, чтобы другие могли тебя любить.

– Забавно, – произнёс Тим, – я не делаю этого, чтобы другие продолжали любить меня.

Он начинал жалеть, что рассказал Эрику о своём дне с матерью. Тим сел напротив Эрика, откинувшись назад на деревянном столовом стуле, пока наблюдал за его работой. На Эрике были полукруглые очки, из-за которых он выглядел одновременно глупо и мило.

– Они не любят тебя, – сказал Эрик, наполовину отвлёкшись на выписывание чека.

– Вау. Спасибо.

Когда Эрик понял, что сказал, он выглядел удивлённым и отодвинул свою чековую книжку.

– Я имею в виду, что они не могут любить тебя. Не полностью, потому что они не знают, кто ты на самом деле. Хорошие новости в том, что они любят ту версию тебя, которую знают, а настоящий Тим не сильно от него отличается. Он просто предпочитает парней, вот и всё.

Тим не был убеждён.

– Если это не такая уж большая часть меня, я лучше скрою это от них.

– Потому что если не скроешь, тебя могут не принять.

– Верно.

Эрик покачал головой.

– Это одно из самых больших заблуждений, через которые проходят гомосексуалы. Находясь в шкафу, мы хотим, чтобы все нас принимали, когда по правде люди только принимают ложь. Тебе нравятся женщины?

– Я четвёрка по шкале Кинси или как там, помнишь?

Эрик бросил взгляд поверх своих очков, очень похожий на строгого учителя.

– Ты понимаешь, о чем я. Ты собираешься жениться на девушке, осесть и завести детей, как планирует твой друг Трэвис?

– Нет. Ни единого шанса.

– Но этого все ожидают. То, что они принимают – это не ты. Так как они принимают тебя не по-настоящему, ты не должен переживать о том, что не будешь принят. В этом есть смысл?

– В запутанном смысле, думаю, да. – Тим поразмышлял над этим. – Конечно, прямо сейчас у меня вроде как нейтральный статус, что лучше, чем быть непринятым.

Эрик драматично простонал.

– Теперь я вижу с чем приходилось справляться бедному Бену.

Тим усмехнулся.

– Преимущества тоже были.

– Я могу только представить.

– Эй, – Тим сел так, чтобы все четыре ножки стула стояли на полу, – хочешь увидеть мои картины?

– Ты привёз их с собой? – Эрик оживился. – Конечно!

Тим вышел к машине и вернулся с шестью картинами, которые прошли отбор. Он показал их Эрику, одну за одной, извиняясь за мелочи, которые хотел бы изменить. Эрик его подбадривал, находя по два милых слова на каждую самокритику. Когда «покажи и расскажи» закончилось, Эрик, казалось, задумался.

– Больше всего меня поражает то, – сказал Эрик, – что все картины в разных стилях. Я бы не подумал, что они принадлежат одному художнику, если бы не знал.

– Да, ну, большинство из них было нарисовано в совершенно разные времена моей жизни. Я много экспериментировал, думаю, потому что всегда искал свой собственный стиль. Просто так и не нашёл его.

Эрик стучал ручкой по своей нижней губе, пока думал.

– Ещё не слишком поздно.

– Снова начать рисовать? Я не знаю.

Но Тим знал. Даже с критикой разорвав свою любимую работу, ему хотелось попробовать снова.

– Я найму тебя, чтобы ты нарисовал меня, – с застенчивой улыбкой произнёс Эрик. – Нельзя быть грязным богачом без высокомерного портрета на стене. У Марчелло их три.

– Я не удивлён. – Тим по-новому посмотрел на Эрика, который наклонился вперёд над длинным обеденным столом, загруженный беспорядком из конвертов, купонов и чеков – выглядящий маленьким среди всего этого. Тайное бремя богатства. Из этого получилась бы отличная картина. – Мне придётся вернуться в форму, потренироваться, прежде чем хотя бы попробовать.

– Тренируйся, – сказал Эрик. – Я всегда хотел поиграть в покровителя настоящего художника.

Тим сел напротив него с ещё одной вещью, которую привёз с собой из дома – со своим старым скетч-буком. Он был только наполовину заполнен, так как Тим не особо наслаждался рисованием набросков, но это было хорошим началом. Он нацарапал несколько грубых идей, наслаждаясь тихой работой рядом с Эриком. Так было, пока он не услышал потрясённый вздох.

– Что такое?

Эрик держал в руках журнал, бесплатный, из той же дешёвой макулатуры, что и газеты. С открытым от удивления ртом, Эрик развернул его, чтобы Тим мог увидеть обложку. Сначала он заметил заголовок, напечатанный радужными буквами: «Гей-Остин!». Затем Тим заметил изображение снизу. Там, для обозрения всего мира, была фотография его самого, обнажённого, если не считать пары дизайнерских трусов. На его лице было раздражённое выражение, вызванное тем, что горячий сёрфер засунул язык ему в ухо.

Тим сжимал руль одной рукой, другой пролистывая контакты в телефоне. Где этот ублюдок? Ага! Выделив имя Марчелло, Тим нажал на кнопку вызова и нахмурился от утреннего света. У него болела голова из-за шести банок пива, которые он осушил прошлым вечером, после открытия Эрика. Тим был ноющим придурком, а Эрик оставался святым, слушая список переживаний, таких старых, что даже Тим устал от них.

– Доброе утро, мистер Уаймэн! – пропел ему на ухо Марчелло.

– Иди в задницу! – ответил Тим.

– Для меня было бы честью уступить тебе эту привилегию, но уж слишком во мне много тестостерона. – Марчелло усмехнулся от своей собственной шутки, прежде чем спросить:

– Что случилось?

– Обложка «Гей-Остина»!

– А, я сам только увидел. Хотелось бы мне, чтобы качество печати этих журналов было лучше. Они не отдают фотографии должное.

– Ты не знал об этом наперёд? – спросил Тим, его злость взяла перекур.

– Я имею дело только с продажами для больших клиентов. Маленькие покупают из наших каталогов.

– Ну, кто-нибудь мог предупредить меня об этом, прежде чем моё лицо налепили на обложку журнала для геев!

Марчелло усмехнулся.

– Я думал, ты будешь в восторге.

– Я скрываю свою ориентацию, придурок!

– Оу! – в трубке раздался тихий треск, прежде чем Марчелло снова заговорил. – В чём смысл?

– Чего?

– Скрывать ориентацию.

Тим рыкнул, повесил трубку и бросил телефон на пассажирское сидение. Что за сволочь! «Гей-Остин!» был таким журналом, который бесплатно раздают в книжных магазинах, вместе с другими независимыми изданиями и гидами по недвижимости. Наверняка это только вопрос времени, прежде чем кто-то узнает его.

Он подъехал к дому братства, ожидая, что братья высыпят из входной двери, завывая от смеха. Но когда он зашёл внутрь, всё было нормально. Несколько парней, которые не спали, страдали от такого же похмелья, что и он, так что никто не обращал на него особого внимания.

Прошло два дня, и по-прежнему ничего не произошло. Может быть, он слишком остро отреагировал. Тим тусовался в доме братства больше, чем обычно, ожидая падения бомбы, но, в конце концов, опустил свою защиту. А не должен был. Вернувшись однажды ночью в комнату, он нашёл копию журнала на своей кровати.

– Что это? – спросил он у Рика, но его сосед просто уставился на Тима широко раскрытыми глазами, будто на него в любую секунду нападут со шприцом, полным гомосексуальности. – Это ты сюда положил?

Когда Рик не ответил, Тим бросил в него журнал и спустился вниз в общую комнату. Атмосфера стала намного тяжелее, когда он вошёл. Три брата устроились на диване, каждый из них держал перед лицом открытую копию, фыркая и усмехаясь. Тим заметил ещё парочку журналов, разбросанных по комнате.

– Тим.

Он развернулся. В дверном проёме стоял Квентин. Он улыбался, но его губы были сжаты.

– В чём дело? – как ни в чём не бывало произнёс Тим.

Квентин покачал головой. Не вышло. На этот раз он легко не отделается.

– Хочешь объясниться?

– Мне нужны были деньги, и я немного попозировал, – пожал плечами Тим. – Ну и что?

– И что? – Квентин обошёл его и выхватил журнал у одного из парней на диване. Он снова посмотрел на обложку, будто не мог поверить в это. – Мне кажется, будто ты не просто позируешь.

– Второй парень был натуралом, – сказал Тим. – Это была просто работа.

– О, ладно, – с сарказмом произнёс Квентин. – Второй парень был натуралом. Приятно это знать, Тим, потому что мы действительно о нём беспокоимся.

Квентин скрестил руки на груди. В комнату вошли ещё пару братьев, привлечённые повышенными голосами. Они выглядели не слишком дружелюбно.

– Ты хочешь нам что-нибудь рассказать? – надавил Квентин.

В комнату вошёл Трэвис. Увидев Тима, он в ту же секунду развернулся и вышел обратно. К чёрту его. К чёрту всех! Тим не собирался стоять и умолять, чтобы они поверили ему. Они всё равно никогда не поверят до конца.

– Мне нечего стыдиться, – сказал он.

В комнате загрохотало, как гром перед бурей, напряжение отчаянно хотело прорваться.

– Пидор.

И вот она, первая вспышка молнии, первая капля дождя. Тим задумался, в этой ли комнате стоял Эрик годы назад, встречаясь лицом к лицу с обвинениями, которые не должны были иметь значения. Вместо страха Тим чувствовал только странную гордость, что пошёл по его стопам. Эрик был хорошим человеком, лучше, чем кто-либо из присутствующих, и Тим не собирался вести себя как трус, когда Эрик однажды с храбростью выдержал такую ненависть.

– Разве я пидор? – Тим бросил злой взгляд в сторону, откуда донеслось оскорбление. – Последний раз, когда я проверял, я был твоим братом.

– Нельзя быть и тем, и другим, – сказал Квентин.

Это всё завершило. Другие последуют за ним, не важно, что они чувствуют.

– Спасибо, старший. Продолжай в том же духе заботиться о своём младшем. – Тим прошёл к выходу из общей комнаты, последний раз поворачиваясь к ним лицом. – Я не единственный, знаешь ли.

Тим встретился взглядом со многими из них – не с теми, о которых знал или подозревал, а с теми, кто, наверное, были натуралами. Если повезёт, они устроят охоту на ведьм и в итоге посжигают сами себя.

Тим поднялся наверх в свою комнату – Рик сбежал для безопасности – и вытащил из шкафа свой чемодан. Ему особо нечего было собирать, кроме одежды. Сейчас Тим проводил больше времени у Эрика, чем здесь. Он надеялся, что Эрик не будет против приютить его на несколько ночей, пока он не найдёт себе место. По пути из комнаты Тим заметил на полу журнал и поднял его.

– Называйте меня, как хотите, – сказал он сам себе. – Я выгляжу чертовски хорошо.

Он скрутил журнал и засунул его в задний карман. Затем он покинул дом братства с высоко поднятой головой. Он слышал смешки и издёвки, но почему-то они не так расстраивали, как он всегда представлял. К тому времени, как Тим сел в свою машину, он чувствовал такую гордость, какую не испытывал годами.

Позвонив в дверь дома Эрика с чемоданом в руках, Тим состроил свои лучшие щенячьи глазки.

– Буду рисовать за еду, – сказал он, когда Эрик открыл дверь. – И за крышу над головой.

Эрик улыбнулся и широко раскрыл объятия, приветствуя Тима дома.

Глава 20

Люди меняются. Весь фокус в том, чтобы застать их за этим процессом. Никто не видел, как на коже появилась морщинка, и не был свидетелем того момента, как поседели волосы. Животы становятся дряблыми и мышцы начинают трястись, перевоплощение не скрыто и всё же не замечается. Ничего из этого не происходит за ночь, но возраст часто приходит сюрпризом. Обычно виновата старая фотография, бесспорная улика того, что кожа однажды была более упругой, а глаза – более яркими. В других случаях старение раскрывается в случайном отражении, в момент замешательства при взгляде на поразительно знакомого, но старого человека.

Тиму процесс старения представлялся пьесой, на которой периодически засыпаешь. Он просыпался от отвлечения каждодневной жизни и смотрел на Эрика

свежим взглядом, замечая, как сильно тот постарел за последний год. Или даже за последние шесть месяцев. Эрик настаивал, что виновата химиотерапия.

Зима для них обоих была адом. Тим, наконец, уговорил Эрика попробовать химиотерапию, даже сидел с ним, пока в его вены вкачивали лекарства. Затем наступили недели болезни, и Тим заботился об Эрике как можно лучше во время его восстановления. В конце месяца, когда Эрик снова стал прежним собой, он вернулся в больницу для очередного курса химиотерапии, и цикл повторился.

Убеждать Эрика возвращаться для каждого последующего лечения было нелегко, но они прошли через это вместе. Восстановившись после финального курса лечения, Эрик снова казался прежним. Кроме внешнего вида. Химиотерапия не украла его волосы, но лицо было исхудавшим, а фигура стала тоньше, будто бы чёрная дыра пожирала его изнутри.

– Прекрати это делать, – сказал Эрик, опуская книгу, которую читал.

– Что? – невинно произнёс Тим с противоположного конца дивана, на котором свернулся клубком.

– Так на меня смотреть. Ты обещал, что никогда не будешь.

Тим пренебрежительно пожал плечами.

– Я художник, изучающий свой объект. Вот и всё.

– Ну, изучай меня, когда я не выгляжу страшнее чёрта. – Эрик отложил книгу в сторону и помассировал виски. – У тебя завтра есть занятия?

– Только одно. Ничего, что нельзя пропустить. А что?

– Знаю, я предупреждаю в последний момент, но мне нужно, чтобы ты отвёз меня в центр Андерсона.

Расположенный в Хьюстоне центр М.Д. Андерсона был одним из самых развитых онкологических центров в Соединённых Штатах. Тим уже множество раз возил туда Эрика, особенно в последнее время, так как сильные обезболивающие, на которых сидел Эрик, превращали его в пьяного водителя.

– Мы можем взять твою машину? – спросил Тим.

– Конечно.

– Тогда идёт. – Тим вытянул ступню и ласково толкнул ногу Эрика. – В чём причина? Пора посмотреть, помогла ли химиотерапия?

Эрик кивнул.

– Это, и ещё кое-что. Возьми с собой книгу. День будет длинный.

Тим знал это по опыту. На следующий день он взял не только книгу, но и ноутбук, который Эрик подарил ему на Рождество. Эрик дремал большую часть трёхчасовой дороги в Хьюстон, что было хорошо, потому что в последнее время его укачивало в машинах. Плюс, это значило, что Тим сможет вести «Ягуар XJR», как гоночную машину, какой она была создана.

Тим устроился в зале ожидания, как только Эрика позвала медсестра. Каким бы открытым ни был сейчас Эрик по поводу своего рака, ему всё равно не хотелось, чтобы Тим присутствовал на анализах и консультациях, или когда приходила медсестра из хосписа. То, что Тиму разрешалось посещать химиотерапию, было честью и делало их на один шаг ближе в их странных отношениях, которым Тим всё ещё с трудом пытался найти определение.

Сегодня приём длился дольше, чем обычно. Эрик возвращался дважды и сидел с Тимом, пока ждал следующего доктора или результатов теста. Между этими периодами Тим копался в ноутбуке, играл в карты и слушал музыку. Дежурная медсестра, тощая, как палка, женщина, со светлыми волосами, с сочувствием улыбалась ему каждый раз, когда ловила его взгляд. Когда Тим устал от музыки и снял наушники, она остановилась поговорить с ним.

– Я видела вас здесь раньше, – сказала она.

– Да, я с таким же успехом могу сюда переехать, – съязвил Тим.

Медсестра улыбнулась.

– Это очень мило с вашей стороны – всегда быть рядом с отцом.

Им часто такое говорили. Эрика это раздражало, но Тим считал это забавным и редко кого-то исправлял.

– Это меньшее, что я могу сделать.

– Он очень хорошо справляется, – сказала она. – Для кого-то с мезотелиомой, удивительно, что он протянул так долго.

У Тима чуть не отвисла челюсть. Разве медсёстры должны быть такими негативными?

– Конечно, он протянул так долго. Он справится со всем!

– Справится! – быстро произнесла медсестра. – Он будет исключением из правила, особенно с таким сыном, как вы. Вы оба невероятно храбрые.

Она снова улыбнулась – на этот жест Тим не ответил – прежде чем вернулась к своим обязанностям. Остальное время ожидания Тима преследовали слова медсестры. Неудивительно, что Эрик был таким скрытным насчёт своей болезни, когда даже профессионалы были настроены обречённо и мрачно по поводу его шансов. Ощущение тяжести оставалось с ним даже тогда, когда Эрик вернулся, наконец, закончив.

– Что они сказали? – спросил Тим, пока они шли по коридору.

– Мы не можем обсудить что-нибудь ещё? – огрызнулся Эрик. – Я сегодня только о раке и говорил.

– Конечно. Без проблем. – Как только они сели в машину, Тим пристегнулся, но не завёл двигатель. – Просто покажи мне поднятый или опущенный большой палец. Иначе я сойду с ума.

Эрик вздохнул, но поднял в воздух большой палец.

– Теперь поехали. Я голоден и знаю, что ты, должно быть, тоже.

Палец вверх. Хорошо. С этим Тим мог справиться. Может быть, они ещё не преодолели трудности – иначе Эрик был бы более счастливым – но двигались они в правильном направлении.

В салоне машины пахло кулинарным жиром из «золотых арок», Тим еле слышно выругался. Сегодня Эрик попросил его приехать прямиком домой после занятий, но Тим опаздывал. Он только заехал за картошкой-фри для Эрика. В последнее время большая часть блюд казалась ему отвратительной на вкус, но старая добрая картошка всегда делала Эрика счастливым. Бог свидетель, ему не помешали бы калории, так что Тим привозил её всегда, когда мог. Вот только сегодня он застрял в МакАвто на раздражающе долгое время.

Тим полетел домой – так он теперь думал о жилище Эрика. Тим действительно не намеревался оставаться там так долго, но Эрик просил его переехать на постоянной основе, снова и снова, пока Тим с радостью не уступил. Сегодня на подъездной дорожке стояли две машины. Одна принадлежала Лизе, медсестре из хосписа. Другую Тим никогда раньше не видел. Обычно Лиза не приезжала по четвергам, так что Тим побежал в дом, как только припарковал машину, боясь худшего.

Он нашёл Эрика в гостиной, той, где была картина с лошастью Рене Магритта. Для Тима это приобрело особое значение. В то время как казалось, что женщина скачет через лес, многих частей изображения не хватало. Люди мало отличались – у всех была своя скрытая сторона, будь то ориентация или болезнь.

Эрик, казалось, был в хорошем расположении духа. Лиза сидела рядом с ним напротив мужчины, который напомнил Тиму его отца, вероятно, потому что выглядел будто приехал сразу после раунда гольфа.

– Вот и он, – сказал Эрик. – Что тебя так задержало?

– Картошка, – ответил Тим, поднимая вверх пакет.

– О, как мило! Только положи её сейчас и присядь.

Тим сел, по-прежнему напряжённый, с надеждой на объяснение.

– Итак...

– Макс Бёрнkvист, – произнёс незнакомец, подвигая через кофейный столик визитку. – Я юрист Эрика.

– Хорошо, – сказал Тим.

– Просто есть некоторые бумаги, которые нужно заполнить, – объяснил Эрик. – Мне нужны свидетели, чтобы это было законно, поэтому вы здесь. Пожалуйста, Макс, приступай.

Юрист включил карманный диктофон, положил его на стол и прочистил горло. Читая с листа бумаги, он произнёс:

– Эрик Конрой, вы подтверждаете, что находитесь в здравом уме, твёрдой памяти и не под давлением?

– Подтверждаю.

Эрик говорил так, будто произносил клятву.

– А также подтверждаете ли вы, что содержание этого завещания, датированного двадцать четвёртым марта 2001 года, создано вам самим, или что его содержимое вами одобрено и отвечает вашим намерениям?

В животе у Тима всё скрутило. Завещание?

– Подтверждаю, – сказал Эрик.

Юрист передвинул ему по столу какие-то документы.

– Пожалуйста, подпишите здесь.

– Лиза Оунбай, вы подтверждаете, что пациент под вашей опекой по-прежнему в здравом уме и твёрдой...

Тим едва ли слушал остальное, отвлечённый выводами. Эрик думал, что умрёт? Когда юрист дошёл до Тима, он ответил и подписался, как ожидалось. Затем он сидел онемев, пока обсуждались детали, и остался на своём месте, когда Эрик поднялся и проводил гостей до входной двери.

– Я ненавижу это, – сказал Тим, когда они остались одни.

– Я знаю. – Эрик сел, роясь в жирном коричневом пакете, чтобы достать картошку. – Одна из противных необходимостей жизни, особенно, когда речь идет о деньгах.

– Но почему сейчас?

Эрик пожевал и сглотнул, обсасывая соль с кончиков пальцев.

– Ты знаешь, у меня есть семья. Я не много о них говорю, но у меня есть сестра и стайка племянниц. Мы с сестрой потеряли родителей, одного из-за рака, одного из-за выпивки, так что мы видели худшее, что может случиться. Мы мало общаемся, но у неё три дочери собираются в колледж. Я уже удостоверился, чтобы у них были деньги на обучение и всё остальное, что им понадобится. Когда я умру, моя сестра унаследует большую часть моего имущества.

– Не говори так, – умолял Тим.

– Щедрая сумма пойдёт на благотворительность, в которую я верю, – невозмутимо продолжал Эрик. – Что касается этого дома, я бы хотел, чтобы он был твоим.

– Я не хочу его! – закричал Тим. – Я хочу тебя, так что заткнись о своём дурацком завещании!

Эрик даже не моргнул.

– Конечно, есть налоги на недвижимость и общее содержание. У тебя будет достаточно денег, и, если будешь аккуратен, ты сможешь себе это позволить и жить с комфортом от процентов.

– Замолчи! – Тим вскочил на ноги. – Ты сдаёшься? В этом всё дело?

– Я умираю! – закричал в ответ Эрик, его хладнокровность дала трещину.

От силы этих слов у Тима от лица отлила кровь. Он никогда раньше не слышал, чтобы Эрик повышал голос. Никогда.

– Нет. Ты можешь бороться!

– Не вечно, – хрипя, произнёс Эрик. – У меня не просто рак лёгких, Тим. Ты знаешь, что такое мезотелиома?

Мезотелиома. Так это назвала медсестра в центре Андерсона. Не понимая, он покачал головой.

– Это рак, вызванный воздействием асбеста – очень неприятный вид рака, после которого никто не выживает.

– Что? – Горло Тима сжалось так сильно, что вызвало боль. – Конечно, выживает. Зачем ещё ты бы делал химиотерапию?

– Я борюсь уже некоторое время, – сказал Эрик.

Тим покачал головой.

– Медсестра сказала, что ты справишься. Она сказала, что ты будешь исключением из правила.

– Я уже исключение, – ответил Эрик. – Они давали мне девять месяцев, может быть, год, а я продержался больше двух.

– Видишь? Ты уже доказал им, что они неправы.

Эрик сидел и изучал его взглядом. Тим знал, что наступил один из этих моментов. Эрик либо укажет на недостающие части картины, либо позволит Тиму продолжать верить в иллюзию. Когда Эрик заговорил, Тиму захотелось, чтобы он не начинал.

– Химиотерапия не помогла. Рак почти не отреагировал, и у меня были... другие проблемы. Доктора сделали несколько анализов и... – Эрик покачал головой, не желая произносить слова, из его глаз потекли слёзы. – Они нашли новую опухоль в простате, которая, по их мнению, не связана с мезотелиомой. Я разваливаюсь на части! Я стараюсь не делать этого, но я просто...

Из горла Тима вырвались рыдания, когда он поспешил к Эрику. Тим схватил его, притягивая ближе, и держал, пока они оба плакали. Эрик казался таким маленьким, таким хрупким в руках Тима.

– Не сдавайся, – снова и снова повторял Тим. – Пожалуйста, не сдавайся. Ради меня. Сделай это ради меня.

– Я не ожидал знакомства с тобой, – произнёс Эрик, устроив голову на груди Тима. – Я бы давно сдался, но ты продолжаешь просить меня остаться. Если бы ты не появился в моей жизни...

Эрик не закончил предложение. Тиму это было не нужно. Может быть, он вёл себя эгоистично, настаивая на том, чтобы Эрик остался, но, конечно же, жить дольше было хорошо. Эрик боролся ради него, и этот факт наполнял Тима любовью и печалью – к сочетанию чего он привык. Тим ходил с этими эмоциями и раньше, каждая из них брала его за руку и вела в тёмный лес, который он когда-то считал пугающим, но теперь находил подозрительно знакомым.

Надежда наполняет сердца тех, кто встречается лицом к лицу со смертью. Они мечтают о месте, где время никогда не иссякнет, где невозможное всё равно может произойти, будь это на земле или где-то ещё. Возможно, поэтому Эрик теперь так много спал, находясь одной ногой уже в лучшем месте.

Наступило лето, окна в спальне Эрика были открыты, чтобы впустить свежий воздух, такой полный жизни, что Тим иногда верил, что тот может излечить Эрика, что Эрик мог бы подпитаться прекрасной погодой, как колибри питается нектаром. По крайней мере, тогда он бы поел. Неделю назад Эрик стал слишком уставшим, чтобы встать с кровати. С тех пор Тим был рядом с ним, относил его в уборную, когда нужно, или помогал переворачиваться и менять позы, чтобы избежать пролежней. Когда Эрик не спал, они разговаривали, хотя в последнее время слов у него было всё меньше и меньше.

Тим устал сидеть, смотреть, и ждать, поэтому принёс инструменты для рисования, которые держал в одной из свободных комнат, и приступил к работе. У него больше не было недостатка в практике. Тим рисовал регулярно, постоянно подбадриваемый Эриком, хотя по-прежнему не нашёл свой стиль. Он не позволял этому беспокоить его. Вместо этого Тим двигался вперед, позволяя быть тому, что будет, когда его озарило вдохновение.

Сегодня свет, заполняющий комнату, подтолкнул его к действию. Эдварду Хопперу это понравилось бы. Тим взял этот свет, перенёс его на холст и обернул им Эрика словно одеялом. Защищая его. Спасая его.

– Тим. – Голос Эрика был сухим, так что Тим положил кисть, чтобы подать стакан воды с прикроватной тумбочки. Эрик попил через трубочку и кивнул на холст. – Что ты делаешь?

– Рисую тебя.

– Таким? – Эрик улыбнулся или сgrimасничал. Сложно было сказать. – Ты жестокий.

– Я обещал, что нарисую тебя, – сказал Тим.

– Верно. – Эрик обвёл глазами комнату, прежде чем вернуться взглядом к нему. – Изобрази меня королём, окружённым прекрасными юношами.

– Я изобразю тебя голым королём* (*прим.: Голый король – персонаж сказки Г. Х. Андерсена*), – поддразнил Тим.

Эрик усмехнулся и вздрогнул.

– Пришло время для мака, Дороти* (*прим.: Отсылка к книге «Волшебник из страны Оз», где запах цветов на маковом поле усыплял*).

Взяв с прикроватной тумбочки бутылочку морфия, Тим набрал в пипетку больше жидкости, чем рекомендовалось, выжимая её Эрику в рот. Даже эти лишние дозы не прогоняли боль полностью, но помогали.

– Нужно ответить на зов Матери Природы, прежде чем подействует эта штука?

Эрик покачал головой.

– Как насчёт супа? Тебе нужно что-нибудь поесть.

– Просто продолжай работать. Мне нравится звук кисти.

Тим продолжил трудиться, сгибая свет в гнездо, вытаскивая цвета, скрытые глубоко в спектре. И как только Эрик снова уснул, он позволил себе заплакать, пока работал, потому что только это он и мог сделать. Тим рисовал, пока его пальцы не онемели, и его тело не заболело от того, что он так долго сидел в одной позе.

Закончив, он отступил назад и смотрел, пока не убедился, что нарисовал всё правильно. Затем он разбудил Эрика, сначала позвав по имени, затем мягко потряс, пока Эрик не зашевелился.

– Смотри, – сказал он, спеша обратно к холсту и поворачивая его, чтобы Эрик увидел. Его сердце колотилось в груди, пока он ждал ответа. Изображённое на холсте не было ложью – никакого молодого и здорового Эрика. На картине он был в больничной кровати, но свет и цвета были как фильтр, который прорывался сквозь разрушительное действие рака, обнажая неприкасаемую душу.

– Ты нарисовал меня красивым, – произнёс Эрик.

– Ты всегда был красивым.

Эрик посмотрел на него так, будто тот сказал глупость, прежде чем закрыл глаза. Тим стоял на месте, с повисшими по бокам руками, и наблюдал за ним, пока свет на улице тускнел, чувствуя разочарование из-за того, что его заклинание не сработало. Эрик по-прежнему был болен. Эрик умирал.

– Я люблю тебя, – пробормотал Эрик, ёрзая под одеялами.

Тим подошёл к нему, присаживаясь на самый край кровати.

– Эрик?

– Дай мне поспать, Габриэль, – пробормотал Эрик, на его лбу проступили морщины, будто он сосредоточился, но глаза его оставались закрытыми. – Я устал.

Тим открыл рот, отчаянно желая узнать, обращался ли Эрик к нему мгновение назад или думал о Габриэле всё это время. Затем Тим откинулся назад, кусая нижнюю губу. В любом случае, он знал, что Эрик любит его, и если ему снилась величайшая любовь всей его жизни, может быть, он уже чувствовал вкус Рая.

– Ты же знаешь, что я люблю тебя, да? – произнёс Тим. – Я серьёзно, Эрик. Я люблю тебя. Я так сильно тебя люблю! Я тебя люблю.

Тим закрыл рот рукой, чтобы остановиться. Ему хотелось сказать это миллион раз, потому что он понял, что у него больше никогда не будет шанса на это. Это был конец. Больше никаких расслабляющих вечеров на диване, проведённых вместе, с выключенным телевизором, чтобы они могли говорить часами напролёт. Никаких совместных приёмов пищи, когда Эрик через стол улыбался тому, как Тим набивает щёки. Всё это исчезнет навсегда. Не важно, что он делал, Эрик ускользал. Тим мог кричать, сколько хотел, бить в стены, резать на себе кожу, врать сквозь зубы или предлагать своё тело и душу, но никакой разницы не будет. Эрик умрёт – и не в силах Тима это изменить.

Он чувствовал, как слёзы скатываются по его пальцам, закрывающим рот, чувствовал дыхание из носа, вырывающееся маниакальными рывками. Тим убрал руку и попробовал ещё раз.

– Я люблю тебя.

Но Эрик не ответил, не очнулся снова, даже на следующее утро. Тим в панике позвонил медсестре, что было глупо, потому что он знал, что так будет. Он читал об этом снова и снова, в книгах и онлайн, но часть его всегда чувствовала, что Эрик будет одним из везунчиков. Исключением из правила.

– Ох, дорогой. Это просто значит, что он близко, – сказала по телефону медсестра. – Если Бог будет милосерден, то скоро его заберёт.

Если бы Бог был милосерден, Эрик бы не умирал, но Тим промолчал. Следующие два дня он провёл рядом с Эриком, давая ему лекарства нужной дозировки, на случай, если Эрик по-прежнему был где-то там внутри, всё чувствуя. И Тим заботился о нём в других смыслах, о которых никогда бы не подумал, делая неприятные вещи, о которых большинство людей не говорило вслух, может быть, только с теми, кто проходил тот же опыт. Он делал для Эрика всё что мог, даже разговаривал с ним, чтобы ему не было одиноко.

На утро третьего дня Тим проснулся и обнаружил, что Бог – милосердный или нет – позволил Эрику тихо ускользнуть в ночи. Тим в последний раз взял его за руку, в

отчаянии сжимая её, но Эрика больше здесь не было. Душа, которую ему удалось запечатлеть на холсте, отправилась домой.

Похороны прошли вспышками. Зонты. Дождь. Люди, одетые в чёрное и серое. Лица, которые Тим видел только на фотографиях, но теперь старше. Сестра Эрика. Легендарный Габриэль. Друзья, которых Тим встречал только мимоходом или не встречал вообще. Так много людей, и их головы поворачивались в его сторону, будто он мог объяснить это непостижимое событие.

Тим был потерян, но Марчелло находился рядом, справлялся со всем с точным вниманием, которое уделял своему бизнесу.

– В восьмидесятые я похоронил слишком много друзей, – сказал он Тиму. – Похороны стали тревожной рутинной.

Тиму похороны казались цирком. Так много людей были удивлены, что Эрик вообще был болен, только в ретроспективе понимая, почему он не устраивал в этом году никаких вечеринок, или комментировали, каким уставшим Эрик казался на последней. Тим просто продолжал говорить, что Эрик не хотел им рассказывать. Эти последние дни были личными, только между ними двумя.

Когда все остальные, наконец, ушли, Тим обнаружил, что находится один в большом доме. Он ходил по коридорам, исследовал каждую комнату, открывал ящики и шкафчики и рассматривал всё внутри, будто всё это приобрело новое значение. И так и было, потому что это был Эрик. Это была история его жизни – то, чем он решил себя окружить. Он оставил это Тиму, чтобы тот не был одинок.

Но это было не то же самое.

Тим рисовал как никогда много. Он мало занимался чем-то другим, помимо еды и сна. То, что ему нужно было выразить, было слишком большим для холста, но он всё равно пытался. Некоторое время он баловался морфием, который остался на прикроватной тумбочке Эрика. Лекарство помогало ему заполнить пустоту, но этот комфорт никогда не длился долго. Как только он исчезал, Тим брал кисточку и продолжал работать. Время от времени звонил телефон, раздавался звонок в дверь, но Тим игнорировал всё это, отключившись от мира. Эрик не ушёл. Его призрак находился прямо здесь, рядом с Тимом. Это весь остальной мир прекратил своё существование.

До одного утра, когда Тим проснулся и обнаружил, что над его кроватью стоит очень большой мужчина.

– Мне не нравится эта борода, – произнёс Марчелло. – Может быть, когда ты повзрослеешь, но сейчас ты слишком молод и симпатичен для нее.

– Что ты здесь делаешь? – произнёс Тим, натягивая одеяла выше.

Марчелло присел на край кровати, Тим отодвинулся, чтобы одну из его ног не придавило.

– Мне нужна услуга. Сегодня будет благотворительный ужин, а у меня недоукомплектован штат официантов.

– Иди к чёрту, – сказал Тим. – Мне не нужны твои деньги.

Марчелло посмотрел на него через плечо, приподняв брови.

– Мне это хорошо известно. Ты окажешь мне услугу, так что я буду должен тебе в ответ. Иметь кого-то, кто перед тобой в долгу, до бесконечности более ценно, чем деньги. Видишь ли, я не могу нанять на эту работу кого угодно. Даже гомосексуальная благотворительность вертится вокруг мужчин, а красота более эффективна, чем лом, чтобы открывать кошельки.

– Оставь меня в покое.

– Эрик хотел бы не этого.

Тим не ответил. Даже слышать имя Эрика было слишком больно.

– В семь часов, в моём доме. – Марчелло снова встал. – Если тебя там не будет, я перенесу всю вечеринку сюда. Не думай, что я этого не сделаю!

Тим не сомневался в этом. Как только Марчелло ушёл, он выбрался из кровати, топал и бушевал по дому. Затем он долго смотрелся в зеркало и увидел незнакомца. Борода была чужой, волосы непослушными, лицо казалось бледным и безжизненным. Марчелло прав. Это не то, чего хотел бы Эрик.

Когда он добрался до дома Марчелло в тот вечер, виновника торжества видно не было. Вместо этого за организацию мероприятия отвечал азиат, который переодет Тима в наряд, подходящий для танцора из «Чип-энд-Дейла», и проинформировал его, как всё будет проходить. К счастью, не было ничего сложного. Тим будет только разносить напитки, а не подавать еду.

За речью в главном зале раздались аплодисменты. Тим хандрил в углу на кухне, пока не пришло время выносить шампанское. Оказавшись посреди вечеринки, он обнаружил, что не может оставаться в паршивом настроении, не тогда, когда вокруг так много жизни. Почти шесть недель одиночества в доме сделали перспективу разговора увлекательной, и большинство мужчин здесь были более заинтересованы в разговоре с ним, чем в выпивке.

Марчелло появился через полчаса, уведя его прочь от толпы, к краю зала.

– Ну, что ты думаешь?

Тим вздохнул.

– Ты был прав. Мне нужно было выбраться из дома.

– И побриться, – улыбнулся Марчелло. – Теперь ты выглядишь намного лучше. Но я имел в виду, что ты думаешь об этом?

Он указал в один конец комнаты, где находился баннер с надписью «1-ый ежегодный сбор средств в фонд Эрика Конроя».

Тим почувствовал ком в горле.

– Для чего этот фонд?

– Для поддержки искусства, – с гордостью произнёс Марчелло. – По большей части с помощью финансирования неимущих художников стипендиями. Эрик всегда любил картины.

И Тиму нравилась эта идея.

– Я отдам всё, что оставил мне Эрик.

– Нет, – со смешком сказал Марчелло. – Этим мужчинам есть чем поделиться. Эрик хотел, чтобы ты оставил себе то, что он тебе дал, а не раздавал это. Больше всего он хотел, чтобы ты был счастлив. Ты скорбел и можешь продолжать скорбеть, но ещё ты должен вернуться к жизни. Ради Эрика. Ради себя. Понимаешь?

Тим кивнул.

– Хорошо. Теперь возвращайся к работе и убедись, чтобы все эти мужчины были пьяны и возбуждены, прежде чем я попрошу у них их с трудом заработанные деньги.

Тим рассмеялся, когда Марчелло поплыл обратно в толпу, грациозный, как дирижабль. Повсюду слышались голоса, воздух наполнял смех. Жизнь продолжалась. Как бы это ни было больно и коварно, жизнь продолжалась.

Часть третья:
Остин, 2002 год

Глава 21

Бен.

Тим бесчисленное количество раз мечтал о том, чтобы столкнуться с ним. Обычно эти фантазии появлялись во время визитов домой, особенно во время праздников. Тим ходил по магазинам, приезжал в торговый центр, «Уолмарт» или даже в продуктовый магазин, и часть его всегда осматривалась, на случай, если Бен был в гостях дома, и ему нужно купить маркеры или что-то ещё посреди ночи.

Один раз Тим увидел его, или так он думал, в отделе с открытками. Фигура у человека была такой же, цвет волос правильным. Любое другое расхождение можно было объяснить возрастом. Тим перебирал открытки, никогда не глядя на сложенную картонку в руках, пока другой человек, наконец, не посмотрел на него. И не отреагировал. Значит, не его Бенджамин.

Вне этих странных моментов Тим продолжал жить своей жизнью, борясь с последним годом колледжа и пытаясь не думать о том, каким было прошлое, или что таило в себе будущее. Так что когда он вошёл в кофейню, раздражённый громкими аппаратами для эспresso и кофемолками, его мысли вовсе не были сосредоточены на прошлом. Вместо этого он с нетерпением ждал, когда купит итальянскую содовую и сможет вернуться на солнечную погоду на улице. Бестолковый человек перед ним озвучивал меню, так что Тим с раздражением огляделся вокруг.

Пара глаз резко перевела взгляд, когда он осматривался. Большие выразительные глаза выделялись на тёмной коже. Ну и ну! Эллисон Кросс. Тим не видел её с конца второго курса. Как всегда, она выглядела хорошо, только немного нервничала, её внимание было упрямо сосредоточено на человеке, напротив которого она сидела.

Светлые волосы средней длины, наполовину прикрывающие уши. Его фигура тоже была подходящей, но Тиму больше не нужны были доказательства. Если бы его попросили нарисовать эти уши по памяти, он бы не смог. В них не было ничего значительного, но увидев их сейчас, даже наполовину закрытыми, он почувствовал, как горят его нейроны. Тим уже двигался вокруг столов, чувствуя себя оторванным от мира, будто во сне. Теперь он видел профиль этого человека – этот нос и едва вздёрнутый кверху кончик, брови, изогнутые в слишком знакомом выражении «какого чёрта?». Тим открыл рот, чтобы произнести невозможное.

– Бенджамин?

Как только их глаза встретились, Тим почувствовал лёгкость, будто молекулы в его теле разделялись и скоро рассеются, уплыв счастливым облаком. Может быть, это пьянящее ощущение заставило его потянуться и положить руку на плечо Бена. Даже через голубую футболку Тим почувствовал искры – настоящий, беззаветный трепет.

У Тима перехватило дыхание.

– Это правда ты, да?

Бен выглядел таким же ошеломлённым, у него отвисла челюсть. Эти губы, заострённые резцы, каждая деталь была по-прежнему такой знакомой.

– Ага, – раздался ответ.

Они снова были вместе. Наконец-то. Это уже хорошо. Вот только чувство не было взаимным. Взгляд слезящихся карих глаз Бена стал твёрдым, когда он отдернул своё плечо, разрушая физический контакт.

Проклятье.

– Боже, – выдохнул Тим, хватаясь за спасительную надежду. – Так ты просто приехал в гости или что?

Челюсти Бена сжались. Тим видел намёк на дневную щетину. Это было ново. Он смотрел, как губы Бена формируют слова, которые озадачили его.

– Я сюда перевёлся.

– С каких пор? Я думал, ты в Чикаго.

Тим посмотрел на Эллисон для объяснения, но она сосредоточилась на Бене, пытаясь объяснить всё многозначительным выражением лица.

– Я так понимаю, мы ходим в один колледж? – спросил её Бен.

Эллисон сжала губы и кивнула.

– Да.

– Боже! – Тим присел. Все эти годы они были так близко, даже не зная об этом.

– Я должен идти.

Бен встал, его стул процарапал пол. Он чуть не споткнулся о него на пути к двери.

Тим беспомощно смотрел вслед, прежде чем обратить злой взгляд на Эллисон.

– Ты должна была мне сказать!

– Зачем? – Эллисон скрестила руки на груди. – В чём смысл? Ты мог оттолкнуть его, но он принял решение двигаться дальше и ни разу не говорил, что жалеет об этом.

– Ладно. – Тим через окно наблюдал, как Бен поспешно уходит прочь. – Знаю, я облажался, но сейчас всё по-другому.

– Разве?

У него не было времени отвечать ей, только если он не хотел рискнуть очередной пятилетней разлукой. Может быть, Тиму следовало в это время искать Бена, и, может быть, Эллисон права, и смысла не было. Но теперь, когда Тим снова увидел Бена, он не собирался позволить ему уйти, не сказав, как минимум, одну вещь.

Тим поднялся и вышел за дверь, с силой отталкиваясь ногами от асфальта, когда увидел, что Бен уже прошёл половину квартала. Не в этот раз! Тим бежал к нему, не прочь. Мир, казалось, двигался в замедленной съёмке, будто никакая возможная скорость не была достаточно быстрой, чтобы сократить расстояние. Тим позвал его по имени, и в конце концов Бен замедлился, но повесил голову, будто это была глупейшая вещь, которую он когда-либо делал. Мир снова ускорился, сейчас Бен был всего в нескольких сантиметрах от него. Тиму хотелось протянуть руку и дотронуться до него, но он не смел.

– Привет, – попробовал он.

Бен смотрел на землю.

– Чего ты хочешь?

– Не знаю, – признался Тим. – Думаю, я просто хочу с тобой поговорить.

Едва заметно покачав головой, Бен произнёс:

– Я не могу.

Не может? Или не хочет?

– Я знаю, что ты на меня злишься. – Тим опустил голову, пытаясь поймать его взгляд, но Бен по-прежнему не смотрел на него. Это было плохо! Если он сейчас не отступит, то спугнёт Бена. Но Тим не мог уйти без способа найти его снова. Потянувшись в карман, он вытащил свой мобильник. – Послушай, возьми это.

Бен был таким подавленным, что Тиму пришлось вложить телефон в его руку.

– Я позвоню сегодня, хорошо? Сейчас мы оба в шоке, и нам нужно время подумать, но я всё равно хочу с тобой поговорить. Идёт?

Бен кивнул. Слава Богу, Аллаху, Санта Клаусу, или кто там был наверху, потому что Бен кивнул.

– Хорошо. А теперь я пойду. – Тим начал отходить, но вдруг подумал, что если Бен передумает и выбросит телефон? Тогда Тим никогда больше не увидит его снова, так что он решил сказать ему то, что нужно было сказать больше всего. – Ты был прав, Бенджамин.

Бен поднял голову, линия его губ расслабилась.

– Насчёт чего?

– Насчёт многого. – Они смотрели друг на друга одно вечное мгновение. – Ещё увидимся!

Тим улыбнулся ему, потому что если это был конец, Бен мог хотя бы знать, какое вызвал у него чувство. Затем он сделал одну из самых сложных вещей. Он развернулся и ушёл.

Когда Тим снова сел в машину, он позволил себе нервно рассмеяться. Ещё один шанс.

Было ли это возможно? Что, Бога ради, он скажет, когда позвонит сегодня Бену? Ему нужен совет. Тим завёл машину, думая об Эрике, прежде чем его сердце сжала тоска. К чёрту это. Он не позволит этому остановить его. Переключив передачу, он направился через город к Мемориальному кладбищу Остина, где похоронен Эрик.

Могила была на краю кладбища, последняя в конечном ряду, скрытая деревьями. Тим временами приходил сюда, чувствуя необходимость в особой близости. Припарковав машину, он был рад увидеть, что дикие цветы, покрывающие могилу Эрика, по-прежнему цветут. Надгробный камень едва был виден за венком из живых цветов, что тоже хорошо. Надгробие выбирал Марчелло, и хоть оно было изящным, не было ни одной могилы в мире, которую Тим назвал бы красивой.

– Я нашёл его, – произнёс Тим, как только сел у края цветов. – Я нашёл Бена. Или он нашёл меня. Полагаю, ни то, ни другое. – Он рассмеялся, представляя терпеливое выражение лица Эрика. – Мне нужно знать, что делать. В смысле, я знаю, чего хочу, но Бен не казался счастливым от того, что увидел меня.

Он ждал успокаивающих слов, которые, как он знал, не прозвучат, его мысли вернулись к жизни, которую он однажды делил с Эриком. На ум пришёл один осенний день, когда погода была достаточно тёплой, чтобы они с Эриком открыли все окна в доме. Тогда позвонил Габриэль, что было редким случаем. Эрик вышел на задний двор, глядя в пустоту или время от времени шагая, пока говорил с ним по телефону. Тим сидел рядом, в комнате для отдыха, притворяясь, что читает журнал, пока слушал, как Эрик смеётся и болтает, упоминая имена и места, с которыми Тим не был знаком. Звонок длился почти час, Эрик улыбался, когда вернулся в дом.

– Я люблю этого мужчину, – весело произнёс он.

– Не понимаю, как ты это можешь, – был ответ Тима. – Я хочу сказать, он бросил тебя ради другого человека.

– Древняя история. И, кроме того, ты никогда не перестаёшь любить кого-то, что бы ни случилось. Ты по-прежнему любишь Бена?

– Ты знаешь ответ на этот вопрос.

– И ты любил кого-нибудь с тех пор?

Это заставило Тима сделать паузу. Его отношения с Эриком казались любовью. Но между ними никогда не было интима. Не физически.

Эрик всё равно продолжил.

– Поверь старику с большим опытом. Когда ты снова влюбишься, то будешь по-прежнему так же сильно любить Бена. Ты можешь не думать о нём каждый день или не тосковать по нему, но эти чувства всё равно будут готовы застать тебя врасплох. Они никогда не уйдут.

Тим отнёсся к этому скептически.

– Тонны пар расстаются или разводятся.

– Даже любовь не может остановить то, что люди становятся несовместимыми.

Тим вдохнул запах диких цветов, ещё раз обращаясь к настоящему.

– Надеюсь, ты был прав. Теперь мы с Беном совместимы. Я так думаю. Если он всё ещё любит меня...

Мысль была слишком длинной, чтобы её закончить.

Тим позволил себе потеряться в мечтах ещё дольше, размышляя обо всём этом с призраком Эрика. Затем он встал, нацеленный заставить Бенджамина Бентли полюбить его снова.

Существовала ли жизнь до интернета, было ли время, когда бесконечная информация не была на расстоянии всего одного клика мыши? Как ещё люди выслеживали своих бывших возлюбленных, прокладывали маршрут к их домам посреди ночи, чтобы заглянуть в окна? Пока что Тим зашёл ещё не так далеко. Он прислонился к машине и смотрел на тёмные окна, но с приличного расстояния. Может быть, Бена не было дома.

Тим вздохнул, жалея, что в его венах не течёт больше жидкой храбрости. С момента аварии на снегоходе он был осторожен с пьянством и вождением, так что побаловался только одной бутылкой пива, прежде чем приехать сюда. Будучи в баре, он обдумывал возможные исходы этой ночи. Некоторые были хорошими. Большинство были плохими.

Устав задаваться вопросами, Тим воспользовался новым телефоном, который купил, чтобы позвонить на тот, который оставил Бону. Он наблюдал за окнами, пока шли гудки, ожидая, что одно из них загорится. Света не было, даже когда в трубке раздался щелчок, и ответил сонный голос Бена.

– Алло?

– Привет! Ты спал?

Голос Бена вдруг зазвучал намного тревожнее.

– Нет! В смысле, да.

– Сейчас только одиннадцать, – упрекнул его Тим. – Что ты за студент?

В трубке повисла тяжёлая пауза.

– Где ты был?

– Оу. У меня был семинар, – соврал он, – и мы пошли...

– Нет. Я имею в виду, где ты был?

– Что? Хочешь сказать, последние пять лет? – И вот он, дамы и господа! Бенджамин Бентли, с самого начала! – Хорошо, эм, старшая школа. Чёрт. На второй год я перевёлся в старшую школу Конроя.

– Только чтобы сбежать от меня?

– Чтобы сбежать от себя. – Тим расхаживал перед дуплексом. Везде было темно. Это неправильный адрес? – Боже, ты ведь не облегчишь мне задачу?

– Нет.

– Может быть, делать это по телефону было плохой идеей. – Вот! Свет сбоку дома. Проверив улицу, чтобы убедиться, что никто не наблюдает, Тим подошёл. – Мы можем встретиться? Поговорить лицом к лицу?

– Нет, я так не думаю.

Он подошёл к окну и заглянул внутрь. Джекпот! Бен не только был в кровати, зажав телефон между плечом и ухом, пока листал какие-то фотографии, но он был совершенно голым. Ну, почти. На нём было нижнее бельё, но Тим видел достаточно, чтобы разбушевалось его либидо. Сменилось много лун с тех пор, как у Тима был секс, и от притока гормонов показатель его смелости зашкаливал.

– Почему? Ты в неподобающем виде? – Окно было открыто, их разделяла только оконная сетка. – Лежишь в своей кровати в одних боксерах?

Бен напрягся и развернулся.

– Ты до сих пор такой чертовски костлявый! – Тим закрыл телефон. – Но тебе идёт.

Выражение Бена показывало чистое недоверие.

– Какого чёрта ты здесь делаешь?

Тим прижался лицом к сетке.

– Впусти меня, пока кто-нибудь не вызвал копов.

– Я должен сам их вызвать! Как ты меня нашёл?

– Нашёл Эллисон в телефонной книге. – Очередная ложь, но это звучало намного мягче, чем преследование. – Брось,пусти меня.

На лице Бена мелькнул намёк на улыбку, прежде чем он встал с кровати. Тим поспешил подойти к входной двери, как пёс с отчаянным желанием спрятаться от дождя. За исключением того, что на улице было жарко, влажно и душно, что возбудило его ещё больше. Когда Бен открыл дверь, на нём была футболка. К несчастью. Тим шагнул ближе к нему, но Бен положил ладонь на его грудь, чтобы задержать на месте, и покачал головой.

– Знаешь что? Это не лучшая идея. Подожди снаружи. Я оденусь, и мы сможем прогуляться.

Тим пожал плечами и отошёл назад. Дверь закрылась. Он сделал глубокий вдох, пытаясь снова призвать высшие функции своего мозга. Бен не спустит его с крючка, пока он не объяснит... ну, всё. Он пошагал обратно к своей машине, желая, чтобы это был старый «3000GT», даже если ради ностальгии. И всё же, новенькая «Мазда Миата» радовала глаз, и кому не нравилось ездить на машине с откидным верхом? Тим прислонился к капоту, представляя впечатлённый ответ Бена. Только когда Бен вышел на улицу, он прошёл прямо мимо Тима и пошёл вниз по улице.

– Всё тот же Бенджамин, – сказал Тим, поспешив догнать его. – Всегда знаешь, чего хочешь, и получаешь это.

– Да, ну, не всё по-прежнему. – Бен бросил на него взгляд. – Так как к тебе отнеслась школа Конроя?

– Та же фигня, другая школа. Ну, не совсем та же. Там не было тебя.

Очевидный флирт был проигнорирован.

– Как насчёт девушек?

Тим поборол усмешку. Бена ожидал большой сюрприз, если он думал, что девушки ещё на горизонте.

– Старался их избегать. Только пригласил одну на выпускной в последний год.

– Снова Криста Норман? – голос Бена был пропитан ядом, когда он произносил её имя. Эрик, наверное, утверждал бы, что это доказывает глубинную страсть. Ревность равно страсть, страсть равно любовь – или что-то похожее на это.

– Нет. Не Криста. Я перестал встречаться с ней примерно в то же время, когда мы выбили дерьмо из Брайса. – Это растопило лёд. Они оба улыбнулись от воспоминания, пространство между ними немного потеплело. – Это была ещё одна хорошая причина поменять школу. Уверен, Брайс жутко хотел реванша. Они ещё доставали тебя?

– Не очень.

Хорошо сработано, Стейси Шелли.

Пунктом их назначения стал маленький парк в конце квартала, с видом на реку за каким-то разросшимся кустом. Бен присел на плоский камень, края которого были зарыты в грязи. Тим присоединился к нему. Их ноги соприкасались, Бен неловко

поёрзал и подтянул свои ноги ближе. Нехороший знак. Всё шло нехорошо. Может, у Бена кто-то был.

– Так что насчёт тебя? Затащил какого-нибудь счастливчика на выпускной?

Вопрос был проигнорирован.

– Значит, прямиком от старшей школы в Остин?

– Да, вроде того. Мой отец выпустился отсюда и настоял, чтобы я поступил так же. Я не знал, чем хочу заниматься, поэтому согласился. Пока всё получается довольно хорошо. – Пора достать козырь из рукава. – Люди в Остине такие либеральные, что здесь легко быть геем.

Реакция Бена была бесценной. «Ошарашен», наверное, было подходящим словом. Самое лучшее то, что Бен был так удивлён, что полностью опустил свою защиту.

– Ты признался?

– Да. И ещё из-за этого меня вышвырнули из братства.

– Серьёзно?

– Да. И это было глупо, потому что я переспал с половиной из них, прежде чем сделал каминг-аут. Ну, не с половиной, но ты понял. – Отлично. Теперь он выставял себя шлюхой. Тим вернул разговор к каминг-ауту. – Большинство парней из братства были такими же, как и я. Некоторым просто нравилось веселиться, что считалось нормальным, но некоторые парни были такими закрытыми, что даже не могли признаться себе в этом. Думаю, я хорошо почувствовал то, через что заставил тебя пройти.

Бен задумался. Всё изменилось. Наверняка теперь он это увидел; он поймёт смысл. Они могли быть вместе. На их пути больше ничего не стояло.

Когда Бен продолжил молчать, Тим мягко толкнул его плечом.

– Итак, расскажи мне о своей жизни. Чикаго было только ложью, чтобы удержать меня вдали от тебя?

– Нет, я был там почти два года.

– Тебе там понравилось?

Лицо Бена засветилось.

– Очень понравилось. Всё, кроме погоды. Музеи были удивительными, шоппинг... просто сам город. Там всегда что-нибудь происходило. Там процветает культура. Город не казался мёртвым, как Хьюстон.

– Должно быть, Остин в сравнении кажется скучным.

Бен пожал плечами.

– Не совсем. Мне потребовалось время, но я начинаю чувствовать себя как дома.

– Знаешь, – Тим наклонился ближе к нему, – говорят, дом там, где сердце.

– Ещё говорят, что никогда нельзя снова возвращаться домой.

– Touché!* (*прим.: Сдаюсь - франц.*) – Тим изо всех сил постарался не нахмуриться. Ему нужно было знать. – Так что насчёт парней? Вероятно, ты много с кем встречался?

Бен, казалось, колебался, прежде чем отклонился, чтобы залезть в свой задний карман. Он вытащил фотографию, протягивая её Тиму.

– Его зовут Джейс. Мы вместе уже больше двух лет. Когда-нибудь он отвезёт меня в Париж.

Тим неохотно взял фотографию, не желая видеть. На ней был Бен, с широкой улыбкой, его лицо прижималось к лицу этого другого парня с убийственными скулами и невозмутимым выражением лица. Тиму он казался практически самодовольным, будто он знал, что Тим увидит этот запечатлённый момент времени и поймёт, каким

чертовски счастливым мог бы быть. Это он должен был быть там, прижиматься щекой к щеке Бена и вытягивать руку, чтобы сделать фото.

– Думаю, я этого заслуживаю, – горло Тима жгло от попытки сдержать слёзы.

Бен наблюдал, будто видел что-то, чего никогда не ожидал. Когда он заговорил снова, его голос был нежным, как раньше.

– Мне жаль.

– Не стоит. – Тим взял себя в руки. – Я упустил свой шанс, верно? Такой парень, как ты, не остался бы один.

– Как и ты.

Тим покачал головой.

– Нет. Не после тебя.

– Но ты говорил... Парни из братства?

– Это был просто секс. Все парни, с которыми я был, были для меня не больше, чем близостью на одну ночь. Ни один из них ничего не значил.

Даже Трэвис. По сравнению с Беном он был ничем. Только Эрик имел значение, но кто знал, считался ли он вообще. После него эмоционально Тим не связывался ни с кем другим.

– Хочешь сказать, что ни один из этих парней не влюбился в тебя? – спросил Бен. – Если не парень из братства, то хоть кто-то.

Достаточно честно. Тим несколько раз ходил по барам после смерти Эрика и находил парней, заинтересованных более, чем в одной ночи, но Тим не чувствовал этой искры.

– Было несколько, да, но они не были... – он позволил взгляду на Бена завершить мысль. Пора домой и зализывать свои раны. Он встал и потянулся. – Я выследил тебя сегодня в надеждах соблазнить, но вместо этого вечер вышел абсолютно смущающим.

– Нет, не вышел.

– Это не ты чуть не расплакался. Думаю, я прекращу все попытки, и разойдёмся по домам. Эй, мой телефон ещё у тебя?

– Да.

Бен встал, чтобы вытащить его.

– Хорошо. Вот, поменяйся со мной. Можешь взять этот. – Тим протянул ему новый телефон.

– Всё оплачено.

Бену было явно неудобно.

– Я не могу.

– Можешь. Кроме того, мне нравится идея, что я могу связаться с тобой, когда захочу.

– Оу. Ну, спасибо.

Они медленно пошли обратно к машине, оба погрузившись в себя. Тиму хотелось, чтобы всё прошло иначе, чтобы они могли встретиться снова, будучи одинокими, но он понимал. Если бы между ним и Трэвисом всё было хорошо, если бы они влюбились, всё это время были вместе, и Бен снова появился бы в его жизни... Честно? Тим бросил бы Трэвиса в мгновение ока. Он не мог представить, что будет любить кого-либо больше, чем Бена.

Эрик прав. Эти чувства не уходили, даже когда на горизонте был кто-то другой. Бен не проводил годы их разлуки в печали и одиночестве, что было хорошо, но ему пора вернуться домой. Тиму придётся быть умным в этом плане, не депрессивным и ревнивым.

– Я счастлив за тебя, Бенджамин, – сказал он. – Я рад, что кто-то осознал, какой ты особенный, и крепко держит тебя рядом.

– Спасибо. – Бен остановился рядом с машиной Тима. – Уверен, для тебя тоже кого-нибудь припасли.

– Оу, так и есть.

Тиму хотелось поцеловать его прямо здесь и сейчас, но он собирался сделать всё правильно. Вместо этого он подмигнул, запрыгнул в свою машину и укатил в ночь. Завтра он вернётся и продолжит возвращаться каждый день, если это потребует. Он взглянул в зеркало заднего вида на быстро удаляющуюся фигуру и улыбнулся.

Скоро увидимся, Бенджамин!

Глава 21

Первое, что сделал Тим следующим утром, это позвонил. Бен уже не спал, и, судя по шуму на заднем плане, он, казалось, ехал за рулём.

– Алло?

– Ты мне снился прошлой ночью, – сказал Тим.

– Я не хочу этого знать, – ответил Бен.

– Действительно, не захочешь. Произошли ужасные непристойные вещи.

– Готов поспорить, так и было.

– Хуже всего, на нас обоих был клоунский грим.

– Уф.

– Я знаю.

– Я должен идти, – произнёс Бен, но его голос звучал весело.

Разговор был коротким, но это было хорошим началом дня. Тим позвонил позже днём, между занятиями. Гудки в этот раз раздавались дольше, и, когда Бен ответил, голос его был злым.

– Как, чёрт побери, отключить звук в этой штуке? – пробурчал он. – Меня выгнали из класса!

– Ты взял меня с собой в класс? Это так мило! Скажи мне, где ты, я приду и буду носить твои книги.

Бен рассмеялся.

– Я возвращаюсь в класс. Не звони мне больше.

– Тогда позволь мне сегодня вечером пригласить тебя на свидание.

– Нет, Тим.

– Картинг. Я и ты. Мы можем наконец-то уладить разногласия.

– Мне нужно помыть голову.

Звонок прервался, но Тим не был раздосадован. Тем вечером он поехал домой, разоделся и был на полпути к дуплексу Бена, когда позвонил снова.

– Я заеду за тобой через десять минут. Этого времени достаточно, чтобы почистить зубы, посмотреться в зеркало и вытащить свой зад к обочине.

После долгой паузы Бен произнёс:

– Поторопись.

Он не ждал у обочины, но открыл дверь через несколько секунд после того, как Тим позвонил в звонок. Тим предложил свою руку, что было проигнорировано, но достаточно скоро Бен сел в его машину. Если бы он мог найти способ надолго запереть двери, он бы поехал напрямик в Мексику и не оглядывался. Вместо этого он выполнил своё обещание и отвёз Бена в семейный развлекательный центр, где было намного больше, чем просто картинг.

Они шли мимо игровых автоматов, которые жужжали и пищали, когда Тим обвил рукой плечи Бена.

– Старшая школа, дубль два, – сказал он.

Бен усмехнулся.

– Я бы ни за какие деньги туда не вернулся.

– Уверен? Пять сотен баксов? Тысяча? – Реакция на это была странно неловкой, так что Тим попробовал снова. – Всё было не так плохо. Первый год прошёл довольно мило.

Бен не вздохнул и не прильнул к нему, но и не отстранился. Когда они оказались на треке, гоняясь друг с другом, Тим расстроился. Обычно он любил участвовать в миниатюрных гонках, но не тогда, когда это означало быть порознь. Но опять же, когда он намеренно отстал ближе к концу, на лице Бена была такая же глупая улыбка, как на фотографии. Получай, новый парень! Я тоже могу его осчастливить!

– Ещё один раунд? – спросил Бен, когда они вылезали из картов.

– Я не вынесу унижения еще одного проигрыша. Кроме того, я должен тебе твой приз.

– Приз?

– Да, проигравший всегда покупает победителю пиво.

Бен покачал головой.

– Ты не обязан этого делать.

– Поверь, я могу себе это позволить.

Теперь Бону явно было неуютно, но Тим не мог понять, почему.

– По-прежнему не пьёшь?

– Пью. Не часто, но временами.

– Тогда пойдём.

Тим предполагал, что так будет некоторое время. Бен будет веселиться с ним и теряться в прошлом, прежде чем вспомнит своего нынешнего бойфренда. Но в конце концов он сделает выбор, и Тим всё больше и больше был уверен насчёт того, каким будет этот выбор. Спустя пару кружек пива и нескольких ужасных куриных крылышек, Тим вёз Бена домой, когда, наконец, обрушилась буря, нависавшая над городом, и полил дождь.

– Хорошо, – с облегчением вздохнул Бен. – Нам это нужно!

– Нужно?

– Я имею в виду растения и существ, – объяснил Бен, но Тим уже нажал кнопку на приборной панели машины. – Эй, ты что делаешь?

С жужжанием механизмов, откидной верх открылся, впуская погоду. Бен вскрикнул в шоке, а Тим залился смехом. Вскоре Бен присоединился к нему, пока они летели через потоки дождя. Они добрались до дома Бена через несколько кварталов, но этого было достаточно, чтобы они оба промокли насквозь, майка и шорты Тима прилипли к телу.

– Не против, если я зайду посушиться? – спросил он, как только откидная крыша вернулась на своё место.

– Эллисон дома.

– И что? Только подумай, чем мы занимались, когда дома были твои родители.

– Ха. – Бен махнул головой в сторону дуплекса. – Идём. Но только туда и обратно, хорошо?

– Конечно.

Эллисон сидела на диване и смотрела телевизор, когда они вошли. Она не выглядела счастливой, когда выключила телевизор и поднялась, чтобы приглушённым голосом поговорить с Беном. Тим от нечего делать рассматривал всё вокруг, чувствуя себя разлучником. Когда шёпот стал больше похож на шипение, Бен ненадолго вырвался.

– Подожди в моей комнате, – произнёс он, толкая Тима в правильном направлении.

Идеально.

Он не нашёл ничего запоминающегося в спальне Бена, мебель и оформление полностью отличались от того, что было в его подростковые годы. С одним исключением. Картина, которую Тим подарил Бену на день рождения – два пересекающихся сердца – висела на стене напротив кровати. Тим смотрел на неё, часть его критиковала свою такую давнюю работу, но остальная его часть ликовала.

Он развернулся, когда вошёл Бен, желая схватить его в объятия. Вместо этого он вдохновился полотенцем, которое Бен принёс для него, и начал снимать свою мокрую футболку. Медленно.

На одно мимолётное мгновение знакомая похоть сделала эти карие глаза какими угодно, но не невинными. Затем Бен бросил ему полотенце и отвёл взгляд.

– Мне нужно, чтобы ты ушёл.

Нужно. Не хочется. Тим бросил свою майку на пол и высушил полотенцем волосы.

– Не возражаешь, если я оставлю его себе? Сидения в машине мокрые.

– Конечно. – Бен оставался стоять в дверном проёме, опустил взгляд на ковёр.

«Просто подойди ближе, – подумал Тим. – Мы оба этого хотим».

– Мне сегодня было весело, – произнёс он. – Как в старые добрые времена. Может, даже лучше, раз я прячусь в твоей спальне от Эллисон, а не от целого мира.

– Милый был день, – признал Бен.

– Как насчёт ужина завтра? Ты заслуживаешь еды получше, чем эти куриные крылышки.

Бен поднял голову.

– Ты разбил мне сердце. Ты это знаешь? Я поднялся и отряхнулся, но боль не прекращается.

Тим сглотнул.

– Если тебя это как-то утешит, я разбил и своё сердце.

– Разве?

Тим положил руку себе на грудь.

– Клянусь. Я не буду притворяться, будто знаю, через что ты прошёл, но себя я отправил прямиком в ад. Я заслужил всё, что получил, но ты – нет.

Бен отвёл взгляд, кусая нижнюю губу. Тим пытался найти ещё один способ выразить, какое испытывает сожаление, но не было достаточных слов. Он был уверен, что проиграл, когда Бен произнёс:

– Может, быстрый ланч.

– Идёт! – Тим подошёл к нему, перекинув полотенце через плечо, и Бен отошёл в сторону, чтобы дать ему уйти. Это было нормально. Тим вышел, по пути приветливо кивая Эллисон. Неплохо для первого свидания. Совсем неплохо.

У Тима был враг в лице Эллисон. Печально, потому что она ему действительно нравилась, но её намерение стало очевидным на следующий день. Тим встретился с Беном на ланч в кампусе, что было мило, но не располагало к романтике. Когда они построили планы на тот вечер, Тим понял, что они движутся быстро. Он чувствовал, как между ними двумя растёт напряжение. Немного больше времени, проведённого вместе, и последствия неизбежны.

Затем Бен позвонил позже днём, чтобы всё отменить, сказав, что Эллисон нужно провести вечер с ним. Тим не обижался на неё. Она только пыталась защитить Бена от

повторения боли. Она изменит своё мнение, когда увидит, каким счастливым Тим его сделает. Вместо того, чтобы злиться, он строил дальнейшие планы.

В субботу утром Тим заехал за Беном и увёз его в ближайший парк развлечений для очередной ударной волны их прошлого. Это был не тот же парк, куда они ходили подростками, но и не сильно отличался. Они впали обратно в свою старую рутину, только на этот раз Тиму отчаянно хотелось прикоснуться к Бену на людях, держать его за руку или просто приобнимать. Тим не делал этого, не желая двигаться слишком быстро, но мысленно устроил подростковой версии себя разнос за все упущенные возможности.

День был идеальным, солнце монотонно опускалось, когда новый парень Бена нашёл способ разрушить их веселье, даже находясь не в городе.

– Самсон!

– Кто?

– Кот Джейса. Я совершенно забыл его сегодня покормить.

Тим забыл имя этого нового парня, пока Бен не произнёс его снова. Джейс не появлялся в разговорах совсем, и Тим был счастлив притворяться, что его не существует. Бен... ну, кто знал, что он думал? Но теперь они должны были поехать обратно в Остин, просто чтобы покормить чёртового кота.

– Надеюсь, он в порядке, – с беспокойством произнёс Бен, когда они вернулись на шоссе. – Обычно я остаюсь там, когда Джейса нет в городе.

– Так почему не остался?

Это вызвало задумчивую паузу, но такую, которая в конечном счёте сработала против Тима.

– Сегодня я переночую там. Должен убедиться, что квартира будет выглядеть хорошо перед приездом Джейса.

– И когда это?

– Завтра вечером.

– Значит, до тех пор ты мой. – Тим бросил на него взгляд. – Мы можем сегодня поужинать. Покормим кота, а потом съездим куда-нибудь. Я угощаю.

– Тебе не нужно платить за всё, – сказал Бен. – Знаешь, у меня тоже есть деньги.

– Я могу себе это позволить.

– Каким образом?

Одни эти слова обременяли. Тяжело. Если подумать, Бен вёл себя странно каждый раз, когда поднималась тема денег. Внутри у Тима всё оборвалось. Он знал, что говорят о нём люди в колледже. Сплетни начались после того, как он переехал к Эрику. Следующей осенью братство послало своих обычных сборщиков средств к выпускникам, включая Эрика. Тим открыл дверь, узнав одного из братьев, и сказал им, что они могут катиться куда подальше. После этого распространились слухи, ложь, которая объяснила бы любопытные реакции Бена.

– Я унаследовал чуток денег, – сказал Тим. – На самом деле, много денег.

– От кого?

– Не от того, кого ты знаешь, – огрызнулся Тим. Он пожалел об этом и сделал несколько успокаивающих вдохов. – Его звали Эрик. Он был моим другом. Умер в конце прошлого года.

– Мне жаль, – Бен сделал паузу. – Всё равно, это немного необычно. Я имею в виду, получать деньги в наследство от друга.

– Разве?

– Да. В смысле, только если он не был твоим папиком или ещё кем-то.

Тим чувствовал, как растёт его раздражение.

– Я так понимаю, Эллисон посвятила тебя в сплетни, да? – Почему людям обязательно быть такими тупыми? Может, ситуация была необычной, но это не давало им права кидаться обвинениями. Особенно в сторону Эрика. Он был замечательным, и ему не пришлось бы никого покупать. Никогда. – Думаю, нет смысла говорить тебе то, что ты уже знаешь. Эрик был богатым, старым и геем. Как ещё могло быть, верно?

Бен выглядел виноватым.

– Не знаю.

– Что ж, это всё брехня. Люди думают, что весь мир вращается вокруг секса и денег, но они ошибаются. Эрик был хорошим человеком и одним из лучших друзей, которые у меня когда-либо были. Он всегда хотел только дружбы.

– Я не хотел любопытствовать.

– Да, тебе любопытно, но это нормально, – выдохнул Тим. – Я просто устал от того, что говорят люди. Они не знают меня. Они берут пару фактов и заворачивают во что-то, в чём чувствуют себя лучшими.

– Да, это отстой. – Неловкая пауза сопровождалась гудением шин по шоссе. – Тогда, в чём правда?

Всё сложно, мягко говоря. Тим объяснил те части правды, которые мог, что Эрик был ему как отец, которого он всегда хотел. Что они проводили часы просто в компании друг друга и разговаривали. И что, в самом конце, Тим обнаружил себя в роли, в какой никогда не ожидал оказаться. Эту часть было слишком сложно выразить, так что он ответил просто. Без подробностей, без расклада этих последних дней. Тим был его медсестрой. Вот так просто.

– Значит, не было никакого секса?

– Нет! Боже! Геи не могут быть просто друзьями?

– Прости. Просто деньги...

Деньги. Иногда Тиму хотелось сжечь их все, просто чтобы заставить людей заткнуться.

– Да, ну а что ещё он должен был с ними делать? У него не было детей. Только сестра. Она получила большую часть денег. Мне досталась маленькая часть, которая всё равно оказалась громадной суммой. И дом тоже. Она всё равно его не захотела.

Его небольшой выплеск эмоций сделал оставшуюся поездку неловкой. Для Тима стало только хуже, когда он пошёл за Беном в квартиру Джейса. Хотел бы он, чтобы это была ужасная помойка, заваленная пустыми пивными банками и с запахом мусорки. Вместо этого квартира была приличной и удобной. Самсон был милым, серым комком шерсти, который, как чувствовал Тим, бросал на него знающие взгляды. Как только кот был накормлен, Тиму ужасно захотелось вывести Бена оттуда, заманив его обратно в машину обещаниями ужина. Но ему нужно было подняться на уровень выше, если Джейс должен был вернуться завтра, а это означало необходимость найти уединённое место.

– Почему бы нам просто не побыть вдвоем? Мы поедем ко мне, и я что-нибудь для тебя приготовлю.

Должно быть, сработало паучье чутьё Бена.

– Эм, я не знаю.

– Будет классно. – Тим сменил дорогу, не дожидаясь разрешения. – Тебе там понравится.

Свернув на следующем съезде, он задумался, правда ли это. Он не мог представить в этом доме никого, кроме себя и Эрика; мысль о том, что Бен будет частью обстановки, казалась почему-то нереальной. Но он должен попробовать.

Бен сидел на одном из барных стульев, оглядываясь на большой кухне, не осознавая, что Тим наблюдает за ним из дверного проёма. На кухонной стойке перед Беном стояли маленькие декоративные бутылочки масла. И коробка с сухими хлопьями, которые окружало удивительное число воспоминаний. Эрик любил есть по утрам миску хлопьев. Тима это всегда веселило. Эрик был таким ценителем еды, но по утрам выбирал искусственно разукрашенные хлопья с большим количеством сахара, обычно с зефирками. Он всегда сидел там, где сейчас сел Бен, Тим – на соседнем стуле, пока они вместе обедались.

– Дом огромный, – сказал Тим, заставая Бена врасплох, когда вошёл в комнату. – Для меня слишком большой. Я планирую продать его и найти дом в Аллендейле, так что не привыкай.

Бен закатил глаза.

– Аллендейл – хороший округ, но я не знаю, достаточно ли ты хиппи, чтобы там ужиться.

Справедливо. Кроме того, Тим сомневался, что сможет действительно расстаться с этим местом. Он обошёл кухонный островок и прислонился к одной из стоек.

Бен смотрел на него.

– Значит, Эрик жил здесь один?

– Да, когда я впервые с ним познакомился. Прошло не много времени, прежде чем он попросил меня переехать сюда. Не смотри на меня так! Я вижу, о чём ты думаешь.

– О чём бы подумал ты, если бы кто-нибудь рассказал тебе такую же историю? Ты должен признать, что это звучит подозрительно.

– Да, думаю да. Но ты ведь мне веришь, правда?

Бен пожал плечами.

– Почему нет? Мир – сумасшедшее место.

– Но я бы это сделал.

– Что?

– Переспал бы с Эриком. – Тим держал голову высоко поднятой, не стыдясь этого признания. – Если бы это сделало его счастливым. Но он никогда на это не намекал.

– А ты хотел?

– Я не знаю. – Тим развернулся и открыл один из шкафчиков, благодарный за оправдание, чтобы не пришлось смотреть на Бена, пока говорит. – Иногда не отличишь друзей от любовников, ты понимаешь, о чём я? Граница становится размытой. Так было со мной и Эриком. Может быть, если бы он не принимал так много лекарств, то хотел бы чего-нибудь более физического. А может и нет.

– Что с ним случилось?

– Рак. Несколько видов, в нескольких местах.

– Боже.

– Да. – Тим схватил кучу ингредиентов и повернулся, чтобы положить их на тумбочку. – Он терпел до конца. Никогда не жаловался, никогда не жалел себя. В нём было столько силы духа. Вот почему я пока не могу продать это место. У меня такое чувство, будто он по-прежнему здесь. – Тим смотрел на плиточную поверхность тумбочки, думая, что отказался бы от чего угодно ради одного совместного завтрака здесь. Когда он заметил, что Бен наблюдает за ним, он попытался говорить веселее. – В любом случае, чего тебе хочется на ужин?

– Ты не умеешь готовить, так ведь?

Тим впервые опустил взгляд на ингредиенты. Ананасы и паста? Коричневый сахар и рис? Тим рассмеялся.

– Нет, не умею, но я должен был как-то тебя сюда затащить. Мы можем что-нибудь заказать. Или поностангировать, и ты для меня что-нибудь приготовишь. Я даже улягусь на диван и притворюсь, будто у меня болит лодыжка.

– Тим...

Предупреждающий тон Бена соответствовал выражению его лица.

– Слишком наглею? Прости. Я просто хотел, чтобы ты увидел мой дом, раз он так сильно связан с моим прошлым. – И потому что он надеялся, что Бен будет частью его будущего. – Твоё присутствие действительно оживляет это место. Я не буду против твоих более частых визитов. Приводи с собой Джейса, если хочешь. Я бы хотел с ним познакомиться.

Бен внимательно рассматривал его. Ладно, может быть, Тим немного слишком налегал на роль милого парня.

– Хорошо, – сказал Бен. – Я приготовлю, но ты должен помочь. Мне плевать, насколько ты богат, все должны уметь готовить хотя бы одно блюдо. Что у тебя здесь есть?

– Только куча консервов. – Большинство из них стояли в шкафчиках, когда Эрик был жив. – Э, тебе лучше проверить срок годности. Я часто питаюсь едой на вынос.

Бен стоял рядом с ним, копошась в тумбочках.

– Консервированные томаты... они ещё нормальные. Где специи?

Тим ходил за Беном следом, исследуя шкафчики, о которых забыл, это освежало. Эрик готовил со всеми этими вещами, и теперь Бен тоже будет готовить. Тиму это нравилось.

– Серьёзно? Нет лука?

– Думаю, есть зелёный в огороде на заднем дворе. – Его поливали автоматические разбрызгиватели. – Там много чего дикого растёт, если ты знаешь, что ищешь.

Они совершили набег на огород, отрывая листики от разных растений, чтобы попробовать их, и смеясь над тем, что могут отравиться, но нашли несколько знакомых вкусов и лук. Бен разогрел духовку, поставил на огонь сковородку и налил немного оливкового масла. Он заставил Тима помыть и нарезать лук, прежде чем поставил воду кипятиться на другой конфорке.

– Брось туда лук и помешай, – как сержант-инструктор, скомандовал Бен. – Теперь банку томатов и специи.

– Есть, сэр!

Затем Бен начал помешивать стряпню деревянной ложкой.

– Я научился готовить, когда заботился о тебе, – сказал он.

– Серьёзно?

Бен кивнул, улыбаясь от воспоминания.

– Ты не замечал? Целых две недели всё, что ты ел, было либо сожжённым, либо недоготовленным. Я не знал, что делаю. Я удивлён, что ты выжил.

– Я помню, что всё было вкусно.

– Должно быть, дело в обезболивающих. – Бен взглянул на него, его глаза блестели. – Мне нравилось о тебе заботиться.

– Ну, ты знаешь, где я живу, и я по-прежнему чертовски нуждаюсь в помощи.

– Сейчас всё иначе, – сказал Бен.

– Именно. – Тим подошёл к нему сзади. – Так в чём трюк помешивания? Дай мне попробовать.

Он завёл руки за Бена, который отпустил деревянную ложку, прежде чем Тим смог накрыть его руку своей.

– Серьёзно? – произнёс Бен. – Этот скучный старый жест? Мешай.

Тим взял ложку и потыкал в соус.

– Я не умею.

– Ох, брось!

Тим подвинулся вперёд, их тела теперь полностью соприкасались.

– Управляй моей рукой.

– Как банально! – Бен покачал головой, но затем положил ладонь на руку Тима.

И это было так чертовски замечательно. Бен предпринял маленькую попытку помешать соус, но Тим отпустил ложку, расставляя пальцы и приглашая Бена переплести с ними свои. Бен убрал руку и отодвинулся в сторону, чтобы высвободиться из его объятий. Хотя он не выглядел злым. Вместо этого на его коже появился румянец.

– Продолжай мешать, – сказал он.

– Я не так уж голоден, – попытался Тим.

– А я голоден, и ты обещал мне ужин.

– Похоже, обещал. – Тим мешал соус, но не отрывал взгляда от Бена. – Ты должен заходить почаще, может быть, утром. Я скучаю по горелым вафлям, которые ты пёк.

– Это были блины, – возразил Бен, – и я думал, ты не помнишь, чтобы моя еда была плохой!

Тим кивнул на кастрюлю.

– Ко мне начинает возвращаться память.

Бен рассмеялся и покачал головой, отталкивая Тима в сторону, чтобы вернуться к готовке, пробуя и подправляя соус, и проверяя лапшу. Когда он был удовлетворён, Бен слил воду.

– Достань тарелки.

– Нет, просто закинь пасту в соус, и мы поедим здесь. Я иногда так делаю с макаронами с сыром. Ем прямо из кастрюли, прямо здесь, у плиты.

Бен посмотрел на него.

– Это самое печальное, что я когда-либо слышал.

– Тебе меня жалко?

– Да.

– Хорошо. Стрдание не любит одиночества. Захвати пару вилок из того шкафчика и присоединяйся ко мне.

Как оказалось, еда получилась ненамного лучше, чем продукты быстрого приготовления, которые время от времени уплетал Тим, но процесс был весёлым. Они атаковали кастрюлю, время от времени сражаясь вилками, как мечами, и закусывая, пока еда не закончилась.

– Хотел бы я, чтобы так было каждый день, – сказал Тим.

Бен играл с несколькими оставшимися в кастрюле макаронинами.

– Это было моей мечтой.

– А я разрушил её. Ты когда-нибудь жалел об этом?

– О чём?

– О времени, которое мы провели вместе.

Бен фыркнул.

– Ты шутишь? Никогда. Ни разу.

Тим выпрямился.

– Правда? Я думал, ты ненавидишь меня за то, что я сделал.

– Я никогда не ненавидел тебя. Мне просто больно. Когда мы были вместе... – Бен выдохнул – Не бери в голову, но даже когда было плохо, это было хорошо.

Тим наклонился вперёд, готовый для поцелуя, но Бен вернул своё внимание к одиноким макаронинам в кастрюле. Вот вам и «Леди и Бродяга». Может, десерт сработает лучше, чем паста. Тим подошёл к холодильнику.

– Я знаю, что у меня где-то здесь есть мороженое.

– Мне, правда, нужно возвращаться в квартиру Джейса.

– Оу, ты не можешь уйти. Ты ещё даже не помыл посуду! – Тим вздрогнул под злым взглядом Бена. – Просто шучу. Боже! Знаешь, здесь есть бассейн. Мы можем сходить поплавать, выпить пару баночек пива. Ты даже можешь здесь переночевать.

Бен нахмурился.

– Я так не думаю!

– Твоя нравственность останется нетронутой, принцесса, даю слово. – Не правда.

– Здесь две гостевых комнаты. Выбирай любую. Я даже посплю в машине. – Тоже не правда!

Но Бен был непреклонен. Не доходя до того, чтобы наброситься на него и взять на кухонном полу, единственным вариантом Тима было сдаться и отвезти Бена обратно в квартиру Джейса. Он подъехал к дому, задаваясь вопросом, следует ли ему проводить Бена до двери, но, конечно же, если он будет находиться близко к логову врага, это вряд ли поможет его шансам.

– Спасибо за последние несколько дней, – произнёс Тим. – Знаю, меня немного занесло, но прошло много времени с тех пор, как со мной рядом был кто-то похожий на тебя.

Бен поёрзал на месте.

– Мне тоже понравилось, но ещё я с нетерпением жду завтрашнего возвращения Джейса.

– Намёк понят. – Неохотно. Что, если возвращение Джейса в город положит конец их маленькому воссоединению? – Но я серьёзно насчёт знакомства с ним. Мужчина – легенда и всё такое.

– Да?

– Да.

– Ладно.

Там, где должен был быть поцелуй на прощание, раздался нервный смешок. Затем Бен вышел из машины, возвращаясь в мир. Если ты любишь кого-то, просто отпусти...

Глава 23

Ожидания всегда следует избегать. Хорошо или плохо, столкновение с будущим лучше, чем мучительное ожидание или разрушающий страх. Тим позвонил Бену следующим ранним утром с намерением уговорить его пропустить занятия. Ответа не было. Он попытался снова, ближе к ланчу. По-прежнему никакого ответа. Когда Джейс должен был вернуться вечером, Тим был вынужден ждать и задаваться вопросами.

Он не помнил, как долго Джейс и Бен вместе. Возможно, он прослушал эту информацию. Независимо от того, длились ли их отношения годы, месяцы или даже просто несколько недель, скорее всего они будут праздновать своё воссоединение в спальне.

От одной этой мысли в Тиме кипела ревность. Он пытался не думать об этом, отдавая всё своё внимание сначала занятиям, а теперь рисованию. Тим работал в тишине, только он и холст, время от времени бросая взгляды в сторону затухающего

света в окне на другой стороне гаража. Некоторое время назад он перенёс всё своё оборудование в гараж. У Марчелло была привычка вторгаться в дом, временами комментируя работу Тима. Его слова подбадривали, но всё же были назойливыми.

Позже, когда Тим привёл домой парня на одну ночь, который оказался студентом художественной академии, этот парень стоял и критиковал одну из картин Тима. Будто это было его делом! Конечно, Тим не признал эту работу как свою, но это была последняя капля. Картины были такими же личными, как его эмоции – не для того, чтобы делиться с кем попало.

Поэтому Тим расчистил гараж и превратил его в свою мастерскую. Обычно он находил рисование оздоровительным, но сегодня оно, казалось, только повышало его раздражение. Ничего не выходило так, как он хотел, холст становился темнее, пока он добавлял больше и больше неудачных слоёв. Он пытался не думать о Бене, отчаянно избегая мыслей о том, где он был и что делал. Или что делали с ним.

Непрошенные изображения всё равно возникли. Приветственный поцелуй для Джейса, когда он вошёл в дверь. Это робкое чувство, которое приходит из-за расставания, особенно, когда другой человек значит для тебя так много. Джейс берёт Бена на руки. Несёт его по коридору. Укладывает его на кровать.

Тим отбросил кисть в сторону. Часть его хотела поехать туда, выбить дверь и умолять Бена сбежать с ним. Несмотря на то, каким жалким это будет казаться, идея была заманчивой.

Вместо этого он поднял кисточку, закрыл глаза и подумал о Бене. Не о том, чем он занимался в данный момент, а о том, кем он был, какое чувство полноты придавал Тиму. Когда они были в старшей школе, Бен давал Тиму эмоции и чувства, которых он отчаянно хотел, одновременно показывая ему, как быть свободным. Теперь Бен символизировал надежду, обещание конца его одиночеству. Он был кем-то, с кем Тим мог разделить свою жизнь.

Сделав глубокий вдох, Тим открыл глаза и продолжил рисовать.

Тим понимал, почему Бен не ответил на его звонок в тот первый день. Но то, что он не ответил на второй день, было дурным предзнаменованием. Тим всё равно пытался, надеясь дозвониться. На третий день он отбросил всякую деликатность и звонил каждый час. Он проклинал себя за то, что не установил голосовую почту, прежде чем отдать телефон Бему. По крайней мере, Бен мог поддаться соблазну и послушать, что Тим может сказать.

У Тима не было плана. У него не было ничего.

Он был глубоко погружён в свой вечерний сеанс рисования, когда услышал, как на подъездную дорожку заехала машина. Он за секунды вылетел к боковой двери, надеясь увидеть Бена, улыбающегося ему через лобовое стекло. Вместо этого он обнаружил огромного мужчину, вылезающего из ещё большего «Роллс-Ройс Фантом».

– Здравствуй, мой обаятельный принц, – театрально произнёс Марчелло.

– Привет, – ответил Тим, отрывая глаза от машины. Когда бы ни приезжал Марчелло, он находил предлоги войти в дом. Тим понимал, почему. Другие навещали могилы, но ему и Марчелло повезло иметь этот оставшийся кусочек Эрика.

– Здесь жарче, чем в расщелине Сатаны. – Марчелло промокнул платком лоб. – Пожалуйста, скажи мне, что у тебя есть включённый на максимум кондиционер.

– Конечно.

Тим провёл его в гостиную, прежде чем принести с кухни напитки. Он всегда держал в холодильнике бутылку шампанского для Марчелло. Тим открыл пробку, захватив бокал для шампанского и бутылку пива для себя. Когда он вернулся в гостиную, Марчелло оглядывался вокруг, будто был на выставке.

– Какие здесь проходили вечеринки, – произнёс он, пока Тим наливал ему шампанское. – Знаешь, я не думаю, что хоть одна вечеринка в моём доме закончилась без чьей-нибудь ссоры, но здесь люди вели себя уважительно. О, спасибо!

Тим поднял бутылку в быстром тосте, сделал глоток и сел в кресло напротив Марчелло.

– Это всё Эрик. Люди здесь никогда не спорили, потому что не хотели расстраивать его.

– Несомненно, – кивнул Марчелло. – Ты когда-нибудь думал продолжить традицию?

Тим покачал головой.

– Это будет не то же самое.

– Полагаю, нет. Что ж, кстати о вечеринках, угадай, кому исполняется пятьдесят?

– Твоему племяннику? – поддразнил Тим. – Я знаю, что не может быть тебе, потому что я был на твоём пятидесятилетии в прошлом году.

– И оно было у меня не первым. – Марчелло сделал приличный глоток шампанского, свет играл на бокале и на кольцах на пальцах мужчины. – В этом году я устраиваю настоящую тусовку, никакой экономии на расходах.

– Если ты хочешь, чтобы я выпрыгнул из торта, можешь об этом забыть.

– Я бы предпочёл, чтобы ты выпрыгнул из одежды. – Марчелло усмехнулся от этой мысли, затем цыкнул, когда Тим не повеселел. – Ты сегодня кажешься напряжённым.

Тим вздохнул.

– Прости. Не принимай это за намёк, но я страдаю от воздержания.

– Это легко вылечить, – сказал Марчелло. – Не могу представить, что у тебя проблемы с тем, чтобы привлечь пчёл на цветок. Или, если ты устал, я буду счастлив прислать одного из своих мальчиков.

Тим покачал головой.

– Есть только один парень, который может утолить мою жажду.

– И? Как ты мог ему не приглянуться?

Тим улыбнулся на комплимент.

– Проблема в бойфренде Бена.

Марчелло небрежно махнул рукой.

– Это проблема только если тебя поймают.

– Это больше, чем просто секс, – сказал Тим. Он сделал ещё один глоток. – Ты когда-нибудь был влюблён?

– Я всегда влюблён в идею быть влюблённым, если это считается.

– Серьёзно. – За все годы Тим видел много парней, виснувших на Марчелло, большинство из них были молодыми и прекрасными. И не казалось, что они находятся под давлением. Поначалу Тим думал, что дело в деньгах, и, может быть, для нескольких из них так и было, но другие, казалось, искренне находили что-то в Марчелло привлекательным. – У тебя, кажется, никогда не было проблем с тем, чтобы получить то, что ты хочешь.

– Успех в любви похож на успех в бизнесе. Для заключения сделки нужны агрессия и настойчивость, приправленные щепоткой лести. – Марчелло окинул его оценивающим взглядом. – В твоём случае, должна помочь пара «Спидос». Вечеринка по случаю моего дня рождения будет в «Сплэштауне» на этих выходных. Я не буду плавать, но всегда наслаждаюсь видом. Весь парк будет забронирован для меня и моих друзей.

– Это не в Сан-Антонио?

Марчелло кивнул.

– Я зарезервировал два автобуса для вечеринок, чтобы нас всех туда отвезли. Почему бы тебе не прийти и не привести с собой этого Бена?

Тим откинулся назад.

– Сомневаюсь, что его бойфренд это разрешит.

– Приводи и его тоже.

Тим фыркнул.

– Я серьёзно. – Марчелло наклонился вперёд. – Ты действительно думаешь, что он может соперничать с тобой?

Это был вопрос на засыпку. Тим избегал разговоров о Джейсе, так что мало что о нём знал. Судя по фотографии, которую он видел, парень выглядел нормально. Привлекательный в непривычном смысле. Но Тим хорошо заботился о своём теле, и не помешает напомнить Бену об этом достоянии.

– Когда Бен увидит тебя и этого другого человека вместе, – сказал Марчелло, – один из вас побледнеет в сравнении. Я ни пенни не поставил бы на этого его бойфренда. Если это не сработает, я приглашаю самых красивых парней в Остине. Уверен, ты найдёшь кого-нибудь, кто утешит твоё разбитое сердце.

– В этом не будет необходимости.

Когда дело доходило до советов, Марчелло слабо заменял Эрика, но на этот раз он мог быть в чём-то прав. Он знал, как заполучить то, что хочет, а Тим чертовски точно хотел Бена.

На следующий день он позвонил только раз, невозмутимый, когда всё равно не получил ответа. Тим проделал дневные занятия, дожидаясь вечера, когда был уверен, что Бена не будет на парах. Затем он поехал в дуплекс и позвонил в звонок. Эллисон открыла дверь, её брови приподнялись, будто каждая его мысль была очевидна.

– Его здесь нет, – сказала она.

– У него занятия так поздно?

– К этому времени он обычно уже дома. Просто не в этом доме.

– У Джейса?

Она кивнула.

– Мне жаль.

Ну, это было что-то. По крайней мере, она не выглядела высокомерно, когда закрывала дверь. Конечно, возможно, она не понимала, что Тим знал, где живёт Джейс. Или что Тим был достаточно сумасшедшим, чтобы направиться прямо на территорию врага. А почему нет? Джейс тоже приглашён на вечеринку. Кроме того, пришло время ему из первых уст узнать, против чего он идёт.

Его самоуверенность оставалась неизменной, даже когда он постучал в дверь квартиры. Он представлял, что откроет Бен, шокированный и, может быть, немного восторженный дерзостью Тима. Он почувствовал себя менее уверенно, когда дверь открыл Джейс.

Есть большая разница между тем, чтобы видеть кого-то на фотографии и встречать его в реальной жизни. Джейс был выше него – что Тиму не нравилось – и одет в аккуратную рубашку на пуговицах и обычные брюки, что заставило Тима почувствовать себя неоправданно в футболке и шортах. Его светло-каштановые волосы были уложены в стильном беспорядке, соответствуя его контролируемому-но-небрежному внешнему виду. Джейс оглядел Тима с проблеском узнавания, но без намёка на интерес.

– Привет, – произнёс Тим, блеснув улыбкой. Даже это не спровоцировало реакцию и не заставило его задуматься, не выглядит ли он сегодня не лучшим образом. – Джейс, верно? Я Тим.

Он протянул руку, которую Джейс пожал. Из-за того, что Джейс был высоким, он казался худым, но его руки были тёплыми и сильными. Тим ненавидел думать обо всех местах, где были эти руки.

– Тим, конечно, – ответил Джейс. – Бен говорил, что недавно столкнулся с тобой. Другими словами, я знаю о тебе всё.

– Да, всё было прямо как в старые времена. Эй, я надеялся поговорить с вами обоими об одной своей идее.

– Бена нет дома, – сказал Джейс.

– Но обычно к этому времени он уже здесь, верно? Я не против подождать.

Джейс пригляделся к нему. Тим был уверен, что Джейс пошлёт его куда подальше и скажет больше не появляться. Так сказал бы Тим, если бы ситуация была обратной, но вместо этого Джейс легко пожал плечами и жестом пригласил его войти.

С Джейсом квартира казалась более живой. Даже Самсон выглядел энергичнее. Он по-прежнему крался и с осторожностью всё разнюхивал, как делают коты, будто видеть человека было не достаточным доказательством, что он на самом деле не огромный пудинговый монстр. Затем Самсон счастливо побежал за Джейсом в гостиную и запрыгнул на колени к хозяину, как только Джейс сел в кресло.

Тим развалился на диване, пытаясь выглядеть как можно больше. Эй, в царстве животных это работало.

– Итак, Бен говорил мне, что ты стюард или что-то такое.

Джейс улыбнулся, будто его это не заботило.

– Да. Именно так, хотя я предпочитаю считать себя астронавтом стратосферы.

Хах.

– Это забавно, – без юмора произнёс Тим. – Кажется, в последнее время в новостях только и говорят о том, что работников авиакомпаний сокращают. Должно быть, тяжело зарабатывать на жизнь в твоей сфере деятельности.

– Я не живу в особняке, – ответил Джейс, – но мне удалось недавно свозить Бена в Лондон. Это было мило. Всё равно, я буду рад, когда Бен выпустится и начнёт зарабатывать деньги. Что ты изучаешь?

Тим пробормотал что-то об архитектуре, пытаясь сжиться с ситуацией. Вот он, возлюбленный из старшей школы из прошлого и достаточно прекрасный, что большинство геев были бы рады забраться ему в штаны – и всё равно Джейс спокойно сидел и наблюдал за ним с тем же небрежным любопытством, что и его кот. Джейс всегда был таким? Если так, Тим мог понять привлекательность отношений с кем-то таким уверенным.

– Я мало что знаю об архитектуре, – сказал Джейс, – хотя однажды видел одно из зданий Хундертвассера, и это было настоящим открытием.

– Он удивительный, – признал Тим. – Показывает, чего можно достичь, если люди не ограничивают себя рамками. Здания могут быть искусством.

– Это правда. Полагаю, это похоже на поэзию. Ей я тоже никогда особо не наслаждался, но кто-то, как Доктор Сьюз, делает всё так безумно и весело, что это не может не нравиться.

Тим кивнул.

– Хотя странно, что если ты рисуешь странную и необычную картину, большинство людей не воспринимают её всерьёз. Все скаются на современное искусство или художественные инсталляции, когда на самом деле это несерьёзно. В наши дни приходится привлекать внимание людей любыми возможными способами.

Притормози-ка! Тиму хотелось вскочить на ноги и с обвинением тыкнуть пальцем. Джейс был обезоруживающе очаровательным, когда должен был кусать

ногти и бояться за свои отношения. Даже сейчас он проверял часы, будто у него были другие заботы.

– Если он так задерживается, наверное, мне пора готовить ужин.

– Без проблем, – сказал Тим, вытаскивая телефон. – Я закажу нам пиццу. Бену всё ещё нравится сыр и помидоры, верно? Что насчёт тебя?

Ха-ха! Вот тебе! Твоего бойфренда кормит другой мужчина!

Но эта маленькая победа прошла незамеченной для Джейса, который гладил и разговаривал со своим котом, пока Тим делал заказ по телефону. Ожидая, пока доставят их еду, Тим отказался от дешёвых выпадов в сторону Джейса и поддерживал культурный разговор. В конце концов, планом было пригласить его на вечеринку, а будь он единственным, кто ведёт себя злонамеренно, он чувствовал бы себя полным засранцем.

Не то чтобы он полностью закончил. Раздался второй звонок в дверь, Тим подскочил, чтобы открыть, будто был здесь хозяином. Когда он открыл дверь, то нашёл что-то более аппетитное, чем ужин. На пороге стоял Бен, разинув рот, с полными руками книг и еды на вынос.

Тим усмехнулся ему.

– Для доставщика пиццы ты довольно горяч.

Глава 24

Водные горки, бассейн с искусственными волнами и всё, непомерно дорогое, мороженое, которое только сможешь съесть. Насколько Тим знал, «Сплэштаун» было только два: один – в Сан-Антонио, и ещё один – рядом с Хьюстоном. В старшей школе Бен часто намекал, чтобы они сходили, но, конечно же, тогда Тим был слишком окутан страхом. То, что они наконец-то отправлялись туда сейчас, мило переплеталось с его ностальгией по старшей школе, даже если «астронавт стратосферы» тащился следом. Тим просто был счастлив, что Джейс согласился на этот безумный план. Может быть, Марчелло знал, о чём говорит.

Только присутствие Эллисон выбивало его из колеи. Почему Бен настоял на том, чтобы привести своего самого свирепого компаньона? Пока Тим вёз их в Сан-Антонио, Бен провёл половину дороги с Эллисон на заднем сидении, где они смеялись и пели – особенно, когда Тим пытался завести разговор с Беном. Снова слышать его голос – даже слегка изменённый из-за возраста – стоило тех ударов, которые получала уверенность Тима.

Охрана у ворот проверила имя Тима в списке, прежде чем их пустили в парк. Главное сосредоточение вечеринки было в ближайшем ко входу ресторане. Несмотря на обещание Марчелло по поводу самых горячих парней Остина, все остальные гости были намного старше и полностью одеты. Может быть, красавчики наслаждались настоящим парком, что не терпелось сделать и Тиму, но ему хотелось, по крайней мере, показаться на людях. Марчелло поприветствовал его, одетый в нелепую гавайскую рубашку, дополненную узорами в виде танцоров хулу и ананасов.

– Счастливого сорокадевятилетия, – поддразнил Тим, обнимая его. – Я ничего тебе не купил, потому что ты и так чертовски богатый.

Марчелло похлопал ресницами.

– Единственное, чего я когда-либо хотел, – это твоё счастье. Кстати говоря, кто у нас здесь?

Тим всех представил. Когда он дошёл до Джейса, Марчелло бросил Тиму взгляд одобрения. Не тот парень, идиот! Даже Марчелло считал Джейса горячим, а он был

опытным в таких делах – может быть, даже профессионалом. Побеседовав ещё немного о дне рождения, они стали свободны, чтобы пойти в раздевалку. Эллисон пошла своей дорогой, в то время как Тим, Джейс и Бен переодевались на мужской стороне.

Когда они снова встретились снаружи, их кожу согревало солнце, и Тим поймал на себе взгляд Бена. Тим потянулся и небрежно размял мышцы. Конечно, ему хотелось завоевать Бена не только своим телом, но он воспользуется всем, чем сможет.

Они начали с ближайших водных горок, и на некоторое время Тим забыл о своём намерении завоевания и просто веселился. Парк был практически пустым, за исключением бродящих компаний парней-геев. Дежурные спасатели выглядели так, будто им либо весело, либо неловко, многие, казалось, были счастливы увидеть в их компании девушку. Вскоре Эллисон бросила их ради внимания одного из этих спасателей. Одного убрали, остался ещё один.

Следующим стал бассейн с искусственными волнами. Они потерялись в до странности приятном ощущении того, как вода носит их из стороны в сторону. Больше одного раза Тим позволял себе «случайно» столкнуться со своим бывшим любовником. Бен даже забылся достаточно, чтобы улыбнуться, его глаза наполовину прикрылись, прежде чем он, казалось, очнулся от своего сна и отправился на поиски Джейса.

Как бы весело ни было флиртовать, Тим подумал, что вряд ли продвинется, пока Джейс рядом. Следующим они попробовали тубинг, Тим предпочёл плыть вдоль реки с медленным течением. После перерыва на ланч они отправились в искусственную лагуну. Бен поймал взгляд Тима и брызнул в него водой, так что Тим начал брызгаться в ответ, пока Джейс, в шутку, не пришёл на спасение. Вскоре между ними разразилась огромная – но дружелюбная – водная битва. Как бы Тиму ни хотелось, он не мог невзлюбить Джейса. Несмотря на это, он всё равно был рад, когда бойфренд Бена уплыл обратно к берегу, чтобы поваляться на солнце.

Тим направился к стене из камней, показывая Джейсу, что Бен оставлен в покое. Забравшись на каменный выступ, Тим наблюдал за ними обоими – за Джейсом, чтобы посмотреть проверяет ли он их, и за Беном, который плавал на спине. Тим не мог перестать пялиться. Тело Бена возмужало, но он, наверное, никогда не будет очень большим. На самом деле, он практически не был мускулистым, но Тиму было плевать. Ему нравился размер Бена и то, как это заставляло его чувствовать себя сильнее в сравнении. Ему хотелось обвить руками этот узкий торс, сжать его, пока Бен не рассмеётся и не скажет ему прекратить, прямо как раньше.

А затем он хотел сделать намного больше.

По стене из камней струились три водопада, за одним из которых прятался грот. Бросив взгляд в сторону берега, он увидел расслабившегося там Джейса. Были шансы, что его глаза закрыты под солнечными очками, так что Тим двинулся к пещере.

– Ты только посмотри! – крикнул он, надеясь, что достаточно громко, чтобы Бен услышал. – Здесь за скалой пещера.

Бен подплыл ближе, чтобы посмотреть. Тим стоял под водопадом, давление потока расслабляло его мышцы, прохладная вода помогала удерживать опущенной одну конкретную мышцу. Как только Бен приблизился, он вытянул руку, нарушая поток воды и создавая проход, через который мог бы пробраться Бен. Тесную пещеру освещал только рассеивающийся свет от входа. Маленький бассейн внутри, вероятно, был создан для детей, его глубины было достаточно только для того, чтобы достичь талии Бена. Тим забрался в воду, которая волной ударила его по паху, будто подбадривая.

Бен по-прежнему строил из себя ангела, глядя на воду, на стены, куда угодно, только не прямо на Тима.

– Ты же знаешь, что все приходят сюда отлить, – сказал он.

Тим усмехнулся.

– Или заняться другими вещами.

Бен не отреагировал.

– Сюда следует поставить джакузи. Это было бы намного круче.

Давай, Бенджамин! Прекрати играть.

– Мне понравилось сегодня слушать, как ты поёшь. – Тим подвинулся чуть ближе к нему. – В машине. Это было мило.

– Спасибо.

– Готов поклясться, иногда ночью, на самой грани сна, я слышу, как ты поёшь, – Тим рассмеялся сам над собой. – Звучит глупо, но это правда. Никогда за миллион лет я бы не подумал, что ты снова появишься в моей жизни, что я на самом деле смогу услышать звук твоего голоса.

Внимание Бена теперь переключилось на потолок, будто он молил Бога помочь ему избежать соблазна.

– Ты ещё рисуешь?

Больше никакой смены тем. Больше никаких разговоров. Тим молчал, думая о том, как много времени прошло с тех пор, как они целовались, как прикосновение руки Бена к его руке на деревянной ложке могло чувствоваться интимнее, чем секс. Наконец, Бен посмотрел на Тима одновременно ранимо и с желанием. Он начал что-то говорить, но Тим покачал головой и подвинулся ближе. Не пора ли им продолжить с того места, где они остановились?

Тим коснулся волос Бена, тяжёлых от хлорированной воды. Он заправил локон за ухо Бена и позволил своей руке двигаться дальше к затылку, притягивая Бена для поцелуя.

Их губы встретились, но в этом не было электричества. Губы Бена под его губами были мягкими, но не отвечали, и Тим знал, что проиграл. Он попробовал всё, что мог, но Джейс был лучшим... Огонь! Губы Бена с голодом пришли к жизни, его тело прижалось к телу Тима, и тогда парень понял, почему Люцифер так отчаянно хотел захватить Рай и сделать его своим. Он не ошибался, его воспоминания были отшлифованы ностальгией. На самом деле, они покрылись пылью и потускнели, потому что Тим забыл, каким замечательным может быть целующийся Бен.

Тим крепко схватил Бена, сцепив руки на его спине, в то время как Бен, казалось, так отчаянно хотел коснуться каждой его части, что не мог остановиться на одном месте. Тим чувствовал, как твёрдый член Бена трётся о его собственный, и ему хотелось бы опустить стены пещеры, навеки безопасно запечатав их от внешнего мира.

Постоянное журчание водопада было нарушено, прежде чем заговорил Джейс:

– Уже заканчиваете?

Бен толкнул Тима достаточно сильно, чтобы он упал спиной в воду, поднимая брызги. У входа в пещеру возвышающаяся фигура Джейса блокировала свет, и Тим задумался, придётся ли ему драться. Только на лице Джейса отражалась не злость, а напряжение и боль. Он даже не смотрел на Тима. Только на Бена, который захлёбывался извинениями.

Тим поднялся на ноги, взгляд Джейса метнулся в его сторону.

– Может быть, тебе следует подождать нас снаружи, Тим.

Ему не нравилось, как это звучало. Может быть, Джейс хорошо скрывал свою злость, раскрывая демона только тогда, когда не смотрели другие. Тим прошёл сквозь

водопад, оставаясь рядом со входом и прислушиваясь. Если Джейс сорвётся, Тим вступится и спасёт Бена, и это будет шах и мат.

Бен снова извинялся, сожаление в его голосе будто ножом пронзало грудь Тима. Как Бен мог жалеть о том, что казалось таким идеальным? Вскоре Тим забыл о своей боли, когда услышал ответ Джейса.

– Всё в порядке.

Ответ Бена отразил мысли Тима.

– Что?

– Я сказал, что всё в порядке. – Джейс был ближе ко входу, и его было легче услышать. – Я знал, что, в конце концов, что-нибудь такое случится, если ещё не случилось.

– Я раньше ничего с ним не делал! – ответил Бен. – Только сейчас, честно. – Возникла пауза, Тим напрягся, чтобы услышать больше, когда Бен заговорил снова. – Ты не злишься?

– Не совсем. Старые чувства не могут исчезнуть в одночасье. Это нормально, что ты и Тим ещё находите друг друга привлекательными.

Отлично. Теперь Джейс говорил словами Эрика, посылая волну боли внутри Тима.

– И всё? – Бен не казался счастливым. – Я бы хотел, чтобы ты злился. По крайней мере, тогда я мог бы сказать, что тебе не плевать.

– Мне не плевать. – Теперь голос Джейса был громче. – Я просто думал, что предоставлю тебе преимущество сомнения.

– В чём тут сомневаться? Ты всё видел. Я сделал глупость, и ты должен ненавидеть меня за это.

Нет, это была не глупость. Они сделали то, чего оба отчаянно хотели. Тим прильнул ближе, чтобы услышать ответ Джейса, его ухо касалось водопада.

– Я никогда не буду ненавидеть тебя.

Хороший шаг, но Тим не собирался позволять ссоре утихнуть. Он протолкнулся через вход, бесстыдно усмехаясь Джейсу, пока заходил в бассейн.

– Эй, это я виноват. Я схватил его и начал целовать. Он даже не целовался в ответ. Правда. Пожалуйста, не вини его.

Джейс кивнул, будто обдумывая его слова. Затем он замахнулся кулаком и ударил так быстро, что у Тима даже не было времени поморщиться. Бум! Эти его большие нежные руки умели делать больно! Тим упал спиной в воду, влетев в неё так ровно, что на этот раз погрузился с головой. Он почувствовал, как руки схватили его и снова вытащили на поверхность, но ему не нужно было вытирать с глаз воду, чтобы знать, что эти руки принадлежат Джейсу. Голова Тима по-прежнему приходила в себя после удара, но как только сознание прояснится, он разорвёт Джейса на кусочки. Этот придурок даже помог Тиму прислониться к стене, чтобы он мог восстановить равновесие, приводя его в ещё большую ярость.

Джейс отпустил его и повернулся к Бену.

– Как тебе такая злость? Давай, мы едем домой.

Тим смотрел на Бена, ожидая, что он откажется, признается в любви к нему. Но вместо этого Бен вышел за Джейсом из пещеры, удостоив Тима лишь мимолетным взглядом. Тим отпустил его. Будет другой раз, когда Джейса не будет рядом, и тогда Бен будет свободен, чтобы поддаться чувствам, которые разделяли они оба. Тим не сдавался. Не сейчас. Никогда.

Потирая челюсть, Тим прошёл к началу парка, надеясь по дороге застать Бена и Джейса за очередной ссорой, но они, казалось, исчезли. Он не знал как. Они

собирались возвращаться в Остин пешком? Либо так, либо ждать автобус Марчелло, который развезёт большинство людей по домам.

Ресторан, где проходила вечеринка Марчелло, сейчас был переполнен, люди променяли веселье на солнце на прохладные напитки в тени. Тим жалел, что приехал на машине, иначе он мог бы выпить чего-нибудь крепкого. Переодевшись обратно в свою одежду, Тим всё равно схватил пиво, оставляя его закрытым, но прижимая холодную бутылку к челюсти. Здесь тоже не было никакого признака Бена и Джейса, но Марчелло заметил его и подошёл ближе.

– Судя по красной отметине у тебя на щеке, – произнёс Марчелло, – могу предположить, что твой друг сказал «нет».

– Он сказал: «да», – сgrimасничал Тим. – Его бойфренд сказал: «нет».

Марчелло усмехнулся, хлопнув в ладоши.

– Ну, убедись, что сделаешь следующий шаг раньше, чем уляжется пыль.

– А?

– Маленькая неверность может либо разделить пару, либо снова свести вместе. Зависит только от того, насколько человек отходчивый.

Отлично. Джейс был до нелепости благородным и, наверное, будет сильнее стараться в их отношениях.

– Со вторым раундом придётся подождать, потому что, думаю, они уехали. Я собираюсь сделать то же самое.

– Не раньше, чем я задую свечи на своём торте.

– Да, верно. – Тим попытался оставить весь инцидент позади и вести себя весело. В конце концов, это был день рождения Марчелло. Но после куска торта он быстро попрощался и покинул ресторан. По пути он врезался в Эллисон.

– Тим! Где мальчики? Я повсюду их ищу.

Боже. Они не могли забрать с собой Эллисон?

– Я уверен, что они уехали.

– Без меня?

Он пожал плечами.

Эллисон посмотрела на него всезнающим взглядом.

– Что ты сделал?

Тим закатил глаза и направился к парковке, Эллисон шла за ним по пятам.

– Ты не можешь просто бросить меня здесь!

– Позже отъезжают автобусы.

– Автобус отъезжает сейчас, и я единственный пассажир!

Тим бросил взгляд обратно на неё. Они были два сапога пара, Бен и Эллисон.

– Тогда идём.

Он был уверен, что подвергнется пыткам, но как только они выехали на шоссе, у Эллисон на уме появились другие вещи.

– Двадцать три, лицензированный спасатель и убийственно прекрасный, – восторгалась она. – И он по-прежнему живёт со своей мамой?

– Не думаю, что спасателям очень много платят, – ответил Тим.

– Это не важно, не для меня. Ему нравится жить с мамой, и он говорил о том, чтобы я с ней познакомилась. Я предложила ужин. Он предложил обед с его мамой. Прости, но если у тебя уже есть дама в жизни, я не заинтересована. Особенно, если вы с ней родственники.

Тим рассмеялся.

– Если он был таким горячим, ты могла бы переспать с ним, прежде чем слинять.

– Только парни так думают. – Эллисон сделала паузу. – Ладно, может быть, женщины тоже так думают, но мы не руководствуемся этим так сильно. Кстати говоря.

– Что?

– Ты знаешь что. Ты сделал что-то, чтобы прогнать Бена и Джейса.

Тим пожал плечами.

– Для танго нужны двое.

Эллисон вздохнула, качая головой.

– Бен, Бен, Бен. Почему он никогда меня не слушает?

– Ничего личного, но я рад, что не слушает.

– Не сомневаюсь! – Эллисон в шутку ударила его по руке.

Тим взглянул на неё.

– Ты не злишься на меня?

– Я ещё не знаю всех подробностей. Дай мне время.

Почему нет, чёрт побери? Тим рассказал ей всё, что произошло. Она всё равно услышала бы это от Бена.

– Это просто ностальгия, – сказала Эллисон, когда он закончил.

– Нет, это не так.

– Так. Каждый из вас влюблён в человека, которого помнит со старшей школы. Ты изменился?

– Да, конечно, но...

– Как и Бен.

– Это не значит, что ничего не выйдет. Теперь мы более совместимы, потому что изменились.

Эллисон не была убеждена.

– Это ты так думаешь. Не узнаешь, пока не попробуешь. Сейчас всё иначе. Когда ты впервые познакомился с Беном, ему отчаянно хотелось любых отношений. Он влюбился бы в любого парня, который хотел бы быть с ним. После старшей школы у него никогда не было проблем с поиском бойфренда, и после знакомства с Джейсом он абсолютно счастлив.

– И всё же он поцеловал меня в ответ.

– Ностальгия, – повторила Эллисон. – Может быть, это сработало бы, но чтобы узнать это, тебе придётся разбить двухлетние отношения.

– Мы с Беном были вместе год, – парировал он, но это звучало жалко даже для его собственных ушей. Как много из этого времени Бен провёл в попытках заставить Тима бросить Кристу и признать свои чувства? С Джейсом, наверное, с самого начала были фейерверки и валентинки. Может, Эллисон права. У него не было ни шанса.

Но как только Тим высадил её, его мысли вернулись обратно к тому поцелую в гроте, когда не только их тела охватило огнём. Они принадлежали друг другу, и Тим не собирался повторять ту же самую ошибку. На этот раз он не отпустит Бена.

– Нам нужно поговорить.

Тим пытался проанализировать голос Бена. По телефону он не мог полагаться на выражение лица. В голосе звучала тоска? Нежелание?

– О чём? – ответил Тим.

Бен колебался.

– Обо всём.

Это было туманно.

– Ладно. Вот так или...?

– Я могу приехать?

– Да! Конечно. Что, если прямо сейчас?

– Хорошо. – Голос Бена не выражал особого счастья или восторга. – Скоро увидимся.

Следующий час Тим расхаживал по дому, подходя к передним окнам и проверяя подъездную дорожку. Это было плохо. Если бы Бен сказал: «Мне нужно тебя увидеть!», он бы сейчас не переживал. Вместо этого они собирались поговорить, но что нельзя было сказать по телефону? Конечно, это могли быть хорошие новости. Встретившись лично, они могли продолжить то, на чём остановились.

Когда машина Бена остановилась на подъездной дорожке, Тим уже вышел за дверь и стоял во дворе раньше, чем затих двигатель. Бен казался поглощённым мыслями, едва глядя в его сторону. Затем дверь машины открылась, выпрыгнуло что-то маленькое и толстое и побежало к нему, всё тело животного дрожало от восторга.

Тим смотрел на это с удивлением.

– Ты нашёл себе собаку?

– Нет, – исправил Бен, – это ты нашёл себе собаку.

Тим присел на корточки, щенок подскакивал, чтобы лизнуть его лицо. Эта козявка была уродливой в самом очаровательном смысле. Тим погладил щенка по головке и потряс пушистые бока, смеясь из-за отвисшей кожи, которая выглядела так, будто ребёнка одели во взрослую одежду.

– Это бульдог, да?

– Да. – Бен опустил на колени на траву, щенок бегал туда-сюда между ними. – Я ехал сюда и остановился купить пиво – эм, о котором я совершенно забыл – и там была эта дама, которая искала дом для этих щенков. Я подумал, что не у многих людей есть дом лучше, чем твой.

Тим втянул носом воздух, но не потому, что был тронут.

– Чем это воняет?

– Это от меня. – Бен поморщился. – Она пришла в восторг и описала мою майку.

– Это девочка? Хм. Ей нужно хорошее испанское имя. Может быть, Пепита.

Бен бросил ему улыбку, ему всегда нравилось, когда Тим переключался на иностранную речь.

– Что это значит?

– Тыквенная семечка. Звучит мило, разве нет?

Бен покачал головой.

– Слишком спонтанно!

Тим схватил щенка, пытаясь удержать на месте на несколько секунд, чтобы рассмотреть. Маленькое толстое тельце и сплюснутая мордочка напоминали ему о другом животном.

– Тогда она будет моей маленькой Шиншилой! Разве не так, моя коротышка? Ты моя Шиншилла?

Собака тявкнула, заставляя их рассмеяться. Тим встретился с Беном взглядом, ловя там ласковое восхищение, но он по-прежнему переживал. Это было не по плану. Бен собирался взять пиво для их большого разговора, что, наверное, должно было смягчить удар. Но, может быть, Шиншилла заработала ему ещё один шанс.

– У меня нет ничего, что нужно собаке. Нам нужно съездить по магазинам!

– Что, сейчас?

– Да, почему нет?

Когда Тим сбегал в дом за чистой майкой для Бена, они уселись в машину Тима, как идеальная маленькая семья, и направились в огромный зоомагазин. Обычно Тим старался быть осторожным с деньгами, которые оставил ему Эрик, но не сегодня. Он раскошелился на всё, что могло понадобиться собаке, от самого лучшего корма для

щенков до практически всех игрушек, которые предлагал магазин. Он даже заказал доставку собачьего домика – не то чтобы Шиншилле нужно будет там спать, только если она захочет.

Затем они привезли её домой, позволяя вгрызаться в новые игрушки, и гонялись за ней, пока она рассекала по дому. Наконец, когда казалось, что она никогда не перестанет писать, тявкать и жевать, Шиншилла развалилась на полу и вырубилась. Тим посмотрел на Бена с выражением преувеличенного облегчения, ловя в его выражении что-то, что заставило его нервничать. Они стояли как можно тише, позволяя щенку дремать на ковре, пока они прокрались к дивану.

– Это был приятный сюрприз, – небрежно произнёс Тим. – Я думал, ты пришёл сказать, что Джейс хочет видеть мою голову на блюде.

– Нет, – выражение лица Бена стало сдержанным. – Он отнёсся ко всему очень понимающе, но нам нужно кое о чём поговорить.

– Оу, да?

– Я не могу справиться с этим. – Теперь маска соскользнула, Бен выглядел напряжённым. – В смысле, со своими чувствами к тебе. Они никогда не исчезали...

– Это хорошо, – перебил его Тим.

– Нет, не хорошо. Я люблю Джейса. Мы с ним вместе больше двух лет, и я планирую остаться с ним.

Тим схватил его за руку.

– Я могу дать тебе всё, что может он. Даже больше.

Бен покачал головой, сжав челюсть.

– Я с Джейсом. И так и останется.

Тим отпустил его. Слова обжигали. Может быть, он двигался слишком быстро, но ещё не слишком поздно. Они могли бы начать заново, строить отношения медленно.

– Хорошо. Ладно. Но это не значит, что мы не можем быть друзьями.

– Да, значит, Тим, потому что я не вижу тебя другом.

– Я тоже не вижу тебя другом, так зачем бороться с этим?

– Потому что я люблю Джейса, и я уже причинил ему больше боли, чем следовало.

– И ты не любишь меня? – с мольбой произнёс Тим. – Знаю, что любишь, потому что я чувствую то же самое.

Бен в замешательстве смотрел на него широко раскрытыми глазами. Затем он вскочил на ноги, голова Шиншиллы дёрнулась в ответ.

– Я должен идти. Не думаю, что нам следует видеться друг с другом. По крайней мере, некоторое время.

Бен направился к двери, ускоряясь до бега, когда достиг коридора.

– Бенджамин, подожди!

Тим погнался за ним, Шиншилла бежала следом, будто это была игра. Бен сел в свою машину, когда Тим выбежал на улицу, но Шиншилла не видела его, толстые ножки отталкивались от земли, пока она продолжала бежать из чистой радости. Она направлялась на улицу, и Тиму кошмарно привиделось то, как Бен – ослеплённый слезами, пока уезжает – сбивает её. Тим побежал и прыгнул, практически сбив Шиншиллу, чтобы остановить. Она безопасно вертелась в его руках, когда он поднял голову и увидел, как Бен снова оставляет его.

Глава 25

Тим не понимал, что у него был заведённый порядок, пока всё не нарушилось. Он больше не мог пойти утром к холодильнику, сонный и несчастный, пока не выпьет эту первую банку колы. Сейчас ему едва удавалось надеть халат, прежде чем маленький монстр кусал за край, таща и игриво рыча. Иногда Тиму удавалось захватить напиток по пути на задний двор, чтобы Шиншилла могла пописать – в редких случаях она выходила для этого наружу, а не прудила на ковёр. Затем Шиншилле нужно было покормить, после чего ей хотелось поиграть.

Собака была на первом месте, и только после удовлетворения её нужд Тим находил время на себя. Это помогало неделям проходить менее болезненно, чем, если бы всё было иначе. Но привыкая к своей новой жизни собачьего папы, Тим обнаружил, что больше парится по поводу того, что произошло.

Злость и ревность к Джейсу беспокоили его пару недель, наряду со здоровой порцией вины к себе подростку, который отказался от всего этого. Затем он стал более вразумительным, говоря себе, что пришло время сократить потери и двигаться дальше.

Была одна перспектива. Аарон ходил с Тимом на занятия по современному искусству. Они заметили друг друга в начале семестра, по большей части потому, что Тим так часто ловил взгляды Аарона. Аарон был геем. Он слишком прихорашивался, чтобы быть кем-то другим. Тим знал парней из братства, которые одержимы своим внешним видом, но обычно они проводили черту перед пудрой и тональником.

В стиле Аарона было странное очарование, притягательная нотка женственности со всеми преимуществами парней. Так что однажды Тим игриво ему подмигнул. С тех пор Аарон находил оправдания, чтобы поговорить с Тимом после занятия, практически выпаливая каждое предложение в энтузиазме. Сегодня было не исключение. Пока они шли по коридорам, Аарон заполнял тишину между ними воздухом отчаяния, будто ища волшебную фразу, которая вызовет у Тима желание быть с ним.

– Хотел бы я, чтобы был ещё один год колледжа, – говорил он. – Мне бы не помешало время, чтобы выяснить, какого чёрта я хочу делать, понимаешь?

Тим кивнул. Он определённо понимал.

– Когда ты ребёнок, ты думаешь: «О, я буду доктором», и всё вот так просто. Что я должен делать с дипломом дизайнера одежды? Мне нравится наряжаться, но меня не волнует, что хотят носить все остальные. Ты знаешь, что я думаю сделать после выпуска? Пойти в академию красоты.

Тим взглянул на него.

– Тебе нужен диплом, чтобы попасть в одно из таких мест?

– Скорее пять тысяч баксов. – Аарон безумно рассмеялся. – Родители меня убьют, но мне плевать. Они заставили меня поступить сюда. Я сказал им после старшей школы, что хочу стричь и делать макияж! Чтобы я делал мир более красивым, по одной женщине средних лет за раз.

Бесстыдно гордись тем, кто он есть, Аарон обладал светлыми волосами и тощей фигурой. На самом деле, он не так сильно отличался от Бена. Может быть, он будет достаточно похож. Тим остановился, Аарон прошёл ещё несколько шагов, прежде чем заметил.

– Что такое?

– Иди сюда, – хриплым голосом произнёс Тим.

Аарон поправил одежду и покраснел, прежде чем подчинился. Когда он приблизился достаточно, Тим положил руку на его шею, потянулся вперёд и поцеловал его. На вкус Аарон был как жвачка, которую он жевал, его дыхание было

мятно-свежим. Он хорошо целовался, позволяя Тиму вести, но не оставаясь пассивным. И Тим не чувствовал ничего. Даже никакого шевеления в штанах.

– За что это было? – усмехнулся Аарон, когда Тим отстранился.

– Просто так. Ещё увидимся.

Оказавшись на улице, Тим обошёл здание, чтобы сойти с парковки, где стояли их машины. Почувствовав достаточную дистанцию, он прислонился к кирпичной стене и устоял перед желанием побиться о неё головой. Как глупо! Конечно, никто не мог сравниться с Беном, но это всё равно стоило попытки. Жизнь была бы намного легче, если бы он смог двигаться дальше.

Теперь Тим знал, что не сможет.

Ночи были бессонными, хоть он и бегал больше, чем обычно, или играл в бесчисленные игры с Шиншиллой. Даже с истощённым телом, разум Тима лихорадило, он отказывался отдыхать, пока Тим продумывал схему за схемой по возвращению Бена. Одно было известно наверняка: пока Джейс на горизонте, у него нет ни шанса. Так что он сосредоточился на том, чтобы как-то их разделить. План, который он придумал, был великолепен, но это был его единственный шанс.

На следующей неделе, после занятия по современному искусству, он пригласил Аарона на кофе. Его предложение, наверное, заработает ему удар по лицу, учитывая, каким Аарон был оживлённым. Они сидели друг напротив друга за столиком с шахматной поверхностью. Это было то же кафе, где Тим снова нашёл Бена.

Он рассказал Аарону сжатую версию своей истории с Беном, и плечи Аарона медленно начали опускаться. Только когда Тим подошёл к концу, Аарон с надеждой выпрямился.

– Звучит так, будто между вами двумя всё кончено, – сказал он.

Тим кивнул.

– Да. Но я не могу двигаться дальше. Я продолжаю пытаться... – Он многозначительно посмотрел на Аарона. – Этот парень, с которым сейчас Бен... – он нехороший. – Ложь. Джейс был слишком хорош, но правда не поможет его делу. – Может, если бы они больше не были вместе, я смог бы переступить через это.

– Ты не можешь ничего с этим поделать, – пренебрежительно произнёс Аарон.

– Я думаю, что могу.

– Оу?

Тим откинулся назад.

– Что, если кто-то напишет Джейсу любовное письмо? Парень всё время путешествует, что дало бы ему кучу возможностей изменить Бему.

– И... что? Ты отравишь любовное письмо Джейсу и будешь надеяться, что Бен его найдёт? – Аарон нахмурился. – Джейс просто выбросит его.

Пора подготовиться к последнему удару.

– Верно, но если Бен увидит, как этот парень оставляет Джейсу письмо, может быть, прикрепляет его к двери...

– А-ха. Дай-ка угадать. Ты хочешь, чтобы этим парнем был я.

Тим медленно улыбнулся.

– Я ведь не могу сделать это сам.

Аарон сжал губы.

– Я не тупой, знаешь ли. Ты хочешь, чтобы они расстались, чтобы ты мог добраться до Бена.

Чёрт. Время для новой стратегии.

– Я могу сделать так, чтобы это стоило твоего времени.

– Серьёзно? Как?

Было что-то тревожное в том, как Аарон смотрел на него, будто думал, что Тим с радостью вывалит на стол своё хозяйство в ответ на его услугу.

– Я имею в виду деньги, – сказал он. – За обучение в академии красоты.

Аарон закатил глаза.

– Ага, верно.

– Мы можем прямо сейчас пойти в банк. Тебе стоит только написать письмо и убедиться, что Бен увидит, как ты его доставляешь. Я знаю, в какое время он уходит с занятий. После этого он всегда едет к Джейсу.

– Ты сумасшедший.

Тим пожал плечами.

– Можешь извлечь из этого выгоду. Пять тысяч за что, десять минут работы?

Глаза Аарона сузились, но уголки губ дёрнулись. Тим его оцепил.

В любви всегда есть немного безумия. Но и в безумии всегда есть немного разума. Фридрих Ницше определённо был прав, но Тим задавался вопросом, было ли когда-нибудь у немецкого философа такое, что он прятался дома, пока кто-то другой выполнял его грязную работу. Но Тим не был один. Рядом с ним, потя над тетрадями, сидело его алиби. Джессика была сокурсницей, и, к чести Тима, когда она рассказала, что нуждается в напарнике по учёбе, он ещё не высидел свою злобную схему. Но он знал, что Бен умён. Тим мгновенно окажется под подозрением, и поэтому он воспользовался возможным преимуществом.

Тим пригласил Джессику прийти днём, изо всех сил стараясь сосредоточиться на учебном материале. По большей части он позволял ей говорить, когда сам мог думать только о своём дурацком плане.

До сегодняшнего утра он чувствовал уверенность в этой идее. Так много что могло пойти не так. Что, если Джейс найдёт Аарона, прикрепляющего записку к двери? Или что, если у Бена были планы с Эллисон, и он даже не поедет в квартиру Джейса? Пока день подходил к концу, Тим убедился, что это провал.

Затем он услышал стук в дверь.

– Сейчас вернусь, – сказал Тим, побежав открывать, и нашёл на пороге Бена с красным от злости лицом.

– Кто здесь? – прорычал он.

О-оу.

– Просто кое-кто с учёбы.

Бен бросил взгляд недоверия, прежде чем протолкнулся мимо него. О боже, он зол! Тим пошёл за ним в гостиную, ожидая под дверью и представляя, как Бен находит Джессику в окружении книг и записей.

– Это твоя машина на улице?

– Хах? – Джессика звучала совершенно потерянно, что было идеально. – Да. Мне нужно её переставить?

– Нет. Прости. – Теперь голос Бена звучал больше смущённым, чем злым, так что Тим вступил в разговор.

– На самом деле, – сказал он Джессике, – нам придётся доделать все завтра. Кое-что случилось.

Джессика запаниковала.

– Осталось всего два дня!

– Я знаю. Мы завтра всё закончим, обещаю.

Джессика собрала свои вещи и ушла, её лицо не покидало выражение ужаса. Ох уж эти скверные экзамены! Тим переживал бы из-за них, если бы у него не было денег Эрика, но сейчас он был сосредоточен на Бене.

Шиншилла танцевала у ног Бена, пока тот садился на диван. Она тявкала, привлекая его внимание, писая от восторга, но Бен был слишком опустошён, чтобы отвечать. Тим схватил бумажные полотенца, которые всегда держал поблизости, и прибрался, поднимая взгляд на Бена. Боже, хорошо было снова его видеть! Даже если он выглядел несчастным.

– Ты ведь не оставлял записку на двери Джейса? – спросил Бен. – И не просил никого это сделать?

– Нет, – Тим сел, выглядя обеспокоенным, – а что? Что случилось?

И всё разыгралось прямо как в его фантазиях. Ну, почти. Бен не бросился в объятия Тима, но пока они говорили, его злость была направлена только на Джейса. Тим захватил пару банок пива, чтобы помочь процессу, пока Бен становился всё более и более взволнованным. И затем всё пошло ужасно неправильно.

– Знаешь, если он собирался изменять мне, – сказал Бен, – он мог бы просто спросить. Я бы разрешил ему это, если бы он захотел. Мне плевать. В смысле, это было бы больно, но лучше, чем ложь. Это худшая часть, потому что заставляет меня задуматься, о чём ещё он врал. Не об изменах, а... – Голос Бена надломился. – Что, если он врал насчёт любви ко мне? Зачем ещё ему спать с кем-то другим?

Появились слёзы. Всего парочка, но как призрак рождественского прошлого, они вернули Тима обратно к той ночи, когда он наблюдал, как Бен плачет на его заднем дворе. Тот момент был самым низким в жизни Тима, и сейчас он проделал всё это снова. Бену было больно, и во всём этом виноват был он.

– Я заброшу пиццу в духовку, – пробормотал он, поднимаясь на ноги и чувствуя себя неустойчиво, пока выходил из комнаты. Он не мог видеть Бена таким, не хотел встречаться с этим лицом к лицу.

Оказавшись на кухне, он попытался взять себя в руки. Ущерб нанесён. Бену в любом случае будет больно, поверит он в ложь или узнает правду. Его злость могла сосредоточиться снова на Тиме, но боль останется. Сглотнув горький привкус вины, Тим решил пробиться вперёд.

Он принёс с собой в гостиную ещё пару банок пива, нуждаясь в выпивке так же сильно, как Бен. Даже алкоголь не позволял Тиму насладиться своей победой. Наступила ночь, и Бен был слишком пьян, чтобы ехать домой, так что Тим пригласил его остаться. Когда Бен, спотыкаясь, упал в его объятия, неуклюже подкатывая к нему, Тим почувствовал отторжение из-за того, что сделал, и отвёл Бена в одну из гостевых комнат. Затем он прошёл в свою собственную комнату, помогая Шиншилле залезть на кровать, прежде чем забрался под одеяла сам. Лёжа на спине, он смотрел в потолок, готовясь к очередной бессонной ночи.

Я могу сделать его счастливым.

Эти простые слова пронесли Тима через следующие три дня. Бен был занят экзаменами, и у Тима у самого было мало времени, но он наплевал бы на выпускной, если бы Бен хотел быть с ним. Он звонил Бену в любое время, когда мог, и однажды уговорил его на быстрый ланч. Тема Джейса никогда не всплывала, Тим слишком боялся поднимать её. Он молился, чтобы всё это было не зря, но, в конце концов, решил перестать мучиться из-за того, что причинил боль Бену, и сосредоточиться на своём убеждении.

Он мог сделать Бена счастливым. Намного счастливее, чем когда-либо получалось у Джейса. Если он делал Бена счастливым в их подростковом периоде, когда попытки Тима были недостаточными и неумелыми, то сейчас определённо намного лучше.

В субботу было адски жарко, и хоть Бен сказал ему по телефону, что будет занят, работая над своим тезисом, Тим всё равно позвонил и пригласил его к себе, поплавать. В ту же секунду, как Бен согласился, Тим занялся делом, вылавливая листву из бассейна, наливая в графин «Кул-Эйд» и проверяя в зеркале свой внешний вид. Он уже с намёком был одет в узкие плавки – нетто, чтобы Бен знал, какое у него достоинство – и уделил внимание своим волосам, пытаясь решить, уложить их гелем в беспорядочной причёске или оставить в естественном виде, раз они будут плавать. Он по-прежнему не принял решение, когда услышал, как Бен открыл входную дверь.

– Шиншилла, ко мне!

Тим побежал к заднему двору, подхватывая серебряный поднос с «Кул-Эйдом» и удерживая его, как официант. Он надеялся, что Шиншилла послушно будет оставаться рядом с ним, но вместо этого она напала на стопку полотенец и тащила одно из них прочь.

Затем Бен прошёл через стеклянные раздвигающиеся двери, одетый в тёмно-синие плавки, голубую майку и сланцы. Он был одет как пляжный бездельник, но над ним всё ещё висел мрак экзаменов. Скоро они это исправят.

– Месье. – Тим любезно кивнул и принёс поднос, поставив его и налив Бену стакан напитка.

– Спасибо, – выдохнул Бен после большого глотка, – но бассейн – единственное, что меня охладит.

– После тебя, – сказал Тим. Он наблюдал за тем, как Бен снимает майку, желая сделать это за него, провести руками по его бокам, коснуться пальцами его рёбер и пощекотать светло-русые волоски под мышками. Бен встретился с ним взглядом, пока снимал сланцы. Последний раз, когда они вместе были так раздеты, они целовались в гроте в «Сплэштауне». Теперь казалось, будто они начинают с того, на чём остановились. Или на это надеялся Тим.

Бен подошёл к бассейну и присел на край, пробуя ногой воду, прежде чем нырнуть. Тим прыгнул следом. Бен подскочил под водой и снова всплыл на поверхность, его волосы загладились назад.

– Это очень мило.

Тим подплыл ближе.

– Всё не так плохо. Но бассейн слишком маленький, чтобы плавать кругами, он, скорее, как шикарная ванна.

– Бассейны нужны для того, чтобы расслабляться, а не тренироваться.

– Тренировки расслабляют.

Бен усмехнулся.

– Плевать, атлет.

– Не помню, чтобы ты когда-нибудь жаловался. – Тим нырнул под воду, покрасовался стойкой на руках, прежде чем снова подняться над поверхностью. – Экзамены закончились?

– Да, – кивнул Бен.

– А Джейс? – небрежно произнёс он. – Вы двое уже помирились?

Бен отвернулся от него, пряча своё выражение лица.

– Вроде как наоборот. Мы взяли перерыв.

Тим мысленно дал «пять» Богу.

– Вау. Бенджамин Бентли снова свободен.

– Не совсем.

– Нет?

– Я не знаю.

Ладно, это было туманно, но перерыв есть перерыв. Тим не хотел, чтобы он думал о Джейсе, поэтому шутливо брызгался водой на Шиншиллу, которая ворчала и гавкала с края бассейна. Бен смеялся и присоединился, специально промахиваясь. Затем Тим бросил ему вызов погоняться, быстро сплавив до конца бассейна и обратно.

– Готов? – спросил он, намеренный победить. – Раз, два, три! – Тим сорвался с места, достигая конца бассейна, и развернулся обратно, когда заметил, что Бен по-прежнему там.

– Я тебя победил, – сказал Бен.

– Ты не плыл!

– Откуда ты знаешь? Здесь где-нибудь есть камеры слежения? Проверь их и увидишь мои быстрые, как молния, навыки плавания.

Тим покачал головой и поплыл обратно к нему.

– Почему бы тебе не показать мне, пока я здесь посижу.

Бен выглядел оскорблённым.

– Ты издеваешься? Такие движения истощают! Мне нужен перерыв.

Он поплыл к лестнице и выбрался из бассейна, из-за воды плавки прилипли к его телу и подчеркнули каждую деталь. Затем вылез Тим, падая лицом вниз на шезлонг рядом с Беном.

– Намажешь мне спину маслом? – пригласил он.

Бен фыркнул.

– Ты можешь придумать ещё более банальную фразу?

– Она испытана на практике, – поспорил Тим. – Она не просто так выдержала проверку временем.

– Достаточно справедливо.

Тим подождал, пока Бен сядет на край его шезлонга, кровь уже бурлила от их близости. Затем он перевернулся.

– Думаю, на самом деле, мне и спереди немного надо.

Бен посмотрел на него почти умоляющим взглядом, но Тим не был уверен, умолял он остановиться или продолжать – пока Бен не перевернул бутылочку, капая масло на его грудь. Затем Бен накрыл его грудь ладонью, касаясь тёплыми пальцами, несмотря на плавание в бассейне. Тиму хотелось кричать. Эта эмоция превратилась в похоть, когда Бен двинул рукой вдоль его кожи, медленно продвигаясь на юг.

Тим больше не мог этого выносить. Он взял Бена за руки и насильно притянул вниз. Их губы встретились, но на этот раз Бен не колебался, и их никто не прервёт. Их губы с отчаянием сминали друг друга, будто они оба изголодались. Затем подключились остальные части их тел, пока они пробирались руками в плавки друг друга.

Как только они разделись догола, Бен забрался на Тима, шезлонг скрипел, пока они прижимались друг к другу. Если поцелуй в «Сплэштауне» был огнём, это было пламя. Тим не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь так горел, его нужда выбила мысли, пока он отдавался грубым чувствам. Он взял масло, используя его, чтобы смазать их обоих, в то время как Бен тёрся о него, но ему нужно было всё, нужно было быть близко к нему, как только возможно человеку. Он подтянул Бена выше, хватая его за запястья и сжимая их сзади, чтобы Бен упал на него всем весом. Бен ёрзал, и Тим двигался, пока они не подстроились. Затем Тим мягко толкнулся внутрь.

Экстаз! Он хотел, чтобы этот момент длился всю их оставшуюся жизнь. Пусть они состарятся и превратятся в пыль на этом самом шезлонге, потому что то, что было между ними сейчас, было идеалом. Они были одним целым, неделимым, пять лет между ними растаяли, как плохой сон. Когда они кончили вместе, их задышающиеся

тела были липкими от пота, Тим был уверен, что это был именно он – ужасный кошмар, но сейчас они проснулись вместе.

Тим отпустил Бена только на секунду, чтобы снова обвить его руками.

– С возвращением.

Бен вздохнул, уткнувшись ему в грудь, но когда он поднял голову, на его губах была усмешка.

– Ты не представляешь, как много раз я фантазировал об этом.

– О чём, о сексе у бассейна?

– Ты знаешь, что я имею в виду. – Бен снова позволил себе опустить голову. – О том, как мы каким-то образом найдём друг друга и поддадимся чувствам ещё один раз.

– Я хочу намного большего, чем один раз, – произнёс Тим, сжимая его.

– Ау! – прохрипел Бен.

– Прости.

Когда снова смог дышать, Бен рассмеялся. Затем он перевернулся на бок, приподнимаясь.

– Я никогда не переставал думать о тебе. Я хотел перестать. Иногда мне удавалось продержаться дни или даже недели, но ты неизбежно всплывал в моих мыслях.

– Со мной то же самое, – сказал Тим. – Наверное, этому есть причина. Здоровое, научное объяснение.

Бен закатил глаза и шутливо толкнул его локтем.

– У нас здесь трогательный момент.

– Прости. – Тим придал своему лицу хладнокровное выражение. – Хочешь переехать ко мне? Пожениться утром? Я даже сделаю тебе белый заборчик у дома.

Бен вздохнул.

– Конечно же, в своих фантазиях я забыл, насколько ты полон дерьма.

– Проверь меня, – бросил вызов Тим. – Всё, что захочешь. Только назови.

Когда Бен посмотрел на него, Тим был уверен, что, наконец, понял, как серьёзно себя чувствует. Затем Бен нежно улыбнулся.

– Как насчёт ужина с твоими родителями?

Тим рассмеялся.

– Хорошо, но ты должен появиться будто случайно. Я позвоню тебе в следующий раз, когда моя мама будет готовить чили релено. – Бен усмехнулся, но Тим не закончил. – Я серьёзно. Я имею в виду насчёт того, что сказал. Всё, что захочешь.

Бен выдохнул, будто встречаясь с серьёзным решением.

– Давай позволим всему развиваться естественно. Под этим я подразумеваю медленно. Для меня прямо сейчас всё по-прежнему немного странно, понимаешь?

Джейс. Но Тим больше не переживал из-за него, поэтому кивнул.

– Это может быть не готовка моей мамы, но я могу сводить тебя на ужин. Я читал об одном месте, где можно привести с собой собаку, и ей тоже приготовят поесть.

– Серьёзно?

– Зуб даю.

Бен взглянул на Шиншиллу.

– Но она не приучена к лотку.

– Может, об этом спрашивают, как о предпочтениях по поводу курения. «Вам зал для писающих или для неписающих, сэр?»

Бен рассмеялся над его дурацкой шуткой, как было всегда... и с небольшой удачей всегда будет.

Глава 26

Тим стучал пальцами в такт песне по радио, руль служил ударным инструментом, пока он бросал взгляды на свой телефон на пассажирском сидении. Звонить или не звонить? В субботу Бен остался допоздна, но не ночевал у него. На следующий день Бен сидел дома, работая над тезисом и находясь вне доступа. Тим предоставил ему пространство, но начинал жалеть об этом. В понедельник, как только закончилось его единственное занятие, ему хотелось отправиться прямо домой к Бену, и он бы так и сделал, если бы Шиншилле не нужно было прогуляться. Двадцать четыре часа без «аварии» было большим делом, и Тим надеялся продолжить рекорд.

Когда он подъехал к своему дому, машина Бена стояла на подъездной дорожке, из-за чего ускорился его пульс. Достаточно странно, Бен появился из-за гаража. Он шпионил? Тим переживал бы, если бы гараж не был заперт, так что он оттолкнул эту мысль и с одобрением улыбнулся в ответ на неожиданный визит.

– Вау, – произнёс Тим, выйдя из машины. – Подумай о чём-нибудь достаточно сильно, и это сбудется.

– Что ты имеешь в виду?

Один намекающий взгляд, и Бен всё понял.

– Я на сегодня закончил с учёбой, – сказал Тим. – А ты?

– Наконец-то свободен.

– Хорошо. Идём в дом.

Бен был нехарактерно тихим, пока Тим вставлял ключ в замок. Но ключ не проворачивался, потому что дверь уже была открыта.

– Я зашёл сзади, – робко произнёс Бен.

– Хочешь ключ от моего дома? – спросил Тим, приглашая его внутрь. – Я повешу его на цепочке тебе на шею и всё такое.

– А затем я буду пробираться наверх в твою комнату по ночам?

– Да.

Слова звучали с юмором, но несли с собой груз. Тим взял Бена за руку, провёл его через дом и вверх по лестнице, в свою спальню. Встав рядом с кроватью, он притянул Бена ближе, прижимая их бёдра друг к другу и медленно раскачиваясь, будто это был последний танец вечера. Глаза Бена блеснули, рассматривая Тима по-новому. Это было хорошо. Он хотел, чтобы Бен видел, что всё изменилось, но ему так часто не хватало слов, чтобы выразить это. Что он мог сказать, чтобы передать то, кем был для него Эрик? Каких слов было достаточно, чтобы объяснить годы сожаления, которые мучили его со времён лета девяносто седьмого года?

Так что вместо этого Тим медленно раздел Бена, и в отличие от субботней смеси жара и страсти, сегодня он не торопился, целуя Бена повсюду, проводя руками по его коже, заново открывая для себя каждую его часть. Когда они вместе лежали в кровати, секс был на втором месте, как побочный результат их близости. Даже после оргазма их прикосновения не прекратились.

Бен лежал на изгибе руки Тима, очерчивая контуры его мышц.

– Кто мы? – спросил он.

– После этого? Истощённые люди.

– Серьёзно.

Хорошо, пора возвращаться к реальности.

– Ну, мне бы хотелось думать, что ты мой бойфренд.

Повисла тяжёлая тишина. Прежний Бен был так счастлив, когда Тим наконец подтвердил их отношения, но сейчас он был задумчивым. Впервые Тим действительно поверил, что Бен изменился так же сильно, как и он сам.

Когда Бен, наконец, заговорил, Тим удивился теме.

– Ты остаёшься в Остине после выпуска?

– Думаю, да. Я правда не хочу возвращаться в Хьюстон. А ты?

– Нет. Ты когда-нибудь туда едешь?

Тим поёрзал, пытаясь вспомнить последний раз, когда ездил повидаться с родителями. Он ответил просто.

– Да, на праздники.

– Твои родители будут удивлены снова увидеть меня в твоей жизни.

Конечно, недавний разговор об ужине был шуткой. И какого чёрта Бен думает, что Тим захочет привести его обратно туда?

Бен напрягся.

– Они не знают, что ты гей, да?

Хорошо, значит, некоторые вещи не изменились.

– Зачем трудиться и рассказывать им? Они едва ли часть моей жизни.

Бен приподнялся на локте.

– Ты сказал, что признался!

– Так и есть! Другим и многим другим. Своей семье я ничего о себе не рассказываю.

– Но что, если они узнают? – произнёс Бен. – В последний раз, когда это чуть не произошло, ты бросил меня, лишь бы тебя не раскрыли.

– Я расскажу им, если ты хочешь, – огрызнулся Тим. – Я должен позвонить им прямо сейчас, или мы можем расслабиться?

Бен свесил ноги через край кровати. Мгновение он сидел так, прежде чем встал и оделся. Тим был уверен, что он вот-вот уйдёт, но Бен оглянулся и сказал:

– Я приготовлю нам что-нибудь поесть.

– Хочешь, чтобы я помог?

– Нет. Я справлюсь.

Тим позволил ему спуститься вниз, оставаясь в кровати и всё обдумывая. Им нужно больше, чем это, больше, чем секс, чтобы возобновить их близость. Может быть, ему действительно следовало отвезти Бена к своим родителям, исправить ошибки прошлого. Он мог бы даже найти Кристу Норман и терпеливо объяснить ей, что всё время любил Бена. Этого хотел Бен?

Тим вылез из постели, надел боксеры и направился вниз. Кухня не была заполнена шкварчающим мясом или грохочущими крышками кастрюль. Ничего не было потревожено. Бен стоял, прислонившись к тумбочке, ничего не делая.

– Что происходит?

Бен выпрямился, направляясь к холодильнику.

– Я как раз собирался начать. Эй, ты ходил в магазин!

– Серьёзно, – произнёс Тим, подходя к нему. – Просто скажи мне.

Бен развернулся и вздохнул.

– Слушай, я знаю, что ты скрытный. Я помню это и знаю, что тебе нужно время, чтобы открыться.

Тим в защите поднял руки.

– Я ничего не скрываю.

Бен бросил взгляд в сторону окна, и Тим был уверен – Бен шпионил в гараже.

– Ты имеешь в виду мои картины?

– Почему они все вот так свалены в гараже?

– Это моя мастерская.

– И она полна законченных картин. Ты живёшь практически в замке. Развесь парочку!

Тим уставился на него.

– Серьёзно? Ты злишься, что я не самовлюблённый и не окружаю себя своим собственным искусством?

Плечи Бена опустились.

– Нет. Не злюсь. Я просто боюсь, что история повторится. – Он поднял взгляд на Тима. – Я снова влюбляюсь в тебя. Или никогда не переставал быть влюблённым. Я не знаю. Всё так запутанно, и всё кажется таким напряжённым, даже больше, чем когда мы были младше. Ты понимаешь, о чем я?

– Да, – хриплым голосом произнёс Тим. Он понимал.

– Только подумай, насколько больнее будет, когда ничего не выйдет.

– Ты говоришь так, будто это уже предопределено.

Бен покачал головой.

– Я не это имею в виду. Слушай, просто пообещай мне, что я могу тебе доверять. Что какие бы у тебя ни были секреты, они не навредят нам.

– У меня нет никаких секретов, – соврал Тим. Как он мог когда-нибудь признаться в том, что сделали они с Аароном? Но Бен нуждался в большем, как и всегда. – Раньше, в кровати, ты спросил об этом шраме у меня на руке.

Бен кивнул.

– Ты сказал, что это была ошибка, что бы это ни значило.

– Да. Ошибка. Его звали Трэвис.

Тим сделал глубокий вдох и рассказал Бену свою историю.

Сдав экзамен по современному искусству, Тим вышел за дверь класса, желая волшебным образом оказаться на сцене, чтобы забрать свой диплом. Его обучение в колледже подходило к концу, предполагая, что он прошёл это испытание. Он был уверен, что, как минимум, пролез со скрипом. Не смотря на то, что по-прежнему не знал, что делать со своим будущим, он испытывал чувство гордости за то, что приложил усилия и прошёл через всё это, особенно в последний год, когда деньги Эрика превратили исключение из колледжа в сильный соблазн.

– Как дела? – произнёс в коридоре Аарон.

Тим надеялся избежать его. У него были планы встретиться на ланч с Беном, но он мог потратить пару минут.

– С экзаменами? Без проблем. А ты?

– Я уверен, что сдал, не то чтобы это имело значение.

– Несёшь мои деньги в ближайшую академию красоты?

Аарон рассмеялся.

– Что-то типа того. Как всё идёт с Беном?

– Хорошо, – медленно кивнул Тим. – Думаю, мы достигаем успеха.

Выражение лица Аарона была немного фальшивым, но он сказал:

– Ему везёт. Это вроде как романтично – то, на что ты пошёл. В смысле, всё перекручено, но и отчасти мило.

– Спасибо. Слушай, мне жаль, если я посылал смешанные сигналы. Год был очень странным.

Аарон закатил глаза, но не выглядел злым.

– Не велика беда. Думаю, я найду подходящего парня, пока буду стричь волосы. Если получу работу в элитном салоне, я отхвачу себе своего богатого старого...

Аарон так и не закончил предложение, потому что кто-то схватил его и развернул к себе. Когда Тим увидел, кто это, у него внутри всё рухнуло.

– Ты здесь учишься? – с недоверием произнёс Бен.

– Какого чёрта? – огрызнулся Аарон, прежде чем до него дошло. – О Боже! Оставь меня в покое!

Аарон попытался отстраниться, но Бен удерживал хватку на его плече, хватаясь и за другое. Тим не видел его таким с той их перепалки с Брайсом и его кузенном.

– Я думал, ты из другого города, – рявкнул Бен. – Ты учишься здесь, да?

– Спроси у Тима! – завопил Аарон. – Не вмешивайте меня в свой маленький любовный треугольник.

Аарон высвободился, пятась, прежде чем развернулся и вылетел из здания. У Бена не осталось сил бороться, но его дыхание по-прежнему было учащенным, пока он смотрел в пространство, собирая вместе кусочки пазла. Затем он взглянул на Тима с омерзением в глазах, прежде чем отвернулся.

– Бенджамин, подожди! – Тим поспешил следом, становясь перед ним. – Дай мне объяснить.

– Ты соврал! А я был достаточно глуп, чтобы поверить. А теперь Джейс... – голос Бена затих, имя Джейса прозвучало чуть громче шёпота. Он смотрел на Тима, качая головой, будто правда была слишком ужасной, чтобы поверить.

Тим терял его. Снова.

– Я сделал бы что угодно, чтобы быть с тобой. – Тим вложил в эти слова всего себя, отчаянно желая убедить Бена, что в этот раз он говорит правду. – Да, я соврал, но я не жалею об этом. Если это то, что потребовалось, чтобы вернуть тебя, тогда это того стоило.

Он попытался обнять Бена, надеясь, что тот расплчется в этот последний раз, выплеснет всё это, чтобы они могли двигаться дальше. Вместо этого Бен взорвался, всплеснув руками и отталкивая Тима. Безудержный, он бросился к дневному свету в конце коридора.

– Я облажался, ладно? – крикнул ему вслед Тим.

Бен продолжал двигаться.

– Я не знал, как больно тебе будет бросать Джейса.

Бен добрался до дверей и распахнул их, Тим следовал за ним по пятам и пытался подобрать достаточно мощные слова, чтобы заставить его остановиться.

– Ты поцеловал меня! Не то чтобы между вами двумя было всё идеально. Ты хотел быть со мной так же сильно, как я хотел быть с тобой.

Бен уже был рядом с машиной, качая головой и возясь с ключами.

– Ты хотел поверить в ложь.

Ключи со звоном упали на землю. Тим почувствовал, как к нему протянулась слабая нить надежды.

– Ты хотел найти оправдание, чтобы прибежать ко мне. Ты так же сильно, как и я, хотел, чтобы твои отношения с Джейсом развалились.

Бен повернулся и прислонился к своей машине, будто вот-вот потеряет сознание. Тим взял его за руки, счастливый найти оправдание, чтобы прикоснуться к нему, нарушить дистанцию, которая угрожала разделить их.

Бен был скептичен.

– Что с нами такое? Наши жизни всегда такие поганые, когда мы вместе. Это то, что притягивает нас друг к другу? – Он снова покачал головой. – Это как в тех исследованиях, когда женщина встречает мужчину на качающемся мосту через расщелину и находит его невероятно привлекательным, но когда она видит его в безопасном окружении, она едва ли взглянет на него второй раз. Сейчас мы нравимся друг другу, но что будет, когда опасность исчезнет, когда наша любовь больше не будет запретной или тайной? Что останется между нами тогда?

– Много чего, – сказал Тим. – Я обещаю.

Взгляд Бена опять стал недоверчивым, будто Тим снова начал нести околесицу.

– Как я вообще могу продолжать тебе доверять? Ты соврал насчёт своего признания, ты прячешь свои картины. В тебе есть хоть что-нибудь настоящее? Я вообще знаю тебя?

– Не говори так, – умолял Тим. – Ты знаешь меня. Ты, возможно, единственный, кто знает меня.

– Что ж, возможно, я больше не хочу тебя знать.

Тим позволил своим рукам упасть. В ту же секунду, как стал свободен, Бен поднял ключи и сел в машину. Тим наблюдал за ним, надеясь, что он остановится, опустит окно и скажет, что не имел этого в виду, что эти фальшивые слова сформировала страсть. Но Бен даже не взглянул на него – ни разу – прежде чем уехал прочь.

Телефон на другом конце провода звонил и звонил, служа песней грустного кита для его ушей. Обычно ответа не было, но когда трубку подняла Эллисон, она сказала Тиму, что Бена нет дома. Он всё равно продолжал звонить, отчаянно желая извиниться, объясниться, хоть и знал, что это не поможет. Устав от ожидания ответа, которого не получал, Тим пришёл лично.

Дверь открыла Эллисон.

– Его здесь нет.

Тим вздохнул и развернулся, чтобы проверить подъездную дорожку. Машины Бена там не было, но, может быть, он припарковался за кварталом.

– Хочешь войти? – предложила Эллисон.

– Нет. Я тебе верю.

– Я всё равно хотела с тобой поговорить, – сказала она.

Тим колебался. Не казалось, что она злится на него.

– Бен рассказал тебе, что произошло?

Она кивнула.

– Это было ниже низкого, но я должна отдать тебе должное. Я никогда не думала, что ты сделаешь что-нибудь такое сумасшедшее, чтобы снова завоевать Бена.

– Серьёзно? Ты только сейчас понимаешь, как много он значит для меня?

Эллисон пожала плечами.

– Ты не самый проявляющий эмоции парень. Раньше я думала, что ты хочешь видеть Бена в своей жизни только тогда, когда тебе это удобно.

– Поверь мне, – сказал Тим, – наши отношения никогда не были удобными.

Улыбка Эллисон была сочувствующей, но выражение лица стало серьёзным.

– Они возобновляют отношения.

– Что?

– Джейс и Бен. Прямо сейчас Бен избегает вас обоих, но он жалеет о том, что произошло с Джейсом, и хочет начать всё заново.

Тим покачал головой.

– Джейс не примет его обратно, когда узнает обо мне.

– Примет, – сказала Эллисон. – Я всё ему рассказала. Джейс по-прежнему хочет его вернуть.

Серьёзно? Мог ли кто-либо действительно быть таким милым?

Эллисон прочла выражение его лица.

– Этот мужчина – святой. Я знаю, что у вас с Беном есть история, но и у них тоже. И Джейс никогда не причинял боль Бену. Никогда. Может быть, когда-нибудь это произойдёт, но не намеренно. Он слишком хороший мужчина.

– Так мне и говорят, – пробормотал Тим.

– Завтра выпускной.

– Я знаю.

Тим с одержимостью думал об этом, потому что Бен точно будет там. Он не хотел улаживать всё на публике, но это могла быть его единственная надежда.

– Джейс придёт, – сказала Эллисон. – Это сюрприз. Бен не знает. Это их лучший шанс снова сойтись, и мне нужно, чтобы ты поступил правильно. Если ты любишь Бена, если хочешь, чтобы он был счастлив, ты отступишь и оставишь их в покое.

– Я не хочу, – произнёс Тим, но без вызова. Вместо этого он чувствовал себя ребёнком, который борется с неизбежным. – Я хочу делать его счастливым.

– Ну, вот твой шанс, – сказала Эллисон. – Многие парни пытались занять твоё место, но они были либо отбросами, либо не достаточно хорошими для Бена. Затем появился Джейс, и сбылись все мечты Бена. Дай им их пространство. Позволь Бену быть с человеком, который делает его самым счастливым.

– Он действительно настолько хорош? – спросил Тим.

– Джейс? – Эллисон кивнула. – Он чертовски невероятен.

Тим не мог согласиться – по крайней мере, не словесно. Он не доверял тому, что его голос будет достаточно сильным. Но он кивнул, и Эллисон обняла его.

– Спасибо, – сказала она, сжимая его. – И мне жаль.

– Да, мне тоже. – Тим сделал пару шагов назад. – Слушай, если у них ничего не выйдет, дай мне знать, хорошо? Просто на случай, если Джейс серийный убийца или ещё что.

– Ими всегда оказываются хорошие люди.

Они разделили неловкий смех, прежде чем Тим попрощался, скорее предназначая слова Бену, чем кому-либо ещё.

Прощай, Бенджамин.

Глава 27

– Прелесть, Гордито! Вся церемония была просто прелестна. Мы так тобой гордимся!

Мать Тима подняла бокал с вином, побуждая Тима и его отца сделать то же самое. Ресторан был полон других новоиспечённых выпускников и их родителей, отмечающих большое событие. Тим чокнулся бокалом с родителями и улыбнулся, хоть и не был в праздничном настроении. Не с тех пор, как на церемонии назвали имя Бена. Тим привстал, последний раз бросая взгляд на Бена, прежде чем тот вернулся к беззаботной жизни, которую Тим прервал.

– Что теперь? – со знающей усмешкой произнёс его отец. – Вот, какой ты себе задаёшь вопрос. Я помню это ощущение, переживания по поводу работы, или выпустился ли ты с правильной степенью.

– Да, точно.

Каким-то образом Тиму удалось скрыть сарказм.

– Ты найдёшь свой путь, сынок. Ты всегда можешь поработать в моей компании. Нам не помешал бы новый менеджер по продажам в Остине.

Элла засияла от этой идеи.

– Это поможет тебе продержаться на ногах, пока ты не найдёшь подходящую архитектурную фирму.

Тим чуть не рассмеялся. Архитектура не была его будущим. Она была просто удобным ответом, когда люди спрашивали, чем он планирует заниматься.

– На самом деле, я, наверное, возьму небольшой перерыв. Может быть, попутешествую или сосредоточусь на рисовании.

– Ты не можешь зарабатывать на жизнь искусством, – произнёс отец.

Это уж точно, но они не знали о деньгах. Эрик оставил ему достаточно, чтобы Тим мог жить, не привлекая внимания, не касаясь настоящего наследства, если будет осторожен. Но его родители не имели никакого понятия об этом, думая, что он по-прежнему живёт в доме братства. Они ничего не знали о его настоящей жизни. Или об Эрике.

Он подумал о Бене, о том, как много ему уже стоила секретность. Это было настоящим преимуществом Джейса. Каким бы крутым и уверенным ни был Джейс, Бен никогда не бросил бы Тима, если бы он не цеплялся так отчаянно за свои секреты. Но он цеплялся, что позволило Джейсу проскользнуть и занять его место, без препятствий в виде каких-либо неврастеничных комплексов. Теперь казалось, что как бы быстро он ни бежал, Тим никогда не догонит Джейса. Или Бена.

Может быть, пришло время этому измениться.

– У меня сейчас есть свой собственный дом, – сказал Тим, когда ужин подходил к концу. – Приходите на него посмотреть.

– Нам ещё три часа ехать, – ответил его отец.

– Просто заезжайте, – надавил Тим. – Мама хочет посмотреть, не так ли?

– У нас есть время, Томас.

– Очень хорошо.

Тим показывал дорогу, находясь один в своей машине, пока они направлялись в Вест Лейк Хилс. Он мог только представить, что думали его родители, пока ехали через окрестности с домами более астрономической стоимости, чем их собственный. Должно быть, они думали, что он шутит, когда он заехал на подъездную дорожку.

– Что это? – произнёс Томас, захлопывая дверь машины. – Это дом братства?

– Это мой дом, – сказал Тим, подходя к входной двери, чтобы родителям пришлось пойти следом. Неловкая тишина сопровождала их до тех пор, пока Тим не открыл дверь, и Шиншилла носилась вокруг, приветствуя. Затем Тим начал говорить.

– Был один парень. Эрик. Он тоже был братом в «Альфа-Тета-Сигме», хоть и немного раньше тебя, папа. Эрик Конрой. Ты знал его?

Отец покачал головой, и Тим провёл родителей в гостиную. Как только они расселись, он рассказал им правду. По крайней мере, все важные части. Он не рассказал им про Трэвиса, но сказал, что однажды Эрик поднял его, когда он опустился, и, вероятно, спас ему жизнь. Он рассказал им всё чудесное об Эрике, даже если это не помогло ослабить их замешательство, и тогда Тим рассказал им о том, как он умер.

Его отец был настроен скептически.

– И он оставил всё это тебе?

– Да.

– Я не вижу на это причин, – сказала его мать.

– Мы заботились друг о друге.

Томас прочистил горло.

– Если у тебя есть все эти деньги, тогда почему мы должны платить за твоё обучение?

– Я верну вам деньги, мне плевать. Просто послушайте меня. Эрик был хорошим человеком, и мы были не больше, чем друзьями, но мы любили друг друга. Хоть это не важно, вам нужно знать об Эрике то, что он был геем.

– Ох, Тим, – произнесла его мать, будто Тима обманули или принудили.

– Я не был с ним в этом смысле.

– Конечно, не был! – чуть ли не прокричал его отец. – Но он, очевидно, был достаточно сбит с толку, чтобы думать, что может купить тебя.

Тим подавил злость.

– Вы помните Бена? Из старшей школы. Он однажды ужинал с нами.

Его мать кивнула, и, когда она заговорила, её голос был тихим.

– Его имя называли на выпускном.

Она всё ещё помнила его, и это подтверждало, что она всегда задавалась вопросом.

– Как вы знаете, он тоже гей, и они с Эриком лучшие люди, которых я когда-либо встречал в своей жизни. И я знаю, вы не захотите это услышать, мам, но Библия ошибается. Или, может быть, люди изменили её или перекрутили слова, потому что нет ничего плохого или грешного в том, чтобы быть геем.

Глаза его матери блестели от слёз, хмурость отца создавала тёмные морщинки между его бровей. Они поняли. Тим сказал слишком много, чтобы они не поняли, так что он мог хотя бы просто покончить с этим.

– Я любил Эрика и люблю Бена. Я уже потерял их обоих, но, если мне повезёт, я найду кого-нибудь ещё. Но это будет не женщина.

– Достаточно! – Томас встал, хватая жену за руку и поднимая её на ноги. Затем он отпустил её и ткнул пальцем в Тима. – Лучше тебе поставить голову на место, юноша! Мы воспитывали тебя не для того, чтобы ты мог играть в эти отвратные игры.

– Ты едва ли вообще меня воспитывал! – крикнул Тим. – Не веди себя так, будто я тебя разочаровал, когда тебе всегда было плевать на меня. Ты переживаешь о том, что подумают твои друзья или коллеги? Ладно! Скажи им, что я женился на какой-нибудь фифе с большими сиськами. Мне плевать.

– Следи за языком! – отец подошёл к нему и ударил, будто он был ребёнком. Тим в защите поднял руки, мысль о том, что отец хотел избить его, была намного хуже, чем сами удары.

– Томас! Прекрати!

Нападки прекратились. Элла повисла на муже, который пыхтел, как бык.

– Мне жаль, мам. Насчёт того, что я сказал. Но не насчёт того, кто я есть. – Её глаза умоляли его забрать все слова обратно, но он не мог. – Я всегда хотел быть большей частью вашей жизни, но теперь, полагаю, роли поменялись. Дело за вами. Если вы хотите быть частью моей жизни, вам придётся принять меня. Ты всегда говорила, что у Бога есть для меня план. Что ж, вот он.

– Мы уходим.

Отец Тима высвободился из рук жены и вылетел из комнаты.

Мать Тима на мгновение задержалась, на её щеках блестели дорожки от слёз. Почему у него так хорошо получалось причинять боль людям?

Она обняла его, но он знал лучше и не обнадёживался.

– Я буду молиться за тебя, – сказала она, положив руки по обеим сторонам его лица. – Ты тоже молись. Я не хочу, чтобы ты отправился в Ад.

Конечно, почему нет? Хоть Тим и не молился очень долгое время, он начнёт молить, но не о прощении. Вместо этого он будет молиться, чтобы Бог заставил его родителей наконец-то одуматься. Когда они ушли, Тим прицепил к ошейнику Шиншиллы поводок и пошёл на прогулку, излучая злость и разочарование. Давным-давно он боялся что-то потерять, если признается, но его родители дали ему так мало, что ничего не могли забрать.

Мужчины в его жизни сделали противоположное. Эрик дал ему направление пути и дом, не просто жилище. Бен дал ему любовь – и хоть он может никогда не

узнать этого, сегодня Бен дал ему причину быть смелым. И он удостоверился, что Тим больше не будет одинок.

– Если люди хотят безоговорочной любви, им нужно просто завести собаку.

Шиншилла перестала нюхать землю на достаточно долгое время, чтобы посмотреть на него, но когда увидела, что он говорит не об угощении, она вернулась к своим поискам идеального места, чтобы сделать свои дела. Чувствуя себя странно удовлетворённым, Тим продолжил длинную прогулку в ночи.

Часть четвёртая:

Остин, 2004 год

Глава 28

Время летит, когда ты веселишься... только если ты не занимаешься исключительно этим. Тогда время начинает тянуться. Прошедший год Тим занимался именно тем, чем хотел. Сначала он отвёл месяц на починку дома, провёл ремонтные работы, которые откладывал, или менял комнаты, чтобы придать месту ощущение свежести. У него было мимолётное увлечение фотографией, но это казалось слишком простым, поэтому он вернулся к своей самой верной любви и рисовал ночи напролёт. Затем он обнаружил собачий парк, в который часто водил Шиншиллу. Каждый раз, когда он там бывал, женщины усердно с ним флиртовали, будто, наконец, окупилась все советы по поиску парней из журналов. Несмотря ни на что, Тим наслаждался этим, в кухонном ящике копилась маленькая коллекция телефонных номеров.

Устав от Остина, он посадил Шиншиллу в машину и поехал в Мехико, чтобы повидаться с бабушкой. Там он провёл большую часть месяца, жил с ней и совершенствовал свои навыки испанского. Конечно, она слышала новости. Когда он попытался поднять тему, она упрямо подняла подбородок и сказала:

– Судит Бог. Не я.

Для неё тема его ориентации была закрыта, но бабушка всё равно относилась к нему как к принцу, осыпая его любовью и привязанностью. Он испытывал соблазн продать дом и на постоянной основе переехать поближе к ней, но американец в нём вскоре стал тосковать по знакомым видам и лёгкому комфорту английского, так что Тим направился обратно. Он съездил ещё на несколько таких экскурсий, но без дружелюбного лица, ожидающего его в каждом пункте назначения, поездки казались пустыми и бесцельными, и это ощущение преследовало его до дома с последнего путешествия.

Тим мог делать всё, что хочет, но на самом деле хотел, чтобы ему было чем заняться. Он нуждался в реальном назначении, а не просто в целях, которые он создавал и выполнял сам для себя. Может быть, карьера помогла бы, даже если он не нуждался в деньгах.

Эти мысли однажды ночью забрели ему в голову, пока он ехал в «Оилкан Гарри». Пить пиво в гей-баре обычно означало, что много не подумаешь. Вскоре кто-нибудь подойдёт поболтать с ним. Тим наслаждался этими разговорами и вниманием, конечно же, хотя в эти дни было редкостью, чтобы случалось что-то большее.

По пути в бар он заметил ссутулившуюся фигуру, у стены снаружи, с надетым капюшоном и кофтой, которая крепко обтягивала тонкий силуэт. Время от времени здесь тусовался какой-нибудь парень в поисках денег, но сегодня шёл дождь. Почему парень просто не зашёл внутрь? Только если он не был несовершеннолетним. Оценив его как можно незаметнее, Тим был поражён, когда голова в капюшоне поднялась. Лицо было прекрасным, обрамлённым светлыми волосами, которые заканчивались у подбородка. Глаза голубые, как небо в Раю, встретились взглядом с глазами Тима, моля о помощи, хоть аккуратные губы не раскрылись, чтобы попросить.

Тим дружелюбно кивнул, эти ангельские глаза расширились с надеждой, но Тим отвёл взгляд и зашёл в бар. Его поприветствовал взрыв танцевальной музыки и сигаретного дыма. Он сделал только несколько шагов, прежде чем остановился, уцепив себя за переносицу. Что он мог сделать? Он не был заинтересован в эскорте. Временами Тим ходил на вечеринки Марчелло, где было полно симпатичных лиц, но ему всегда было неуютно сближаться с этими парнями. Любой из них мог быть моделью, и он уважал эту профессию, но шанс, что парень-модель равнялся шансу, что он принадлежит к элитному сервису эскорта Марчелло. Чем горячее были парни, тем больше Тим становился подозрительным и держался на расстоянии.

Парень снаружи был достаточно красивым, чтобы быть парнем по вызову, но он не мог работать на улицах долгое время. Даже неразрушимая молодость показывала признаки износа от такой жизни. Но чем ещё он мог заниматься на улице так поздно ночью? Молодой парень в поисках своего первого опыта? Но тот взгляд был отчаянным, не возбуждённым. Рыча на вселенную в целом, Тим развернулся и направился обратно за дверь.

– Что ты здесь делаешь? – требовательно спросил он.

Голова парня резко поднялась, выражение лица было защитным.

– Ты здесь вышибала или кто?

– Нет, я не вышибала. – Тим поднял голову. – Я просто не понимаю, почему ты здесь в дождь, когда мог бы быть внутри.

Голубые глаза моргнули.

– Я недостаточно взрослый.

– Меня это никогда не останавливало. – Но Тим выглядел старше – определённо был старше – когда впервые пришёл сюда. – Ты не нашёл места получше?

Голова покачалась из стороны в сторону.

– Мне вообще некуда идти.

Желудок парня громко заурчал. Если это был развод, то чертовски хороший.

– Идём, – сказал Тим. – Я куплю тебе ужин.

– Мне не нужна благотворительность.

Но недостаток убеждения в его голосе сказал, что нужна.

– Ладно, тогда я свожу тебя на свидание. Счастлив?

Разница была маленькой, но этого было достаточно, чтобы паренёк пошёл за ним в машину.

– Как тебя зовут?

– Райан. А тебя?

– Тим. И не переживай, я не какой-то извращенец.

– Тогда ты будешь первым, – пробормотал Райан.

– Я серьёзно, – сказал Тим, глядя на него поверх машины. – Я тебя не снимаю. Я не увлекаюсь парнями по вызову.

Райан смотрел на него, оценивая правду этого заявления, и потом кивнул.

– Полагаю, таким парням, как ты, платить не нужно.

Не будь так уверен, ангельские глазки! Тим встречал множество клиентов Марчелло, и некоторые были очень привлекательными. Обычно это значило, что у них странные предпочтения, которые согласен был выполнить только эскорт. Или что им требовалась секретность.

Тим привёз их в «Дэнни», подумав, что сеть забегаловок была достаточно хорошей, чтобы наполнить желудок Райана и одновременно избежать романтической атмосферы.

– Мне нравятся их вегетарианские бургеры, – сказал Райан, пролистывая меню. – Ты их пробовал?

– Нет. Я предпочитаю настоящую еду.

– Как ты поймёшь, если не попробуешь? – Райан приподнял тонкую бровь. Они были выщипаны или от природы такие ухоженные? Когда его капюшон был снят и к щекам вернулся небольшой румянец, красота Райана несомненно ошеломляла.

– Сколько именно тебе лет?

Райан играл с соломинкой в своём напитке.

– Девятнадцать. А тебе?

Значит, не малолетка.

– Двадцать четыре.

– Так ты уже выпустился?

– Из колледжа? Да.

– Везёт! Мне ещё три года. Ну, предположительно. – Губы Райана сжались, но он оживился, когда подошла официантка. – Два вегетарианских бургера, пожалуйста!

Тим усмехнулся.

– Один из них для меня?

– М-хм, – кивнул Райан, выражение его лица было озорным. Тим мог представить, что он настоящее наказание, более чем в одном смысле.

– Итак, расскажи мне, почему ты был на улице у того бара, мокрый и голодный, как брошенный щенок.

– О, мне это нравится! – Райан усмехнулся, но затем его взгляд опустился на стол. – Просто месяц был тяжёлый.

– Как так?

– Ну, первый год в колледже определённо был потрясным. Вместо того, чтобы меня каждый день называли педиком, я встречал других геев. Наконец-то, знаешь? Если бы только в старшей школе могло быть так. В любом случае, думаю, свобода вскружила мне голову, потому что, когда я приехал домой на лето, я не перестал быть собой.

– Ты признался?

– Да! Сначала маме, которая была вне себя от злости. – Райан скорчил гримасу. – Она произнесла целую речь а-ля «это просто фаза роста», что было отстойно. Потом она рассказала моему отцу, и разлетелось дерьмо. Он обвинял меня, мою мать и в конце концов колледж. Я стоял на своём, но теперь жалею об этом.

Тим вздохнул.

– Моя история каминг-аута была не настолько плохой, но мои родители тоже не приняли это хорошо. Но я не жалею о том, что сделал. Жить во лжи было хуже. Поверь мне, в конце концов, ты всё равно заплатишь цену.

– Может быть. В любом случае, сейчас уже слишком поздно. – Райан закатил глаза. – Я продолжал ругаться с родителями, и всё стало достаточно плохо, чтобы они меня выгнали. Ну, может быть, я угрожал уйти. Как бы ни было, я туда не вернусь. Я оставался у друзей, но потом поругался с ними из-за какой-то глупости. – Райан указал жестом на свой торс. – И поэтому ты сейчас видишь жалкое существо.

– Мне жаль.

– Да, мне тоже. Но я не парень по вызову. В смысле... ты как раз вовремя меня спас.

– Да?

– Да. – Райан оглядел его. – Так чем ты занимаешься?

– Ты имеешь в виду работу? – Вечно неловкий вопрос. – У меня диплом архитектора, но я в творческом отпуске.

– Что это значит?

– Это значит, что прямо сейчас я не работаю и ничем особым не занимаюсь.

– Везёт, – мечтательно произнёс Райан.

– Думаю, да. Становится скучно.

– Мне бы не было скучно. – Глаза Райана сверкнули, пока он мечтал. – Я бы спал целое утро, а, просыпаясь, лежал бы в кровати до полудня и смотрел телевизор. Потом я бы вставал, принимал душ и прихорашивался, чтобы можно было заказать пиццу.

– Зачем трудиться, если никуда не выходишь? – спросил Тим.

– Никогда не позволяй публике увидеть тебя не в самом лучшем виде, – с мудростью знаменитости произнёс Райан. – Даже если это просто мальчик-курьер. Потом я бы уселся на диван и медленно ел, глядя дневные мелодрамы или ток-шоу.

– Много телевидения, – отметил Тим.

– Поэтому вечером я бы становился неугомонным и шёл бы танцевать. Это единственный способ сжечь углеводы. Затем я бы закончил идеальный день выпивкой или ещё чем-то. – Райан мило сморщил нос. – В моих фантазиях я достаточно взрослый, чтобы купить пиво, так что вот.

Тим покачал головой.

– Прости, но это звучит скучно.

– Хм, – размышлял Райан. – Что, если добавить в это уравнение ещё одного человека? Утро в постели не было бы проведено за просмотром телевизора, и эти дневные мелодрамы намного веселее, если ты треплешься о них с кем-то. И не нужно вечером выходить на охоту, если выпивка и музыка есть дома.

– Так получается, что у меня это есть, – произнёс Тим, добровольно заглатывая наживку.

Райан продемонстрировал свой томный взгляд.

– Тогда пойдём.

Тим мысленно сделал несколько шагов назад.

– Я обещал тебе ужин. Сначала мы поедим. Если тебе действительно нужно где-то остаться, можешь на этих выходных переночевать у меня и исполнить эту свою мечту. Но у тебя будет своя собственная комната. Никакой... – Тим начал колебаться, пока подходила официантка с их едой, заканчивая шёпотом. – Никакой любовной связи.

– Любовной связи? – фыркнул Райан, после чего пожал плечами. – Дело твоё.

Когда позже Тим привёз его домой, он остался верным своему слову. Они вывели Шиншиллу на задний двор, а затем поднялись наверх. Тим не предложил Райану выпить, по большей части потому, что сам пить не хотел, как и не хотел слабости, к которой это приведёт.

– Это твоя комната, – сказал он, держа дверь открытой.

– Спасибо. – Райан без особого интереса просунул внутрь голову. – Слушай, как думаешь, мне можно принять душ?

Одному?

– Конечно. Чувствуй себя как дома. День был длинный, так что я пойду спать.

Тим показал Райану гостевую ванную и удостоверился, что у него есть всё необходимое, прежде чем свистнул Шиншиллу и направился в свою комнату. Раздевшись и оказавшись в кровати, он лежал с открытыми глазами, чувствуя себя неловко с незнакомцем в доме. Но опять же, что ужасного мог сделать Райан? Украсть что-нибудь и слинять? Тим мог себе это позволить.

Он перевернулся, наблюдая за Шиншилой, которая спала в своей новой кровати, её бок поднимался и опускался. Это движение успокаивало, как и тихий звук её сопения. Не один раз этот звук помогал его убаюкивать. Он уже дремал, когда со щелчком открылась дверь его спальни. Свет из коридора обходил вокруг силуэта – длинные волосы, тонкая фигура и запах геля для душа.

Райан подошёл к краю кровати, но Тим не сделал ни движения, пока полотенце не упало на пол. Тогда Тим в приглашении раскрыл одеяло. Райан едва успел поставить на кровать одно колено, прежде чем Тим сел, чтобы встретить его поцелуй. Райан не медлил, его губы не оставляли губы Тима, пока он забирался в кровать и седлал его. Затем он с удивительной силой толкнул Тима спиной на кровать, его язык проводил дорожку вниз по шее Тима, вокруг его правого соска, по диагонали через его торс, прежде чем снова вернулся к центру.

Спина Тима изогнулась, когда рот Райана заполнился. Парень знал своё дело! Привыкая к удовольствию, он устроился поудобнее, вздыхая и издавая стоны. Он потерялся в облаке блаженства, когда Райан остановился и плюхнулся на середину кровати. Тим поднял голову и открыл глаза, после чего увидел Райана, лежащего на животе с дикой ухмылкой на лице. Возможно, какое-то отношение к этому имела его приподнятая в воздухе задница.

– Давай, трахни меня, – сказал он.

Вот вам и медленное продвижение. Случайные связи у Тима редко вовлекали что-то большее, чем обмен минетами. То, чего хотел Райан, было для него особенным, с несколькими редкими исключениями. Но будь всё проклято, если он не был симпатичным! Тим схватил презерватив и смазку с прикроватной тумбочки, надеясь, что у таких вещей нет срока годности, потому что времени прошло много. Затем он устроился над Райаном, целуя его шею и вдыхая запах свежeweымытых волос, позволяя своему члену тереться о внутреннюю часть бедра Райана.

– Давай, – нетерпеливо произнёс Райан. – Покажи мне, кто босс!

Тиму не нравилось разочаровывать. Он игриво кусал и щипал ягодицы Райана, надевая презерватив, усмехаясь на вскрики, которые вызвали его действия. Он хотел начать медленно, немного поиграв пальцами и подрочив, но Райан снова выразил нетерпение.

– Прекрати возиться и дай мне то, чего я заслуживаю! Используй меня, чёрт побери!

Неуверенный насчёт того, что из этого просто грязные разговоры, Тим медленно скользнул внутрь, но вскоре Райан толкался к нему навстречу и молил о большем. Тима подтолкнул дальнейший трёп, и он перестал сдерживаться и начал действительно трахать его. Только тогда Райан перестал говорить и начал стонать. Кровать тряслась, пока их плоть продолжала биться друг о друга, Тим охал в экстазе, но скупал по этим симпатичным губам.

– Сядь, – скомандовал он.

Как только Райан встал на одни колени, Тим обвинил одной рукой его грудь, а другой – шею, прижимая спину Райана к своей груди, пока они выкручивали шеи, чтобы поцеловаться. Тим удерживал его на месте, продолжая толкаться, дыхание Райана обдавало воздухом его губы, иногда проникая в рот. Затем Райан выкрутился на свободу, падая вперёд, на руки.

– Отшлёпай меня!

Тим уже делал это своими бёдрами, но начал шлёпать по ягодицам Райана, отвечая на скандирование: «сильнее, сильнее, сильнее», пока слова Райана не превратились в стоны. Тим чувствовал себя скорее животным, чем человеком, его кожа покрылась потом, и он чуть не завыл, когда они, наконец, кончили вместе. Восстанавливаясь после этой звериной непристойности, он почувствовал укол вины, переживая, что причинил Райану боль, нанёс ущерб его изысканной красоте. Но когда они перевернулись на бок, Райан прижался к нему и удовлетворённо вздохнул.

– Ты в порядке?

– Да, – сказал Райан и через пару мгновений добавил, – но в следующий раз тебе не обязательно быть таким нежным.

Тим с облегчением рассмеялся, обвивая его рукой и погружаясь в вызванный эндорфинами сон.

Выходные мечты Райана растянулись на десять дней. Тим, который считал эту идею такой скучной, не мог насытиться. Днём они спали, просыпаясь ради прогрессирующе грубого секса. Удовлетворяя этих демонов, остаток дня Райан был сахарно-сладким. Забудьте потерянного щенка с первой ночи. Райан был скорее котёнком, судя по тому, как ластился к Тиму, когда они смотрели телевизор, положив голову ему на колени, чтобы Тим мог гладить его по волосам.

Чтобы поесть, они звонили в каждую службу доставки, которую могли найти, иногда делая краткие совместные вылазки за едой на вынос. Или запасались пивом или каким-либо ликёром, для которого у Райана было настроение в тот вечер. Он продолжал искать в интернете коктейли, умоляя Тима покупать разные ингредиенты, чтобы они могли их попробовать. До сих пор они пили эпплтини, бладхаунд, космополитан, дайкири и эль-президенте. Остальной алфавит определённо ждал впереди.

Тим привык пить пиво время от времени, а не выпивать каждый вечер, но ему было весело. Райан всегда становился глупым, когда напивался, включал музыку и танцевал или заставлял их делать дурацкие вещи, например, выключать весь свет внутри и снаружи дома и идти плавать под звёздами. Райан всегда был рядом с ним, даже в душе. Он только хотел быть с Тимом, а Тим обнаружил, что всё, чего хочет он – это быть с Райаном.

– Нам нужно достать тебе что-нибудь из одежды, – сказал Тим, складывая бельё для стирки. – Я устал от того, что ты выглядишь в моей одежде как в мешке.

– Мне её снять? – поддразнил Райан. – Или можешь свозить меня за покупками.

Это звучало хорошо. Как бы весело ни было сидеть дома, Тиму нужно было выбраться куда-нибудь более чем на быстрое задание.

– Хорошо. Мы поедем за покупками, но я не буду покупать тебе целый гардероб. Если ты собираешься зависать здесь, тебе придётся забрать одежду из дома.

Для шоппинга Тим отвёз Райана в Сохо, на авеню Южного Конгресса, где было полно странных и причудливых магазинов. Райан бегал из магазина в магазин, будто в покупательском буме, и Тиму было так весело, что он потакал ему, тратя больше денег на одежду и музыку, чем намеревался.

Быстро перекусив тако из фургонов с едой на фермерском рынке, они подъехали к дому родителей Райана. По пути Райан продолжал настаивать на том, что купленной ими одежды достаточно, выступая против встречи с семьёй. Тим пообещал сводить его на ужин, если он пройдёт через это. Дом, у которого они остановились, был большим – район был не таким элитным, как квартал Тима, но Райан явно вышел из богатой семьи.

Тим ждал в машине, не желая знакомиться с семьёй Райана. Их разница в возрасте была не слишком существенной, но это, совмещённое с тем, что родители Райана не принимают его ориентацию, заставляло Тима держать дистанцию. Кроме того, знакомство с родителями было большим шагом, а Тим понятия не имел, что это – затянувшееся мимолётное увлечение или нечто большее.

В ожидании глядя на дом, Тим мог представить, как пройдёт через дверь и обнаружит часто убираемую, но редко используемую гостиную своей матери. Или, может быть, он услышит своего отца в логове, кричащего на футбольный матч по телевизору. Несмотря на то, что он нашёл бы за входной дверью на самом деле, Тим был уверен, что они с Райаном пришли из похожих миров.

Через двадцать минут Райан вышел из дома с набитой спортивной сумкой, хмурясь. Тим выскочил из машины и открыл багажник.

– Как всё прошло?

– Давай уберёмся отсюда к чёртовой матери! – Райан обошёл машину с пассажирской стороны и сел, захлопывая за собой дверь.

Тим посмотрел на дом, ожидая увидеть в окне своих собственных родителей с осуждением на лицах, но там никого не было. Он вёл машину в тишине, позволяя Райану решить, готов ли он разговаривать. Иногда Тиму нужна была физическая дистанция от родителей, прежде чем он чувствовал себя достаточно свободно, чтобы выразиться.

– Они лишают меня денег, – сказал Райан.

– Что ты имеешь в виду?

– Учёбу. Они не будут платить за моё обучение. Папа ведёт себя так, будто поступление в колледж сделало меня геем или типа того. Он говорит, что то окружение «поддерживает мои плохие решения». Так что теперь я сам по себе, пока не захочу переехать обратно и пойти в тупой колледж Назарин, куда ходил он.

– Мне жаль, приятель.

– Всё в порядке. – Смех Райана был едким. – Я сказал им, что переезжаю к своему бойфренду. Видел бы ты их лица! – Наверное, выражения их лиц были такими же, как у Тима, но он скрыл его раньше, чем Райан повернулся к нему лицом. – Это ничего?

– Бойфренд или переезд?

– Плевать, – презрительно усмехнулся Райан, нахмурившись ещё сильнее, прежде чем отвернуться к окну. – Не обращай внимания. Я найду, где ещё переночевать.

Видимо, не лучшее время шутить.

– Всё круто, – сказал Тим, не зная, правда ли это. – Я имею в виду, и то, и другое.

Сначала Райан не отреагировал, по-прежнему глядя на то, как за окном пролетает пейзаж. Затем он выдохнул, его плечи расслабились, и он потянулся за рукой Тима.

Глава 29

Райан прокрался в ванную, завернутый в розовый халат и подходящие по цвету сланцы, делая комически большие шаги, как Элмер Фадд, подкрадывающийся сзади к Багзу Банни.

– Грабитель! – прошипел он.

Тим посмотрел на него в запотевшее зеркало, держа в воздухе бритву.

– А?

– Там кто-то внизу! – сценическим шёпотом произнёс Райан. – Тебя грабят!

Посреди утра? Это, должно быть, шутка.

– Как думаешь, он заберёт диван? Нам бы понадобился новый.

– Я серьёзно! – Райан сдвинул брови, первый этап системы сигнализации под названием «скоро будет истерика».

– Хорошо, – произнёс Тим, роняя бритву в раковину и хватая полотенце, чтобы обернуть его вокруг себя. – Я пойду, проверю. Там большой парень?

– Огромный! – Райан вытянул руки, как хулахуп, и Тим чуть не рассмеялся.

– И что именно он делает внизу?

– Копаются в холодильнике.

Даже Райан выглядел неуверенным из-за этого факта.

Тим спрятал улыбку, смывая оставшуюся пену с лица, прежде чем направиться в коридор.

– Идём. Если я буду рисковать жизнью, защищая дом – и свои овощи – мне нужен свидетель.

– Подожди! – Райан метнулся в спальню, возвращаясь с мобильником, который держал перед собой, как распятие. – Я сделаю фотографии. Мы можем использовать их в суде.

– Хорошая идея.

Тим пошагал вниз, будто ему нужно было что-то доказать. Когда он прошёл на кухню, Марчелло уже уселся на барный стул со стаканом шампанского в руке.

– Ба! – выдохнул он, заметив Тима в полотенце. Затем он заметил Райана. – Ну и ну!

Тим двинулся к нему, что удивило Марчелло, но приблизившись достаточно, Тим обнял его, чуть не сбив со стула. Парень усмехнулся.

– Почему ты всегда ошиваешься в моём доме?

– Разве это не очевидно? – Марчелло кивнул на Райана, который перестал делать фотографии и теперь выглядел озадаченным.

Тим стандартно представил их друг другу, не трудясь объяснять, кто есть кто. Причины, по которым здесь Райан, были очевидными, а Марчелло – ему не было объяснения.

– Я пришёл снова вытащить тебя из дома, – сказал Марчелло, – но вижу, что у тебя есть веская причина оставаться здесь.

– Что такое? Очередной сбор средств в фонд Эрика Конроя?

– Не раньше осени, – ответил Марчелло. – Нет, это будет старое доброе сборище.

Райан наострил уши и подошёл ближе.

– Вечеринка?

– Ещё какая вечеринка, – исправил Марчелло. – На самом деле, мой пятидесятый день рождения!

– Это всегда весело, – с напускной скромностью произнёс Тим.

Марчелло был бесстыдным.

– Действительно, так и есть. В этом году я буду хозяйничать дома, и будет больше красивых парней и бурлящей выпивки, чем когда-либо.

Тим знающе кивнул.

– Уверен, так и будет, но у нас здесь вроде как свои дела.

– А, фаза медового месяца! Но ты не найдёшь оправдания, чтобы не заскочить, не когда ты живёшь так близко.

– Звучит круто, – сказал Райан.

Тим бросил на него взгляд. Он казался искренне заинтересованным. Ему уже становилось скучно от жизни его мечты?

– Хорошо, – сказал Тим. – Ты слышал юную леди. Мы там будем.

Вечеринка проходила на следующий вечер. Райан предложил купить новую одежду, на что Тим согласился. В итоге Райан оказался с пятью новыми нарядами, но Тиму некого было винить, кроме себя самого. Когда эти небесно-голубые глаза переключались на него, его сила воли просто исчезала. И он должен был признать, что Райан выглядел хорошо в сидящей по фигуре рубашке и ультра-узких джинсах. Тим продолжал бросать на него взгляды по дороге к Марчелло, планируя закончить вечер пораньше, чтобы осталось достаточно энергии для их вечеринки в постели.

Когда они приехали, праздник был в полном разгаре. В роскошном доме Марчелло был свой собственный бальный зал, где сосредоточилось веселье, но гости могли свободно бродить по множеству комнат, которые Марчелло представил, как свои святая святых. Как только именинник их заметил, он прекратил текущий разговор, чтобы присоединиться к ним.

Марчелло всегда освобождал время для Тима, будто он был важным старым другом. В каком-то смысле они перенесли любовь, которую чувствовали к Эрику, друг на друга, хоть и оба были скудной заменой.

– Счастливого пятидесятилетия, старик, – произнёс Тим, обнимая его. – В этом году я действительно купил тебе подарок.

– О, спасибо! – Марчелло принял маленькую упаковку, прежде чем повернуться к Райану. – И я должен тебя поблагодарить за то, что ты притащил сюда Тима. Знаешь, иногда я думаю, что он старше меня.

– Продолжай праздновать своё пятидесятилетие каждый год, и я стану старше, – парировал Тим.

– Не обращай на него внимания, – сказал Марчелло.

Но Райан не обращал внимания ни на кого из них. Вместо этого он смотрел через комнату на компанию молодых парней, большинство из которых были его одногодками или достаточно симпатичные, чтобы сойти за таковых.

– Здесь все геи? – спросил он, не отрывая взгляд от компании.

Голова Марчелло качнулась вместе со всеми его подбородками.

– Почти.

С сияющими глазами Райан повернул голову к Тиму.

– Не против, если я потусуюсь?

Тим пожал плечами.

– Веселись.

Марчелло усмехнулся, как только Райан отошёл достаточно далеко.

– Такое чувство, будто ты выпустил его обратно в дикую природу.

– Именно. Я нашёл его со сломанным крылом, приютил и помог выздороветь.

Теперь он готов снова летать.

– Значит, медовый месяц закончен?

Тим моргнул.

– Надеюсь, что нет. Я привык к тому, что он рядом.

– Не беспокойся. Не думаю, что он уже готов построить своё собственное гнездо. Дай ему сейчас повеселиться, и сегодня он вернётся в твою постель. – Марчелло сорвал бумагу со своего подарка. – Одна из твоих картин? Нет, слишком маленькая упаковка. А!

Тим ждал, пока Марчелло рассматривал маленькую рамку. Он нашёл в шкафу коробку старых фотографий Эрика, среди них на одной Эрик и Марчелло с преувеличенными улыбками чокались бокалами вина. На этой фотографии они оба были намного моложе, Марчелло – на несколько килограмм легче.

Марчелло открыл рот, без сомнений, чтобы сказать что-нибудь остроумное, но затем покачал головой с затуманенными глазами.

– С тобой всё хорошо? – спросил Тим, хлопая его по спине.

– Я в порядке, да, – сказал Марчелло. – Просто... Иногда ты думаешь, что у тебя есть всё, но затем вспоминаешь, как ускользают молодость и дружба.

– Я не хотел, чтобы ты грустил.

– Нет! Это счастливое напоминание, в меланхоличном смысле. – Марчелло посмотрел на него. – Знаешь, любовь тебе идёт.

Тим бросил взгляд туда, где Райан уже завёл новых друзей.

– Думаешь, это любовь?

– Ты мне скажи.

Мгновение Тим думал об этом.

– Мне нужно выпить.

Вечеринка была весёлой. Тим посещал достаточно таких мероприятий, чтобы у него было множество собеседников, когда Марчелло был занят. Он пытался тусоваться с Райаном и его новой компанией, но они все были такими молодыми и возбуждёнными, что Тим действительно чувствовал, что ему пятьдесят. Райан завязал быструю дружбу с парнем по имени Стивен, который – если не считать коротких волос и слегка более широкой фигуры – мог бы быть близнецом Райана.

Тим бродил по вечеринке, постоянно уклоняясь от вопросов насчёт жизни после колледжа. В конце концов, он устал оправдываться и утащил Райана с вечеринки обратно в машину.

– Так как долго ты его знаешь? – спросил Райан, пока они ехали домой.

– Марчелло? Несколько лет. С моего второго курса в колледже.

– О, так у тебя тоже есть папик?

Тим чуть не ударил по тормозам.

– Нет, и что значит тоже? Марчелло – не мой папик, и я определённо не твой!

Понял?

– Не психуй. Это была просто шутка.

– Это не звучало как шутка.

Райан состроил гримасу, будто Тим вёл себя излишне чувствительно.

– Так откуда тогда ты взял свои деньги? Ты никогда не работал.

– Я уже рассказывал тебе об Эрике.

– Ох, верно. Он был твоим...

Теперь Тим действительно нажал на тормоз, шокируя Райана, который мгновенно замолчал.

– Какого чёрта с тобой не так?

– Это с тобой что не так? – парировал Райан. – Господи Боже, развеселись уже.

Тим взял злость под контроль.

– Эрик был для меня особенным. Мне не нравятся шутки о нём.

– Ты не дал мне закончить, – сказал Райан. – Ты не знаешь, что я собирался сказать.

– Ладно. Заканчивай предложение.

– Он был твоим папиком.

Райан весело загоготал, пока Тим смотрел на него в мрачной тишине. Затем он убрал ногу с педали тормоза и проехал оставшийся путь до дома, отказываясь смотреть на Райана, пока они не зашли в дом. Дома он подумал, что зрачки Райана выглядят странно. Это след белого порошка на его ноздре?

– Все трахаются для того, чтобы что-то получить, – сказал Райан, следуя за Тимом на кухню.

– Иногда это любовь, а иногда – деньги.

– Ты не знаешь, о чём говоришь.

– Разве?

– Какого чёрта это должно значить? – закричал Тим. – Если ты здесь только ради денег, можешь уходить прямо сейчас!

Райан с напыщенным видом подошёл ближе к нему.

– Некоторые люди трахаются просто ради траха.

Когда Райан поцеловал его, Тим пытался оставаться холодным, но не мог. Он поцеловал парня в ответ, наслаждаясь собой, как вдруг почувствовал боль. Его нижнюю губу укусили достаточно сильно, чтобы потекла кровь. Райан отстранился, его глаза блестели от удовольствия. Теперь это была часть игры? Тим испытал такое отвращение, что ему захотелось ударить Райана, но тот научил его лучшему способу справляться с накопленной агрессией. На случай, если он забыл, Райан уже расстёгивал штаны Тима, прежде чем взяться за свои. Нуждаясь в избавлении от злости и желая, чтобы вернулись эти ангельские глаза, Тим развернул Райана, наклонил его над кухонной тумбочкой и дал выход своему раздражению. Райан усмехался всё это время.

Медовый месяц закончился. Слова Марчелло были пророческими. Тим не знал, что сделал, чтобы вызвать эти перемены, но тёмная сторона Райана выскользнула из спальни на дневной свет. Обычно это материализовалось в садистском юморе, когда Райан произвольно бил по больным местам.

Много своего времени Райан проводил с новыми друзьями. Даже находясь дома, он прилипал ухом к телефону, болтая со Стивеном или кем-то другим из своего круга. Ещё Райан обладал жутковатой привычкой, когда подталкивал Тима к самому краю. Больше раза Тим был готов выгнать его. Затем, нежданно-негаданно, возвращался его сахарно-сладкий мальчик.

С приближением осеннего семестра Тим продолжал побуждать Райана вернуться на учёбу. Конечно, проблема была в деньгах, так что он договорился с Марчелло, как, наверное, однажды Эрик сделал для него. Он нашёл Райану работу модели, которая даст ему достаточно денег всего за несколько недель, чтобы оплатить второй курс обучения. Поначалу Райан казался восторженным, особенно из-за того, что будет работать с некоторыми из своих новых друзей, но в первый день он вернулся домой спустя всего несколько часов.

– Это было совсем невесело, – пожаловался Райан.

– Это работа. Она не должна быть весёлой. – Тим очень уж хорошо помнил этот опыт. – Когда ты должен вернуться обратно?

– Не должен. Я ушёл.

Это привело к ещё одному спору, под конец которого Тим согласился оплачивать обучение Райана так долго, сколько тот обещал посещать уроки. Даже когда начался учебный год, Райан всё равно гулял и тусовался на вечеринках большую часть ночей. Каждый раз, когда приходил домой, он приходил в бешенство, будто Тим сделал что-то не так.

– Некоторым нравится свобода, – рассудительно произнёс Марчелло, когда Тим зашёл к нему. – Другие выражают претензии к тебе. Мне кажется, что тебе либо нужно жить его образом жизни, либо отпустить его на свободу. Я из опыта говорю, что сейчас тебе следует обойтись малой кровью.

Но Тим не был согласен. Ему только исполнилось двадцать пять, не пятьдесят, так что в следующий раз, когда Райан планировал пойти на вечеринку, Тим увязался за ним. И Марчелло оказался прав. Внезапно эти ангельские глаза снова засияли. Они вместе ходили по клубам и танцевали, банда Стивена сначала вела себя неуверенно, но когда они предложили Тиму таблетку, чтобы «усилить его веселье», он бросил один

взгляд на Райана, который ободряюще кивнул, и проглотил таблетку вместе с глотком пива.

Когда они пришли домой в ту ночь, голова Тима кружилась в миллионе разных направлений, не было никаких жестоких жал, никаких упреков. Был только Райан, который с улыбкой тянул его в спальню, чтобы они могли поиграть в его любимую игру.

Ад наступал каждое утро. Нет, не утро. Время перевернулось вверх дном почти год назад. Рассвет был для сна, день – для пробуждения. Несмотря на время, каждый раз, когда Тим просыпался, он чувствовал себя как в аду. Обычно виновато было похмелье. Его можно было прогнать хорошей жирной едой. В других случаях Тим был одуревшим, что было особенно плохо, потому что единственным лекарством было терпеть это или пытаться выяснить, что они принимали, чтобы достать ещё.

В те часы, когда он был трезв, он всегда был уставшим. У Райана, казалось, был иммунитет ко всему этому, он всегда был готов к следующему приключению. В те ночи, когда Тим не мог найти энергию, Райан оставлял его дома, уходя со Стивеном искать следующую большую вечеринку. Когда они не могли такую найти, они её создавали, возвращаясь в дом Тима с караваном молодёжи на хвосте.

И хотя всё это накладывало свой отпечаток на Тима, он мог справиться с этим. Вечеринки и колледж шли рука об руку, так что желание Райана окунуться в этот опыт было понятно. За исключением того, что Райан больше не ходил на занятия. Тим продолжал подталкивать его вернуться и всё нагнать, но сон день напролёт делал это невозможным. Однажды Тим остался дома, воздерживаясь от вечеринок целую неделю и оставаясь чистым, чтобы подать хороший пример, но это не помогло. Райан всё равно уходил, и Тим едва его видел.

Вечеринки были ничем по сравнению с мелким воровством. Райану нужно было только попросить, и всё ещё один раз кредитки Тима пропали, Райан вернулся с пакетами покупок, сказав, что Стивен купил ему ранний подарок на день рождения. Звонок в компанию кредитных карт раскрыл правду. Тим чувствовал, скорее, замешательство, чем злость. Так часто казалось, что Райан наказывает его, не объясняя почему. Те моменты, когда Райан вознаграждал его сладостью, становились всё реже и реже. Тим уже думал покончить со всем этим, когда в гости зашёл Марчелло.

– Ты выглядишь уставшим, – сказал Марчелло, устраиваясь на диване. Впервые он отказался от своего традиционного бокала шампанского.

– Спасибо. – Тим встал перед ним, скрестив руки на груди. – Ты это пришёл мне сказать?

– Присядь. – Марчелло смотрел в сторону, пока Тим не сел напротив него. – У меня недавно произошёл неприятный разговор с одним парнем из моего эскорта, Стивеном. Я так понимаю, ты его знаешь?

– Райан сказал, что он модель.

Марчелло прочистил горло.

– Однажды Стивен позировал для меня, но это были не те фотографии, в которых заинтересованы рекламщики. Нет, Стивен уже несколько лет работает в моей службе эскорта. На самом деле, он недавно порекомендовал Райану заняться тем же самым.

Тим сжал зубы.

– Ни шанса!

– Конечно, нет. Я не хочу вмешиваться, но у вас с Райаном открытые отношения? Тиму не нравилось, к чему это идёт.

– Нет. Мы моногамны.

– Понятно. – Марчелло был задумчив. – Думаю, будет лучше, если мы кое-что проясним. Стивен рекомендовал Райана как эскорт, судя по тому, как он ведёт себя в постели. У нас есть клиенты, которые просят...

– Что он сказал? – перебил Тим.

– Что Райану нравится делать это грубо. Очень грубо. Он утверждал, что говорит из личного опыта.

Тим с рыком вскочил на ноги.

– Тебе лучше уйти!

– Пожалуйста, не злись на меня, – сказал Марчелло, кладя ладонь себе на грудь.

– Я не злюсь! Я иду наверх разбираться с этим мелким засранцем. Спасибо, что рассказал. Теперь, можешь уходить.

– Отпусти его, – сказал Марчелло, вставая. – Никакое количество крика не изменит того, кто он есть. Изменники изменяют, лжецы – лгут. Но есть кое-что ещё.

Тим, уже на пути к выходу из комнаты, развернулся.

– Что?

– Причиной, по которой я вообще разговаривал со Стивеном, стала жалоба от клиента. Он сказал, что Стивен предлагал незащищённый секс за дополнительную плату.

– И что?

– Что, ты предохранялся с Райаном?

– Да.

По большей части. Конечно, некоторые из этих ночей были размытыми, но после года отношений с кем-то он не должен был переживать о безопасности. Или так он думал.

– Провериться не повредит, Тим.

– Ладно.

– Мне жаль.

Тим вздохнул.

– Я знаю. Спасибо, Марчелло. Теперь уходи, пока я всё ещё достаточно зол, чтобы сделать то, что должен.

Тим сохранял хладнокровие, пока провожал Марчелло до двери, но к тому времени, как он направился наверх, его трясло от ярости. После всего, что он сделал для Райана, всего, с чем он мирился, этому ублюдку хватило наглости изменять ему.

Тим ворвался в спальню, Райан пробормотал жалобу и закрыл голову подушкой. Это было хорошо. Тим пошёл в гардероб, вытащил из его недр чемодан и начал заполнять его одеждой Райана. Вернувшись в спальню, он бросил чемодан на кровать и подошёл к комоду.

Теперь Райан проснулся.

– Что ты делаешь?

– Вышвыриваю твою задницу!

– Что? Почему?

– Из-за Стивена!

Ответу Райана предшествовала тончайшая пауза. Тим никогда бы не узнал этого, если бы Марчелло не намекнул ему.

– При чём здесь Стивен?

Тим развернулся. Волосы Райана стояли торчком, и даже после всех вечеринок, на которых они побывали за прошлый год, он всё равно выглядел хорошо. Тим со злостью смотрел на него, обвиняя молча, пока Райан не закатил глаза.

– Это была случайность. Мы были под кайфом и напились, и это просто вроде как произошло.

– Он выглядит точно как ты, – выплюнул Тим. – С таким же успехом ты мог бы трахнуть дырку в зеркале.

– Да, в следующий раз я это попробую, – парировал Райан.

– Ты предохранялся?

Райан вылез из кровати.

– Просто заткнись и дай мне выпить кофе, ладно?

– Ты. Предохранялся?

– Я не знаю!

Тим с отвращением покачал головой и повернулся, чтобы достать из ящика больше носков и нижнего белья.

– Лучше подумай, где ты сегодня будешь спать, потому что здесь ты не остаёшься.

– Мне некуда идти!

– Ты должен был подумать об этом до того, как разрешил Стивену трахнуть тебя. Не могу поверить, что ты не предохранялся! Ты знаешь, чем он зарабатывает на жизнь?

Тим почувствовал руку на своём плече и напрягся. Когда он развернулся, лицо Райана было мягким, а не обороняющимся. Эти ангельские глаза могли быть обманчивыми, но Тим был уверен, что увидел в них сожаление.

– Я облажался, – сказал Райан. – Поэтому мне нравится, чтобы ты ходил тусоваться со мной, потому что я знаю, что ты остановишь меня от глупостей.

Тим фыркнул.

– Но ты всё равно ходишь тусоваться, даже если меня нет рядом.

– Я всё ещё молод, ясно? Я не могу быть таким взрослым, как ты.

Тим был каким угодно, но не взрослым. Он не сделал ни черта с тех пор, как закончил колледж.

– Всё должно измениться, – сказал он. – Я так больше не могу. Это не работает.

– Это ещё может работать, – сказал Райан. – Не поворачивайся ко мне спиной, как сделали мои родители. Ты знаешь, что это меня убьёт!

Пошёл он к чёрту за то, что разыграл эту карту. Тим знал, что Райан не заслужил его сочувствия, и всё ещё это было самым эффективным, что он мог сказать. Тим обошёл его, бросая носки и нижнее бельё в чемодан.

– Ещё один шанс, – умолял Райан.

Тим покачал головой, но затем со смирением вздохнул.

– Докажи, что ты хочешь измениться. Прекрати тусоваться со Стивеном и вернись к учёбе. Мы возьмём перерыв, ладно? Если ты любишь меня, собери своё дерьмо и тогда возвращайся. В другом случае я больше не хочу тебя видеть. – Тим захлопнул чемодан. – Ты примешь душ перед уходом?

– Может быть, приму ванну, – сказал Райан. – Там есть лезвия?

У Тима заледенела кровь.

– Не говори так.

– Почему нет? Ради чего мне жить?

– Это просто чёртов перерыв, Райан! Прекрати истерить и докажи, что тебе не плевать, ладно?

Райан не ответил. В машине он тоже не говорил, только сказал Тиму, куда его отвезти. Пунктом их назначения был старый многоквартирный дом на другой стороне города. Он молился, чтобы квартира здесь принадлежала не Стивену, но не спрашивал.

Тим попрощался, мягко произнося слова, но Райан всё равно хлопнул дверью машины. Вместо того, чтобы принять это близко к сердцу, Тим поехал в центр города

в клинику, которая предлагала анонимную проверку, закатал рукав и смотрел, как пузырёк наполняется его кровью.

Глава 30

В ту ночь в доме было пугающе тихо, кровать казалась слишком большой и пустой, но каким-то образом Тим заснул. В своих снах он таился за кулисами театра, его взгляд был прикован к фигуре в центре сцены – Бен, старше, чем Тим когда-либо его видел, но всё равно точно такой же красивый. Тим жаждал услышать, как он поёт. Сон изменился, и Тим обнаружил себя сидящим за роялем. Его пальцы двигались так, как никогда не смогли бы наяву, создавая музыку, под которую Бен мог петь. Однажды этот голос прогнал его, но сейчас снова звал его домой. Его наказание закончилось, ожидание подошло к концу.

Возвращайся домой.

Тим проснулся, его тело напряглось от адреналина, как если бы он очнулся от кошмара, но он не чувствовал страха. Вместо этого он чувствовал тоску, от которой у него болело сердце. Шиншилла озадаченно заворчала, когда он встал с кровати, проследовав за ним в ванную, где он взял свой халат. Он висел рядом с халатом Райана, что заставило Тима притормозить, но его голову по-прежнему заполняла та песня, так что он пошёл в кабинет и включил компьютер.

Гугл, не подведи меня!

Тим и раньше искал Бена, надеясь по крупицам собрать немного информации о его жизни, но никогда ничего особого не находил. У него не было причин верить, что на этот раз что-то будет иначе. Но оказалось не так. Кликнув на ссылку на потенциальную наводку, он принялся читать текст сайта так, будто тот мог исчезнуть в любой момент.

«Сердце афериста» – музыкальная драма о разбитом сердце и обмане. «Сумеречный театр Остина» с гордостью представляет оригинальную постановку Брайана Милтона, которая развивается во времена колоний и рассказывается в традиционном стиле...

Тим пробежал взглядом по описанию пьесы, пытаясь найти, какое отношение результат поиска имеет к Бену. И вот нашлось это замечательное знакомое имя, и в полном объёме!

В главных ролях музыкальные таланты – Линда Андерсон в роли герцогини Дерби и Бенджамин Бентли в роли сладкоречивого Бо Уильямса.

Театр? Зачеркните это. Театр с ужином! Тим улыбался экрану, изучая всё, что мог, о театре и пьесе. На сайте даже были фотографии актёров, маленькие снимки, просто безнадежно маленькие. Он видел знакомые черты Бена, но разрешение было слишком низким, чтобы сказать, как сильно он изменился. Конечно, Тим всегда мог пойти и посмотреть сам. Пьеса будет идти следующие три недели. Он практически сделал сальто по пути из кабинета, чтобы взять кредитку.

Уже собираясь кликнуть «подтвердить», чтобы оформить заказ, он замедлился. Был ли это правильный поступок? Что, если Бен заметит его, и пьеса резко остановится? Тим усмехнулся от этой идеи и с радостью кликнул мышкой.

Лицо Бена и этот чудесный певческий голос... Если ни то, ни другое не могло принадлежать ему, Тим мог хотя бы снова понежиться в их присутствии.

Внутри театр был обустроен со вкусом и хорошо содержался, спасённый местным историческим обществом несколько лет назад. Это означало, что сцена была

большой, обрамлённой высокими колоннами, которые тянулись вверх до балконов на втором этаже. Тим почувствовал сильное облегчение от этого, не желая, чтобы Бен работал на паршивой сцене со зрителями, более заинтересованными в дешёвых закусках. На самом деле, закуски не предлагались. Вместо этого театр функционировал как ресторан, официанты принимали заказы от каждого столика, но Тим остался в холле, попивая пиво у бара, пока не услышал, что началась пьеса. Только тогда он прошёл к своему месту в темноте, взяв с собой свежее пиво.

Раздражение Тима росло, пока пьеса продолжалась без даже намека на присутствие Бена. До сих пор история была о герцогине, которая сбежала из Англии в Америку и, несмотря на красоту и богатство, почему-то была одинока. Тим предполагал, что может это понять. Когда Бен вышел на сцену, он выпрямился на стуле. Историческая одежда и накладная борода поначалу сделали Бена практически неузнаваемым, но его голос был прежним. Часть Тима хотела спрятаться. Другая часть хотела вскочить на сцену и дать о себе знать.

Он едва обращал внимание на сюжет, вместо этого глядя на Бена, не важно, какой из героев говорил, но основное он уловил. Бен, он же Бо Уильямс, был аферистом, охотящимся за деньгами герцогини. Естественно, в итоге Бо влюбляется в неё, но как раз перед свадьбой человек из прошлого Бо раскрывает его историю. Это вызывает серию недопониманий, которые заканчиваются разбитым сердцем, прямо, как и обещал веб-сайт.

Тима мало заботил театр, и, если честно, Бен не был исключительным актёром. Но пьеса включала в себя музыкальные номера, и, когда Бен пел, Тим приходил в восторг. Бросив взгляд на зрителей, он мог сказать, что все остальные так же впечатлены. В конце истории герцогиня выкидывает Бо из своей жизни, к большому разочарованию Тима. Не потому, что он действительно переживал за героев, а потому, что это означало, что Бен покинет сцену.

Когда пьеса закончилась, весь свет одновременно включился, и актёры выстроились на сцене в один большой ряд, кланяясь и улыбаясь аплодисментам. Тим чувствовал себя раскрытым, но Бен находился на противоположной стороне сцены и не заметил его. И всё же расстояние между ними было относительно маленьким. Они были до нелепости близко, а Бен никогда не узнает.

После этого Тим поспешно вышел из театра, чувствуя головокружение от того, что снова увидел Бена, даже если на пути стояли Бо и его фальшивая борода. Ему хотелось бы увидеть Бена таким, какой он есть. Может быть, Тим мог написать в театр и попросить снимок с автографом или что-нибудь такое же безумное.

Остановившись у машины, Тим включил мобильник. Три новых сообщения, что было необычно. Любое сообщение было неожиданным. Едва вспомнив, как зайти в свою голосовую почту, Тим прослушал её, чувствуя холод, несмотря на летний вечер, когда услышал ключевые слова. Больница святого Дэвида. Райан. Отделение экстренной помощи.

Тим за секунды оказался в машине и мчался по городу, игнорируя скоростной режим и несколько раз пролетая на красный свет. Если копы захотят его остановить, им придётся гнаться за ним до самой больницы. Каким-то чудом он добрался без трудностей и побежал через парковку, тяжело дыша к тому времени, как оказался у стойки медсестёр. Чёрт побери, он был не в форме!

– Райан Гамильтон, – произнёс он.

Медсестра спокойно набирала имя в компьютере, заговорила одна из её коллег.

– У него передозировка.

Чёрт!

– Ох, верно. – Медсестра оглядела его. – Вы член семьи?

– Я единственный, кто у него есть, – сказал Тим. – Он в порядке? Я могу его увидеть?

– Минутку.

Медсестра, которая знала о Райане, исчезла дальше по коридору. Вернувшись, она привела с собой доктора. Тим понял, что это доктор, потому что вокруг женщины витала эта измотанная аура «слишком много дел».

– Доктор Филлипс, – сказала она, не протягивая руки. – Мы думаем, у Райана была передозировка. Вы знаете, регулярно ли он принимает наркотики?

– Да, регулярно. – Тим почувствовал, как стало трудно дышать. – Он в порядке?

– Он едва на ногах держался, когда его привезли друзья. С тех пор, как они ушли, он потерял сознание. Вы знаете, что он принял?

– Могло быть что угодно, – сказал Тим. – Возможно, смесь.

– Ладно. Что ж, если вы подождёте здесь, мы начнём промывание желудка и посмотрим, как он справляется.

– Что?

– Нам нужно промыть ему желудок. Пожалуйста, присядьте.

– Я хочу быть рядом с ним.

Доктор Филлипс раздражённо вздохнула.

– Лучше, если вы подождёте. Это неприятный процесс.

– Я его парень, я имею право быть там.

Тим сомневался, что это правда, но доктор Филлипс сдалась.

Он прошёл за ней в маленькую палату. Райан неподвижно лежал на спине, краска отлила от его лица, напоминая Тиму о смерти Эрика. Мгновение он был уверен, что Райан мёртв, что его разговор с доктором Филлипс стоил им драгоценного времени, но доктор не казалась излишне обеспокоенной, когда проверяла Райана. Вскоре вошла медсестра, катя за собой оборудование.

– Можете сесть рядом с кроватью, если хотите, – сказала доктор Филлипс.

– Можно поддержать его за руку?

– Конечно.

Доктор взяла чистую трубку из сплетения аппаратов и вставила её в нос Райана, медленно продвигая больше и больше через ноздри. Это всё, что Тим смог вынести. Сжимая липкую руку Райана, он отвёл взгляд, иногда даже закрывая глаза, чтобы помолиться. Где теперь были эти его друзья? Как долго Райан был в отключке, прежде чем они решили его привезти? Если Райан умрёт, Тим никогда себя не простит. Ему следовало быть рядом с ним, держать его в безопасности, даже если Райан – эгоистичный паршивец.

Как только процесс начался, доктор оставила их на медсестру. После, казалось бы, вечности, из носа Райана вытащили трубки, и медсестра увезла ужасный аппарат. В палате пахло желчью. Тим нашёл следы вокруг ноздрей Райана и вытер всё салфеткой. Затем он поцеловал Райана в лоб, шепча ему, что всё будет в порядке, что все прощено.

Прошли часы, прежде чем Райан очнулся, но когда это произошло, Тим по-прежнему был рядом с ним, держа его за руку.

– Я не хорошо себя чувствую, – прохрипел Райан. – Где я?

– В отделении экстренной помощи.

Райан нашёл его глазами, и на его лице отразилась боль.

– Что ты здесь делаешь?

– Ты дал медсёстрам мой номер.

Райан пытался вытянуть свою руку, но Тим не отпускал.

– Ты не обязан здесь оставаться, – сказал Райан. – Я знаю, что ты не хочешь. Я не виню тебя за то, что ты меня ненавидишь.

– Я не ненавижу тебя, но ты не можешь продолжать это делать. У тебя была передозировка. Ты понимаешь? Ты чуть не умер.

– Мне плевать. – Лицо Райана сморщилось. – Я такой неудачник. Я всё разрушил!

– Ты ничего не разрушил. – Тим встал. – Я найду доктора и скажу ей, что ты очнулся. Мы приведём тебя в порядок, а потом ты поедешь со мной домой. Хорошо?

Райан вытер слёзы и кивнул, Тим подошёл ближе, чтобы обнять его. Они могли всё наладить. Если Райан был готов попробовать, они могли это исправить.

Три дня милого Райана, который держал его за руку, ластился к нему на диване, слушал его рассказы и смеялся над его шутками. На семьдесят два часа всё вернулось в норму. В конце третьего дня они пытались заняться сексом, между поцелуями Тим сказал Райану, что ему нужно провериться. Но затем обнажилась тёмная сторона Райана, и Тим не смог продолжить. Бить, кусать, шлёпать, душить – Тима это буквально достало. От мысли о том, чтобы вернуться к этому, его тошнило, и он не мог перестать думать о том, где был Стивен, и чем они занимались вместе.

– Я устал, – сказал Тим, отодвигаясь от Райана и подтягивая вверх одеяло.

– А я нет! Какого чёрта? – Райан дёргал его и кипел от злости, в конце концов, уйдя из комнаты. Тим отпустил его.

На следующее утро он нашёл Райана в отключке на диване, с пустой бутылкой шампанского на кофейном столике. Тим выкинул весь алкоголь, прежде чем привезти Райана домой из больницы, но не подумал о бутылке, которую держал охлаждённой для Марчелло. Проснувшись в тот день, Райан был злой и раздраженный, каждое слово было ядовитым и рассчитанным привести Тима в ярость. Может быть, Райан ожидал, что он разозлится и выместит это в сексе, но Тим больше не мог играть в эту игру. Вместо этого он поднялся наверх в кабинет, коротая часы в интернете. Обычно он продолжал возвращаться на веб-сайт «Сумеречного театра». Сегодня Бен снова выступал.

Захочет ли Райан пойти на шоу? Он знал о Бене всё, конечно же, но если только Райан не прочтёт внимательно программку, он никогда ничего не заподозрит. Это могло быть хорошо, если они вдвоём сходят куда-нибудь. Может быть, после этого они смогут обговорить всё связанное с сексом.

Когда Тим спустился обратно вниз, он заметил резкий запах в воздухе, напоминающий жжёную пластмассу. И Райан был не один. С ним был не Стивен, Слава Богу, но другой из его друзей. Они с Райаном непрерывно хихикали, даже когда Тим вошёл в комнату.

– Что? – бросил вызов Райан.

– Что вы делаете? – Это вызвало всплеск смеха. – Серьёзно, что вы курите?

– Травку, – сказал Райан.

Тим курил достаточно, чтобы знать, как пахнет марихуана. Он подошёл к кофейному столику, где на боку лежала стеклянная трубка.

– Ты издеваешься надо мной, чёрт возьми? Что это, крэк?

Тим схватил трубку и направился на кухню. Райан последовал за ним, потянув его за руку.

– Отдай! Это не твоё!

Тим бросил трубку в мусорку с достаточно силой, чтобы она разбилась о бутылку от шампанского. Когда Райан увидел это, он начал пронзительно кричать, как

ребёнок, устраивающий истерику. Тиму хотелось ударить его наотмашь, но вместо этого он схватил его за руки и начал трясти.

– Какого чёрта с тобой не так? Ты пытаешься себя угробить? А? Ответь мне, чёрт побери!

Тим с отвращением отпустил его. Райан рыдающей массой осел на пол. Это было слишком! Он должен выбраться отсюда. Сейчас же.

– Я ухожу, – сказал Тим. – Когда я вернусь, твоему другу лучше исчезнуть, а тебе лучше быть трезвым.

Райан бросил на него злой взгляд.

– Куда ты идёшь?

– Гулять. Один.

Тим свистнул Шиншилле – не желая оставлять её наедине с кем-то под крэком – и усадил её в машину. Затем он вернулся за одеялом и одной из её любимых косточек. Ей нужно будет часик поваляться на заднем сидении, если в кассе «Сумеречного театра» ещё остались билеты.

Попался. Ещё как попался. Тим был на своём третьем показе «Сердца афериста». Во время предыдущего шоу, в тот вечер, когда он поругался с Райаном, он был уверен, что Бен заметил его. Он определённо продолжал смотреть в его сторону, но к тому времени, как загорелся свет, Тим уже ушёл, не желая оставлять Шиншиллу одну так надолго.

Во время сегодняшнего шоу Бен смотрел в его сторону так пристально, что одному из других актёров пришлось подтолкнуть его. Тим не мог сдержать улыбки. Нет ничего лучше, чем призрак из прошлого, чтобы заставить тебя пропустить реплику. Он улыбнулся впервые за много дней. Ничего, что Тим говорил или делал, больше не имело значения. Райан продолжал тусоваться, похоже, настроившись на саморазрушение. Тим мог только держаться подальше.

Потерявшись в шоу, Тим покинул театр, когда закончилась последняя сцена Бена. Он проверил телефон, как только оказался на улице, всегда ожидая худшего. На этот раз худшее пришло в форме текстовых сообщений.

«Я знаю, где ты»

От Райана, конечно же. Но он ведь не мог знать на самом деле, верно?

«Сердце афериста? Как уместно»

Тим огляделся вокруг, ожидая увидеть обвиняющий взгляд Райана. Пьеса уже закончилась, люди выходили из театра, но он не видел Райана. Когда пришли эти сообщения? Он проверил последнее и вздохнул.

«Как там Бенджамин?»

Тим набрал телефон Райана, отключаясь, когда попал на голосовую почту, и попытался ещё несколько раз, прежде чем сдаться. Эти отношения были кошмаром, беспорядком, из которого он не мог выбраться без того, чтобы Райан сделал что-нибудь глупое. Бен был противоположностью Райана. Дарил вместо эгоизма надёжность и постоянство – вместо непредсказуемости и сумасшествия.

Сейчас Тиму могла бы пригодиться его помощь, он мог бы спросить у Бена, что тот сделал бы, если бы оказался достаточно глуп, чтобы попасть в такую ситуацию. Через секунду он понял, что может спросить. Бен был всего на расстоянии нескольких метров, возможно, в этот самый момент отклеивал в гримёрке свою бороду. Тим мог заскочить, поздороваться и попросить о совете. Были шансы, что Бен не станет даже говорить с ним. Но Тим хотел попробовать.

Он развернулся и быстро прошёл обратно в театр, где представлял металлическую дверь под охраной вышибал, толпу фанатов, отчаянно желающих

взглянуть на звезду. Дверь была, но Тим был один. Чувствуя себя идиотом, он несколько раз постучал в дверь, пока её не открыл мужчина с редящими волосами и подстриженной бородкой – на этот раз настоящей.

– Да? Чем могу помочь?

– Я здесь чтобы увидеть Бена. Я его старый друг.

– Оу. – Мужчина, казалось, опешил. – Ну, он уже разговаривает с кем-то в холле. Если снова обойдёшь спереди... – Он проверил свои часы. – На самом деле, двери уже могут быть закрыты. Эм. Иди за мной.

Мужчина провёл Тима через театр, странный мир, полный коридоров, кусочков декораций и реквизита, но он едва ли обращал на это какое-то внимание. Это была ужасная идея. Он знал, что выглядит ужасно. Он не только был не в форме, но и не потрудился побриться сегодня утром, и Бог знал, что он в последнее время мало спал. Тим мог хотя бы пожевать жвачку, чтобы скрыть запах пива в своём дыхании. Но было слишком поздно. Мужчина открыл дверь в знакомый холл и бар.

– К тебе ещё один.

Вот и он! Не Бо Уильямс и его фальшивая борода, а Бенджамин Бентли. И он выглядел фантастически. Возраст пошёл ему, скорее, на пользу, чем во вред. Его когда-то светлые волосы были подстрижены коротко, сейчас более тёмного цвета, ближе к его карим глазам. От летнего солнца его кожа выглядела сияющей и здоровой, и, казалось, на его тонкой фигуре не было ни грамма жира.

По выражению лица Бена Тим видел, что тот думает о нём совершенно другие мысли. Это была жалость?

Затем Тим услышал знакомую насмешку. Райан стоял чуть дальше, с надменным выражением лица.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Тим, сжав челюсть.

– Я? – крикнул Райан. – Это я должен задавать этот вопрос, если бы всё не было так очевидно. Я проверил твой компьютер. Я знаю, что ты приходил сюда!

– Ну и что? Это театр!

– С ним в главной роли? Будто это случайность? – Райан вышел вперёд; Тим встретил его на полпути. – Ты жалок, ты знаешь это? У тебя хватило наглости выгнать меня за то, что я тебе изменяю...

Это уже слишком! Тим не мог больше этого выносить. После всего этого времени он снова стоял перед Беном, выглядя и чувствуя себя чертовски плохо, и Райан вываливал всё отвратительное о его жизни. Его взгляд застлала красная пелена. Он просто хотел, чтобы Райан заткнулся, перестал плевать ядом и ушёл.

– Отпусти его! – Голос звучал похожим на голос Бена, но это было далеко. – Я сказал, отпусти!

Рука схватила его за плечо, и Тим, защищаясь, развернулся. Затем мир вернулся в фокус, и Бен смотрел на него в страхе.

О, Боже.

– Правильно, покажи ему, как ты со мной обращаешься! – прокричал Райан. Когда Тим развернулся, Райан закатывал рукава своей футболки, чтобы открыть синяки, которые получил на прошлой неделе, когда Тим тряс его от злости. Сейчас, прямо над ними, были свежие красные отметины. – Он и с тобой такое делал? – произнёс Райан. – Поэтому ты его бросил?

Тим повернулся, чтобы объяснить, но Бен больше не выглядел испуганным. Он выглядел злым. Тим не мог выдержать его взгляда.

– Я покончу с собой, – завопил Райан. Тим услышал, как открылась входная дверь – Я покончу с собой и оставляю записку, в которой обвиню тебя!

Дверь за ним захлопнулась. Тишина, последовавшая за этим, была густой. Это было унинительно.

– Думаю, я должен пойти за ним, – равнодушно произнёс Тим.

– Думаю, должен.

Он дошёл до двери, положил руку на ручку. Он не мог оставить всё вот так. Бен видел, как он делал множество ужасных вещей, но это было слишком низко. Тим повернул голову.

– «Мезонетт», завтра. В семь? – Когда Бен не ответил, он добавил, – Пожалуйста?

Бен вздохнул.

– Хорошо.

Тим покинул театр, низко опустив голову. Он нашёл Райана через полквартала, ожидающего на автобусной остановке, обвивающего себя руками.

– Идём, – сказал Тим, не потрудившись остановиться. – Я отвезу тебя домой.

Спустя полминуты Райан поспешил нагнать его.

– Я ненавижу тебя, – сказал он.

– Ага. Я это вроде как понял.

Райан шмыгнул носом.

– Ты всё ещё любишь его, да? Признай это.

– У меня есть плохая привычка любить людей, которых не следует, но не переживай. Он разделяет твоё мнение насчёт меня.

Они не разговаривали по дороге домой и остальную часть вечера. Когда Райан объявил, что устраивает вечеринку на следующий день, Тим просто пожал плечами. По крайней мере, это займёт Райана, пока он будет ужинать с любовью всей своей жизни и пытаться объяснить колоссальный беспорядок, в который ввязался.

Глава 31

Новая стрижка способна творить чудеса. Но сегодня Тим нуждался в чем-то более чудотворном, чем это. Он с надеждой смотрел на своё отражение в зеркале заднего вида в машине. Стилист сделала все, что было в ее силах, но даже чисто выбритый он всё равно выглядел так, будто жизнь проехала по нему катком. Слишком много вечеринок, бессонных ночей и споров. Слишком много Райана.

Со смиренным вздохом закрыв зеркало, Тим зашёл в «Мезонетт» пораньше и попросил официанта принести ему бутылку вина. Он хотел, чтобы она была готова и ждала, когда приедет Бен, но его нервы взяли над ним верх, и он налил себе бокал. Или два.

Когда Бен подошёл к столику в сопровождении официанта, он выглядел настороженным, будто у Тима был какой-то скрытый мотив. Тим чувствовал себя слишком неуверенно, чтобы даже думать о соблазнении. Как бы там ни было, он улыбнулся своей лучшей улыбкой – как раз достаточно, чтобы убедить Бена присесть.

– Прости за вчерашнее, – сказал он, поднимая бутылку. – Выпьешь?

Бен кивнул, наблюдая за тем, как Тим наливает бокал и ставит перед ним, но не коснулся его.

– Твой парень в порядке?

– Райан? Да, он постоянно говорит такую ерунду.

Бен замер.

– А ты постоянно так реагируешь?

– Нет! Я никогда не бью его. Ничего такого. – Тим по привычке двинул рукой по столу, желая прикоснуться к Бену. Вместо этого он нерешительно погладил солонку, прежде чем убрать руку. – Мы поругались на прошлой неделе, и я схватил его так же, как вчера. Иногда я не рассчитываю силу. – Бен не выглядел убеждённым. – Райан знает, как не на шутку меня спровоцировать. Обычно я сдерживаюсь, но в последнее время... я боюсь того, что может произойти, если ничего не изменится.

Бен раздумывал над его словами, прежде чем язык его тела стал чуть более расслабленным.

– Хорошо. Расскажи мне всё.

Тим излил свою душу, благодарный за сочувствие. Марчелло тоже был не плохим слушателем, но считал Райана дефектным продуктом, который нужно обменять на что-нибудь получше. Марчелло с лёгкостью переключался между романами. Для Тима же каждые отношения были значительными, и когда что-то шло не так, он чувствовал себя Атласом, страдающим под весом мира.

– Райан – твоя противоположность, – сказал Тим. – Ты всегда пробуждал во мне хорошее, менял меня к лучшему. С Райаном... я просто не знаю. Я видел в нём себя. Его родители такие же «холодные», как мои. Я видел боль, скрытую за этим его симпатичным личиком, но у него скверный характер. Райан переключает свою боль на мир, и я не знаю, что сделать, чтобы он стал лучше. Иногда я думаю, что он такой, каким стал бы я, если бы не встретил тебя.

– Ты был бы в порядке, – сказал Бен.

– Нет, не был бы. Чёрт, посмотри на беспорядок, в который я превратил свою жизнь. – Тим покачал головой. – Ты бы никогда не спустил мне с рук что-либо из этого.

– Я всё равно не спущу. – Бен улыбнулся впервые со дня приезда. – То, что ты сегодня пригласил меня сюда, даёт мне право свободно вмешиваться.

Тим пожал плечами.

– Вмешивайся. При условии, что ты можешь всё исправить.

– Ты мог бы бросить его, – сказал Бен.

– Мог бы, – сказал Тим, – но секс великолепен, а ты знаешь, каким я становлюсь требовательным. Если бы только у меня был кто-то, кто мог занять его место.

Бен закатил глаза.

– Джейс знает, что я здесь.

– Это хорошо. – Тим сделал ещё один глоток вина. – Вы поссорились из-за меня?

– Нет.

– Несмотря на то, что случилось в прошлый раз, он всё равно позволил тебе встретиться со мной сегодня здесь?

Бен кивнул.

– Он не человек.

– Вероятно, нет, – будто бы рассерженно произнёс Бен, но улыбаясь. – Он мне доверяет, и я не собираюсь заставлять его пожалеть об этом. Не в этот раз.

– Хорошо, – ответил Тим. Удивительно, как одно маленькое слово могло нести в себе такую огромную ложь.

Официант пришёл принять их заказы, но ни один из них ещё не заглядывал в меню. Тим заказал предложенные закуски, но к тому времени, как их принесли, им обоим захотелось уйти. Это окружение было не правильным. Они когда-нибудь ужинали вместе вне дома? Делать это сейчас казалось неестественным, так что они оплатили счёт и ушли.

– Тебе, наверное, пора ехать домой, – сказал Тим. – Может, по сравнению с Джейсом и Ганди выглядит нетолерантным, но уверен, он всё равно переживает.

– Ты не можешь сесть за руль. Не после всего этого вина.

– Было всего пару бокалов.

– Этого хватило. – Бен направился в сторону парковки. – Идём. Я тебя подвезу.

Тима охватил знакомый дискомфорт, как только они сели в машину Бена. Он представил, что Джейс сидел на этом же самом месте, задумался, какой из запахов в салоне принадлежал ему. Это был аромат его одеколona? Тиму по-прежнему не нравилась мысль о том, что с Беном был кто-то другой, но он больше не чувствовал, что имеет права на него. Особенно сейчас. Бен, наверное, считал его жалким, а это самое далёкое от стоящего любви.

– Я не так всё планировал. В смысле, то, как мы снова встретимся. – Тим бросил взгляд на Бена, на лице которого виделись полосы теней и света от уличных фонарей. – Мне снилось, что ты на сцене. Разве это не сумасшествие? Я понятия не имел, что ты играешь в театре, но мне всё равно это приснилось.

Глаза Бена метнулись, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Так значит вот как ты меня нашёл?

– Ну, так и с помощью поисков в «Гугле».

– Я и сам этим баловался, – сказал Бен.

– Ты пытался меня искать?

– Да. Мне было интересно. Но я ничего не нашёл.

Потому что Тим ничем не занимался. Он не оставил свой след в мире, в его жизни не произошло никаких изменений. Эта мысль была почти такой же депрессивной, как машины, которые заполняли его подъездную дорожку и выстроились на улице. Вечеринка Райана. Тим чуть не забыл.

– Проводишь меня до двери? – в шутку произнёс он, когда Бен остановился у обочины и заглушил двигатель. Бен казался единственной ниточкой к здравомыслию, которую Тим пока не был готов отпустить.

Они слышали ревущую музыку даже раньше, чем вышли из машины. На улице к шуму добавились кричащие голоса. И вой, от которого у Тима внутри всё скрутилось с чувством вины.

– Я говорил ему не оставлять её на заднем дворе. Она ненавидит оставаться ночью одна.

– Шиншилла?

– Да. – Тим кивнул в сторону дома. – Пойдём. Она будет рада тебя видеть.

Иметь такую собственность, чтобы не нуждаться в частном заборе, было мило, но Тим раздумывал над тем, чтобы установить такой забор. Чтобы Шиншилла могла самостоятельно гулять на улице. Сейчас ему приходилось держать её привязанной за поводок к дереву. Когда Шиншилла увидела их, она начала нарезать круги, виляя коротким хвостом, когда Бен опустился на колени, чтобы погладить её.

Тим присел на корточки, отстёгивая поводок и пытаясь распутать его.

– Это происходит почти каждую ночь, – пробормотал он. Если Райан не устраивал вечеринку, то его доставало, что собака мешает на пути, и он выгонял её на улицу, зная, что Тим вернёт её каждый раз. Возможно, Райан делал это просто для того, чтобы позлить его.

– Я не хочу заявлять очевидное, – произнёс Бен, – но почему бы тебе просто не расстаться с ним? Знаю, знаю, ты сказал, что секс у вас действительно великолепный, но всё становится только хуже.

– Ты прав, но я не знаю как. Ты слышал его прошлым вечером. Он всегда угрожает покончить с собой. В ту ночь, когда у него была передозировка, это произошло из-за того, что я предложил сделать перерыв.

Сейчас Шиншилла лежала на спине, Бен рассеянно гладил её по животу. Он предложил схему, как избавиться от Райана, например, отослать его на какой-нибудь тропический гей-курорт, чтобы найти кого-нибудь нового. Идея была совершенно нереалистичной и как раз достаточно сумасшедшей, чтобы заставить Тима улыбнуться. Бен по-прежнему обладал этой силой, даже сейчас. Тим был несчастным и стыдился положения своих дел, но Бен мог заставить его улыбнуться.

Их шутки были прерваны звуком разбившегося стекла. Какого чёрта Райан делал, разносил дом? Что настораживало, так это реальность такой возможности.

Бен вздохнул и встал.

– Хорошо. Пора всё наладить. Пойдём.

Когда они вошли через заднюю дверь, Тим увидел хаос вокруг себя глазами Бена и понял, какой испорченной стала его жизнь. Дом был полон парней, многие из которых, возможно, всё ещё учились в старшей школе, все они были под кайфом. Круг друзей Райана расширился за пределы эскорта и моделей Марчелло. Многие лица были знакомыми, но только с предыдущих вечеринок, которые, казалось, с каждым разом становились всё хуже. Рядом с разбитым стеклом стояла группа подростков, а на другой стороне лежал цветок в горшке.

Тим взял Шиншиллу на руки, переживая, чтобы она не наступила на осколки, и закрыл её в прачечной. По крайней мере, там она будет в безопасности. Тим часто брал Шиншиллу и уходил наверх в свою спальню, пока вечеринка не сойдет на нет, но сегодня у него было предчувствие, что всё станет намного хуже, прежде чем закончится.

Сердце вечеринки гремело и стучало в гостиную. Бен вошёл туда так, будто был хозяином этого дома, подошёл к стерео и вырвал провод из розетки. Из-за внезапной тишины все головы в комнате повернулись к ним, включая голову Райана, и Тиму стало страшно. Не за себя, а за Бена. Каким бы эмоционально сильным ни был Бен, Райан был безбашенным и уже двигался к ним.

– Какого чёрта он здесь делает? – выплюнул Райан, явно под кайфом от чего-то.

– Я здесь со своим парнем, – сказал Бен.

Парнем? Тим был даже больше удивлён, когда Бен взял его за руку. Ладно, может быть, Бен тоже был немного сумасшедшим.

Райан обнажил зубы, рыча, затем бросился в сторону Бена, расталкивая на пути гостей вечеринки.

Нет. Абсолютно нет! Тим изменил свою позу, готовый остановить Райана, прежде чем тот прикоснётся хоть пальцем к Бену.

Тим напрягся, когда почувствовал на своей щеке руку, которая повернула его голову. У него едва было время осмыслить это, прежде чем губы Бена столкнулись с его собственными, и всё забылось. Вечеринка, Райан, годы ошибок и сожалений – всё исчезло. Остался только Бен, и он был всем, чем должна была быть любовь.

Когда их губы снова разделились, в комнате стояла тишина, и Тим всё понял. Бен знал, что Тим никогда не бросит Райана. Он бы уже сделал это, если бы мог. Но они могли заставить Райана уйти, если убедят его, что между ними что-то есть. Тиму не нужно было притворяться. Не насчёт этого. Он посмотрел на Райана, оставляя свои эмоции обнажёнными. Когда Райан увидел правду, из его горла вырвались рыдания.

– Я переезжаю сюда, – сказал Бен, поворачивая нож. – Тим попросил меня об этом. Ты уходишь и никогда не возвращаешься. Все вы.

Когда никто не отреагировал, Бен упомянул копов и поисковых собак. Это сработало. Уличная цена незаконных препаратов, которые эти дети носили в своих карманах и венах, вероятно, стоила целого состояния, и никто из них не хотел

потерять то, что имел. Дом быстро опустел. Это оставило Тима и Бена наедине с Райаном, чья печаль сменилась обратно на злость.

– Я покончу с собой, – сказал он. – Клянусь Богом, я сделаю это!

– Нет, не сделаешь, Райан. – Тим медленно подошёл к нему. – Я знаю, что не сделаешь, потому что ты слишком труслив. Ты сбегал с того дня, как я тебя встретил, от неодобрения своей семьи, от того, кто любит тебя, но больше всего ты пытался сбежать от самого себя. Когда-то я был таким трусливым, а ты по-прежнему такой.

– У меня была передозировка! – заскулил Райан.

– А я был рядом и держал тебя за руку в больнице, пока тебе промывали желудок. Когда я сказал тебе, что ты чуть не умер, ты расплакался. Тогда я подумал, что в тебе ещё есть надежда, но с тех пор я видел твои передозировки каждую ночь. Я не знаю, как тебя исправить, Райан, хотел бы знать, и не мои деньги помогут тебя уничтожить. Больше нет.

– Я нужен тебе! Бен не останется с тобой рядом. Он тебя бросит, и ты будешь один. Что ты тогда будешь делать?

– Полагаю, мы это выясним. – Тим мягко положил руку на плечо Райана, направляя его к выходу из комнаты. – Идём. Соберём твои вещи.

– Я не буду ничего собирать!

– Тогда посмотришь, как это делаю я.

Он крепче сжал руку на плече Райана, пытаясь сделать так, чтобы это казалось поддержкой, когда на самом деле ему хотелось убрать парня подальше от Бена. К счастью, Бен не пошёл за ними из комнаты.

– Ты не можешь заставить меня уйти, – сказал Райан по пути вверх по лестнице. Он продолжал останавливаться, будто они постоят и обсудят это. Тим пытался заставить его продолжать идти. В конце концов, он сдался и пошёл в спальню сам, собирая вещи Райана и прислушиваясь к признакам проблем внизу. Но вскоре Райан вошёл в комнату с искажённым злостью лицом. – Как давно ты с ним встречаешься?

– С Беном? – усмехнулся Тим. – С тех пор, как мне было семнадцать.

– Ты знаешь, что я имею в виду!

Тим схватил кучу рубашек из шкафа и засунул их в чемодан, с вешалками и всем остальным.

– Мы никогда не переставали встречаться. Не совсем.

– Так ты всегда изменял мне?

– Да.

Врать ему – намеренно причинять ему боль – было неправильно. Но это нужно было сделать.

Райан сел на край кровати, опустив голову, и Тим начал злиться. Какое право он имел разыгрывать такую боль, когда изменял именно он? Тим упаковал остальные вещи Райана, затем вызвал такси, наблюдая, как Райан плачет.

– Куда ты поедешь? – спросил его Тим.

– Я не знаю.

– Езжай домой. Родители тебя примут.

– Я их ненавижу!

– Ты всё ненавидишь. – Тим направился к двери. – Идём.

– Нет.

– Я вызову копов, если придётся. А теперь идём.

Райан встал и взял его за руку.

– Пожалуйста, – произнёс он. – Пожалуйста, не заставляй меня уходить. Мне жаль.

Тим игнорировал его, идя к входной двери и практически таща Райана следом. Даже когда они по пути прошли мимо Бена, Райан продолжал умолять, и Тим испытывал странное чувство стыда за него. Когда приехало такси, он дал водителю сто долларов и сказал отвезти Райана туда, куда бы тот ни захотел. Пока такси уезжало, Тим стоял на улице и наблюдал за ним, стоп-сигналы загорелись красным прежде, чем машина повернула за угол и исчезла из вида.

– Ты в порядке?

Тим развернулся и обнаружил рядом Бена.

– Да. – Затем он поддался инстинкту и обвил Бена руками. Всё в нём приносило комфорт. Ощущение его тела, знакомый запах его кожи, тепло его шеи. – Ты всегда знаешь, как правильно поступить. Без тебя я превращаюсь в месиво.

– Я великолепен, я знаю. – Бен мягко отстранился. – А ещё у меня проблемы. Джейс мне всыпет по первое число, когда узнает, что я поцеловал тебя, не важно, по какой причине. Ты ведь сделаешь все мои страдания стоящими и никогда не будешь снова видаться с Райаном, верно?

Тим подошёл ближе.

– Раз уж у тебя всё равно будут проблемы...

Бен шутливо отпихнул его, и они рассмеялись.

– О, Боже. – Тим посмотрел в сторону дома. – Шиншилла по-прежнему заперта.

– Она в порядке, – сказал Бен. – Пока ты был наверху, я выпустил её и дал ей медовой ветчины, которую нашёл в холодильнике.

– Это хорошо.

Тим смотрел на него и не мог не хотеть, чтобы всё было по-другому. Он полагал, что всегда будет этого хотеть.

– Мне, наверное, пора идти, – сказал Бен.

– Не уходи. Я хочу сказать, не навсегда. Мы могли бы как-нибудь провести время вместе. После всех этих лет у нас должно получиться быть друзьями, верно?

Бен изучал его взглядом.

– Ты это серьёзно?

Конечно, нет.

– Да. Это будет проверкой того, какой милый Джейс на самом деле. – Он нервно усмехнулся. – Может, я могу как-нибудь пригласить вас, ребята, в гости. Э, но не как в «Сплэштауне». Никакого скрытого мотива. Я просто хочу, чтобы ты был в моей жизни.

Это была правда. После всего этого времени Бен должен был быть не более, чем просто болезненным воспоминанием. Быть друзьями лучше, чем никем.

– Ничего не обещаю, – сказал Бен, – но я поговорю с Джейсом.

Он колебался, будто хотел сказать что-то ещё, но затем покачал головой и направился к своей машине.

– Спасибо, Бенджамин! – крикнул ему вслед Тим, и несмотря ни на что, он не мог не улыбнуться. Затем он зашёл в дом, готовый, наконец, прибрать свой беспорядок. И, может быть, поискать хорошую службу уборки, которая помогла бы ему начать.

Глава 32

Тим устроил вечеринку на выходных. Не в стиле Райана, с рвотой на ковре и передозировками в ванне, а намного более приличное воскресное барбекю на заднем дворе. Конечно, он подождал, пока Бен и Джейс согласятся прийти, прежде чем приглашать кого-то ещё, включая Марчелло и некоторых своих более приятных друзей. В качестве знака доброй воли, он даже пригласил Эллисон и её мужа.

И теперь они все были здесь, собравшись вместе в уютной сцене, достойной Нормана Роквелла (*прим.: Норман Роквелл – один из самых культовых американских художников и иллюстраторов, изображавших повседневную американскую жизнь и актуальные общественные вопросы*) – если бы он когда-нибудь рисовал парней-геев и межрасовые пары, жарящие стейки рядом с частным бассейном. Спутником Марчелло был юный азиат, который казался заучкой, а Брайан, муж Эллисон, был таким же простым, какой она была красивой. Брайан, как оказалось, был владельцем «Сумеречного театра» и тем самым человеком, который впустил Тима в театр несколько дней назад. Ещё было несколько геев постарше и пара лесбиянок, которые смотрели на бассейн так, будто хотели раздеться и нырнуть.

Тим управлялся с грилем, позволяя своим гостям наслаждаться отдыхом, прикладывая все усилия, чтобы не паять на Бена и Джейса. Они сидели друг напротив друга, глубоко погруженные в разговор, за одним из столов для пикника, которые Тим прикупил по такому случаю. О чём парочки говорят после стольких совместно прожитых лет? Одно было понятно точно: они выглядели счастливыми.

Когда Бен подошёл к нему один, взяв две бумажные тарелки, Тим держал себя в руках и произнёс:

– Что я могу предложить тебе и твоему ослепительному бойфренду?

– Я не знаю, с чего начать, – сказал Бен, оглядывая еду. – Ты сам всё это приготовил?

– Конечно, – ответил Тим. – Насколько сложно замариновать мясо?

Бен кивнул на один из столов.

– Даже финики со сливочным сыром в беконе?

– Это они?

Бен усмехнулся.

– Ты либо уговорил какого-то по уши влюблённого парня приготовить всё это, либо воспользовался услугой «еда на вынос» в одном из ресторанов.

– Еда на вынос, – признался Тим. – Может, мне стоит написать им претензию. Эти хот-доги выглядят сероватыми.

– Это сардельки, они и должны так выглядеть.

– Оу! – невинно отозвался Тим.

Бен взял два хот-дога и после того, как положил в тарелку другие закуски, направился к скамейке, где ждал Джейс. Тим крикнул, что ланч готов, и вскоре его гости приступили к разграблению запасов. Он с удовлетворением наблюдал за ними, обслуживая избалованных гостей, и немного засмутился, когда подошли Эллисон и её муж. Тим надеялся, что парень не слышал его ссоры с Райаном в театре.

– Спасибо, что пригласил нас, – сказал Брайан.

– Мне это в радость, – ответил Тим. – Угощайся сосисками. Ты тоже, Эллисон. – Он посмотрел на золотое кольцо на её пальце, пока она брала тарелку. – Как тебе замужняя жизнь?

– Хорошо! – сияя, ответила Эллисон. Если Джейс и Бен боролись за звание самой счастливой пары в мире, у них были сильные соперники.

– Так как вы двое познакомились?

Эллисон взглянула на Брайана, который жестом разрешил ей рассказать историю.
– Я была волонтером в больнице. Брайан участвовал в одной из программ, которые я вела, и мы просто вроде как нашли общий язык.

Тим изогнул бровь.

– Kleишься к пациенту? Разве это не безнравственно?

– Абсолютно, – бесстыдно произнесла Эллисон. – Кроме того, это была просто моя стажировка. Сейчас я консультант.

– Что означает больше никакого флирта с пациентами, – вмешался Брайан.

Тим рассмеялся.

– Вау, консультант. Вперёд, Эллисон! Может, тебе следует оставить мне свою визитку. Со всеми своими проблемами я буду годами держать тебя в деле.

– На самом деле, – сказал Брайан, почёсывая свою рыжеватую бороду, – я хотел пригласить тебя на что-то похожее. Я бывший алкоголик. Уже два года не брал в рот ни капли. Бен говорил нам, как переживает из-за того, что ты пьёшь. Я буду рад увидеть тебя на одной из наших встреч анонимных алкоголиков, если ты заинтересован.

Тим переместил вес с одной ноги на другую от неудобства.

– Я знаю, прозвучит так, будто всё наоборот, но у меня нет проблемы. Мне просто нужно притормозить.

– Ну, если ты обнаружишь, что притормозить тяжелее, чем ты думаешь, мой номер телефона и адрес электронной почты указаны прямо здесь.

Тим взял визитку Брайана, почему-то стыдясь. Он не был алкоголиком, верно? Он с тоской подумал о холодных бутылках пива, зарытых в лёд в холодильнике, и понял, что сегодня обойдётся без этого – и ещё некоторое время. Он был уверен, что у него нет проблем, и хотел продолжать в том же духе.

Поболтав ещё немного, Тим извинился и вернулся к грилю, перекусывая между обслуживанием голодных гостей. Бен переживал за него, да? Это уже что-то, по крайней мере. После того, как все наелись, даже Марчелло, Тим сделал то, из-за чего нервничал весь день, и подошёл к Джейсу.

– Можно тебя на минутку?

Джейс перевёл взгляд с него на Бена и обратно и кивнул.

– Конечно.

Тим увёл его прочь от вечеринки ближе к дому, желая, чтобы его пульс замедлился. Это могло плохо кончиться. Он надеялся, что легенды о доброте Джейса были правдой.

– В чём дело? – спросил Джейс. Выражение его лица было не совсем дружелюбным, но он и не глумился.

– Я просто хотел извиниться, – сказал Тим, протягивая руку. – Думаю, уже давно пора.

Джейс посмотрел на его руку, но не пожал её.

– За что именно ты извиняешься? И прежде чем ответить, сделай нам обоим одолжение и хорошо над этим подумай. Если и есть то, чего я не буду терпеть от тебя, так это ещё больше брехни.

Ауч! Уже было слишком поздно сбегать обратно на вечеринку, зажав хвост между ног? Но Джейс изучал его взглядом, ожидая ответа. Правда? Тим не жалел о том, что пытался вернуть Бена или целовал его, когда был шанс. Он не жалел о том, что пытался украсть Бена у Джейса. Когда он обдумал абсолютную правду, ответ стал очевиден.

– Прости, что я причинил боль Бену.

Джейс схватил его за руку и пожал её.

– Извинения приняты.

Тим с облегчением рассмеялся.

– Господи, чувак! Все говорят, что ты святой, но ты немного пугаешь, знаешь?

Джейс подмигнул.

– Помнишь тот правый хук?

– У меня челюсть до сих пор болит, когда холодает на улице.

Их смех принёс облегчение, пока они медленно расслаблялись.

– Спасибо, что позволяешь мне быть рядом с Беном, – сказал Тим. – Ты не обязан этого делать.

Джейс пожал плечами.

– Не мне делать этот выбор. У него на все есть собственное мнение.

– Ну, я всё равно ценю то, что ты относишься к этому нормально. Приятно снова иметь его в моей жизни. Я действительно надеюсь, что мы с ним можем быть друзьями.

– А если нет?

– Тогда я выйду из игры, – сказал Тим. – Я никак не могу увести его у тебя, не разбив при этом его сердце.

Джейс кивнул в знак признания.

– Бен рассказал мне о Райане. Похоже, время было тяжёлое, но не сдавайся. Мне пришлось пройти через многих Неправильных парней, прежде чем я, наконец, встретил Бена.

– Да, но представь, если бы ты встретил его первым.

– А потом бы всё испортил, – без какой-либо злобы произнёс Джейс. – Я думал об этом, поэтому стараюсь тебя не винить. В моей жизни однажды был кое-кто другой. Кто-то, кого я любил почти так же сильно, как Бена. Нет никакого шанса его вернуть, но если бы не появился Бен и у меня была бы ещё одна попытка, я бы воспользовался ею.

– Да?

– Определённо. Если бы мы поменялись ролями, я тоже сделал бы что угодно, чтобы снова завоевать ту любовь. Хотя мне бы хотелось думать, что я сделал бы это с помощью очарования, а не хитрости.

– Эй, я буду более чем рад попробовать поступить по-твоему, если хочешь дать мне несколько наводок.

Джейс улыбнулся.

– Ни шанса.

Поболтав ещё немного, они вернулись на вечеринку. Джейс действительно был милым, за исключением того, когда жизнь требовала обратного. Тим не был сторонником самоуничижения, но может, просто может, Джейс был лучшим мужчиной. Мысль была слишком депрессивной, потому что это значило, что у Бена будет лучшая возможная жизнь.

Тим, скрестив ноги, сидел на краю бассейна, разламывая сосиску и скармливая кусочки Шинилле, когда Бен подошёл и сел рядом с ним.

– О чём вы, ребята, говорили? Джейс мне не рассказывает.

– О тебе, конечно, – сказал Тим. – О твоём утреннем дыхании, твоей ужасной стряпне – как обычно.

– Вижу, мне придётся держать вас двоих отдельно, – с притворным раздражением произнёс Бен.

– Так введи меня в курс своих дел, – сказал Тим. – В прошлый раз я только ныл о своих проблемах. Какая жизнь после колледжа у Бенджамина Бентли?

– Хорошая. – Бен скинул свои сандалии и опустил ноги в бассейн. – Я получил работу логопеда, это хорошо. Заставляет меня чувствовать себя полезным.

– Значит, театр с ужином – это просто хобби?

Бен покачал головой.

– Скорее вторая работа. Они обе только с частичной занятостью, но мне нравится разнообразие. Что насчёт тебя?

– Ты сам всё видишь. Я домохозяйка без мужа.

Бен фыркнул.

– Серьёзно. Однажды ты сказал что-то о том, что знаменитости работают из скуки, даже после того, как разбогатеют.

– Мудрые слова, – с иронией произнёс Тим. – Мне было скучно. Потом я встретил Райана, и всё слетело с катушек. Честно говоря, я с нетерпением жду, когда снова станет скучно. После этого, я не знаю. Но я хочу послушать о твоей жизни. Что ещё произошло?

Бен сделал глубокий вдох.

– Я вышел замуж.

– Оу. – Тим сделал паузу. – Джейс знает?

Бен шутливо толкнул его.

– За него я и вышел.

– А, понятно! – Тим усмехнулся, хоть у него внутри всё казалось раздавленным. Лучший мужчина или нет, он не мог перестать ревновать. – В Техасе это законно?

– Всё весёлое не законно. По закону мы по-прежнему граждане второго сорта, но они не могут остановить нас от того, чтобы взять на себя обязательства. Брак – это не клочок бумаги, верно?

– Правда. Я говорил тебе, что женюсь на Шиншилле?

– Действительно? – с поддельным интересом спросил Бен.

– Да. Мы не выбрали кольца, но я подумал, что дам ей пожевать свои туфли. Затем буду носить их по городу в знак своей преданности ей.

Бен выглядел впечатлённым.

– Звучит романтично.

– Я тоже так подумал. – Тим толкнул его плечом. – У нас получится?

– У нас с тобой? – Бен толкнул его локтем в ответ. – Да. У нас получится. Как-нибудь.

– У тебя глаза загораются, когда ты смотришь на него.

Марчелло появился справа от Тима, напугав его. Для большого парня он точно умел двигаться незаметно. Конечно, оркестровая музыка помогла скрыть его приближение, как и звуки танцоров в бальном зале. Очередной сбор средств в фонд Эрика Конроя. Каждый служил напоминанием того, как давно он погиб, годы добавлялись быстрее, чем Тим старался думать об этом. В этом году он пригласил Бена и Джейса, и пока они танцевали вместе в своих арендованных смокингах, Тим не мог отвести глаз. Они были...

– Прекрасны, – произнёс Марчелло, тоже увидев их. – На этот раз не устраиваешь никакой войны за сердце?

– Я? – Тим сgrimасничал. – Не думаю, что я смогу вклиниться между ними, даже если захочу.

Марчелло похлопал его по спине.

– Ты мог бы заполучить любого, кого захочешь. Может быть, Райан тебя немного истрепал, но последние несколько недель отметили возвращение этого симпатичного

личика, которое продаёт так много фотографий. Я по-прежнему зарабатываю деньги с тех выходных, когда ты для меня позировал.

Тим был польщён, но вернулся ещё не полностью. Он снова начал бегать, но килограммы набирались намного легче, чем уходили. Воздержание от пива помогало, хотя сегодня он позволил себе сделать глоток шампанского, чтобы отпраздновать: его второй тест на ВИЧ был отрицательным. Никакие ошибки, которые он допустил с Райаном, не будут необратимыми.

– Нет, – наконец ответил Тим. – На этот раз я их оставляю. Я бы сказал, что они созданы друг для друга, но Бен, скорее, был создан для меня, а Джейс был создан для него. Это имеет смысл?

– В любви мало что имеет смысл. Как бы там ни было, приятно видеть сегодня здесь такую счастливую пару.

– Да. Но не позволяй им вносить какие-либо деньги в фонд, – сказал Тим. – В смысле, символическая сумма – это нормально, но я знаю, что им трудно.

Марчелло кивнул.

– Это едва ли необходимо. В этом году уже были сделаны некоторые самые щедрые пожертвования. Достаточно, чтобы у нас остался излишек, что для благотворительности никогда не идеально. Без сомнений, есть художники, которым не помешали бы деньги, но разбор заявок на гранты требует времени, как и проведение собеседований.

– Правда? На самом деле, звучит вроде как весело.

– Мне хватает дел, – отмахнулся Марчелло.

У Тима дел по-прежнему не было, за исключением времяпрепровождения с Беном и Джейсом время от времени. Он начинал задаваться вопросом, не живёт ли он косвенно через них.

– Кроме того, – продолжал Марчелло, – ты не представляешь, как отчаянно претенденты хотят, чтобы кто-нибудь посмотрел на их искусство. Я продолжаю говорить им, что сделаю фотографии и выложу онлайн.

Тим покачал головой.

– Это не одно и то же. Даже лучший фотограф не может захватить полный дух картины. Ты когда-нибудь думал, чтобы заняться большим, чем просто раздавать гранты? Что, если ты найдёшь место под галерею для выставок новых художников?

– Идея хорошая, но опять же, найти время – проблема.

– Не для... – Тим осуждающе взглянул на Марчелло. – Ты точно меня разыгрываешь, да?

Намёк на улыбку выдал его.

– Вовсе нет, – сказал Марчелло. – Но если ты случайно знаешь кого-то, кто хочет работать долгими часами бесплатно, то непременно пришли его ко мне.

Тим смотрел на него.

– Я подумаю над этим.

– Хорошо. – Марчелло предложил свою руку и кивнул в сторону танцпола. – А теперь, как насчёт того, чтобы мы составили конкуренцию Бену и Джейсу?

Хоббиты дрались с гигантским пауком, пока где-то эльфы и гномы сражались со злыми орками. Тим упускал всё это. Он мог сосредоточиться только на близости тела рядом с ним, на тепле под стёганным одеялом, которое было всего в нескольких сантиметрах. Забудьте о волшебных золотых кольцах. Если в мире и было одно бремя, которое невозможно вынести, это была любовь.

Джейс и Бен пригласили его на ужин. Конечно, Джейс умел готовить. Еда была хорошо приготовлена, разговор был приятным, и всё это дополнилось третьей и

финальной частью «Властелина колец» на DVD. Расширенная версия «Возвращения короля», видимо, длилась двенадцать миллионов часов, или так казалось. И Тим был благодарен, особенно когда Бен растянулся на диване, положив голову на колени Джейса, а ноги... Поначалу его ступни прижимались к бедру Тима с внешней стороны. После долгого сосредоточения на этом контакте, Тим опустил руку под одеяло, взявшись за одну из ног Бена так, будто они держались за руки.

Как бы это ни было глупо, для него было крайне важно, что Бен не отстранился. Вместо этого он подёргал пальцами на ногах в ответ, удовлетворённо вздыхая. Бен этого хотел, одновременно и своего бывшего парня, и мужа? Тима никогда не привлекала эта идея, но прямо сейчас он согласился бы на что угодно, потому что всё становилось плохо. Ужасно плохо. Они с Беном находили много таких оправданий, маленькие способы прикоснуться друг к другу – объятия на прощание, которые длились слишком долго, или шуточные толчки, где их руки касались тел друг друга вместо того, чтобы толкать. Они даже однажды ускользнули вместе на ланч, без Джейса.

Не важно, что они обещали и сколько клялись, они медленно поддавались гравитации между ними. Тим не сомневался, что Бен любит Джейса, но Эрик был прав. Любовь не была исключительной и не угасала, и если один из них вскоре не начнёт действовать, пути обратно не будет.

Только Тим не хотел, чтобы это заканчивалось. Это время, проведённое вместе, было приятным, даже если Бен не принадлежал ему. В каком-то смысле быть друзьями означало узнать его вне давления отношений. Им было весело. Может быть, слишком весело.

Что касается фильма, чёртово кольцо, наконец, оказалось в вулкане, но даже тогда Фродо остался заколдованным. Этого проклятия нельзя было избежать.

– Я помою посуду, – сказал Джейс, когда пошли титры.

Бен сел, оттягивая свою ногу.

– Я помогу.

– Я третий! – предложил Тим.

– Нет, просто расслабься, – сказал Бен. – Мы очень быстро с этим разберёмся.

– На Рождество, ребята, я куплю вам посудомоечную машину, – сказал Тим. – Здесь будто земля Амишей. Кто моет посуду вручную?

– Мы, бедные, – ответил Джейс, уводя своего мужа прочь.

Как только они скрылись из виду, Тим простонал и упал на бок. Он растянулся на диване и подтянул одеяло до шеи. Он мог думать только о том, как мило было бы мыть с Беном посуду, когда на руках у них обоих были бы надеты яркие резиновые перчатки. Джейс и Бен не были бедными. Они были богаче, чем когда-либо будет он.

«Очень быстро», должно быть, для них значило что-то другое, потому что Тим практически клевал носом к тому времени, когда услышал шаги по ковру. Он держал глаза закрытыми. Может быть, Бен разбудит его поцелуем. Кто бы ни был с ним в комнате, казалось, он ничего не делал. Они собирались просто стоять и наблюдать за ним?

– Он спит? – раздался издали голос Джейса.

– Да. – Шёпот Бена прозвучал прямо перед диваном. – Давай дадим ему переночевать здесь.

– Хорошо. Ты идёшь в кровать?

– Приду через секунду. Просто хочу запереть дверь.

Повисла неловкая пауза, затем Джейс сказал:

– Поцелуй меня на ночь.

Тим слушал, еле уловимые звуки были мучительными.

– Что-то не так? – спросил Бен.

– Просто... – Джейс вздохнул. – У тебя глаза светятся, когда он рядом. Так же, как когда ты смотришь на меня.

– Я люблю тебя, – практически с отчаянием произнёс Бен.

Ответ Джейса был мягким.

– Я знаю. Приходи в кровать поскорее. Хорошо?

Тим слушал, как в гостиной выключились лампы, одна за одной. Он чувствовал, как натянулось одеяло, когда Бен подоткнул его под Тима. Тиму хотелось открыть глаза, притянуть Бена к себе на диван, но он не смел двигаться. Затем Бен погладил его по волосам, просто одним нежным движением, невинным, как прикосновение матери. Но, конечно, всё было не так.

Тим слышал вздох Бена, его шаги в коридоре, пока скрипело дерево под ковром, а потом щёлкнула, закрываясь, дверь в спальню. Затем Тим встал и выскользнул за входную дверь.

Насекомые гудели, дополняя влажный вечер. Тим сидел на крыльце, перекатывая между ладонями бутылку пива, пока Шиншилла спала, лёжа на боку, наслаждаясь прохладным бетоном. Они могли бы быть на заднем дворе, рядом с успокаивающими водами бассейна, но Тим ждал. Может быть, это произойдёт не сегодня, но шторм приближался. Единственный вопрос состоял в том, будет ли дождь.

И действительно, через полчаса подъехала машина Бена.

– Ты здесь либо для того, чтобы сделать что-то, чего на самом деле не следует, – сказал Тим, – либо ты пришёл попрощаться.

– Прости. – Бен встал перед ним, не трудясь сесть. Это будет короткий визит. – Я бы хотел, чтобы мы могли быть просто друзьями.

– Нет, не хотел бы. – Тиму удалось храбро улыбнуться. – В этом и проблема, так ведь?

– Да.

Тим сделал глубокий вдох.

– Думаешь, у нас бы получилось? Скажем, если бы за нами в ту ночь не погнались копы, наши отношения бы продолжились. Как думаешь, мы сегодня ещё были бы вместе?

Бен думал об этом, может быть, раздумывая о возможностях, которые могли бы быть, но вместо ответа он сглотнул и сказал:

– Я должен идти.

Тимом овладело отчаяние. Он не сможет дышать, если Бен уйдёт.

– Я не знаю, что буду делать без тебя, Бенджамин. У меня ничего не осталось.

– Это не правда. У тебя много чего есть.

– Я рассказывал тебе, что признался во всём родителям?

– Нет.

– Да. Они были не в восторге. Если раньше они были холодны... – Тим покачал головой.

– Они это переживут. А если и нет, то пусть идут к чёрту.

Тим улыбнулся в ответ на это воскрешение подросткового поведения Бена. Возможно, он так и сказал бы, если бы Тим сделал каминг-аут в те времена. Его родители психанули бы, и Тим понуро пришёл бы к Бену, только чтобы услышать от него эти самые слова. Родители могут идти к чёрту. Тогда их отношения продолжились бы, не пострадав. Если бы только Тим мог понять это в то время.

– Не возвращайся к Райану, – сказал Бен. – Тебе не нужен он. И я. И кто-либо ещё, раз на то пошло.

Тим покачал головой.

– Ты всегда был мне нужен.

– Ты можешь хотеть нас, но мы тебе не нужны. Ты сказал, что я пробуждаю в тебе лучшее, но все эти замечательные вещи уже были в тебе, даже до моего появления. Живи ради себя, Тим. Укрась дом своими картинами. Не прячь их. И не прячь себя. Весь мир ждёт, чтобы увидеть тебя. Настоящего тебя. – Бен вертел в руках ключи от своей машины, уже поворачиваясь, чтобы уйти, но сначала его глаза окатили Тима печалью. – Ты так прекрасен, и я имею в виду не только твоё лицо или тело.

– Не уходи, – умолял Тим.

Бен покачал головой и медленно ушёл прочь. Тим мог бы вскочить на ноги, мог бы развернуть его и поцеловать, и сказать, что он должен остаться. И, может быть, Бен остался бы на ночь, или, может быть, даже на день или два. Но, в конце концов, он вспомнил бы о Джейсе, и его сердце разбилось бы из-за того, что он сделал. Так что Тим остался сидеть и смотрел, как Бен открыл дверь своей машины и задержался, положив руку на дверную раму.

– До скорого? – произнёс Бен.

Тим рассмеялся, вытирая слёзы с глаз.

– До скорого.

Часть пятая:

Остин, 2008 год

Глава 33

Как много привлекательности зависело от баланса. Не слишком худой, не слишком толстый. Не слишком юный, не слишком старый. У всех было разное определение всякой всячины, которая как ра-а-аз подходит. В настоящее время Тим пытался найти идеальный баланс запаха. Одеколон должен быть достаточно сильным, чтобы быть замеченным, но не таким сильным, чтобы слезились глаза. Сколько именно для этого нужно прысков? Два? Три?

Игра в баланс продолжалась. Уложить волосы в стильном беспорядке звучало легко, но найти это можно было только в узком промежутке между небрежностью и полным сумасшествием. И, конечно же, шла старая битва между слишком нарядной и слишком обычной одеждой. Тим выбрал рубашку с джинсами, прежде чем решил, что всё это слишком тяжело. Когда приедет его гость, может произойти что угодно. Конечно, если новости были плохими, все это было несущественно.

Сдавшись по поводу своего внешнего вида, Тим прошёл через дом, Шиншилла послушно бежала следом, пока он всё рассматривал. Чистые кухонные тумбочки? Есть. Зажжённые в гостиной ароматизированные свечи? Есть. Большой толстый парень, попивающий шампанское на диване? Есть... Чёрт побери! Не сейчас!

– Что ты здесь делаешь? – требовательно спросил Тим.

– Я продолжаю появляться, – сказал Марчелло, – а ты продолжаешь спрашивать почему. Так происходит наш танец.

– Серьёзно, – произнёс Тим, вытирая кольцо конденсата с кофейного столика. – Сейчас не лучшее время.

У глаз Марчелло появились морщинки.

– Я уже довольно давно не видел тебя таким нервным. Должно быть, он тот ещё красавчик. Как зовут этого счастливчика?

– Эллисон, – фыркнул Тим.

Марчелло выпятил нижнюю губу и пожал плечами.

– Полагаю, всегда стоит пробовать новенькое.

– Это не свидание. Ты помнишь Эллисон. Ты видел её на той вечеринке с грилем несколько лет назад.

– Вечеринка с грилем?

– Да. После неё ты сказал, что бывал на детских днях рождения с большим развратом.

– Это правда! – хохотнул Марчелло. – Теперь я вспоминаю. Она та симпатичная темнокожая женщина, которая пела с Беном. Зачем она приезжает?

– Хотел бы я знать. Она позвонила мне вчера и сказала, что хочет поговорить лично.

– Наверное, деньги нужны, – произнёс Марчелло, изображая зевок.

– Я так не думаю. – Пульс Тима ускорился. – Могу поспорить, это как-то связано с Беном. В любом случае, мне нужно, чтобы ты убрался отсюда. Иди! Можешь забрать бутылку с собой.

– Я хотел кое о чём с тобой поговорить, – сказал Марчелло. – Я быстро. Ты знаешь, что у нас через две недели открытие галереи.

Понадобились годы, чтобы найти доступное место в центре города со всеми подходящими условиями. Расположение, парковка, освещение, место на стенах – и больше всего – цена. Наконец, Тим нашёл кого-то сочувствующего их случаю. У фонда Эрика Конроя будет своя галерея, но она открывалась не так скоро, как думал Марчелло.

– Четыре недели, – исправил Тим.

– А, но место будет готово через две, и было бы жаль дать ему пропадать только потому, что бельгийский художник в отпуске.

Тим многозначительно проверил свои часы.

Марчелло невозмутимо продолжал.

– Ты должен отметить, что нам нечего выставлять. Что ж, я думал, что та картина Эрика, которую ты нарисовал, будет идеальной для галереи.

Тим уставился на него.

– Она в моей спальне.

– Ей не обязательно быть там.

– Нет, я имею в виду, как, черт возьми, ты увидел эту картину? Ты заходишь в мою спальню, пока меня нет дома?

– Что ещё я должен делать в своё свободное время? – ответил Марчелло. – У тебя дар, Тим. Эрик восторженно говорил о твоём таланте, и несколько картин, которые ты позволил мне увидеть, оставили у меня невероятное впечатление.

Лицо Тима покраснело.

– Спасибо, но я всё равно поменяю замки на дверях.

– Я найду открытое окно, – заверил его Марчелло. – В любом случае, вместо скучных пустых стен, почему бы не выставить твои лучшие картины? Ты усердно работал для фонда. Побалуй себя.

– Это немного самовлюблённо, – сказал Тим.

– Ты усердно работал, – повторил Марчелло. – И Эрик гордился бы этим.

И Бен, если бы когда-нибудь узнал.

– Я подумаю над этим. Теперь убирайся отсюда, старое ты трепло.

– Старое? – будто с обидой произнёс Марчелло, но улыбнулся и удалился.

Тим наблюдал за тем, как уезжает Марчелло, когда приехала Эллисон. Её причёска могла измениться, и одежда стать более солидной, но выразительные глаза и широкая улыбка делали её мгновенно узнаваемой. Она оглядела его, идя по дорожке, кивая в знак одобрения.

– Хорошо выглядишь!

– Спасибо, – усмехнулся Тим. – Ты тоже.

– Нет, я имею в виду, действительно хорошо! В прошлый раз ты был таким вымотанным и обросшим.

– Спасибо, – чуть более твёрдо произнёс Тим. – Я тренировался. Эм, проходи.

Он провёл её в гостиную, отчаянно желая завалить вопросами в коридоре и потребовать сказать, что с Беном всё хорошо. Присев, она мягко отказалась от предложения выпить, и Тим больше не смог сдерживаться.

– Как он?

Эллисон ответила одним из этих медленных, качающихся кивков, будто не совсем была уверена в правильном ответе.

– Он в порядке. – Затем она вздохнула. – Мы не можем сначала немного поболтать?

– Ты меня убиваешь, – сказал Тим, присаживаясь.

– Ладно. – Эллисон сделала глубокий вдох. – Джейс умер.

– Что? Как?

– Аневризма. – Эллисон вдруг стала выглядеть намного старше. – Мы не на шутку испугались, но врачи вмешались вовремя. Он пережил одну операцию, и всё выглядело обнадеживающе...

Она покачала головой, не в силах продолжить.

У Тима внутри всё оборвалось.

– Мне жаль. Бен, должно быть, в ужасном состоянии.

– Ему уже лучше, – сказала Эллисон. – Прошло уже пару лет.

– С тех пор, как умер Джейс?

Эллисон кивнула.

Тим чувствовал головокружение, пытаясь учесть все последствия.

– Почему ты не рассказала мне раньше?

– Я не хотела, чтобы ты... Забудь, это не важно.

– Что? Скажи.

Эллисон внимательно посмотрела на него.

– Я не хотела, чтобы ты подумал, что это удобно.

– Это не удобно. – Тим чувствовал, как растёт его раздражение. – Когда с тобой такое происходит, когда кто-то, кого ты любишь, вдруг уходит, это никогда не удобно. Когда Эрик умер... – Тим покачал головой. – Часть тебя умирает вместе с ними. Вот, какое это ощущение.

– Прости, – сказала Эллисон. – Я не это имела в виду.

Тим вздохнул.

– Всё нормально. Я на тебя не злюсь. Я просто ненавижу думать о том, через что, должно быть, прошёл Бен... через что по-прежнему проходит.

– Ему лучше. – Эллисон прикусила нижнюю губу, прежде чем продолжить. – Сейчас, когда упоминаешь Джейса, он улыбается. Думаю, он преодолел скорбь, насколько кто-либо может преодолеть. Но он одинок. Я знаю это. Он занимается только работой.

Тим мог это понять.

– Он никогда никуда не ходит и не говорит о том, чтобы встретиться с кем-нибудь. – Эллисон подняла глаза. – Кроме тебя. Иногда он по-прежнему говорит о тебе.

– Я здесь, – незамедлительно произнёс Тим. – Если ему нужно плечо, чтобы поплакаться, я всегда рядом.

– Он достаточно наплакался за жизнь, – сказала Эллисон. – Ты всё ещё любишь его? Я имею в виду, действительно очень любишь?

Тим не колебался.

– Больше, чем кого-либо за всю свою жизнь.

Эллисон кивнула.

– Тогда, может быть, тебе следует принести мне выпивку. Нам многое нужно обсудить.

Галерея Эрика Конроя, расположенная на Второй улице, была идеальным местом для выставки искусства. Длинные узкие залы – едва ли больше, чем коридоры – отделяли с трёх сторон большое пространство, идеальное для скульптур и инсталляций. Предыдущий арендатор использовал самый большой зал для того, чтобы продавать дизайнерскую обувь, а узкие залы – для инвентаря. Для большинства других магазинов схема размещения была бы кошмаром. Тим обнаружил это место после того, как магазин обуви разорился, но аренда была слишком дорогой, так что он отказался. Спустя полгода на рынке, позвонил владелец, жаждущий, чтобы Тим забрал эту собственность по сниженной цене.

Спустя несколько недель ремонта, бывший магазин обуви преобразовался в идеальный пустой холст. Нейтральные белые стены и рельсовые светильники гарантировали, что искусство будет популярно. Они даже убрали дешёвые ковры и вернули деревянные полы под ними обратно к жизни. Тим работал наравне с подрядчиками, не оставляя ничего на волю случая.

Так что когда Марчелло предложил не упускать зря эту лишнюю неделю или две, Тим согласился бы просто показать публике, какой красивой получилась галерея, даже если его картины не будут выставлены. Но Эллисон считала, что в этом есть романтический потенциал.

Романтика! Что за слащавое, глупое слово. Тиму с трудом верилось, что романтика снова может быть частью его жизни. С приближением дня открытия он начал серьёзно сомневаться. Не насчёт своих собственных чувств. Он больше всего в жизни хотел снова увидеть Бена. Но он боялся того, что с человеком может сделать потеря супруга. Может быть, Бен будет смотреть прямо сквозь него, думая только о Джейсе.

Тим хотел ещё раз рискнуть. Чёрт, он будет пробовать ещё миллион раз, если потребуется. Он упорно работал, делая свою первую выставку правильным местом для того, чтобы они снова встретились. Он открывал миру свою жизнь, так что выбрал не только свои лучшие работы. Он выбрал картины с каждой стадии своей жизни, даже с детства. Это означало необходимость выставить на обозрение некоторые свои очень невыдающиеся работы. Почему-то это казалось более честным и менее пафосным.

Сейчас Тим управлял большинством аспектов фонда Эрика Конроя, но рекламу открытия галереи он оставил на Марчелло и его профессионализм. Не считая мольбы о том, чтобы он не приглашал полуголых официантов для разноса коктейлей, Тим полностью верил в его способности.

Важный вечер наступил уж слишком скоро. Приготовлений в галерее было достаточно, чтобы занять его время, но Тим также был занят тем, что заканчивал новую картину. Он едва успел закончить вовремя, чтобы передать её Эллисон. Теперь

всё дело было за ней, потому что Тим обнаружил себя ожидающим в практически пустой галерее, когда начало садиться солнце. Торжественное открытие. Что подумают люди? Высмеют его искусство, задерут носы и уйдут? Даже хуже, что, если они рассмеются над его попытками? Или не придут?

Первыми посетителями галереи стала пожилая пара. Тим держался на расстоянии, наблюдая за тем, как они двигаются от картины к картине, прежде чем любопытство взяло над ним верх. Подойдя к ним, он представился и был вознаграждён комплиментами. Отец мужчины был художником, и некоторые работы Тима вернули счастливые воспоминания. Пока Тим разговаривал с ними, пришли люди. Вскоре гости начали приходить и уходить из галереи равномерным потоком. Некоторые оставались невозмутимыми, но другие задерживались, устаивая Тима своим временем и вопросами.

– Уже девятый час, – сказал Марчелло, поравнявшись с ним. – Ты должен был произнести речь в семь.

Уже так поздно? Тим оглядел галерею. По-прежнему никакого признака Бена и Эллисон. Может быть, она рассказала Бену их план, и он отказался.

– Речь, – подтолкнул Марчелло.

– Да, хорошо. Иду.

Тим прошёл в главный зал, всматриваясь в каждое лицо в толпе, но не находя то, которое хотел увидеть больше всего. В большом пространстве ориентироваться было проще, так как в центре зала ещё ничего не было установлено. Тим подошёл к микрофону и маленькому усилителю звука, которые ждали его рядом с бесплатными напитками. Это сосредоточит внимание на нём, даже если люди просто ждали, пока он уберётся с пути.

Тим взял микрофон, думая, как привлечь всеобщее внимание, и остановился на классике.

– Эта штука включена?

Ужасная реверберация донеслась из динамиков и прокралась по дюжинам спин. Это сработало! Все головы повернулись к нему.

– Воу! Слишком громко. Извините. – Тим подправил громкость усилителя и глупо усмехнулся толпе, собравшейся перед ним. – Эм, я действительно рад, что вы все решили прийти сюда. Я не очень хорошо умею произносить речи, так что потерпите меня.

От толпы раздалась волна смеха, во многом благодаря бесплатному шампанскому.

– Картины, которые вы видите здесь, создавались практически двадцать лет. Я уверен, что большая часть из вас видела моё главное достижение, «Лягушка отправляется в плавание на лодке»? – Ещё один взрыв смеха. Эй, это было не сложно! – Она была написана, когда мне было восемь, и это моя самая первая картина.

Тим осмотрел толпу. Если бы Бен был здесь, разве он не стоял бы прямо впереди?

– Я обязан этим искусством многим людям. Конечно, объекту каждой картины. Моей собаке Шиншилле или Эрику, который был для меня отцом, героем и много кем ещё. Даже незнакомцам, например, пожилой женщине, которую я увидел лежащей на траве в парке, когда она смотрела на облака и хихикала, как маленькая девочка, над тем, что там увидела.

Тим облизнул губы, ещё раз окидывая взглядом толпу. Никакого Бена. Что ж, если он был здесь, Тим мог только надеяться, что он слушает.

– Меня вдохновило множество людей, но только один дал мне мужество показать свои рисунки другим. Надеюсь, он сегодня где-то здесь, и, заканчивая эту неловкую

речь, я хотел бы, чтобы вы все поаплодировали ему, а не мне. Спасибо, в первую очередь, Бенджамину Бентли.

Ответные аплодисменты были впечатляющими. Тим выключил усилитель и неловко поклонился. Комната начала расчищаться, но некоторые гости задержались, чтобы поговорить с ним, спрашивая его об определённых картинах или даже ценах. Внимание было замечательным. Почему он так долго боролся с этим? Но как бы хорошо ни было это ощущать, Тим продолжал оглядывать комнату, продолжал надеяться. Затем, в центре, где должна была стоять скульптура или какое-нибудь другое произведение искусства, оказался величайший шедевр.

Бен выглядел маленьким и неуверенным, но по-прежнему очень похожим на самого себя.

Тим побежал к нему и сгрёб в объятия.

– Я так рад, что ты здесь! – Тим неохотно поставил его на ноги. Он мог бы сбежать с ним в ночь. Достаточно скоро... – И ещё больше рад, что ты опоздал! Я только что произнёс самую постыдную речь!

– Я думаю, ты был очень хорош, – с намёком на озорство произнёс Бен.

Тим почувствовал, как его лицо покраснело, но это было от радости. Бен не был разбитым или мрачным. Немного более замкнутым, может быть, но это по-прежнему был его Бенджамин. И он был здесь!

– Я на секунду подумал, что Эллисон передумала, – сказал Тим.

Бен казался озадаченным.

– В любом случае, где она?

– Бегаёт у меня на посылках. – Мгновение они смотрели друг на друга, впитывая детали.

– Эй, ты видел много картин?

– Немного, – сказал Бен, – но экскурсия от самого художника была бы очень информативной.

– Хорошо, гранд-тур, но только если ты обещаешь что-нибудь купить.

Бен выдохнул.

– Открытки считаются?

– Они бесплатные, и да.

Тим водил Бена от картины к картине, желая показать ему те, которые тот не видел, таская его туда-сюда. Временами люди подслушивали их разговор и задавали Тиму вопросы или делали свои собственные комментарии. Это было забавно, но вечер касался не совсем его искусства или этой галереи. Дело было в Бене, так что Тим непринуждённо взял его за руку и повёл к заднему выходу.

– Есть ещё кое-что, что я хотел бы тебе показать, – произнёс Тим. – Кое-что действительно особенное для меня.

Они вышли на парковку, и Тим ожидал, что Бен остановит его и потребует объяснений, но до сих пор его всё устраивало. Тим надеялся, что Эллисон выполнила свою часть сделки. Он проводил Бена к пассажирской стороне своей машины, отпуская его руку.

– Хотя бы представляешь, что это за машина? – спросил Тим, открывая перед Беном дверь.

– Неа.

– Хочешь узнать?

– Не очень.

Тим усмехнулся.

– Это «Бентли». Я подумал, что это следующая лучшая вещь на свете после её тёзки.

Бен улыбнулся, что само по себе стоило дорогого ценника.

Как только Тим сел в машину и поехал, он взглянул на Бена и отметил, что тот выглядел очень неуверенно. Тим хотел успокоить его, объяснить, что происходит, но также не хотел портить сюрприз. Больше всего он хотел сказать Бену, что он сожалеет о Джейсе, найти какие-нибудь слова, чтобы заставить боль исчезнуть из его сердца, но Эллисон сказала не поднимать эту тему. Сегодняшний вечер касался будущего, или так они надеялись.

– Тебя не потеряют в галерее? – спросил Бен.

– Меня? Нет. У нас есть одна из этих картонок в полный рост с моим изображением, которая стоит в углу. Никто не заметит разницы.

– А как же я? – произнёс Бен. – Это только вопрос времени, прежде чем кто-нибудь вызовет полицию.

Тим пожал плечами.

– Им придётся заплатить выкуп, если они хотят тебя обратно.

Повисла тяжёлая пауза.

– Куда мы едем?

– Доверься мне. Мы почти на месте.

Чёрт возьми! Как что-либо из этого могло показаться хорошей идеей? Тиму следовало просто позвонить Бену и пригласить его на хорошее скучное свидание. Когда они с Эллисон планировали это, всё казалось таким умным. А сейчас...

Тим заехал в окрестности. Рядом с ним напрягся Бен. Здесь Бен жил. Тим проезжал мимо его дома каждую ночь на прошлой неделе, глядя на светящиеся окна и восхищаясь тем, что мужчина, которого он любит, прямо за ними.

– Что мы здесь делаем? – спросил Бен, когда они заехали на его подъездную дорожку.

– Я хотел показать тебе свою особенную картину.

Бен заметно расслабился.

– Ты имеешь в виду ту, которую подарил мне на день рождения, – усмехнулся он.

– Ты не можешь забрать её обратно.

Но Тим знал, что картины там больше нет.

Он прошёл за Беном в дом, чувствуя всё меньше и меньше уверенности. Это был дом, для покупки которого Бен и Джейс копили свои деньги, где они разделили последние годы совместной жизни. Когда Бен включил свет в гостиной, проснулся Самсон, старый кот Джейса, с любопытством наблюдая за Тимом с дивана. Бен тоже смотрел на кота, без сомнений думая о своём муже.

– Джейс... – начал Бен.

– ...был хорошим человеком, – закончил за него Тим. – Лучшим, на самом деле. Я бы никогда не оскорбил его память и никогда в жизни не смогу его заменить. Никто не сможет.

Самсон спрыгнул вниз и подошёл к Тиму, нюхая его ногу и потираясь об него, прежде чем проделать то же самое с Беном. Затем он вернулся на своё место на диване, чтобы продолжить дремать. Ну, это был один голос в его пользу. Он повернулся к Бену, который смотрел на ближайшую стену. Там, где висела старая картина, пока её не забрала Эллисон, сейчас висела та, которую Тим только недавно закончил. Цвета и дух были теми же, как на картине из такого далёкого прошлого, но сейчас эмоции плыли свободно, больше не находясь в отрицании. Тим вылил все эти чувства на холст, выбрав вместо сердца две руки с переплетёнными пальцами. Одна рука явно принадлежала ему, другая была такой, какой он помнил руку Бена. Опустив взгляд, он увидел, что воспоминание его не подвело. Бен поднял свою руку, будто

видя её в первый раз, и Тим с нежностью обхватил её своей, соединяя их пальцы, переплетая их, пока они не стали соответствовать картине.

– Я люблю тебя, Бенджамин Бентли. Я должен был сказать тебе это двенадцать лет назад. Я всегда любил тебя.

Тим посмотрел в глаза Бена и увидел неуверенность, может быть, даже страх. Однажды, должно быть, именно это увидел Бен, когда смотрел в глаза ему. Тим не позволил этому разубедить его. Бен научил его доставать сердце из тьмы. Тим, наконец, мог сделать то же самое для него.

– Что теперь? – спросил Бен.

– Теперь мы начинаем сначала.

Тим наклонился для поцелуя, приближаясь только на половину расстояния. Остальное было за Беном – должно было стать его выбором. Бен закрыл глаза и прильнул ближе, их губы соприкоснулись, и они снова стали подростками. Время даровало им милость, повернуло назад часы и дало им второй шанс.

– Подожди, – сказал Бен, отстраняясь. Его щёки покраснели. – Это происходит слишком быстро.

Тим усмехнулся.

– Прошло двенадцать лет, и ты думаешь, что поцелуй – это слишком быстро?

Тим снова наклонился, и на этот раз поцелуй продлился дольше. Но затем Бен упал в его объятия, сжав руки вокруг его торса и пряча лицо в шее Тима. Тот почувствовал на своей коже слёзы.

– Я знаю, – прошептал Тим, обвивая его руками. – В смысле, не знаю, но могу представить.

Должно быть, это было странно. Бен годами целовал Джейса, целовал его последним, и, может быть, то, что он делал сейчас, казалось предательством. Или, может быть, это просто казалось странным, потому что обдумать нужно было действительно многое, даже Тиму.

– Мы не будем спешить, – сказал Тим. – Нет нужды торопиться. Я просто хочу проводить с тобой время. Хорошо?

Бен кивнул, по-прежнему утыкаясь ему в шею, и когда отстранился, его улыбка была храброй.

– Мне она нравится, – сказал Бен, бросая взгляд на картину. Он с твёрдой уверенностью взял Тима за руку. – Мне нравится снова видеть тебя.

– Да, это хорошее чувство. Сумасшедшее и нереальное, но хорошее.

Бен хмыкнул, вздохнул и взял себя в руки. Когда он снова заговорил, он казался прежним собой.

– Где старая картина? Если ты продал её в галерее, я требую половину выручки.

– Тебе придётся спросить у Эллисон, – сказал Тим. – Может быть, она планирует подарить её Брайану в качестве подарка.

– Лучше ей этого не делать!

Тим сжал его руку.

– Наверное, она уже вернулась в галерею. Мы можем поехать обратно туда, если хочешь. Наверное, мне следует быть там, раз это моё шоу.

– Это твоя первая выставка, верно?

– Да, но я не подразумеваю это как что-то большее, чем открытие галереи. Сейчас я управляю фондом Эрика Конроя.

Тим рассказал ему всё о своей работе, пока они ехали обратно в галерею, радуясь, что ему было, что поведать о том, чем он гордится. Больше не избалованный богатенький мальчик, погрязший в своём собственном несчастье. Всё было иначе, и, может быть, в этот раз этого будет достаточно.

На улицах Остина проснулась ночная жизнь, от галереи теперь исходила энергетика скорее как от вечеринки. Забота о гостях и поддержание порядка заняло большую часть внимания Тима, но каждый раз, когда он оглядывал толпы людей, он находил Бена неподалёку. Их взгляды встречались, и они улыбались. Определённо многообещающее начало, но ещё столько же нужно было произойти.

В конце вечера Тим предложил отвезти Бена домой. Эллисон, дразнясь, жаловалась, настаивая на том, что Бен её спутник, прежде чем подмигнула и оставила их в покое. Поездка обратно до дома Бена была тихой. Тим не был уверен, о чём Бен думает, но сам мечтал о том, чтобы они провели ночь вместе, даже если только за разговорами. Как бы то ни было, он сдержит своё обещание двигаться медленно.

– Можно мне взять тебя завтра? – спросил Тим, останавливаясь у обочины.

Бен приподнял бровь.

– Интересный выбор слов.

– Я имею в виду, у тебя есть какие-нибудь планы?

Бен покачал головой.

– Скоро начинается новая пьеса, но репетиции будут не раньше следующей недели. Что у тебя на уме?

– Я подумал, что мы могли бы покататься. Может быть, съездить в Вудлендс и погоняться за некоторыми старыми воспоминаниями.

– Хорошо.

Тим поёрзал на своём сидении.

– Я не думаю, что прощальный по...

Губы Бена оказались на его губах раньше, чем он смог закончить предложение, и среди всего, что произошло в тот вечер, поцелуй был самым значимым. Дебютная выставка искусств и успешное открытие галереи просто не могли с этим сравниться.

Глава 34

На протяжении многих лет Вудлендс для Тима представлял собой многое. Поначалу город был шансом на новое начало, свежий старт после событий в Канзасе, который теперь казался маленьким и отдалённым. Как молодое дерево, Тим выскочил из грязи только для того, чтобы обнаружить, что его горшок слишком маленький и тесный, что он не получает достаточно солнца или воды. Конечно, метафора тут же разваливалась, так как не город был виноват в его задержавшемся росте. Теперь Тим взял всю ответственность за это на себя, но в его мыслях Вудлендс оставался местом провалившегося потенциала.

Больше нет. На пассажирском месте рядом с ним сидел Бен, и, как волшебный тотем, Тим торопил его обратно в прошлое, чтобы прогнать эти тучи и вернуть солнце. Он чувствовал, что вместе они могут переписать историю. Конечно, помогло бы, если бы Бен перестал смотреть на него как на совершенного незнакомца.

– Так ты будешь управлять галереей? – спрашивал он.

– Да. – Тим проверил слепое пятно и перестроился на скоростную полосу. – Я чуть не рехнулся, когда начал работать на фонд. После всех этих лет, что мне нечего было делать, приятно обрести цель. Большинство претендентов приходят весной или летом. Кроме того, сбор средств происходит только осенью, так что у меня по-прежнему много свободного времени.

– Как ужасно, – вставил Бен.

Тим усмехнулся.

– Я знаю, ладно? У меня такая тяжёлая жизнь. В любом случае, полагаю, галерея займёт меня на остаток года, давая мне шанс помочь другим художникам. – Он взглянул на Бена, надеясь увидеть его впечатлённым, но вместо этого появилось озадаченное выражение лица. – В этом нет смысла?

– Есть, – сказал Бен, переключая внимание на дорогу. – То же самое я чувствую с логопедией.

– Ты по-прежнему занимаешься этим?

– Ага. Иногда мне хочется, чтобы эта работа была на полный день, потому что она удовлетворяет больше, чем работа в театре. Быть на сцене, скорее, самовлюблённо, чем что-либо ещё. Оправдание, чтобы петь для зрителей.

– Я был бы не против снова услышать, как ты поёшь, – сказал Тим.

– В предстоящем шоу будет только чистая актёрская игра, – сказал Бен, не уловив намёк. – Мне это не так сильно нравится, но Брайан всегда просит Эллисон уговорить меня сыграть. В любом случае, мне не помешают деньги.

Тим сдержал желание предложить ему всё, что имел. Он отдал бы всё, если бы Бен попросил, но переживал, что это только добавит напряжения. Вместо этого он кивнул на знак на шоссе.

– Ещё шестнадцать километров, и мы на месте!

Они обменялись взглядами, которые говорили одно и то же: «Это действительно хорошая идея?» Затем оба рассмеялись и начали разглядывать обстановку, отмечая знакомые места, пока въезжали в границы города.

– Куда сначала? – спросил Тим. – Хочешь повидать своих родителей?

Бен покачал головой.

– Не в этот раз. Я могу только представить все вопросы, которые у них будут.

У Тима у самого было пару вопросов. Они сегодня не целовались, и не было никакого признака, что они более, чем старые друзья. Их воссоединение могло быть подогрето утихающим пламенем ностальгии и ничем иным. По крайней мере, для Бена. То, что чувствовал Тим, было гораздо больше.

– Я знаю, куда мы поедem, – сказал он, сворачивая вниз по улице.

– Нет! – рассмеялся Бен. – Ты, должно быть, шутишь.

– Неа! – Тим заехал на парковку старшей школы. – Аллея памяти!

– Скорее камера смертников, – сказал Бен. – Мы ведь туда не пойдём?

– Почему нет? Если кто-нибудь нас остановит, мы просто скажем, что забираем своих детей.

– Мы не настолько старые! Кроме того, в чём смысл? Не то, чтобы у нас с тобой было здесь много воспоминаний. По крайней мере, не совместных.

– Это правда. – Тим посмотрел на школу. – Может быть, я хочу пройтись с тобой по коридору, рука в руке, как должен был сделать давным-давно.

Взгляд Бена смягчился.

– Ты не обязан это делать.

– Я хочу.

Их руки не соприкасались, пока они не открыли одну из дверей и не вошли в пустой коридор. Бен был прав. В этом месте у них было мало воспоминаний. Тим ходил в эту школу только в первый год, но из-за универсального запаха она была похожа на любую другую школу, в которой он учился. Выцветшие шкафчики, дешёвые ковры, учебники и толика отчаяния. Это был запах государственного образования.

Тим потянулся, касаясь рукой руки Бена, чьи пальцы в ответ переплелись с его собственными.

– Ну что, можно мне проводить тебя на урок? – произнёс Тим.

Бен нервно рассмеялся.

– Теперь мы можем уйти.

– Давай, только до конца коридора и обратно. Мы исчезнем раньше, чем кто-нибудь заметит.

Это казалось разумным, пока они не начали идти обратно. Затем прозвенел звонок. Сколько бы Тим ни говорил, что хочет сделать это, когда бесчисленное количество подростков высыпались в коридор вокруг него, он не мог не почувствовать неудобство. Не совсем из-за гомосексуализма – хотя они уже слышали много смеха – а из-за того, что ученики заставляли его чувствовать себя слишком старым, напоминали ему, какими неловкими были те школьные дни.

Пока они шли, он оглядывал толпу в поисках новой Стейси Шелли или Брайса Хантера. И, конечно же, на них много смотрели. Девушки хихикали, а парни бросали злые взгляды, но несколько учеников, мимо которых они прошли, смотрели на них с безумной надеждой в глазах. Тим усмехнулся одному из них, толкнув Бена локтем после того, как они прошли мимо него. Бен кивнул, тоже увидев его.

– О, Боже! – произнёс Тим, смеясь с нервным облегчением, когда они снова вышли на улицу. – Ты можешь представить, чтобы два парня шли по коридору, держась за руки, когда мы были в школе? Я бы рехнулся.

– Мне бы это понравилось! – сказал Бен. – Кроме того, сейчас это уже не так необычно. У одной из моих коллег в больнице сын сделал каминг-аут в четырнадцать и повёл своего парня на выпускной.

– Серьёзно?

– Времена меняются!

– Ты пошёл бы со мной на выпускной? – спросил Тим.

Бен фыркнул.

– Шутишь? Я отправился бы за тобой на луну.

Их следующий пункт назначения был ещё меньшей частью их истории, чем школа. Тиму хотелось навестить с Беном прошлое, но до сих пор он не понимал, насколько их отношения были ограничены их подростковыми спальнями, спрятанные от мира. Тим повёл машину в их старый район, припарковавшись рядом с началом одной из велосипедных дорожек через несколько кварталов от обоих их домов.

– Прогуляешься со мной? – произнёс он.

Бен молчал, пока они шли вглубь деревьев, но взял Тима за руку, сжимая её крепче, когда они добрались до маленького искусственного озера. Обойдя вокруг него, они пошли по другой тропинке, которая вела к маленькой игровой площадке. Пейзаж изменился, рукоход и качели сменились новым оборудованием, но никто не забыл, что здесь произошло. Той ночью, когда полиция чуть не поймала их, буквально, со спущенными штанами.

– Хочешь продолжить то, на чём мы остановились? – поддразнил Тим, но когда посмотрел на Бена, тот не улыбался. Так что, может быть, это была не лучшая идея. У них были воспоминания вне дома, но мало какие из них были счастливыми. Тим проверил свои часы. Его родители, наверное, ещё будут на работе. Логово, или его старая спальня – вот это были счастливые места. – Идём. Давай уберёмся отсюда.

За время прогулки поза Бена немного расслабилась.

– Это сумасшествие. Как ты думаешь, сколько раз я пробирался ночью в твой дом?

– Хм. – Тим притворился, что считает в уме. – Один, может, два.

– Скорее одну или две сотни раз. Я прятался за деревом, когда бы ни увидел машину, будто копы преследуют запретных любовников. Всегда было так тихо,

особенно зимой, когда слышно только ветер или то, как шелестят несколько одиноких листьев. Только я и звёзды над головой на пути к дому Тима Уаймэна.

– И затем ты забирался в мою кровать с замёрзшими руками, – сказал Тим. – Помнишь, какую я использовал технику, чтобы согреть их?

Бен застенчиво усмехнулся.

– Теперь я могу поехать куда угодно, и никто меня не остановит. Полагаю, тогда отсутствие свободы делало даже простейшие вещи особенными.

– Дело было не только в этом, – сказал Тим. – Прoberись однажды ночью в мой дом в Остине, и я тебе это докажу. – Он остановился на тротуаре, когда они дошли до подъездной дорожки, и уставился на дом. – Вот и он. Дом, милый дом. Он выглядит всё таким же.

– Ты кажешься удивлённым, – сказал Бен.

– Прошло немало времени.

Сколько именно? Больше года, это точно. Два, может быть? Его мать звонила время от времени, как и Тим, иногда, но они не хотели, чтобы он делился многим о своей жизни. Каждый раз, когда он упоминал парня, даже просто Марчелло, она умолкала, без сомнений думая, значит ли этот человек для него нечто большее.

По крайней мере, замки не сменили. Тим вошёл в дом с Беном на хвосте, и, пробормотав несколько шуток, они прошли по первому этажу в тишине. Как в музее, они шли осторожно, не прикасаясь ни к каким экспонатам, останавливаясь и молча глядя на некоторые места. Угол гостиной, где стояла рождественская ёлка. Обеденный стол, где они ужинали при свечах, или логово, которое первые несколько недель было всем их общим миром. Затем они поднялись вверх по лестнице, будто была очередная зимняя полночь, но за дверью спальни теперь была просто безликая гостевая. Только шкаф у стены остался прежним.

– Очень плохо, – сказал Бен, присаживаясь на край кровати. – Я надеялся, что у тебя одержимые родители, которые оставят комнату временной капсулой, когда уедет их ребёнок.

– Я ведь не умер, – сказал Тим, хоть иногда так и казалось. Он сел на кровать рядом с Беном. Они сидели спинами к окну с видом на задний двор, чему он был благодарен. – Тебе когда-нибудь хотелось иметь машину времени?

– Для чего? – рассмеялся Бен, уже догадываясь насчёт ответа. – Что бы ты сделал, вернулся назад сюда и запер бы Тима-подростка в шкафу?

– Ага. На этот раз буквально. А затем я бы ждал в кровати, как волк в «Красной шапочке».

– Думаю, Бен-подросток заметил бы, что ты старше.

Тим прильнул к нему.

– Но жаловался бы он? Вот, в чём вопрос.

– Я не помню, чтобы ты был таким странным, – сказал Бен, меняя тему.

– Да, ну, вот, что с тобой делает жизнь одинокого миллионера.

Ответ Бена был резко прерван звуком открывающейся двери гаража. Тим напрягся.

– Хочешь ускользнуть? – предложил Бен.

– Нет. Идём. Давай встретимся с ними.

Его родители уже были на кухне, когда они вошли. Его отец вскрикнул от шока, а мать прижала ладонь к груди, но узнав его они расслабились. В каком-то смысле.

– Гордито! Что ты здесь делаешь? Твоей машины нет перед домом!

– Я просто подумал заскочить. – Всё внимание его родителей уже было сосредоточено на Бене. – Эм, это Бен. Бен Бентли. Вы его помните? Он ужинал с нами, когда...

Отец Тима бросил ключи от машины на кухонный стол.

– Я пойду в свой кабинет.

– Почему? – спросил Тим, вставая у него на пути. – Прошли годы с тех пор, как ты меня видел, и ты уйдёшь только потому, что я привёл своего парня? Серьёзно?

Отец нахмурился.

– Это мой дом, юноша, и я буду делать то, что хочу!

Тим отступил в сторону, бросив взгляд на Бена, который отошёл с пути. Его руки в защитном жесте были скрещены на груди, ему, казалось, было крайне неудобно. Это разозлило Тима ещё больше. Его родители могли хотя бы вести себя цивилизованно.

– Почему тебя это вообще заботит? – крикнул ему вслед Тим. – Ты никогда не хотел ребёнка, так почему тебя заботит, что я получился не таким, как ты ожидал? Тебе было наплевать на всё хорошее, что я когда-либо делал, но ты всегда заставлял меня чувствовать себя плохо, когда я поступал неправильно.

Его отец развернулся с красным от едва сдерживаемой ярости лицом.

– Может, если бы ты не был таким разочарованием, меня бы это заботило больше!

– Кем ты хочешь меня видеть? – парировал Тим. – Таким, как ты? Чтобы нашёл жену, управлял скучным бизнесом и относился к своим детям с ледяной тишиной? Если я должен быть таким, то рад, что так сильно тебя разочаровываю. – Тим бросил взгляд на свою мать. – И спасибо за несколько раз в год, когда вы вспоминали и обращали на меня внимание. Это было очень щедро с вашей стороны.

Тим направился к двери, ловя взгляд Бена, чтобы убедиться, что он пойдёт следом. Пора убраться отсюда. Тим не мог представить, что когда-нибудь вернётся. По пути из кухни он протолкнулся мимо своего отца, желая толкнуть его, ударить о стену – что угодно, чтобы он почувствовал половину боли, которую причинял сам. Но вместо этого он продолжил двигаться, поворачиваясь к отцу спиной.

Бен последовал за ним через дом, практически бежав, чтобы успевать. Рука Тима была на входной двери, когда его окликнул голос.

– Гордито!

И он ненавидел себя за то, что сделал это, но задержался, потому что по-прежнему любил свою мать, хоть ему часто хотелось совсем её забыть. Он обернулся, замечая, каким несчастным выглядел Бен. Так что Тим обвил его рукой. Глаза его матери расширились.

– Что? – выплюнул он. – Что ты можешь сказать после всех этих лет? Ты знаешь, каким я рос одиноким, как отчаянно хотел внимания? И когда я выяснил, какой мне нужен рядом человек, чтобы не чувствовать такого, ты полностью поворачиваешься ко мне спиной. Что ты за мать?

– Мы не были готовы, – быстро произнесла его мать. – Мне жаль. Мы не были готовы к ребёнку, и я пыталась и думала, что тебе всего хватает. Позже я увидела других родителей с их детьми и поняла, как мало мы тебе дали. Но тогда ты был уже старше, слишком взрослым, чтобы начинать нянчиться.

– Никогда не слишком поздно. Мне не нужно, чтобы ты со мной нянчилась, но ты можешь относиться ко мне так, будто я имею для тебя значение.

Его мать сделала шаг вперёд.

– Ты имеешь значение!

– Тогда почему ты не часть моей жизни? – Её глаза метнулись к Бену и обратно. – Я думал, если приведу его сюда, вы увидите... не знаю, что вы поймёте. Это просто любовь. Никакой разницы. – Тим повернулся, открывая перед Беном дверь, чтобы они могли уйти. – Если ты когда-нибудь захочешь быть частью моей жизни, – сказал он через плечо, – ты знаешь, где меня найти.

Он подумал, что услышал плач матери, пока уходил, но больше не мог позволить этому управлять его действиями. Он должен был жить своей жизнью, а её слёзы были её собственным делом. Она могла бы прямо сейчас смеяться, готовить обед для них обоих и поздравлять его с тем, что он снова нашёл Бена. Она сама несла ответственность за свою боль. Выбор был принадлежал ей, а не ему.

– Мне жаль, – произнёс Бен, пока они шли обратно к машине.

– Это не твоя вина, – сказал Тим.

– Нет, я имею в виду то время, когда мы были младше. Мои родители не похожи на твоих. Когда я признался, они переживали за мою безопасность. Может быть, им потребовалось немного времени, чтобы привыкнуть к мысли, но по большей части у них просто были вопросы. Я наивно считал, что у тебя будет то же самое, у всех будет то же самое, поэтому продолжал давить на тебя, чтобы ты признался.

Тим покачал головой.

– Ты не сделал ничего неправильного. Эта тайна не делала меня счастливым. А ты делал. Я сделал неправильный выбор. Даже когда тебя не было рядом, я был рад, что признался. Я так долго хотел их одобрения и жил во лжи, что стало облегчением, что не надо больше пытаться. Больше никакого притворства.

Бен взял его за руку.

– Чего бы это ни стоило, я горжусь тобой.

Тим вздохнул.

– Может быть, твои родители могут меня усыновить.

– Хочешь, чтобы я спросил?

– Да. Или я мог бы войти в семью с помощью брака.

– Моя сестра Карен недавно развелась, – поддразнил Бен.

– Я не совсем это имел в виду. Эй, ты заметил, когда я назвал тебя своим парнем перед родителями?

Бен колебался.

– Да.

– Ты не отрицал. Значит, всё законно.

– Правда? Это закон Канзаса?

– Нет. Только Техаса. Я проверил.

– Ладно.

Тим взглянул на него.

– Ладно?

– Да. Ладно. Я даже позволю тебе пригласить меня на ужин.

– Ещё одна остановка, – сказал Тим. – Затем я отвезу тебя куда захочешь.

Они снова поехали в другой район и припарковались рядом с началом одной из велосипедных дорожек. Пока они шли, Тим с уверенностью держал Бена за руку. Может быть, предыдущие сюрпризы были не лучшими, но Тим был уверен, что этот Бену понравится. Они вместе шли по дорожке, доходя до места, где деревья с одной стороны уступали место дренажному рву. Трава пестрила сезонным жёлтым. Ров был как раз достаточно глубоким, чтобы вызывать травму, если кто-нибудь упадёт – например, серьёзный вывих лодыжки.

– Прямо здесь, – сказал Тим.

Бен покачал головой и потянул его за руку.

– Немного дальше. Поверь мне, это я помню. Мне пришлось возвращаться за роликами.

Тим позволил Бену провести его дальше по тропинке.

– Так далеко? Ты уверен?

– Ага. Прямо здесь. Видишь вон тот камень? Он, наверное, всё ещё заляпан твоей ДНК.

– Хорошо, – ответил Тим. – Так будущие поколения смогут меня клонировать.

Бен рассмеялся, но выражение его лица стало мрачным, пока он смотрел в ров. Он вспоминал? Если так, то почему он выглядел таким чертовски несчастным? Тим привёл его сюда, чтобы показать, как далеко они дошли, что они начали с чего-то маленького и могли сделать это снова. Может быть, Тиму нужно было сделать дальнейший шаг.

– Я теряю сознание, – произнёс он, драматично простонав, прежде чем упасть и скатиться вниз по склону рва. Ключи в его кармане причиняли адскую боль, но на этот раз падение было контролируемым. Ему удалось остановиться как раз перед тем, как удариться о камень.

– Ты с ума сошёл? – крикнул ему вслед Бен.

– Нет, но, думаю, я снова вывихнул лодыжку.

– Плевать. Поднимайся обратно!

– Не могу! – простонал Тим. – Ты должен прийти и спасти меня. – Он смотрел на небо, пока напротив бело-голубого фона не появилась голова Бена. Он улыбался. Это было что-то. Тим протянул руку. – Помоги мне встать.

В ту же секунду, как Бен взял его за руку, Тим потянул его на себя. Колено Бена приземлилось в опасной близости от его паха, и из него чуть не выбило дух, но его это не волновало. Он крепко обвил руками Бена, который извивался в знак протеста, прежде чем сдаться.

– В конце концов, тебе придётся меня отпустить! – сказал он.

– Нет, – покачал головой Тим. – Больше никогда.

– Что, если кто-нибудь нас здесь увидит?

Тим саркастично ахнул.

– Прозвучало так, как сказал бы я.

Бен рассмеялся и завыл, пытаясь выбраться на свободу, и, в конце концов, Тим ослабил хватку. Когда Бен приподнялся на локтях, его глаза были мокрыми от слёз. И хоть слёзы были от смеха, Тим всё равно видел в его глазах что-то печальное.

– Что происходит? – спросил он. – Что бы это ни было, расскажи мне.

Бен вздохнул.

– Я понимаю, что ты сегодня делаешь – возишь меня по всем этим местам. И так противостояшь своим родителям. Это было одновременно ужасающе и замечательно.

– Они самиnapросились, – сказал Тим, прежде чем снова посмотреть в глаза Бена. – Так почему у меня такое чувство, что ты грустишь?

– Эти места. – Бен огляделся вокруг них. – Я точно знаю, где ты повредил свою лодыжку, потому что возвращался сюда бесчисленное количество раз. После того, как мы расстались, я ходил сюда или к твоему дому или даже на игровую площадку у озера. Ты спрашивал, хотел ли я когда-нибудь иметь машину времени, и ответ – да. Месяцами, может, даже годами я хотел вернуть время и сделать так, чтобы того вечера не было.

– Ты бы всё ещё сделал это?

Бен перевернулся на спину.

– Нет. Да. Я не знаю. Часть меня хочет, чтобы мы могли быть вместе всю жизнь. Другая часть знает, что если бы мы не расстались, я никогда бы не встретил Джейса, а этого я бы не пожелал. Никогда.

Тим сел и повернулся лицом к нему.

– Это нормально. Я тоже так думал раньше. Я жалел о том, что оставил тебя так надолго, но если бы не это, я бы не встретил Эрика. Я люблю его. Не так же, как ты

любишь Джейса, но мне бы не хотелось вычеркивать этот период из своей жизни. Может быть, мы всё равно бы познакомились, только познакомились бы с ним вместе.

Бен нахмурился.

– Не думаю, что это сработало бы с Джейсом.

– Не думаю.

– Я хочу быть с тобой, – сказал Бен. – То, что ты вернулся в мою жизнь, кажется чудом. У нас у обоих просто так много багажа. Всё плохое, что случилось здесь или в Остине, что намного хуже, потому что Остин также полон счастливых воспоминаний с Джейсом. Мне хотелось бы, чтобы мы могли начать заново где-то ещё, без...

– Мы переедем, – сказал Тим. – Нью-Йорк, Канада, Европа. Только назови. Я продам дом, и мы начнём всё сначала.

Бен покачал головой.

– Всё не так просто. Остин сейчас кажется домом. Я люблю свою работу, и там Эллисон. И как же галерея?

– Ничего из этого не имеет значения.

Но он знал, что имеет. Галерея была частью наследия Эрика, и увозить Бена прочь от всего, что делало его счастливым, не будет хорошо для длительных отношений. Пульс Тима утроился от чувства, что он снова теряет Бена.

Затем он сделал глубокий вдох и заставил себя расслабиться. Они пережили двенадцать лет. Даже если они не всё это время были вместе, их чувства к друг другу длились долго. Им просто нужно было нейтральное место, чтобы начать заново.

Тим потянулся, взял Бена за руки и поднял в сидячую позу.

– Давай уберёмся от всего этого. Не навсегда. Только ненадолго. Мы съездим куда-нибудь, но оставим багаж дома.

– Да? – Бен подумал над этой идеей. – Я мог бы отложить свои приёмы в больнице на неделю. Думаешь, этого будет достаточно?

Тим рассмеялся.

– Чтобы ты снова безумно в меня влюбился? Как много времени на это ушло в первый раз?

Лицо Бена покраснело, но он кивнул.

– Хорошо. Давай сделаем это. Куда мы поедем?

Глава 35

– Мехико? – произнесла женщина за стойкой, просматривая их паспорта.

У неё на экране была их бронь, и, возможно, она не услышит его ответ, но Тим подыграл странному ритуалу аэропорта и ответил положительно. Затем он перевёл взгляд обратно на Бена, чьё внимание было где-то ещё. Проследив за его взглядом, Тим увидел компанию счастливо болтающих бортпроводников, которые тянули за собой свой багаж.

Конечно.

Это объясняло возвращение затравленного взгляда Бена. Женщина за стойкой заговорила снова, Тим кивал остаток процесса. Очередная его идея уже провалилась? Если так, виноват был только он сам. Конечно, аэропорт заставит Бена думать о Джейсе – астронавте стратосферы. И теперь, когда Тим подумал над ситуацией, он вспомнил, что Джейс часто возил Бена в экзотические места.

Это осознание вызвало у него желание поехать в Мехико на машине, особенно, когда Бен молчал на протяжении всей процедуры досмотра. Однако после нее Тим

начал чувствовать оптимизм. Ему нравилась суeta аэропорта, то, как все улетали в какие-нибудь новые места или, наконец, снова возвращались домой. Все находились в переходной стадии, никто по-настоящему не принадлежал этому месту, что означало, что никто не был изгоем. Все были в равном статусе. По крайней мере, пока не приходило время подниматься на борт.

– Это будет весело, – сказал Тим.

Бену удалось улыбнуться.

– Прошло много времени с тех пор, как я путешествовал. Как долго лететь?

– Около двух с половиной часов.

– Нам следует запастись напитками и закусками?

– Зачем? – спросил Тим. – Нам будут подавать ланч, и мы получим столько напитков, сколько захотим.

– С каких пор?

– Так было всегда. Мы летим бизнес-классом, детка!

Бен оживился.

– Правда? Я раньше летал только экономом.

Это всё изменило. Встретившись с новым опытом, Бен сосредоточился на том, куда они летят, а не на том, где он был – и с кем. Во время полёта они играли с кнопками управления сиденьями, как пара детей, бесстыдно пользуясь всеми льготами и привилегиями, которые давали им непомерно дорогие места. Бортпроводники – к счастью, все девушки – относились к ним как к королевским особам. Время пролетало, как облака, и вскоре самолёт начал кружить над крупным городом, снижаясь.

Тим перегнулся через колени Бена, они оба смотрели в окно.

– Подожди, пока не увидишь город ночью. Выглядит так, будто земля горит.

Бен будет видеть это каждую ночь. Тим потратился не только на билеты бизнес-класса. Номер в отеле, который он забронировал, был роскошным. Из их комнаты на двадцать третьем этаже Бен будет смотреть на город, как император с вышины. Затем Тим затащит его в джакузи для двоих. Может быть, он даже наполнит её шампанским вместо воды. Тиму хотелось бы, чтобы из аэропорта их забрал лимузин, но одна маленькая загвоздка нарушила его романтические планы.

– Я ведь говорил тебе, что нас забирает из аэропорта моя абуэлита?

– Твоя кто?

– Моя бабушка, Нана.

– Нет. – Бен бросил на него нервный взгляд. – Она знает обо мне?

Тим рассмеялся.

– Не переживай. Она и близко не так плоха, как мои родители. В смысле, я думал, она будет хуже. Не в плохом смысле, – быстро добавил он. – Я думал, моя ориентация разобьёт ей сердце. Вместо этого она по большей части восприняла это спокойно.

– По большей части?

– Ну, мы не особо много об этом говорим. И она никогда не видела меня с другим парнем. Это будет странно.

Бен смотрел на него, пока Тим не толкнул его локтем, вызывая улыбку.

– Ну, я с нетерпением жду знакомства с ней. Помнишь все те мои исследования про Мехико для того, чтобы впечатлить твою маму?

Тим застонал.

– Да, и, пожалуйста, просто будь собой. Никаких напыщенных книжных докладов.

– Конечно нет. – Бен сделал паузу. – Ты знал, что в Мехико самая большая сеть общественного транспорта в мире?

– Перестань, – умолял Тим.

– И самая доступная, что делает её формой перемещения, которая действительно принадлежит людям.

– Пристрели меня сейчас, – молил Тим. – Избавь от страданий!

Бен продолжал дразнить его всеми фактами, которые ещё помнил, но когда самолёт сел, Тим начал переживать. Что, если его бабушка не сможет справиться, увидев их с Беном вместе? Опять же, они не собирались целоваться перед ней или ещё что-то, даже если Тим с удовольствием воспользовался бы возможностью. Они по-прежнему не целовались с вечера открытия галереи. Он уважал желание Бена не торопиться, но ожидание, когда он сделает первый шаг, сводило Тима с ума.

С урчащими от нервов желудками, они ждали у багажной ленты, пока не появились их сумки. Тим взял обе, дерзко подмигнув Бену, что раскрыло, как неуверенно он чувствует себя из-за этой ситуации.

«Нана, это любовь всей моей жизни. Любовь всей моей жизни, это моя бабушка. А теперь – драка!»

Служба досмотра позволила им пройти без особых сложностей, затуманенные стеклянные двери автоматически открыли проход в общие коридоры аэропорта, полные ожидающих людей. Он оглядел нетерпеливые лица, целясь ниже, так как Нана была невысокой. Сначала он заметил её волосы, её причёска была похожа на высокий шлем цвета мёда. Ниже были огромные янтарные солнечные очки и улыбка, её руки раскрылись в приглашении, когда она счастливо объявила:

– Mi nieto! (прим.: «Мой внук!» - исп.)

Тим усмехнулся, его переживания временно забылись, когда он поставил багаж и подошёл к женщине, которая была полной, смуглой и сморщенной, как мешок коричневого сахара. Когда она обняла Тима, он вспомнил, какая она милая. Она поцеловала его в обе щёки. Держа в руках его лицо, она рассматривала его.

– Tan hermoso! (прим.: «Такой прекрасный!» - исп.)

Чувствуя себя на восемь лет, Тим мягко убрал её руки и кивнул на Бена.

– Nana, éste es mi novio, Ben. (прим.: «Нана, это мой парень, Бен» - исп.)

Вот. Как и в его фантазии, он сказал это. Он использовал слово «парень», а не «любовь всей моей жизни», но он действительно признался. Тим задержал дыхание.

Нана посмотрела на Бена и широко раскрыла объятия, отнесясь к нему так же, как к Тиму, только вместо того, чтобы назвать Бена прекрасным, она сказала «bonito». Красивый. Тим согласился.

– Очень приятно с тобой познакомиться, Бен, – с оттренированным старанием произнесла Нана. Её акцент был таким сильным, что его имя прозвучало как «Биен».

– Рад с вами познакомиться, – ответил Бен.

– Я отвезу вас домой, – сказала Нана. – А потом приготовлю вас на обед.

Тим усмехнулся, представляя Бена связанным на столе с яблоком во рту.

– Твой английский хорош, – сказал он, снова поднимая сумки. – Muy bueno! (прим.: «Очень хорош!» - исп.)

– У нас сосед англичанин, – сказала Нана, беря его под руку с одной стороны и Бена с другой, пока уводила их прочь. – Я просила его заниматься со мной раз в неделю. Мы вместе пьём чай. Хороший старик. Однажды он захочет меня поцеловать. Она захихикала, как маленькая девочка, по очереди глядя между ними, пока они шли на парковку. Нана болтала о других своих соседях, затем о членах семьи, которых Тим не знал. Она продолжала говорить, пока они садились в её старый «Кадиллак».

Движение в Мехико было печально известным, час-пик превращал шоссе в парковки. Нана, очевидно, памятуя об этом, периодически проверяла часы на приборной панели, пока они вели гонку со временем. Она едва видела что-то поверх руля, маневрируя в движении со слепым инстинктом, пока продолжала посвящать его

в новейшие семейные сплетни, машины время от времени сворачивали с пути, чтобы избежать столкновения.

Тим продолжал бросать взгляды на Бена на заднем сидении, пока она болтала. Тот смотрел в окна, без сомнений думая, был ли приезд сюда такой уж отличной идеей. Мехико, как и большинство мест, было не лучшим зрелищем из машины. Конечно, Тим уже мог заметить архитектуру, от которой у него текли слюнки, но прекрасная сторона города раскроется, как только они доберутся до района его бабушки.

– Как моя Элла? – спросила Нана, пока они приближались к южной стороне города.

– Мама в порядке.

Брови, толщиной с карандаш, приподнялись над солнечными очками.

– В порядке? Больше ничего?

– Насколько я знаю.

Нана переключилась обратно на испанский.

– Она тоже никогда особо о тебе не рассказывает. Я продолжаю говорить ей, что мать – часть жизни своего сына, нравится ему это или нет.

– Мне бы этого хотелось, – ответил Тим. – Она занята папой, как всегда.

– Дело в этом?

Конечно нет, но Тим не собирался объяснять бабушке настоящую причину. Он считал, что ему повезло, что Нану, казалось, не заботила его ориентация, но он не хотел слушать, как она соглашается с его матерью по поводу того, кто отправится в Ад.

– Я буду лучше стараться, – сказал Тим. – Я виделся с ними недавно, но не остался надолго.

Нана кивнула, будто удовлетворившись, и свернула на съезд в Сочимилько, район и популярное место для туристов, где она жила. С обеих сторон дороги были бесконечные стены, скрывающие от вида большинство домов. Монотонность этих стен нарушалась окнами и дверьми, воротами и гаражами, клумбами и украшениями.

Дом Наны представлял собой чистый уют. Когда они подъехали, Тим взял у неё ключ, выскочил из машины и открыл ворота. За ними было как раз достаточно места, чтобы она припарковалась перед оранжевым двухэтажным зданием. Тим помог припарковать машину и подошёл, чтобы открыть дверь для Бена, всё время улыбаясь. Просто находиться здесь было приятно. Он взял Бена за руку и помог ему выйти, развеселённый тем, как сильно Бен старался делать вид, что ему комфортно, когда это явно было не так. Затем Тим пошёл к багажнику за их вещами. Позже они поедут в отель на поезде вместо того, чтобы снова рисковать попаданием в пробку.

– Где толстушка? – вскрикнула Нана, будто они забыли что-то важное.

– Шиншилла? – спросил Тим, приподнимая чемодан с кирпичной дорожки.

Нана кивнула, глядя на чемодан так, будто ожидала, что собака выскочит в любой момент.

– Она с другом. Она могла бы полететь с нами, но пришлось бы засунуть её в грузовой отсек. – Обычно Тим предпочитал ехать на машине, но у Бена не было много свободного времени. Так что он доверил Марчелло благополучие Шиншиллы. Он только надеялся, что Шиншилла с этих пор не станет требовать трюфельное пюре и охлаждённое шампанское.

– А! – Нана взяла Бена под локоть. – Вместо неё ты привёз другое красивое существо. Заходите в дом. Я готовлю достаточно еды, чтобы убить армию.

Тим рассмеялся, следуя за ними в дом. Лучшим в доме практически любой бабушки был запах – как детская присыпка и свежие цветы или, может быть, только

постиранные простыни, сохнувшие на солнце, или сахарное печенье, остывающее на решётке. Если бы учёные могли воспроизвести этот запах и распылить его на открытом воздухе, исчезли бы войны и целые армии променяли бы своё оружие на игрушки.

Дом Наны состоял из нескольких маленьких комнат, на стенах висели те же рамки и безделушки, которые находились там с детства Тима. Только фотографии изменились, когда дети в семье выросли. И конечно, картина, которую он привёз ей в прошлый раз. Она с честью висела в столовой. Помимо этого, вся мебель и побрякушки были успокаивающе знакомыми.

– У меня есть дела на кухне, – сказала Нана в маленькой гостиной. – Потом мы поедем.

– Я могу помочь, – предложил Бен.

– Нет, нет. Ты здесь гость. Расслабься. Можешь позже помыть посуду.

– Она шутит, – сказал Тим, когда она вышла из комнаты.

– Я не боюсь никакой посуды, – грубым голосом произнёс Бен.

– Забоишься, когда увидишь пир, который она готовит. В прошлый раз в доме не осталось чистой тарелки.

Бен указал на чёрно-белую фотографию маленькой девочки в летнем платье.

– Это ты, Гордита?

– Правильно «Гордито», и нет, это моя мама. Умник. Идём, я устрою тебе мини экскурсию.

Они прошли по комнатам на первом этаже, избегая кухни. Тим пытался выразить воспоминания, которые создал здесь, но большинство из них не были великими историями. Он просто играл со своей бабушкой или наблюдал, как она готовит его любимые блюда, даже если остальная семья ела что-то другое.

Наверху было несколько комнат и ванная. В швейной мастерской Наны Бен встал у окна, глядя на окрестности внизу.

– Здесь всё такое другое, – пробормотал он.

– Я знаю. В Штатах всё такое отполированное и презентабельное. А Мехико... часть города полностью расслаблена, как когда ты надеваешь потрёпанные старые спортивные штаны и остаёшься дома.

Бен отвернулся от окна.

– Мне нравятся такие дни!

– Да, мне тоже. Но в Мехико есть и свои вечера, места, где все выкладываются, чтобы произвести впечатление. Или иногда надевают скучную деловую одежду, или следуют последним модным трендам. Лучше всего, что эти места часто смешиваются. Подожди, пока не увидишь номер в отеле. Прямо посреди города, и всё же, там так уединённо и романтично, что твоё бедное сердечко взорвётся.

Бен посмотрел на него с любопытством, будто это были не лучшие новости.

– Ты должен быть туристическим агентом по Мексике, – сказал он, шагая по комнате, разглядывая детали. – Я понятия не имел об этой части твоей жизни. В смысле, ты упоминал, что твои родители привозили тебя на каникулы, но это совершенно новая твоя сторона. По крайней мере, для меня.

– Для меня тоже, в каком-то смысле. Со времён колледжа я стал приезжать сюда всё чаще. Обычно я еду на машине. В следующий раз ты должен поехать со мной. На пути тонны маленьких деревень, некоторые из них прямо как в кино. Лететь быстрее, но ты так много упускаешь. Тебе понравится!

Бен повернулся к нему.

– Уже планируешь нашу следующую поездку?

Тим кивнул.

– Может быть.

Бен скромно улыбнулся.

– Это «да»?

– Конечно. Записывай меня.

Тим усмехнулся.

– Хорошо. Если тебе повезёт, Шиншилла может даже разрешить тебе сесть спереди. Эй! Идём вниз. Я хочу тебе кое-что показать.

Вернувшись в гостиную, Тим открыл деревянную дверь на задний двор, который был просто полоской травы с пальмами по бокам и шатким старым забором. За всем этим, между деревьями, извивалась вода.

– Здесь раньше было огромное озеро, – сказал Тим. – Теперь озера нет, но система каналов осталась. И... ну, посмотри.

Как по команде, мимо проплыла длинная узкая лодка. У лодки была открытая палуба и тканевая крыша, которая была раскрашена достаточным количеством цветов, чтобы вызвать головную боль у Джексона Поллока. Туристы сидели на скамейке на борту, попивая пиво и глядя на них так, будто они были частью тура. Бабушка Тима жаловалась на гринго, будто громкие туристы существовали только для того, чтобы раздражать её, но затем она часто садилась здесь и махала рукой.

– Мы можем покататься на одной из таких? – спросил Бен по-детски.

Тим усмехнулся.

– Да, чёрт возьми! Но я хотел показать тебе это, потому что это типичный Мехико. Иногда он может выглядеть немного неряшливым и изношенным по сравнению с тем, к чему мы привыкли, но затем ты заходишь за угол илиходишь в правильное здание и находишь что-то, от чего тебе сносит голову. Что-то, чего ты никогда не найдёшь дома.

– Almuerzo! (*прим.: «Обед!» - исп.*) – крикнул голос из дома.

От озадаченного выражения лица Бена Тиму хотелось растаять.

– Это значит, что обед готов, – объяснил он.

– О, хорошо. Я голоден!

– Поверь мне, это последний раз, когда ты говоришь такое в доме моей бабушки.

* * *

– Вы не остаётесь здесь? Почему вы хотите отель?

Тим смотрел на Нану через стол, заставленный полупустыми тарелками и кастрюлями. Может быть, её английский её не подвёл, когда она сказала, что приготовит достаточно, чтобы убить армию. Тим сомневался, что даже сотня мужчин сможет съесть всё на столе и не взорваться.

– Мы не хотим доставлять тебе неудобства, – сказал Тим.

– Неудобства?

– Molestia.

– Думаешь, если мой внук будет здесь, это вызовет проблему?

Конечно нет, но это мешало его романтическим намерениям.

– Я уже забронировал номер.

Нана пренебрежительно махнула рукой.

– Твой отец всегда говорит то же самое. Моя собственная дочь никогда не спит здесь.

Нана – мастер играть на чувстве вины.

– Я бы хотел остаться здесь, – сказал Бен, подбадривающе кивая Тиму. – Это будет весело.

Тим посмотрел на Бена, представляя джакузи в отеле, приглушённый свет в номере, тихую музыку и мерцающие огни города за окном. В этом они нуждались. Не

в уютном комфорте бабушкиного дома. Он сосредоточился на Бене, пытаясь молча передать всё это. Он ведь не хотел на самом деле оставаться здесь, верно?

– Ты точно уверен?

– Да! – ответила за него Нана. – О, это хорошо. Мне лучше поскорее начать готовить ужин.

– Мы пойдём прогуляемся, – сказал Тим, натягивая улыбку. – Я хочу, чтобы Бен увидел не только твою столовую.

– Да, да, – сказала Нана. Она поиграла бровями. – Идите и будьте романтичными. Хотите взять мою машину?

– Нет, спасибо. Думаю, нам понадобится страсти этот обед. Готов?

Они с Беном с трудом поднялись на ноги, как беременные женщины. Немного упражнений и свежий воздух были единственным лекарством. Если бы они сейчас легли подремать, то, наверное, впали бы в кому. Кроме того, у Мехико был большой потенциал. Прогулка по улицам, поцелуй или два у ревущего фонтана, и они с Беном наконец начнут заново.

Глава 36

Вернувшись на улицы Сочимилько, где узкие аллеи казались коридорами, Тим терпеливо ждал, когда Бен поделится своим мнением о женщине, которую он так любил.

– Она классная, – сказал Бен.

– Да, – задумчиво кивнул Тим. – Круче, чем я думал. Мне казалось, ей будет неудобно. Она была одной из главных причин, по которой я не хотел признаваться.

– Я тоже из-за этого переживал, – сказал Бен. – Каждый ребёнок привык к тому, что родители злятся, и разочаровывать их – часть взросления, но бабушки – это святое. Когда они несчастны, это ужасное ощущение.

– Именно. Я думал, у неё будет разбито сердце. Но, кажется, она в порядке.

– Лучше, чем в порядке, – рассмеялся Бен. – Она потрясающая. Я рад, что мы остаёмся у неё.

Тим снова подумал о великолепном номере в отеле, но ничего не сказал. Позже он отменит их бронь, но сейчас он был намерен не унывать.

– Что ты хочешь увидеть первым? Национальный дворец? Какие-нибудь древние пирамиды? Кафедральный собор?

– Как насчёт вулкана, о котором ты говорил? Попо-о-нет, или как там.

Тим усмехнулся.

– Попокатепетль. Это, скорее, путешествие на весь день.

– Оу. Как насчёт того, чтобы покататься на тех лодках?

– Мы можем покататься сегодня вечером. Я больше не хочу сидеть, а ты?

– Думаю, нет. – Бен огляделся вокруг. – Я не знаю. Все такое новое, что любое будет интересно. Ты решай.

– Тогда хорошо. Поедем прямо в сердце города.

Они сели на поезд до Площади Конституции, огромной пустой площади посреди Мехико. Самая большая общественная площадь в мире впечатляла одним размером, но что-то во всём этом бетоне казалось слишком воинственным. Тим считал площадь идеальным начальным местом и ничем больше. Они бродили по городу, впитывая пейзажи и звуки. Тим продолжал тянуть Бена вниз по маленьким боковым улицам,

чтобы показать здания, которые превращались из впечатляющих в пёстрые и странные.

– Когда я был ребёнком, этот город казался мне страной чудес, – сказал Тим. – Ты заметил, какое все разномастное?

– Да. – Бен огляделся вокруг. – Больше никаких шаблонных окраин и торговых центров.

– Именно. Будто архитекторы здесь просыпаются каждое утро и говорят: «Ну, и что нам попробовать сегодня, чёрт возьми?»

– Некоторые из этих зданий выглядят немного самодельными, – осторожно произнёс Бен.

Тим рассмеялся.

– Некоторые из них, наверное, такие и есть, но это и делает их уникальными. Возможности бесконечны. Подожди, пока не увидишь здесь более современные здания.

– Это точно. Ты изучал архитектуру, верно?

– Да, и, Боже, это было занудно. Практические аспекты и близко не так круты, как мои мечты. Может быть, если бы я жил здесь, то остался бы заинтересованным, но в США у меня такое чувство, будто я учился строить самый лучший «Уолмарт».

– Но подумай обо всех людях, которым нужно купить дешёвое нижнее бельё и сыр за одну удобную поездку, – поддразнил Бен.

Тим пожал плечами.

– Тогда им придётся ходить без нижнего белья и голодать. Мне больше нравится рисование, потому что мне не нужно ограничивать своё воображение. Или переживать, что крыша упадёт на людей.

– В любом случае, рисование подходит тебе лучше, – сказал Бен, взяв его за руку.

– Да?

– Я так считаю. Ты выглядишь как спортсмен, но у тебя душа художника. Чего ещё может хотеть парень?

– Великолепный певческий голос?

Бен усмехнулся в ответ на эту лесть.

– Храброе сердце?

Теперь улыбка Бена потухла.

– Я не такой уж храбрый.

– Это не то, что я помню. На что ты уговорил скрывающего ориентацию подростка! Тебе нужно напомнить?

Бен немного покраснел.

– Нет необходимости. У меня очень хорошая память.

Тим оглядел его.

– Знаешь, мы всё ещё можем заскочить в тот номер в отеле, совсем ненадолго.

Бену было неудобно, он отпустил руку Тима, чтобы почесать нос, и не предложил её снова. Он направился к одной из главных улиц.

– Давай походим по магазинам. Думаю, вся эта прогулка по переулкам дала тебе неправильное представление обо мне.

Тон Бена был весёлым, но он больше не смотрел на Тима.

– Мне это кажется правильным представлением, – пошутил Тим, шагая сбоку от него, но Бен не рассмеялся.

Говоря о двусмысленных знаках! Что происходило? Они были в новом месте, их прошлое осталось позади, и чертовски сильно казалось, что Бен был заинтересован. Но каждый раз, когда Тим пытался сблизиться, это будто причиняло Бену боль. Дело в Джейсе? Его призрак последовал за ними даже сюда?

– Бен? – Тим потянулся и взял его за руку. – Пстой минутку.

Бен повернулся, выражение его лица резко остановило Тима. Он умел читать Бена, бегло знал язык его тела, но Тим никогда не видел этого раньше. Сообщение, которое выражало лицо Бена, было кристально ясным: «Не сейчас. Мы не будем говорить об этом сейчас».

Тим никогда не ожидал этого. От кого угодно, но не от Бена. Самая храбрая, самая смелая душа, которую он знал в своей жизни, избегала темы и просила Тима сделать то же самое.

– Поговори со мной, – попытался Тим.

Взгляд Бена смягчился.

– Давай просто немного походим по магазинам, ладно? – он сжал руку Тима. – Вот, что мне нужно.

– Ладно, – произнёс Тим, чувствуя, что угодно, но не уверенность.

Они походили по магазинам, но ничего не купили, так как Бен, казалось, был заинтересован только в просмотре. Во время этого Бен не вёл себя угрюмо. Он по-прежнему вёл небрежный разговор, Тим с радостью присоединился к нему, но это казалось скорее утешительным призом, чем чем-либо ещё. Когда их ноги устали, они отдохнули в кафе и выпили по фруктовому коктейлю, пока садилось солнце. Как бы Тим ни наслаждался наблюдением за людьми и восприятием видов и звуков, ему хотелось остаться с Беном наедине. Может быть, наедине раскроется правда.

Они сели на поезд обратно до Сочимилько, остановившись, чтобы проверить Нану, прежде чем направиться к лодкам на канале. Она нагрозила их остатками, которые Тим с благодарностью принял. Проносить еду и напитки на прогулочные лодки было нормой для местных, в то время как туристы полагались на находчивых людей, которые привязывали свои более маленькие лодки к прогулочным, чтобы продавать свои товары.

Большинство туристов уезжали из Сочимилько до наступления ночи, но некоторые оставались, чтобы повеселиться. К счастью, атмосфера сегодня была вполне спокойной. Они подошли к одному из владельцев лодки, чьи тёмные глаза заблестели, когда Тим заговорил на местном языке. Тим предложил мужчине намного более высокую цену. Ему хотелось, чтобы лодка принадлежала только им с Беном. Поторговавшись, капитан согласился, Бен находился в блаженном неведении во время всего разговора.

– Здесь мило, – сказал Бен, присаживаясь на длинную скамейку, стоящую на палубе.

Пара потрескивающих газовых ламп обеспечивала нужную атмосферу, пока лодка плыла по каналу, мир вокруг них темнел. В ночи были видны только огни окрестностей. Пока они плыли по воде, оставляя дома позади, звёзды на небе стали соответствовать лампам на других лодках на канале. Сквозь тихий звук рассекающих воду лодок, они слышали смеющиеся голоса.

Тим не обращал особого внимания на окружение. Его взгляд продолжал возвращаться к Бену, лицо которого было освещено пламенем, теней было как раз достаточно, чтобы создать иллюзию, что не прошло никакого времени. Бен поймал его взгляд и улыбнулся, прежде чем встать и подойти к носовой части лодки.

Тим пошёл за ним, подходя сзади и кладя руки на рёбра Бена.

– Время для момента из «Титаника»? Я тебя подниму, а ты споешь. Готов, Селин Дион?

Бен рассмеялся, потянулся вниз за руками Тима и обвил его руки вокруг себя.

– Это был правильный поступок. В этом мы нуждались.

– Да? – произнёс Тим, чувствуя себя более озадаченным, чем когда-либо.

Бен вздохнул.

– Прости за то, что было раньше. – Он повернулся к нему лицом, их бёдра прижались ближе, но Бен положил руку на грудь Тима, пока тот не сделал шаг назад. – И прости, если я продолжаю тебя динамить.

– Пожалуйста, поговори со мной, – сказал Тим. – Если это наказание за все те времена, когда я заставлял тебя гадать...

– Я не играю в игры, – сказал Бен, качая головой. – По крайней мере, не намеренно. Иногда у меня такое чувство, будто я могу сделать это, что мы можем начать сначала, но затем я вспоминаю и... – Бен опустил глаза. – Я через многое прошёл.

У Тима внутри всё рухнуло. Конечно же.

– Джейс, – произнёс он.

Бен кивнул.

– Ты многого не знаешь.

– Тогда расскажи мне! – в отчаянии сказал Тим. – Пожалуйста!

Бен сделал глубокий вдох и кивнул.

– Я не знаю, как много тебе рассказала Эллисон, но Джейс страдал от аневризмы. Он однажды был на волосок от смерти, и это было достаточно ужасно. Когда это произошло во второй раз... – Губа Бена задрожала. – Мы были вместе. Дома. Джейс хотел, чтобы я подержал его, что было странно, потому что обычно это он держит меня. Он знал, что не выживет, или сдался – я не знаю, но мы были в кровати, и я сделал то, что он сказал, хоть это и было чертовски больно. – Бен вытер глаза. – Он этого хотел, и я знаю, что это звучит глупо, но я думал, что если удержу его достаточно крепко, это всё изменит – что я не потеряю его. Я всё ещё обнимал Джейса, когда он умер.

– Должно быть, для тебя это было адом, – сказал Тим, сжимая челюсть. – И вот я, достаточно глупый, чтобы думать, что смогу просто влиться обратно в твою жизнь и снова сделать всё идеальным. Прости. Конечно, ты не можешь любить никого другого.

– Нет! – Бен сделал шаг вперёд, качая головой. – Ты не понимаешь! Я люблю тебя! Я так сильно люблю тебя, что едва могу сдерживаться! Всё, чего я хочу, – это прикоснуться к тебе, целовать тебя – что угодно, что сблизит нас, как только возможно. Но затем я вспоминаю, как больно было терять Джейса. – Бен схватил Тима за руку с дикими глазами. – Я знаю, ты считаешь меня смелым, но потеря Джейса практически сломала меня. Я не могу пройти через это снова. Мысли о том, чтобы наблюдать, как однажды умрёшь ты, одного образа достаточно, чтобы разбить мне сердце.

Тим притянул Бена ближе, поцеловал его в лоб, прежде чем прижаться щекой к его макушке. У этой проблемы не было решения, никакого способа гарантировать Бену, что никому не будет больно снова. Тим знал, какую боль приносит любовь. Эти двое были неразделимы, но любовь и боль научили его одному. Он поцеловал волосы Бена, отпустил его и сделал шаг назад.

– Джейс стоил этого.

Бен выглядел удивлённым.

– Что?

– Я даже не буду спрашивать, потому что вопроса нет. Джейс стоил того, чтобы пройти через всю эту боль, и ты стоил ада, через который мы прошли подростками. – Тим посмотрел Бену прямо в глаза. – Я не могу честно сказать, что я стою этого, но буду стараться и обещаю, что тебе не придётся смотреть, как я умираю. Не важно, что случится в будущем, я не умру первым.

Бен моргнул, и когда на его губах появилась улыбка, она принесла с собой вздох.

– Из всей лжи, которую ты говорил мне за все годы, эта самая красивая.

Тим покачал головой.

– Это не ложь. Не важно, как сильно мне придётся цепляться за жизнь, не важно, как много потребуется аппаратов для поддержания жизни и докторов, я не умру первым. Моя любовь к тебе достаточно сильна, чтобы заставлять меня жить. И когда наконец придёт твоё время, я не переживу потери и последую прямо за тобой.

– Ты не можешь этого обещать, – сказал Бен, но его глаза светились.

– Есть только один способ доказать, что я не прав, – ответил Тим.

Они проехали лодку, полную пьяных пассажиров, один из которых прокричал: «Юхууууу!», прежде чем они услышали громкий всплеск. Хорошо, может быть, он мог понять, почему Нану достали лодки, но вскоре вечеринка отправилась своей дорогой, оставляя их в вечернем спокойствии.

Тим обвил рукой плечи Бена, пока они вместе стояли лицом к воде.

– Значит, ты меня любишь, да?

– Слово любовь и вполтину не описывает этого чувства, – выдохнул Бен. – И ты прав. Джейс стоил этого. Как и ты. Просто сдержи это обещание, ладно?

– Будет сделано.

Вдали они слышали группу мариачи. У них тоже были свои лодки, которые возили музыкантов, играющих за деньги, и хоть Тим обычно считал музыку раздражающей, то, как песни легко парили в вечернем воздухе, делало их звук прекрасным.

Тим прижался носом к шее Бена, целуя его кожу.

– Возвращайся к столу. Мы должны съесть немного этой еды, иначе Нана никогда нас не простит.

Они поклевали остатки еды, предложив оставшееся забрать домой владельцу лодки. К счастью, у парня была огромная семья. Затем они выпили пива, глядя через воду, пока лодка медленно снова везла их домой. Их высадили прямо у дома Наны, где они протиснулись через щель в старом заборе.

Тим держал две бутылки, которые схватил по пути с лодки.

– Хочешь ещё пива, прежде чем мы пойдём?

Бен не ответил, глядя на него с выражением лица, которое, возможно, соответствовало выражению Тима. Он видел там страсть, но было и что-то большее. Интерес. Тоска. Любовь. Тим поставил пиво на землю.

– Мы начинаем заново, – сказал он. – Сегодня первый день нашего знакомства.

– Странное место для знакомства, – ответил Бен.

– Не прямо здесь, – сказал Тим. – Я встретил тебя ранее днём. Ты бродил по улицам с грустным видом.

– Почему я был грустным?

– Это первое, что я у тебя спросил.

– На испанском? – глаза Бена замерцали.

Тим усмехнулся в ответ.

– Тебе это нравится, да?

– Ну, – застенчиво произнёс Бен, – полагаю, я заблудившийся турист. А ты отзывчивый местный житель.

– Хорошо. Я подошёл к тебе и сказал: «Por qué estás tan triste, mi hermoso muchacho? Déjame que ahuyente esas nubes que ensombrecen tu rostro».

Бен оперся на стену дома.

– И я ответил: «А?»

Тим рассмеялся.

– Тогда я попробовал снова, на английском. «Прекрасный мальчик, почему ты выглядишь таким грустным? Позволь мне прогнать эти тучи с твоего лица».

- Как ты это сделаешь? – спросил Бен.
– Con un beso*. (прим.: «Поцелуем», - исп.)

Прежде чем Бен успел спросить, что это значит, Тим сделал шаг вперёд, чтобы показать ему, положив одну руку на стену и нежно прижимаясь губами к губам Бена. Затем он отстранился, наслаждаясь ответной улыбкой.

- Видишь? – произнёс он. – Вот он. Солнечный свет, даже посреди ночи.

Бен сделал глубокий вдох.

– Я грустил, потому что потерялся. Вот, что я сказал бы тебе. Но теперь, раз ты нашёл меня, может быть, ты можешь забрать меня с собой домой.

– И вот так мы оказались здесь. – Тим нервно усмехнулся. – Видимо, добирались до дома на лодке. Пойдём внутрь.

Бен кивнул.

В доме было тихо, единственный свет горел в гостиной. Тим поискал взглядом записку, которую оставила Нана. Они будут спать в мастерской. Взяв Бена за руку, он провёл его через дом наверх, чувствуя облегчение, когда они дошли до комнаты, не разбудив Нану. Задержав дыхание, он как можно тише закрыл дверь и повернулся к Бену. Затем они оба улыбнулись. Проскальзывание наверх в спальню определённо пробудило воспоминания.

Маленькая кровать в углу была только застелена. Бен присел на край и снял свои туфли. Тим нетерпеливо скинул свои, отчаянно желая оказаться рядом с Беном, но также знал, что значит этот момент. Последний раз, когда Бен делил с кем-то кровать, был во время его последних мгновений с Джейсом.

Тим выключил свет и открыл окно, впуская звуки ночи – движение, насекомые, голоса и плеск воды на берегу – все напоминания о разнице мира, в котором они находились. Если повезёт, это удержит вдали болезненные воспоминания. Затем он подошёл к кровати, на которой всё ещё сидел Бен.

Тим провёл пальцами по волосам Бена и наклонился для поцелуя. Бен взялся за него, отклоняясь назад и притягивая его следом. Они ёрзали и двигались, не разрывая поцелуя, пока забирались полностью на кровать. Тим снял рубашку Бена, затем свою, пока Бен разбирался с их брюками. Прежде чем он смог зайти слишком далеко, Тим обвил Бена руками и перевернулся, целуя его глубоким поцелуем, не желая больше ничего, кроме этого.

Если Бен хотел остановиться на этом, если хотел, чтобы Тим просто спал рядом с ним остаток ночи, он мог бы обойтись этим. Но даже в худшие времена они всегда разделяли одинаковый аппетит. Бен опустил руки к их ремням, и на этот раз Тим позволил ему делать то, что он хочет, подложив руки под голову, пока Бен заканчивал раздевать его, а затем встал, чтобы снять свою одежду. Тим бросил на него взгляд, Бен стоял у кровати, стягивая джинсы. В тусклом свете комнаты он был тёмным силуэтом, контуры его тела освещались светом от окна, шея блестела от слюны в тех местах, где Тим целовал его.

– Будь со мной, – произнёс Тим, протягивая руку. Он имел в виду больше, чем просто этот момент, этот простой акт. Бен ответил, забравшись в постель, и некоторое время они просто обнимали друг друга. Он ждал, что Бен заплачет, почувствовав облегчение, когда этого не произошло, но всё равно не спешил. Повернувшись на бок, он позволил своим пальцам пройти вверх и вниз по коже Бена, наслаждаясь дрожью, которую вызывал. Затем Бен начал отвечать, поглаживая руками тело Тима, прямо как было раньше, исследуя его.

- Есть какие-нибудь новые шрамы? – спросил Бен.

– Не те, которые ты можешь увидеть, – сказал Тим, но у него перехватило дыхание, когда Бен поцеловал его грудь, живот, а затем языком продолжил дорожку на юг.

– Подожди! – сказал Тим, хватая Бена за плечо. – Именно это я хотел сделать с тобой.

Бен задержался, с озорной усмешкой на губах.

– Мы начинаем заново, и, если помнишь, ты был первым.

– Это было тогда, – сказал Тим, но ему в голову пришла идея. – *Sesenta y nueve.* (прим.: «Шестьдесят девять», - исп.)

Бен сделал паузу, стараясь вспомнить свой школьный испанский. Затем он фыркнул.

– На твоём языке это звучит намного романтичнее.

– Я настроен не на романтику, – ответил Тим.

От взгляда Бена вспотел бы и вулкан. Отодвинувшись на край кровати, он поставил ноги по бокам от головы Тима. Тиму хотелось пошутить о Дамокловом мече, но вместо этого он застонал от удовольствия – Бен взял свой приз на другом конце. От ощущения Тим начал извиваться, прежде чем вернул контроль. Он положил руку на зад Бена, опуская его бедра ниже, чтобы вернуть услугу.

Они рискнули тихими стонами и поскуливанием, пока толкались их бёдра, повернулись на бок, затем обратно, пока Тим не оказался сверху. Хоть у него было такое чувство, что он может вечно кататься на этих волнах экстаза, ему хотелось вернуться к губам Бена, которые сводили его с ума. Тим быстро развернулся, поднимая одну из ног Бена плечом, стремясь к очередному поцелую.

– Как думаешь, мы можем... – Тим позволил вопросу повиснуть в воздухе.

– Есть смазка? – спросил Бен.

Тим оглядел комнату с безумной надеждой, найдя только швейную машинку, накрытые кружевными салфетками абажуры и статуэтку Девы Марии, которая казалась скорее надменной, чем шокированной. Тим рассмеялся.

– Полагаю, у Наны она закончилась.

Палец Бена проскользнул по грудным мышцам Тима, водя круги вокруг одного из его сосков.

– Помнишь, как мы раньше заменяли её? Пока я не набрался смелости в первый раз.

Тим улыбнулся от воспоминания, выравнивая бёдра. Обе руки Бена опустились, чтобы крепко сжать их члены вместе. Тим начал толкаться, глядя в глаза Бену, пока они заново открывали эту старую игру. Затем их охватили ощущения, Тим наклонился вперёд и поцеловал Бена, толкаясь сильнее и быстрее. Он переместил поцелуи на подбородок Бена, проводя языком по линии челюсти, прежде чем прикусить кожу на его шее. Естественной смазки Тима было достаточно, чтобы руки Бена стали скользкими. Он задумался, будет ли этого достаточно, чтобы заняться большим без нужды в смазке, когда эта мысль толкнула его за грань.

Мышцы Бена напряглись, дыхание перехватило, так что Тим продолжал двигать рукой, пока Бен не прикусил нижнюю губу, чтобы сдержать стон. Затем Бен выдохнул и расслабился. Тим нежно опустился на него, поддерживая себя как раз достаточно, чтобы не раздавить Бена своим весом. Их тяжёлое дыхание вскоре превратилось в приглушённый смех.

– *Ya no estás triste, mi mariposa hermosa?* – спросил он. – Больше не грустишь, моя прекрасная бабочка?

– Нет. – Бен покачал головой с одурманенной улыбкой. – Больше нет.

* * *

– Я ходила в новую церковь, – сказала Нана. Она вытянула ноги, откидываясь на спинку своего любимого кресла и шевеля пальцами на ногах, прежде чем опустила ноги обратно.

– Это хорошо, – ответил Тим, возвращая своё внимание обратно к испанско-английскому словарю, который листал. Возвращение в Мехико всегда заставляло его осознавать пробелы в его испанском. Недавно он пытался спросить у владельца магазина про лосьон после бриться, и вместо этого ему пришлось остановиться на «воде для лица».

– Если бы вы оставались на дольше, то могли бы пойти в церковь со мной, – продолжала Нана. – Вам бы понравилось.

Он в этом сомневался!

– Вы не можете остаться дольше? – надавила Нана.

– Нет. Билеты на самолёт забронированы, и даже если мы их поменяем, Бену нужно возвращаться на работу. Как и мне.

– Должно быть, он тебе очень нравится, раз ты привёз его сюда. Я всегда представляла, что однажды ты привезёшь красивую американскую девушку, чтобы познакомить со мной, но мне нравится Бен.

Тим прислушался, чтобы убедиться, что в душе наверху по-прежнему течёт вода, прежде чем вспомнил, что они говорят на испанском. Бен не понял бы, что они говорят о нём, даже если бы был в комнате.

– Я люблю его, Нана.

– Значит, ты построишь с ним дом?

Тим покачал головой.

– У него уже есть дом, как и у меня.

– Это места, не дома. Дом – это то, что вы создаёте вместе, – Нана убрала ворсинку с ручки кресла. – Два жилища! Как это будет домом?

– Без понятия, – признался Тим. – Думаю, он привязан к своему дому, а я не хочу оставлять свой.

Нана кивнула, будто в этом был смысл.

– Ты знал, что я никогда не хотела жить в этом городе? Я выросла в маленькой деревне и знала только её. Это всё, что я хотела знать. Твой дедушка был из Гвадалахары и тоже не хотел уезжать оттуда.

– Тогда как вы познакомились?

– Он занимался бизнесом с моим отцом, работал на банк, который хотел проверить свои вложения. Так что когда он приезжал посмотреть, что в компании всё идёт хорошо, его всегда приглашали на ужин. Так мы познакомились и продолжали встречаться. Когда он сказал, что хочет жениться на мне, я была счастлива, пока не узнала, что он хочет, чтобы мы жили в Гвадалахаре.

– И что ты сделала?

– Я сказала ему, что если я должна покинуть свой дом, он тоже должен покинуть свой. Я сказала ему найти новую работу в другом месте. Тогда я выйду за него замуж и перееду туда.

Тим рассмеялся.

– И так вы оказались здесь?

– Верно.

– Сумасшедшая старушка.

Нана с гордостью улыбнулась.

– Подумай об этом. Иногда дом можно создать только в новом месте. Переезжай сюда, в Мехико. Будь ближе к бабушке.

Теперь он понимал, что она пыталась сказать. Тим был согласен с Беном. Сейчас слишком многое связывало их обоих с Остином. Они не могли оставить это позади. Но в её словах всё равно могла быть мудрость.

– Мы не можем переехать сюда, но я постараюсь приезжать чаще. Хорошо?

Нана кивнула, будто удовлетворившись.

– В следующий раз вы пойдёте со мной в мою новую церковь. Священник, он моложе меня, но говорит, что любовь – не грех. Ты любишь женщину, ты любишь мужчину, ты любишь томат. Бог счастлив, потому что создал любовь.

Тим уставился на неё.

– Ты согласна?

Нана покачала головой.

– Никому не следует любить томат. Но в остальном – да.

– Тогда, может быть, ты можешь поговорить об этом с мамой.

Нана выпрямилась.

– Вы поэтому не проводите время вместе?

Тим пожал плечами, возвращая внимание к словарю. Он не хотел натравливать Нану на своих родителей, как бойцовую собаку, но надеялся, что она поднимет с ними эту тему. Может, это поможет. А если нет, Тим больше не будет переживать о последствиях. Нана была права. Ему нужен был свой собственный дом, своя собственная семья. Единственным вопросом было – как?

* * *

– Готов завтра лететь домой? – произнёс Тим, не скрывая беспокойства в голосе.

Бен посмотрел на него.

– Боишься, что я приду в чувства, как только мы приземлимся в Остине? – подмигнул он. – Прекрати переживать. Против всей логики и разума, я безнадежно влюблён в тебя с шестнадцати лет. Если я не отделался от этого до сих пор, то надежды для меня не осталось.

Тим усмехнулся.

– Рад это слышать.

– Кроме того, – сказал Бен. – В конце концов, прошлое нас догонит. Когда это произойдёт, мы встретимся с ним вместе.

Прошлое было забавной штукой. Они с Беном стояли на вершине пирамиды, их окружала зелёная поляна – Долина Мексики. На горизонте холмы и горы синели, исчезая в далёком небе. Они были здесь, на Пирамиде Солнца, части древнего города, построенного цивилизацией, которая возвысилась и разрушилась за века до империи ацтеков. Теотикуанцы никогда не думали, что их время подойдёт к концу, что через века туристы будут бродить по их городу с мобильными телефонами и камерами, намеренные заснять всё это на видео. Или что два парня-гея будут стоять на верхушке их самой высокой пирамиды и обдумывать совместное будущее.

– Я не хочу забывать, через что мы прошли, – сказал Бен. – Ничего из этого. Даже болезненные воспоминания принадлежат нам. – Он пожал плечами. – Это то, кто мы есть. Поездка сюда была просто помощью, чтобы встать на ноги.

– Правда? Я думал, мы сбегает вместе. – Тим подразумевал это как шутку, но так не прозвучало.

– Неа. Нам не от чего бежать. Больше нет, хотя в этой идее определённо есть романтика. – Бен толкнул его локтем. – Кроме того, как же Шиншилла?

– Она может поехать с нами.

– А Самсон?

– Непременно!

– И Эллисон тоже?

– Конечно, почему нет? – усмехнулся Тим. – И её муж. Чёрт, мы возьмём с собой весь Остин.

Бен сморщил нос.

– Это вроде как обнуляет весь смысл.

– Может быть. Мне просто тяжело представить, какой будет жизнь, когда мы вернёмся обратно в Остин. Я устал жить один.

– Оу. – Мгновение Бен смотрел на долину в тишине. – Да. Это немного странно. Мы с Джейсом собирали каждый пенни, который могли, чтобы купить тот дом. Там так много произошло. Хорошее или плохое, каждое воспоминание для меня особенное.

– Я понимаю, – мягко произнёс Тим. – В каком-то смысле я чувствую то же самое к дому, в котором живу. Мне не легко говорить об этом, но я был с Эриком в его последние моменты.

– Да?

Он кивнул.

– Мы были дома вместе, вместо какой-нибудь ужасной больницы... – Тим покачал головой. – Люди говорят о домах с привидениями так, будто это плохо, но не всегда это так. Не тогда, когда это привидение того, кого ты любишь.

Бен выглядел облегчённым.

– Я точно знаю, что ты имеешь в виду.

– Я рад. Так что идея того, чтобы я жил с тобой, кажется какой-то неуважительной к памяти Джейса, но также я не могу ожидать, что ты продашь свой дом и переедешь ко мне.

– Нет, – вздохнул Бен. – Мне не нравится ни один из вариантов.

Тим сглотнул.

– Если бы ничто из этого не было проблемой, ты бы хотел жить со мной?

Бен притворился, что раздумывает над этим.

– Да, но только если я не буду постоянно подавать тебе замороженную пиццу и колу, пока ты валяешься на диване.

– Эй, в старшей школе это работало!

– Тогда, может быть, по особым случаям. – Бен посмотрел ему в глаза. – Мы могли бы остаться там, где мы есть. Ты иногда будешь приходить ко мне в гости, или я буду ходить к тебе. Это сохранит отношения свежими.

– Я не хочу свежести, – сказал Тим. – Я хочу стать с тобой старым и пахучим. В конце концов, ты захочешь, чтобы я сыграл в ящик первым, просто потому, что тебе надоест быть рядом со мной.

Бен рассмеялся.

– Поверь мне, этого никогда не произойдёт.

– Как насчёт чего-нибудь нового? – произнёс Тим. – По-прежнему в Остине, но в месте, которое принадлежит только нам. Мы можем не спешить, выставить свои дома на продажу и посмотреть, что будет. Если их купят, мы оба принесём жертвы, оставляя что-то позади.

Бен пожевал губу.

– Этот дом – не Джейс. Я могу взять воспоминания с собой. Как и у тебя с Эриком, верно?

– Верно. – Тим подвинулся ближе, обвивая Бена рукой. – Итак, ты начнёшь со мной новую жизнь?

Бен украл у него поцелуй.

– Уже начал.

Эпилог

Двенадцать сезонов. Начиная с лета – как, казалось, всегда – но сейчас они оставляли очередное позади и вступали в осень. Три года совместной жизни в этом маленьком доме, окружённом деревьями, землёй и надеждой. Бен нашёл список недвижимости. Фотографии выглядели не особо хорошо, потому что дом был спрятан глубоко на участке. Как оказалось, это и заставило их влюбиться в это место.

Бен и Тим по-прежнему жили в Остине, но на окраине. У них была земля, достаточно, чтобы они редко слышали другие машины или видели какие-либо признаки цивилизации, не считая случайных самолётов над головой. Когда они были дома, мир существовал только для них, как однажды было в логове в доме его родителей или в подростковой спальне Бена. Их маленький мир после всех этих времён снова воссоединился. Остин по-прежнему оставался рядом, когда они нуждались в нём – галерея, театр, Эллисон и Марчелло. Но заканчивая, они возвращались домой, в уединение.

Конечно, они не были полностью одни. В самом начале их было четверо. Когда Шиншилла впервые встретила с Самсоном, глупая собака побежала прямо за котом. Самсон стоял на месте, терпеливо ожидая, пока Шиншилла не приблизилась достаточно. Затем он набросился – выставив когти – ударив Шиншиллу прямо по носу. Тиму болезненно припомнился первый раз, когда Джейс накинулся на него. Несмотря на это, закончилось всё спором о том, кто главный. Следующие два года главенствовал Самсон, в конце концов быстро подружившись с собакой.

Когда Самсон умер, это произошло тихо. Свернувшись в ногах Бена однажды ночью, он просто ускользнул. Бен плакал днями, Тим несколько раз присоединялся к нему. В каком-то смысле Самсон был последней частичкой Джейса, задержавшейся достаточно долго, чтобы убедиться, что Бен в норме. И теперь это было так. Бен больше никогда не будет один, ему никогда не придётся искать кого-то, кто его любит, потому что Тим делал это всем своим существом. Но терять часть их семьи всё равно было больно.

– Он всегда был котом Джейса, – сказал после этого Бен. – Теперь снова будет так.

Они похоронили Самсона в одном углу двора, посадив на его могиле цветы. Спустя год, цветы всё ещё были на месте – розовые, белые и жёлтые. Сейчас Тим поливал их, Шиншилла угрюмо стояла рядом с ним. Когда он закончил, она побежала через двор в поисках новой игры.

Тим вернулся к задней части дома, чтобы убрать лейку. Он прошёл мимо Бена, который растянулся на шезлонге с закрытыми глазами, впитывая солнце, с забытой книгой на коленях. Сердце Тима заколотилось. Почему он так боялся? После всего этого времени, после совместных лет, это должно было быть самой простой вещью в мире. Он ставил под сомнение свои мысли, медленно сматывая садовый шланг, а затем вернулся туда, где отдыхал Бен. Солнце закрыла туча, на его тело легла тень.

– Ты не спишь? – произнёс Тим так тихо, что подумал, что Бен мог не услышать.

Бен повернул голову, улыбаясь ему карими, как растопленный шоколад, глазами. От них Тим слабел, даже сейчас.

– Нет. Чуть не задремал.

– Хорошо. – Тим неловко стоял на месте. Может быть, это было неправильное место. Неправильное время. Но конечно, всё было правильно. Где ещё это могло произойти, кроме как в их собственном маленьком мире. – Эм, ты не мог бы сесть на секунду?

Бен выглядел озадаченным, но сел, свесив ноги с шезлонга.

– Ты в порядке?

Тим безумно хохотнул.

– Спроси меня об этом ещё раз через секунду.

Затем он потянулся в карман, достал кольцо и опустился на одно колено. Слова, которые он планировал, потерялись в горле. Он просто поднял кольцо и посмотрел на Бена с такой надеждой, что этого было достаточно.

А затем Бен расплакался, и Тим был уверен, что совершил ужасную ошибку, но когда снова выглянуло солнце, появилась и улыбка Бена. Выглядя таким же смущённым, как чувствовал себя Тим, Бен кивнул и протянул руку.

– Оу!

На пальце Бена по-прежнему было кольцо Джейса, но Тима это не беспокоило. Сейчас он чувствовал связь с мужчиной, который был достаточно умен, чтобы любить Бена с самого начала. В конце концов, Джейс был рядом с Беном в то время, когда Тим не мог, и за это он был вечно благодарен. Тим никогда не ожидал, что Бен снимет это кольцо, так что вместо этого потянулся к другой руке Бена.

– Есть причина, по которой Бог подарил тебе два безымянных пальца, – сказал он, надевая платиновое кольцо.

Мгновение Бен смотрел на него в изумлении, прежде чем обвить руками шею Тима и поцеловать его. По его щеке потекли слёзы Бена, Тим поднял его на ноги и прижал ближе. Пока сквозь деревья дул ветер, обрывая первые листья, они раскачивались под песню, которую могли слышать только они, их любовь теперь была идеальна, как будет всегда, до конца их наполненных летом дней.

Конец